

Ю. Басова

ЯСНЫЕ

Миссия — любовь

АСТ
Астрель
Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Ш70

Литературно-художественное издание

Басова ЮЮЮЮ

Ясные. Миссия — любовь

Редактор *М.П. Николаева*. Корректор *И.Н. Мокина*
Литературный агент *И.?. То??????*. Технический редактор *Е.П. Кудиярова*
Компьютерная верстка *К.С. Парсадяна*

Подписано в печать 19.07.11. Формат 84x108/32. Усл. печ. л.18,48.
Тираж 5000 экз. Первый завод 3000 экз. Заказ №

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

ООО «Издательство Астрель»
129085, г. Москва, проезд Ольминского, д. 3а
ООО «Издательство АСТ»
141100, Московская обл., г. Щелково, ул. Заречная, д. 96
Электронный адрес: www.ast.ru
E-mail: astpub@aha.ru

Басова, Ю.

Ш70 Ясные. Миссия — любовь /Ю. Басова. — М.: АСТ:
Астрель, 2011. — 384 с.

ISBN 978-5-17-0?????-? (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 978-5-271-?????-? (ООО «Издательство Астрель»)

Аннотация Аннотация Аннотация Аннотация Аннотация Аннотация Аннотация
Аннотация Аннотация Аннотация Аннотация Аннотация Аннотация .

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-0?????-? (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 978-5-271-?????-? (ООО «Издательство Астрель»)

© Басова Ю., 2011
© ООО «Издательство Астрель», 2011

Посвящается моему мужу, Александру, за его безграничную любовь и отменное чувство юмора, за веру в меня и горячую поддержку в любое время дня и ночи. За его мудрые советы и умение просчитывать ситуацию на несколько шагов вперёд. Мне очень повезло с тобой, дорогой!

Благодарности

Спасибо Ирине Горюновой, необыкновенной женщине и талантливому писателю, за столь оперативное вмешательство в мою творческую жизнь. За то, что она, несмотря на тотальную занятость, не зная покоя ни днём, ни ночью, разглядела-таки мой роман и взялась устроить его судьбу. За то, что вселила в меня уверенность, которая так необходима всякому начинающему писателю. Спасибо, тебе, Ира, за твою бесконечную заботу обо мне.

Мне невероятно повезло встретить на своём пути Алину Войнову, девушку, которая вызывает у меня восхищение своим профессионализмом и трудолюбием. Она сразу поверила в то, что у написанных мною романов есть будущее, и теперь с большим умением и изяществом руководит продвижением «Ясных». К тому же, нечасто удаётся встретить человека, чьи вкусы и взгляды на жизнь настолько совпадают с твоими собственными!

Благодарю своего самого первого читателя и подругу Дашу Карпухину, которая искренне интересуется тем, что я делаю, и всегда готова терпеливо выслушать меня. Я очень ценю это!

И, конечно же, спасибо моей милой плюшевой семейке за теплоту и понимание. Люблю вас.

Глава 1

НОВЫЙ ДРУГ

Филология — это интересно. Очень. А быть учителем русского языка и литературы — еще интереснее.

Так я подбадривала себя, подъезжая к пятиэтажному зданию, затерявшемуся в темном сосновом лесу. Это и был мой университет, куда меня недавно зачислили на первый курс.

В свои семнадцать лет я категорически не понимала, чему хочу учиться. Ну не может человек, получив аттестат, сразу понять: «Теперь я — юрист». Или: «Я — врач». Обычно нужно время, чтобы определиться. Иногда бывает, что кто-то только на третьем курсе факультета вычислительной техники понимает: «Ой! Да я же — артист». А время уже упущено, да и голова совсем другим забита. Приходится этому человеку доучиваться, всю жизнь заниматься нелюбимым делом и жалеть потерянного времени.

Осознавая все это, я тем не менее отправилась получать высшее образование сразу после школы. Университет выбрала по единственному критерию: факультет русского языка и литературы находился на 47 километре Калужского шоссе, рядом с моим домом. В этом же здании располагался и факультет РКИ — «русского как иностранного языка», где обучались студенты, приехавшие в Россию из-за рубежа.

Итак, главным для меня оказалось не стоять в пробках и не просыпаться спозаранку. Что же до интереса к русскому языку в целом и к педагогике в частности, то я не сгорала

от нетерпения поскорее сесть за парту. Насиделась в школе, которую с облегчением покинула в этом году.

Учителя считали меня способным ребенком. У меня не было двоек и троек, я всегда училась «ровно», обнаруживая одинаковые способности в математике, физике, истории, химии и физкультуре. Мне было бы несложно поступить в любой другой вуз, но я не видела в себе стремления ни к какой конкретной профессии. Приходилось только надеяться, что когда-нибудь мне станет ясно, кто я на самом деле.

Я припарковала свою «Мазду» на небольшой полупустой стоянке перед факультетом. Одна из машин сразу привлекла мое внимание: новенький «Рэйнджер» с внушительного размера аэрографией на капоте. В затейливом рисунке были соединены две, казалось бы, несовместимые темы — звездное небо и огонь. Это было сделано так талантливо, что я даже остановилась, разглядывая красоту.

Вдоволь налюбовавшись необычным автомобилем, я направилась к главному входу. Возле него уже собиралась небольшая толпа. Студенты сбивались в группки и что-то оживленно обсуждали. Видимо, успели перезнакомиться за первую неделю.

Я пришла учиться позже остальных, потому что моя мама смогла взять отпуск и свозить меня на море только в самом конце августа. «Отдохнуть перед учебным годом — твоя святая обязанность, — бескомпромиссно изрекла она, — и не меньше недели». Учиться не хотелось, так что я не спорила, а послушно поехала скучать в Испанию. Получала там ежедневную и обязательную порцию ультрафиолета, купалась в море и отбивалась от назойливых поклонников. Потом прилетела в Москву, погуляла по бульварам, поглазела на здания и поняла, что хочу к себе, за город. На следующее утро собралась и поехала в университет. Учиться.

Раньше я здесь не бывала, хоть и живу недалеко. Территория всегда была закрытой, въезд — только по про-

пускам. Даже вступительные экзамены проходили в основном, московском корпусе.

Здание университета было старым, сталинских времен. Облицованный кирпичом фасад и затейливая архитектура наводили на мысль о некогда важном предназначении факультета.

Основной филиал нашего Международного лингвистического университета втиснут в узкие переулки Старого Арбата. С утра, по московским пробкам, я туда не доеду и за два часа. А сюда добралась за семь минут. Красота!

Я невольно улыбнулась, поднимая себе настроение. Захотелось задержаться на массивной гранитной лестнице, ведущей внутрь здания, и вдохнуть полной грудью прекрасный сентябрьский воздух с привкусом солнца. Невероятно, но следующие пять лет моей жизни будут неразрывно связаны с этим местом. Если, конечно, я буду старательно учиться и успешно сдавать экзамены и зачеты.

Я напряженно вглядывалась в гудящую толпу студентов и старалась различить отдельные лица, глаза, улыбки, жесты — то, что позволило бы мне сродниться с этими людьми, лучше их понять, а впоследствии и полюбить.

Через пару минут я поняла очевидное: основная часть студентов — девушки. Мне пришлось долго шарить глазами по двору, заполненному девчонками, чтобы углядеть хоть одного парня. Наконец я увидела веснушчатого тощего юношу с ранцем за спиной. Среди щебечущих девичьих группок этот одинокий очкарик был чем-то вроде лопуха в розарии. Но он мне нравился уже тем, что был парнем: я плохо схожусь с особами женского пола.

Действительно, в большинстве своем дамы меня не жалуют. Причем все — от младениц до старушек. Даже моя мама — не исключение. Более сложных и запутанных отношений, чем наши, я, пожалуй, не встречала.

Другое дело — мужчины. Они обожают меня. Готовы ради меня на все. Но здесь их, похоже, почти нет.

Впрочем, как и в большинстве педагогических университетов.

Я вздохнула и решила посмотреть расписание занятий. Нашла на доске номер аудитории, где проходила первая лекция моей группы, задумчиво угукнула и придирчиво оглядела себя в зеркале. Темно-русые, чуть выгоревшие на солнце локоны лежали на плечах. Глаза, почти черные от волнения, ярко выделялись на смуглом лице. Я поправила непослушную челку и зашагала на занятия.

Похоже, я пришла последней. Все места в небольшой аудитории были уже заняты. Оставался всего один стол в самом последнем ряду — туда я и направилась, игнорируя любопытные взгляды.

По непринужденной атмосфере, царившей в аудитории, было ясно: здесь все, кроме меня, давно и неплохо знакомы друг с другом. Я вспомнила, что некоторые спецшколы ориентированы на конкретные вузы, и их выпускные экзамены принимаются университетом как вступительные. Таким образом, целый класс из школы может напрямую попасть в один университет. Удобно для них, а для меня — не очень...

Как только я уселась, ко мне тут же подошла пышная брюнетка, похожая больше на классную руководительницу, чем на студентку. «Вот из кого получится отличная учительница!» — подумала я. В своем строгом шерстяном костюме не по сезону и круглых больших очках в роговой оправе она казалась значительно старше остальных.

— Привет! Я — староста. Меня зовут Таня Изотова, — сказала брюнетка.

— Привет! — улыбнулась я.

— Ты здесь кого-нибудь знаешь? — громко спросила она.

— Нет. А ты? — машинально отреагировала я. Вопрос — глупее не придумаешь, но было уже поздно.

Таня усмехнулась и невозмутимо сказала:

— Да. Мы здесь все из одного класса.

Мне стало неудобно.

— Я что, здесь одна... такая?

— Одна, — спокойно ответила староста, — ну, ничего, ты обязательно с кем-нибудь подружишься.

«Успокоила, — подумала я. — Ну уж нет. Здесь дружить категорически не с кем. Хотя...» За соседним столом я заметила бледного худого юношу, смотревшего прямо на меня. Для этого ему пришлось сесть вполоборота и смешно вытянуть шею. Мне он показался довольно высоким — ну или необычайно длинноруким. Парень был одет в лиловый пуловер с огромными пуговицами и синие потертые джинсы. Я улыбнулась ему искренне и прямо, как всегда улыбаюсь парням. Он ответил блуждающей, какой-то женственной ухмылкой и отвернулся.

Все понятно. Голубой. Только они так улыбаются в ответ на прямое послание. Язык полов не был для меня тайной лет с тринадцати — талант, черт его побери!

Откинувшись назад, я пристально посмотрела на худую спину парня. Он обернулся и опять стусевался, как девчонка, опустив глаза. Надо было наладить контакт с этим нетрадиционным красавцем — мне не хотелось оставаться здесь в гордом одиночестве.

Рядом с юношей сидела девица властного вида, наблюдала за нашими переглядываниями и неодобрительно морщилась. Ей это очень не шло. Более человеческое выражение лица прибавило бы шарма этому несимпатичному персонажу. Ее беспорядочно разметавшиеся по плечам жидкие светлые волосы смотрелись довольно неухоженными; мне хотелось взять ножницы и сделать ей стильную стрижку, чтобы, как в кино, превратить неопрятную дурнушку в изысканную модницу. Но одной стрижкой дело было не решить — трикотажная белая кофта с люрексом, уныло повисшая на невзрачной девице, явно знавала лучшие времена.

— Антон! — вдруг сказала она, не глядя на своего соседа по парте. — Если хочешь пересесть за другой стол — я не возражаю.

Не знаю, чего она ожидала от парня, — может, извинений? Но он послушно собрал свои вещи и робко подошел ко мне.

— У тебя не занято? — спросил он.

— Садись, — радушно пригласила я.

Он неловко плюхнулся на стул.

— Что это с твоей бывшей соседкой? — тихо спросила я. — Она что, влюблена в тебя?

Парень весело хмыкнул:

— Да нет, просто в одном классе учились. Сидели тоже за одной партой. Ее Марина зовут.

— А меня — Мила, — запоздало представилась я. — Мила Богданова. Ты — Антон?

— Да.

— А фамилия? — поинтересовалась я.

— Рейер.

Лекция уже началась, и рослый пожилой профессор начал неторопливо рассказывать о зарубежной литературе восемнадцатого века. Антон методично записывал все в толстую тетрадку, а я просто слушала, увлеченная образной речью педагога.

Группа, как я заметила, была очень прилежной. Все старались не упустить ни слова из лекции, записывая каждый фрагмент повествования.

— А вы, девушка, почему не записываете? — неожиданно спросил профессор, вырастая передо мной.

Я растерялась, но сразу виновато улыбнулась, стараясь исправить негативное мнение о себе:

— Сегодня я присутствую на лекции впервые. Хотелось просто послушать.

Профессор расплылся в ответной улыбке:

— А почему вас здесь раньше не было? Неделю целую учимся.

Я тепло посмотрела на профессора и пообещала самым сладким голосом:

— На ваши лекции я теперь буду ходить всегда. Что бы со мной ни случилось.

Дедуля явно поплыл. Я чувствовала себя немного виноватой — еще один влюбленный, — но не хотелось ссориться с педагогом в первый день занятий.

— А за нее теперь Рейер лекции писать будет, — тихо буркнула Марина кому-то из своих соседок.

Девица явно меня невзлюбила. Судя по недовольным взглядам других студенток, остальные были на ее стороне. Отлично, Мила. Как всегда, в своем репертуаре.

В перерыве между лекциями мы с моим новоиспеченным другом отправились в буфет. Я сразу поняла, что он мне очень подходит: Антон болтал как девчонка, но женской неприязни ко мне не испытывал. Он рассказал немного обо всех, а затем спросил, сделав круглые глаза:

— Ты, вообще, о главном в курсе?

— О чем?

— Ну, о Роберте Стронге, знаменитом актере?

Я равнодушно пожала плечами:

— Видела пару фильмов с его участием. Крутые такие боевики со стрельбой и драками, типа бондианы. Там еще каждые две секунды разбивают по машине.

— Тебе он нравится?

— Кто? — не поняла я. — А, Стронг? Ну, не знаю. На экране он красивый, с роскошной фигурой. Дерется хорошо. Стреляет из двух стволов одновременно. Только я уверена, что это все — спецэффекты. А мышцы — результат длительного приема стероидов. Как он мне может нравиться, если я его в жизни не видела? Может, он и не мужчина вовсе, а так — жалкое подобие?

Признаться, говоря так, я немного лукавила. Однажды я увидела фильм со Стронгом — не боевик, а пронзительную мелодраму, где были обнажены такие глубины человеческой души, что я долго не могла оправиться от некоторых

открытий. В конце фильма главный герой погибал — и, рыдая, я поняла, что люблю этого мужчину, а после неделю ходила такой несчастной, будто у меня жениха убили. А еще жалела о том, что в реальной жизни шансы познакомиться с таким парнем равны нулю.

— А мне он кажется просто красавцем, — признался Антон, прерывая мои размышления.

— Да, — согласилась я, — лицо такое необычное. Странное. Очень одухотворенное.

Антон улыбнулся:

— Ты думаешь, почему я тебя о нем спросил?

— Не знаю.

— Он сейчас учится в нашем университете.

Я чуть не упала со стула, поперхнулась чаем и закашлялась. Антон снисходительно постучал меня по спине, дождался, пока мое дыхание восстановится, и воодушевленно продолжил:

— У нас даже есть совместные занятия два раза в неделю. Он изучает русский язык на факультете РКИ, а мы, как педагоги, должны уметь преподавать знания иностранцам. Вот нам и устроили практический семинар. Наши бабы от него просто без ума. Да и я тоже.

— Дела-а... — выдохнула я, стараясь, чтобы Антон не заметил моего волнения.

— И знаешь, — парень решил добить меня окончательно, — в жизни Роберт намного красивее, чем в кино. И мышцы — все настоящие, я его на прошлой неделе видел в университетском бассейне.

— А когда будут эти общие занятия? — робко поинтересовалась я.

— Сегодня. Ты что, расписание не читала? Они проводятся по понедельникам и четвергам. Там так и написано: совместный семинар группы Д-46 и ВК-13. Мы — это Д-46, если ты не помнишь.

Перерыв закончился, и мы поспешили на продолжение лекции.

Конечно, мне было уже не до витиеватых метафор, которыми пересыпал свою речь профессор Кременчугов. Я все думала о том, какой у нас крутой университет, если здесь учатся выдающиеся личности, подобные Роберту Стронгу.

— Слушай, а чего он в Россию-то приехал? — Я нетерпеливо толкнула в бок своего соседа по парте.

Парень оторопело взглянул на меня. Он внимательно слушал профессора, а я явно мешала; но Антон терпеливо разъяснил:

— Если ты про Стронга, то все просто. Один российский режиссер, фамилия у него какая-то замороченная, пригласил его сняться в нашем фильме. Ну, как, в нашем. Спонсируют его и американцы, и англичане, и русские.

— Совместный проект, — кивнула я.

— Типа того. А он вроде как давно хотел изучать русскую культуру и словесность, поэтому сразу ухватился за предложение.

— И как его русский?

— О! У него-то как раз все в полном порядке. Лопочет очень бойко. Видимо, давно учит язык. А вот у тебя, если не будешь слушать лекцию, могут возникнуть большие проблемы на экзаменах.

Сказав это, Антон демонстративно отвернулся и стал записывать каждое слово преподавателя.

В перерыве я оставила парня с девочками из нашей группы, и они все вместе сразу же начали обсуждать профессора. Они явно были в восхищении, сравнивая Кременчугова с великими старыми артистами МХАТа. Я украдкой вздохнула — их необычайный восторг разделить не могу. Мне лекция показалась невыносимо скучной; стало быть, я все же неправильно выбрала профессию. Что ж, посмотрим, как пройдут остальные занятия.

Следующая пара должна была свести нас со Стронгом. Внезапно мне стало душно, и я поспешила выйти на улицу. Был приятный сентябрьский денек, самое начало бабье-го лета. Теплый ветер играл еще зеленой листвой, воздух

был полон какой-то особенной истомы, а птицы пели, будто в последний раз. «Сколько еще будет таких дней перед тем, как зарядят дожди?» — размышляя, я зашла в самую чашу темного соснового леса. Голоса студентов все еще раздавались где-то рядом, но самого здания университета уже не было видно.

Я присела на поваленную корягу и закрыла глаза. Не открывая глаз, сняла обувь, чтобы ощутить ступнями мягкую почву, усеянную сосновыми иглами. Шум деревьев, тихий шепот ветра — именно эта музыка влекла меня, заставляя жить за городом.

Вдруг где-то сбоку треснула ветка, и я вскинулась, резко открыв глаза. Мне показалось, что я чувствую чей-то взгляд: светящийся, бесстрастный, он обжигал почти физически — и никак не мог быть человеческим. Мне стало страшно. Я вскочила на ноги и, подхватив туфли, быстро пошла к университету. Где-то сбоку под напором ветра за скрипела сосна; подпрыгнув, словно перепуганная кошка, я прибавила шаг.

Глава 2

ЗНАМЕНИТОСТЬ

На семинар я, конечно же, опоздала.

Холл факультета опустел, все разошлись по аудиториям, а я понеслась к доске с расписанием занятий. Надо было выяснить, в каком кабинете состоится показательный бой между российскими и иностранными студентами. Хотя почему бой? Может, семинар будет проходить в теплой, дружественной обстановке?

Кабинет 525 оказался, конечно же, на пятом этаже. Я бросилась к лифту, но тот был занят. Не желая ждать, я понеслась вверх по лестнице, перепрыгивая через ступеньку.

Наверное, у меня был очень растрепанный вид, когда я ворвалась в аудиторию под номером 525. Резко распахнув дверь, я остановилась. Приблизительно сорок человек удивленно разглядывали меня. Послышались тихие смешки.

Я почувствовала, как краска заливает мое лицо. Слава богу, сидящий неподалеку Антон махнул рукой, и я поспешила занять свое место рядом с ним.

Строгая женщина в сером старомодном костюме громко приказала:

— Девушка, встаньте!

Не было никаких сомнений, что педагог обращается ко мне. Я неуверенно поднялась.

— Представьтесь, — продолжила эта дама тоном, не предвещавшим ничего хорошего.

— Мила Богданова.

— Мила? Может быть, Людмила? — уточнила она.

— Нет, просто Мила, — настаивала я, — по паспорту.

— Так вот, Мила... хм... Странное у вас имя. Если вы или кто-то из здесь присутствующих еще раз опоздает на мой семинар, то я ставлю «пропуск» рядом с его фамилией. Считайте, что на занятии вы не были. Мой предмет является основным в учебной программе всего курса. Не посещая его, вы ставите под угрозу все ваше пребывание в этом учебном заведении.

Женщина в сером костюме строго посмотрела на меня, и я пристыженно опустила голову.

— Разумеется, мои слова не касаются наших иностранных коллег, для которых этот предмет является факультативным, — чуть мягче добавила она.

Я не понимала, что делать — сесть за парту или продолжать стоять на месте, мозоля глаза всем присутствующим. Меня явно поставили здесь, у всех на виду, в назидание остальным, чтобы в следующий раз ни у кого не возникло желания опаздывать. Судя по надменному и насмешливому взгляду педагогини, она была рада именно меня сделать козлом отпущения. Еще одна...

Зато мужская часть аудитории (иностранная группа состояла в основном из парней) оценила меня по достоинству. Я чувствовала на себе их изучающие взгляды. Черная испанская майка с огромным вырезом демонстрировала мой свежий загар самым выгодным образом.

Один взгляд заставил меня обернуться. Прославленный английский актер сидел прямо за мной и изучал мою спину. Видимо, я была слишком взволнованна, когда шла к своему столу, поэтому и не увидела его.

Я не смогла справиться с захлестнувшими меня эмоциями и уставилась на своего кумира радостно и преданно, будто молодой спаниель. Он встретил мой взгляд холодно, почти враждебно. Несомненно, это был Роберт Стронг. Вот и познакомились. Более неприветливого парня я еще не встречала.

— Для вновь прибывших. Меня зовут Семипалатова Нина Валентиновна, — забасили мне прямо в ухо, — вы можете сесть, Богданова. Больше не опаздывайте.

«Нелегко будет сдавать ей экзамен», — подумала я и приготовилась к очередной скучной лекции, рассчитывая, впрочем, пару-тройку раз оглянуться назад.

Я стала продумывать тактику поведения. Интересно, что лучше — уронить ручку, а потом ее поднять, выпрямиться и глянуть на парня или отлучиться в туалет и по пути к своей парте хорошенько изучить Стронга? Антон толкнул меня в бок и зашипел:

— Семипалатова требует от нас активного участия в семинаре, не спи.

Занятие, вопреки моим ожиданиям, оказалось вполне интересным. Нас поделили на группы, и каждой дали свое задание. Мы должны были в доступной игровой форме объяснить иностранцам некоторые явления в русской речи. Надо было придумать примеры, иллюстрации. Мы с Антоном предложили даже разыграть небольшую сценку на тему синонимов и антонимов.

Наша небольшая группа состояла из четырех человек: меня, Антона, вредной Марины и еще одной девочки, имени которой я не знала. Девчонки не принимали участия в обсуждении нашего выступления. Они просто стояли чуть поодаль, прислушиваясь к тому, что придумывали мы с Антошкой. Мы же с огромным энтузиазмом планировали свой маленький спектакль. Наконец, когда настала наша очередь, Антошка посадил меня к себе на спину, и я, изображая всадника, заорала:

— Н-но! Вперед, мой Буцефал!

Антон встал на дыбы, на ходу выкрикивая заготовленный текст, состоящий из антонимов. У нас получилось что-то вроде поэмы. Конечно, это больше всего напоминало банальный студенческий капустник, но мне было весело. Антону, как и мне, безумно нравился наш незапланированный спектакль.

Я на ходу спрыгнула с «Буцефала» и выпалила свою часть текста. Мы решили «выдать» примеры синонимов в песенке, напоминавшей одновременно частушку и балладу. Нехитрый текст сочиняли на ходу, «поймав» вдохновение. Я театрально прикрывала глаза и раздражалась громкой тирадой. Мой скакун тоже не молчал. Нас несло.

Потом мы долго не могли закончить выступление и еще минут пять импровизировали под одобрительный хохот парней из иностранной группы. Девушки единодушно молчали.

Наконец мы закончили. Парни захохотали и зааплодировали. Я пробежалась глазами по публике — понятно, чье мнение интересовало меня больше всего; но Роберту, кажется, наше выступление совсем не понравилось. Его красивое лицо оставалось непроницаемым, а прекрасные серые глаза смотрели куда-то мимо меня. Роберт Стронг, задумчивый и печальный, вертел в пальцах золотую ручку «Картье» и не обращал на нас никакого внимания.

Нина Валентиновна выстроила всю нашу группу напротив иностранцев, и мы стали обсуждать ошибки. Она стала спрашивать, какое объяснение больше всего понравилось. Парни, среди которых были англичане, французы, американцы, китайцы и даже один индус, выбрали нас с Антоном, единодушно заявив, что на всю жизнь запомнят разницу между синонимами и антонимами.

Семипалатова спросила:

— Всем ли было понятно изложение материала в форме театрального представления?

Она обвела строгим взглядом присутствующих. Все закивали, и тут послышался чистый, хорошо поставленный голос, который я узнала бы из тысячи:

— Мила, вы ведь будущий педагог, не так ли?

Фраза прозвучала так резко и так неожиданно, что я даже растерялась. Во-первых, сказана она была на хорошем русском, почти без акцента. Было сложно поверить, что так может говорить иностранец. Во-вторых, странно

было слышать человека, который еще минуту назад находился в состоянии полной отрешенности. Тем не менее Роберт Стронг запомнил мое имя. Он задал сложный вопрос, и мне пришлось соврать:

— Да, наверное.

— И вы планируете каждый раз так объяснять материал вашим ученикам?

Я растерялась. Конечно, никто не будет изображать бесстрашного всадника на уроках, объясняя, к примеру, фонетику. Но сейчас, в свой первый день в университете, мне очень хотелось вспомнить прошедшее детство. Подучиться и поиграть. Как объяснить ему это?

— Так вам было что-то неясно, Роберт? — нежно, почти певуче, спросила Нина Валентиновна. Похоже, старушка тоже смотрела ту пронзительную мелодраму.

— Нет, что вы, — спокойно ответил он, удостоив, наконец, меня взгляда бездонных серых глаз, — я просто не думаю, что можно так играть всю жизнь. Ведь профессия — это надолго.

У меня внутри все сжалось. Англичанин попал в точку. Я совсем не была уверена, что готова много лет подряд объяснять заученный материал скучающим школьникам. Я не представляла себя в строгом учительском костюме. Мне совсем не хотелось заносить оценки в классный журнал и обедать в школьной столовой.

Роберт смотрел на меня насмешливо и надменно. Было ясно, что он угадал мои мысли. Я рассердилась: «Черт побери! Кто он такой, чтобы испытывать меня? Ладно, пусть этот Стронг сразу увидел, что я не очень-то гожусь для педагогики, но так откровенно меня критиковать! Он что думает — я сразу же признаюсь, что мне здесь скучно и брошу университет, в который только что поступила?!»

— А вот вы, Роберт, — я перешла в наступление, — вы выбрали профессию, где тоже надо постоянно играть. И если вы хотите быть всегда на гребне славы, вам придется это делать всю жизнь.

Англичанин сверкнул глазами, и мне стало не по себе. На секунду показалось, что он сейчас перепрыгнет через парту, схватит меня за шкуру и будет трясти до тех пор, пока все каверзные вопросы не испарятся из моей дурной головы. Было в его взгляде что-то странное, пугающее, необузданное. Однако уже через мгновение все переменялось.

— Я нашел способ отдохнуть от игры. — Стронг снова казался спокойным, и лишь легкий акцент выдавал его волнение.

— И какой? Расскажите, Роберт! Нам интересно, — немедленно влезла в разговор Семипалатова.

— Я сейчас больше продюсер, чем актер. И могу выбирать себе роли. Если мне нравится какая-нибудь из них и она задевает меня за живое, я снимаюсь. Если же для меня все ясно и в подобной роли уже приходилось сниматься ранее, я поручаю ее другому актеру. Вы видели мой последний фильм с Эваном Макгрегором?

Спросив это, он окинул меня насмешливым взглядом. Я сглотнула и поежилась, не найдя ответа.

Семинар закончился, и я первая выбежала из аудитории. Мне было не по себе.

— Ну, ты и отличилась, — раздался где-то сзади голос Антона.

— Ты о чем? — я сделала вид, что не понимаю.

— Разговорила самого Стронга! У нас уже было два совместных семинара, но он предпочитал отмалчиваться.

— Знаешь, это ведь не светская беседа была. Мы, типа, даже поссорились при всех.

— Брось. Было прикольно, — утешил меня приятель и удостоился молчаливой благодарности в ответ. «А он неплохой парень, этот Рейер!»

— Слушай, а сколько ему лет? — спросила я чуть погодя, когда мы стали спускаться по лестнице.

— Двадцать два. Я это запомнил, потому что он на пять лет старше меня.

— Двадцать два! И он уже успел сняться в стольких фильмах?! Невероятно!

— А чего ты хочешь? Его заметили, когда ему было то ли семнадцать, то ли восемнадцать. И сразу — главные роли в Голливуде. Они и принесли ему бешеную популярность.

— Что у нас еще сегодня? — поменяла я тему.

— Еще две лекции и один семинар.

Я обреченно вздохнула, выражая полную покорность нелегкой студенческой доле, и взяла Антона за руку:

— Пойдем подышим воздухом?

Внезапно я почувствовала, что за мной наблюдают.

Один человек быстро промелькнул в зеркале и сразу исчез, будто его и не было. Другой никуда не прятался — это был Роберт Стронг. Он стоял в большом холле первого этажа, рядом с лестницей, и насмешливо разглядывал меня.

Увидев, что я беру Антона за руку, он нахмурился, но его глаза продолжали внимательно изучать меня. Я улыбнулась ему, но, вопреки ожиданиям, не увидела ответной улыбки, — наоборот, он помрачнел, будто вспомнил что-то неприятное.

К нему подошли двое — красивый темноволосый юноша крепкого телосложения и девушка, хрупкая, невысокая брюнетка с огромными голубыми глазами. Роберт посмотрел на нее с какой-то особенной нежностью, страшно меня этим обидев (непонятно только, почему?); и я, прихватив Антона, отправилась на улицу.

Мы уселись на лавочку перед входом в университет. Массивная деревянная скамья была старой, но крепкой, испещренной затейливыми каракулями. Чего только с ней ни делали поколения студентов! Об нее тушили сигареты, открывали пивные бутылки, царапали ножом. О ее щербатые края легко можно было порвать самые крепкие колготки — слава богу, что я всегда предпочитала джинсы. И, конечно же, она вся была изрезана надписями. Где-то

сбоку даже значился 1953 год. «Наташа и Нина, 1969», «Катя, Аня и Егор, 1975» — гласили послания на скамье.

— С ума сойти, — вдруг сказал Антон, — они все здесь сидели, как теперь мы с тобой. Молодые, веселые. Учились в институте. А сейчас? Они уже старые, наверное. Или умерли давно.

Я поняла, чего боялся этот парень с нетрадиционными взглядами на секс: старости. Даже сейчас, в свои семнадцать, он уже думал об этом. «Наверное, каждый день рассматривает свое лицо в поисках первых морщинок», — подумала я. Меня старость не пугала: счастье зависело от меня самой, а не от возраста. Чтобы не расстраивать приятеля, я сменила тему разговора:

— Те двое с Робертом — кто они? Странные какие-то.

— Девушка — его сестра. Ее зовут Лиза Стронг. Парень — лучший друг, Герберт, — обстоятельно объяснил Антон.

Я обрадовалась тому, что красотка с длинными ресницами и ясными голубыми глазами — не девушка Роберта. Странно, они совсем не были похожи. Совсем. Он — высокий шатен с глазами цвета холодного моря. Выразительные черты, одухотворенный взгляд, который, впрочем, легко становился насмешливым и безразличным. Высокие скулы, красиво очерченные губы. Спутанные волосы, небрежно зачесанные назад. Подтянутый, худощавый, но очень спортивный — мускулы, как налитые, отчетливо проступали под тонкой тканью футболки. Девушка — полная противоположность. Вряд ли она способна упасть и отжаться. Абсолютно прозрачная кожа, болезненная худоба. Томная беспомощная женственность. Иногда я завидовала таким девицам — мне тоже хотелось выглядеть слабой.

— Слушай, а почему в журналах никогда не печатают их фотографии? — очнулась я.

— Кого? Роберта?

— Да нет. Лизы и этого загорелого...

— А почему их должны печатать? — удивился приятель.

— Но ведь знаменитые актеры часто фотографируются с семьей. Или я что-то путаю?

— Стронг вроде не очень любит показывать своих родных. Да они, наверное, тоже не рвутся сняться в «Хелло».

— Слушай! — подскочила я на месте. — А я вот не пойму. Он вроде знаменитость. А где тогда фанаты? Почему за ним по пятам не носятся сумасшедшие поклонницы с воплями: «Роберт, я хочу от тебя ребенка!»?

— Так на территорию универа никого не пускают, — как всегда невозмутимо, ответил Антон, — он, наверное, поэтому и учится здесь, а не в МГУ.

— А наши девочки? Совсем им не интересуются? Не верю, как говорил незабвенный Станиславский.

— У-у-у! Да наши девочки его как увидели первого сентября, так чуть с ума не сошли, полезли за автографами. А он им очень твердо заявил, что сюда приехал учить русский язык, а не на мобильные телефоны щелкаться. Автографов не раздавал и вообще вел себя очень сдержанно. Оно и понятно — звезда должна быть холодной и надменной.

— И что, от него тут же отстали?

— Не сразу, конечно. Сначала ходили за ним толпой, а потом понемногу привыкли. Смотрят издалека, но не лезут.

Трель мобильного заставила меня вздрогнуть. Посреди двора, окруженного лесом, этот звук показался мне почти незнакомым, чужим.

— Алло, — робко ответила я.

— Мила, это Алексей Львович, — зазвучал в трубке тихий властный голос, — мы непременно должны сегодня встретиться. Я уже на тридцать пятом километре Калужского шоссе. Когда ожидать тебя?

Алексей Львович Руднев привык отдавать распоряжения. Ему подчинялось пол-Москвы, и он не скрывал это-

го. Влиятельный и богатый, он частенько искал встреч со мной, одаривая баснословно дорогими подарками и предлагая свою помощь в любом деле — от покупки новой машины до строительства виллы на Лазурном Берегу. Для этого человека не было ничего невозможного.

— Буду через пять минут. — Я решила не спорить: ехать недалеко, а польза от этой встречи могла быть огромной.

— Я жду тебя, Мила, — все так же тихо ответил Руднев. В его голосе зазвучали новые, незнакомые нотки в тот момент, когда он произносил мое имя.

«Только этого мне не хватало! И он влюбился! Как я его потом отваживать от себя буду?» — я поежилась и пошла к машине. Надо было успеть вернуться до начала следующей лекции. Снова стоять у всех на виду, как в школе, совсем не хотелось.

Попрощавшись с Антоном, я зашагала по широкой аллее, ведущей на университетскую парковку. Неожиданно за моей спиной послышались быстрые шаги. Обернувшись, я увидела Стронга. Его прекрасные глаза цвета ночного тумана по-прежнему были холодны. Он смотрел прямо на меня, не отрываясь, и казалось, вот-вот нагонит.

«У меня сегодня мания преследования, не иначе. Все вокруг только и делают, что шпионят за Милой Богдановой!» Я попыталась улыбнуться собственной шутке, но отнюдь не успокоилась. Странный холодок пробежал между лопаток, заставляя буквально мчаться к машине.

Оказавшись в салоне «Мазды», я еще раз обернулась, чтобы посмотреть на Стронга, но никого не увидела. Мне даже стало чуточку обидно: не каждый день за мной по пятам ходят знаменитые актеры самой восхитительной наружности. Те мужчины, с которыми приходится иметь дело, не обладают такими данными. Красивых парней вообще мало, и потому девушки уверяют себя, что внешность — не главное в мужчине. Находят себе какого-нибудь шрека, влюбляются в него, нежно гладят его длинными пальца-

ми по шершавой лысине, считают складочки на круглом брюшке и радуются жизни.

Да и я, наверное, когда-нибудь так... Влюблюсь в скрытые достоинства. А красивый Стронг достанется какой-нибудь голливудской дерганой худышке, которая будет его изводить своим бесконечным феминизмом и впихивать дополнительные пункты в их брачный договор. А он будет все это терпеть, чтобы она не ушла и не забрала их общих детей.

«Да, ну и мысли! С чего это я вообще о нем думаю? Он себя со мной повел так высокомерно, так резко критиковал мои действия на сегодняшнем семинаре! Вряд ли такой гордец вообще сможет с кем-нибудь договориться». Странная обида подступила к сердцу, и это было совершенно новым ощущением: раньше я ни на кого так не обижалась.

Заблокировав на всякий случай двери в «Мазде», я нажала на газ, и машина, бешено взыв, рванула с места. Оглянувшись назад, я заметила, что «Рэйнджер» с роскошной аэрографией тоже отъезжает со стоянки. Одно мгновение — и джип догнал мою малолитражку. Он подъехал так близко, что мне стало видно водителя: это был Стронг, суровый, почти злой.

«Похоже, он совсем не умеет соблюдать дистанцию. Если заторможу, он сразу врежется в меня! Или мне кажется?» Я прибавила газу и слегка оторвалась от «ровера». «Как все это странно, странно! Куда же едет этот секс-символ? Ведь не следит же он за мной, в самом деле?! Зачем ему понадобилась моя скромная персона? Скорее это я к нему равнодушна — сколько дней рыдала, вспоминая гибель его героя в той злополучной мелодраме».

Мы выехали с проселочной дороги на Калужское шоссе. Я стала лавировать между ленивыми автомобилями, которые двигались в шахматном порядке по абсолютно свободному шоссе. «Почему они едут на черепашьей скорости в крайнем левом ряду? Для этого существует правый

ряд! — Я так увлеклась, подрезая других, что потеряла из виду Роберта. — Он что, отстал? Наверное, не может ездить так же экстремально, как мы, русские. У нас даже огромные фуры и бетономешалки передвигаются, как пилоты «Формулы-1». А что творят маршрутки!»

Я встала на светофоре, чтобы развернуться. Руднев должен был ждать меня сразу за указателем на пансионат «Лесной». Наконец зажглась зеленая стрелка, разрешающая движение, и я вырулила на узкую дорожку. Остановилась и глубоко вздохнула, словно перед прыжком в холодную воду.

Меня ждали. Дверца новенького черного автомобиля распахнулась, и из него вышел Алексей Львович.

«Майбах», два огромных черных джипа сопровождения, многочисленная охрана — так он привык передвигаться по Москве и ближайшему Подмосковию.

Эта большая компания заняла собой весь въезд на дорогу, хотя дисциплинированно постаралась прижаться к правой обочине. Я тоже попыталась аккуратно припарковаться, поставив свою машину сразу за черным джипом, сопровождавшим моего знакомого. Прихватив сумочку с документами, я захлопнула дверцу и щелкнула пультом сигнализации.

Увидев меня, охрана вышла из джипов и вытянулась по обе стороны дороги. Мне пришлось пройти мимо огромных мужчин, одетых в темные костюмы, и ощутить на себе их внимательные взгляды. Странное чувство. При малейшей опасности для своего шефа они немедленно со мной расправятся.

Руднев все еще стоял рядом с распахнутой дверью машины. Он завороченно смотрел на меня. Чем ближе я к нему подходила, тем более восхищенным становился его взгляд. Я привыкла к такой реакции на свое появление и не удивлялась, когда богатый и влиятельный мужчина рядом со мной становился похожим на плюшевого доброго щенка.

Вообще я пользовалась хорошим отношением мужчин без зазрения совести.

Лет с пяти я начала замечать, что мальчишки в детском саду в лепешку готовы были расшибиться, чтобы мне угодить. В школе ситуация еще больше усугубилась, потому что стало очевидно — я являюсь предметом вожделения всех своих одноклассников, без исключения. Они дрались за право донести до дома мой портфель или помочь с домашними заданиями. Девчонки этого не понимали. «Что в ней особенного? — недоумевали завистницы. Она же не красавица!» Кто-то из них пытался дружить со мной, чтобы быть ближе к парням, но я сразу чувствовала фальшь и прерывала общение. Остальные девочки просто тихо злились и делали вид, что меня нет.

Когда мне исполнилось семнадцать, рядом стали появляться взрослые мужчины — такие, как Руднев. Я не находила ничего плохого в том, чтобы с ними дружить. Простое приятельство — без обязательств, без обещаний и, упаси боже, без серьезных отношений. Я позволяла мужчинам любить меня. То, что я сама ничего к ним не испытывала, вовсе не означало, что мне нужно было избегать такой выгодной дружбы. Нельзя отказываться от того, что само плывет в руки! Мужчины обеспечивали мне такой уровень жизни, при котором можно было просто не думать о деньгах.

Подойдя вплотную к Рудневу, я непринужденно сказала:

— Приветствую, Алексей Львович!

Он схватил мою руку сухими теплыми ладонями, затем попытался притянуть меня к себе, но я холодно отстранилась. Не отпуская мою руку, Руднев сказал одному из охранников:

— Дима, мы поговорим. Пусть водитель выйдет.

Он буквально силой втащил меня в красивый салон «Майбаха», пахнувший кожей и дорогим мужским одеколоном. Все было, как обычно. Руднев нажал на кнопку, и

из выдвижной панели показались хрустальные бокалы и бутылка «Дом Периньон». Кажется, восемьдесят пятого года.

— Выпьешь со мной, Мила? — спросил он негромко.

— Алексей Львович, вы же знаете, я не пью, — твердо ответила я, посмотрев ему прямо в глаза.

— Знаю, знаю, — осекся мой собеседник, — просто предложил.

— Спасибо! — Я равнодушно пожала плечами.

— Я тебя уже чувствую. Никаких лишних слов. Торопись... — задумчиво сказал он.

Эта тихая грусть совсем не вязалась с обликом сурового государственного мужа. Со мной Руднев оставлял привычку командовать и почти по-отечески расспрашивал о делах, увлечениях, друзьях.

— Сегодня первый день твоей учебы в университете. Как все прошло? — улыбнулся мой друг.

— Одни бабы учатся, — в шутку пожаловалась я, — меня уже не любят.

— Это понятно, — кивнул Руднев.

— Скучно, — добавила я.

— Это тоже понятно. Я же предлагал тебе на выбор — МГИМО, МГУ. У меня хорошие связи. Там не соскучишься.

— Спасибо, — сухо сказала я, — ни к чему. Я пока вообще ничего про себя не понимаю. А учиться в таких вузах — дело серьезное, ответственное. После них надо идти работать по специальности... Иначе зачем вообще тратить время и силы?

— Да необязательно. Потом можно выйти замуж, родить детей и уже никогда не думать о работе. — После этих слов он многозначительно сжал мою руку.

Я сделала вид, что не поняла намека. Даже если бы мне и захотелось стать женой этого солидного дяди, сперва пришлось бы «развести» его с супругой, а также с многочисленными детьми, братьями, сестрами и много с кем

еще. Обычно у людей, занимающих видное положение в обществе, уйма родственников. И они с удовольствием пользуются преимуществами жизни при богатом, влиятельном человеке. Развод, даже если несчастный на него и решится, будет утомительным и тяжелым. Жена будет цепляться за супруга, как утопающий за соломинку. Она начнет орать, что покончит с собой, рыдать, обещать удушить соперницу и, в конце концов, сляжет с инфарктом. А несчастный мужик, почувствовав, наконец, себя виноватым, будет разрываться между больницей, где лежит жена, и любовницей, которая жаждет скорого развода. Последней ужасно хочется сесть на шею престарелому горе-любовнику на законном основании. Социально конкретизироваться, так сказать...

Я фыркнула, Руднев покраснел.

— Зря ты так, — с обидой в голосе сказал он, будто проследил за ходом моих размышлений, — я не могу без тебя, Мила!

Конечно, он не мог. Я была единственным светлым пятном в его жизни. В его сердце давно уже не осталось ничего, кроме корысти и жестокости, равнодушия и алчности. А со мной Алексей Львович чувствовал себя настоящим.

Руднев много рассказывал о том, как складывалась его жизнь. Ничего не скрывая, он делился такими подробностями, от которых у меня мурашки бегали по коже. В девяностые я только на свет появилась, а в России, оказывается, такое происходило! А он... Он был активным участником всех событий. Действовал, как того требовали обстоятельства. Дрался, если надо было. Убивал, если приходилось.

А потом стал политиком. Персонажем с безупречной репутацией. Без прошлого, которое могло бы ему навредить. Некому было рассказать об этом прошлом.

Время изменилось, а Алексей Львович — нет.

И лишь со мной Руднев вспомнил наконец, что он еще человек.

— Я узнавал про твой вуз. Он тоже котируется. Высоко котируется. В основном его знают, потому что для иностранцев там есть факультет, где русскому языку обучают самым наилучшим образом. Какая-то особая методика. В общем, в этом они — большие специалисты. К ним едут студенты со всего мира. Дети видных политических деятелей, бизнесменов. Тех, кто так или иначе связан с Россией.

Он помолчал, словно задумался о чем-то, и спросил после паузы:

— Ты уже их видела?

— Кого? — Я сделала вид, что не понимаю: мне не хотелось рассказывать Рудневу о Роберте и тем более о сегодняшнем инциденте.

— Что же. Не стану долго тебя задерживать. — Алексей Львович посмотрел на меня так, что мне стало стыдно за свою холодность и немногословность.

— Я всегда рада вам, — сказала я, будто извиняясь.

Руднев вытянул руку и достал с переднего пассажирского сиденья массивную сумку из крокодиловой кожи, включил свет в салоне и сказал:

— Мы долго теперь не увидимся.

Помолчав, он добавил:

— Я хочу... Нет, не так. Я должен знать, что у тебя все хорошо. Даже после того, как я тебя покину. Поэтому хочу оставить тебе... Вот, открой. — Он протянул мне сумку.

Я без лишних разговоров дернула золотую молнию и увидела толстые пачки евро.

— Это тебе, — предвосхищая мои вопросы, сказал Руднев. — Ты молодая, должна как-то жить.

— Я и так... Живу, — сказала я, опустив глаза. Мне почему-то невыносимо было видеть влюбленный взгляд политика.

— Вижу, — печально усмехнулся он, — купила себе не машину, а божью коровку и радуешься. А первая машина

должна быть большая. И красивая. Почему ты не позволила мне что-нибудь сделать для тебя?

Руднев в отчаянии посмотрел на меня, затем притянул к себе порывистым движением. На этот раз я не сопротивлялась. Я чувствовала, что, если сейчас его оттолкну, он будет страдать. Этот немолодой человек переживал сейчас такую боль неразделенной любви, что я должна была позволить ему хотя бы одно объятие. Странно, я совсем не знала любви, но сейчас почти физически чувствовала, как тошно сжалось его сердце.

Руднев не старался меня поцеловать, не пытался сунуть руку мне под майку, а всего лишь прижался шершавой горячей щекой к моей щеке. Неожиданно мне пришло в голову, что это наша последняя встреча. Мы никогда не будем сидеть вот так, в его «Майбахе», на загородной трассе, под неусыпной охраной бдительных секьюрити.

— Вам не нравится моя машина? — спросила я после внушительной паузы.

— Нет. Но тывольна делать то, что хочешь. В сумке достаточно денег. Может, ты купишь себе хотя бы БМВ ХЗ? Она тоже маленькая, как и твоя, но лучше. — Видимо, Руднев взял себя в руки, и в нем проснулся заботливый старший товарищ.

Я молча кивнула. Невозможно было объяснить этому взрослому мужчине, что мне не стоит сильно выделяться. Я и так вызывающе смотрюсь даже за рулем своей крошечной «Мазды». Все глазают на меня, думая: «Откуда деньги у этой пигалицы? Отца нет, мать — учительница в школе. Кто помогает? Ага!» Хотя, в сущности, какое мне дело до слухов? Ничего уже не изменится: мужчины будут продолжать меня любить и помогать во всем, а женщины будут ненавидеть.

— Наверное, приобрету другую машину в следующем году. — Я постаралась сказать Рудневу хоть что-то хорошее.

— Вот и прекрасно. — Он как-то сразу успокоился, как будто покупка нового автомобиля была главной темой разговора; вопрос решился, и теперь можно вздохнуть с облегчением. — Я завтра улетаю в командировку. Алжир, Марокко, — уже совершенно безмятежно сказал он. — Так ты мне позвони. С утрачка, часиков в десять. Идет?

— Конечно, Алексей Львович. Конечно, — с готовностью воскликнула я.

Мы вышли из автомобиля и направились к моей машине, затем Руднев потянул меня за руку, и я остановилась. Он вплотную подошел ко мне и несмело погладил по волосам. Его губы дрожали, будто от холода. Я отвела глаза, посмотрела в сторону и чуть не задохнулась: метрах в пятидесяти от нас стоял знакомый «Рэйнджер».

Я снова почувствовала холодный насмешливый взгляд, преследовавший меня весь сегодняшний день. Казалось, он всегда существовал в моем воображении, чтобы теперь, наконец, стать реальностью.

Роберт Стронг наблюдал за мной и Алексеем Львовичем. Я разволновалась не на шутку. Охранники Руднева тоже напряглись и, хотя не подавали виду, явно были готовы к любым вариантам защиты. Я кивнула Рудневу на прощанье, и он, наклонив голову, задумчиво пошел к «Майбаху». Казалось, он не замечал никого и ничего вокруг.

Я заторопилась к своей машине, с трудом закинув на плечо объемную сумку с деньгами. Охранники, как всегда, подозрительно покосились на меня.

После того как Алексей Львович уселся в автомобиль, его шофер торопливо юркнул в салон и завел двигатель. Охрана моментально запрыгнула в джипы. Включив мигалки, процессия шумно унеслась вперед.

Я немного постояла на месте, прикидывая, подойти ли мне к злосчастной машине англичанина или с гордым видом проехать мимо. Подумала пару мгновений и все-таки решила выяснить, что происходит. Оставив в «Мазде» сумку с деньгами, я резко захлопнула дверцу машины, щелкнула

пультом сигнализации, а затем решительно направилась к «Рэйндроверу».

Меня сразу же заметили. Роберт вышел из джипа и встал рядом, скрестив руки на груди. Больше всего в это мгновение он походил на прекрасного и неумолимого бога войны. Высокий, статный, грациозный. Казалось, он готов отразить любую атаку неприятеля. Спутанные волнистые волосы золотом переливались на солнце, загорелая кожа таинственно мерцала в свете дня. Длинная шея, чувственные, манящие к себе губы, обманчивая мягкость контуров и плавность линий. Никогда не думала, что мужское тело может так меня взволновать. Я шла к Стронгу, на ходу теряя решительность и способность трезво рассуждать.

Наконец, поравнявшись с Робертом, я посмотрела ему прямо в глаза и громко спросила:

— Вы ничего не перепутали? Лекции проходят в другом месте. Я могу вас проводить.

— Можно на «ты», — усмехнулся он, снова удивляя меня чистотой своей речи.

— Вы не потерялись? — упрямо повторила я, подчеркивая дистанцию между нами. — На шоссе много поворотов. Вы, наверное, заехали не туда.

— Прекрати строить из себя идиотку, — вдруг резко сказал он, — ты знаешь, зачем я здесь.

Я сделала удивленные глаза:

— Понятия не имею.

— Сколько у тебя таких? — спросил Роб, глядя на меня потемневшими от гнева глазами.

Я не на шутку испугалась: мне еще не приходилось сталкиваться с настоящей мужской агрессией. На меня могли обижаться, но ненавидеть...

Отступив на шаг назад, я постаралась изобразить улыбку и невинно поинтересовалась:

— Не понимаю. Таких — это каких?

— Крутых политиков с мигалками и охраной. Сколько тебе лет?

— Семнадцать.

— И уже так испорчена.

«Дурдом. Меня бог знает в чем обвиняет английский актер, кумир миллионов девочек-подростков и их мам! Что за день сегодня!»

— Я не понимаю. Вы назвали меня испорченной — почему?

— Так вот как ты зарабатываешь?! — воскликнул Роберт, и я опять испугалась.

— Как — так?

— Тебе нужно избавиться от порока, — отрезал Стронг, не отвечая на мой вопрос.

Он приблизился ко мне и пытливо заглянул в мои глаза. Его взгляд уже не был холодным и презрительным, но я не могла понять его. Роберт был так близко, что я почувствовала его дыхание на своем лице. Мое сердце бешено забилось, ладони вспотели. Мне стало нехорошо, и я снова отступила назад.

— Кто-то должен тебя спасти, — угрожающе проговорил англичанин.

«Спаси! Нашел тоже Сонечку Мармеладову, Катюшу Маслову! Бред! Бред! Бред!»

Что ему сказать? Как объяснить, что мужчин просто тянет ко мне? Они влюбляются в меня, предлагают все, что только можно предложить. И иногда, если человек в состоянии помочь мне деньгами или связями, я принимаю от него знаки внимания. Для меня важно ничего никому не обещать и не продаваться ни за какие сокровища мира!

Маму не удивляет то, что время от времени у меня появляются новые вещи или драгоценности. Она и бровью не повела, даже когда я прикатила домой на новенькой «Мазде». Мама всегда знала, в кого я такая. Этот дар — или проклятье — передал мне отец.

Я посмотрела Роберту прямо в глаза и безапелляционно завила:

— Не надо меня спасать, — затем резко повернулась и зашагала к своей машине, ни разу не оглянувшись. Я почти физически ощущала его обжигающий взгляд, брошенный мне вдогонку. Моя кожа буквально плавилась под ним.

Я запрыгнула в «Мазду», завела мотор и, развернувшись, помчалась к шоссе. Мне было видно, что Роберт Стронг все еще стоит рядом со своим автомобилем и смотрит на меня. Наши глаза встретились, и я вспыхнула, словно первоклашка. Потом резко отвернулась и стала смотреть на дорогу — не хватало еще врезаться в елку прямо у него на глазах.

Глава 3

ДУРНАЯ НАСЛЕДСТВЕННОСТЬ

Идти в университет с сумкой, набитой деньгами, совершенно не хотелось. Пришлось ехать домой. Я свернула на ближайшем светофоре и попала на узкую лесную дорогу, где едва могли разъехаться два автомобиля.

Мне сложно было вести машину: голова гудела, словно чугунный колокол. Пытаясь заново воссоздать картину событий этого длинного, странного дня, я вспомнила утро, знакомство с Антоном, недовольные взгляды девиц — все было нормально, ничего особенного не происходило.

Вдруг перед моим внутренним взором предстала лесная опушка, та, на которой я очутилась в перерыве между парами. Мне вспомнился взгляд, напугавший меня тогда, и душу снова наводнила ноющая, странная пустота, возникшая в области солнечного сплетения.

Я вздрогнула и, тряхнув головой, попыталась сбить с себя полуистерическое оцепенение. В голове тут же разорвались сотни микроскопических зарядов. Я дернулась от неожиданной и резкой боли, выпустив руль. Машина тут же свернула с узкой дороги и чуть не врезалась в поваленное дерево. К счастью, моя нога вовремя нажала на тормоз.

Боль парализовала все тело. Я не могла пошевелиться и сидела, безвольно откинувшись назад, почти потеряв сознание.

Не знаю, сколько времени длился этот жуткий ступор. Когда руки снова начали слушаться, я открыла окно. Вече-

рело, и первые сумерки опускались на осенний лес. Птицы пели так красиво, что я невольно заулыбалась, чувствуя себя почти счастливой. Головная боль постепенно отступала.

Мои мысли вернулись к событиям сегодняшнего дня.

Теперь я думала только о Нем. Воспоминания о Роберте прогнали остатки боли. И все же он казался мне очень странным. Он вел себя не так, как другие мужчины. Я не впечатлила его своей непосредственностью. Роберт не восхищался мною, а, наоборот, критиковал — каждый раз, когда мы встречались...

Кажется, он сразу возненавидел меня. Я вспомнила его взгляд — ясный и холодный, словно зимнее небо, — и вздрогнула. Его взгляд. Такой же, как и тот, что я почувствовала на злополучной лесной поляне. Или нет?

Голова вновь загудела, но на этот раз мне удалось взять себя в руки и не поддаться панике. «Почему я в который раз вспоминаю события сегодняшнего дня? Почему не могу отвлечься от мыслей о Стронге? Он сказал, что меня надо спасать. От чего? Или от кого? От людей, которые желают мне только добра? Что в голове у этого англичанина? Что, черт побери?! Неужели он считает меня проституткой или юной содержанкой богатых папиков?»

Правду обо мне знали только трое: я и мои родители. Мать хранила это знание с мрачной отчужденностью, отец во время наших редких встреч вовсе об этом не заговаривал.

«Ну и что? Я такая, какая есть. Я что, ненавидеть себя должна?»

Меня начала одолевать злость, прогнавшая боль. Я, словно фурия, выскочила из машины и злобно пнула ногой ни в чем неповинную осинку. Резкая боль, теперь уже в стопе, успокоила меня. Я опустила на поваленное дерево и огляделась. Уже совсем стемнело.

Где-то послышался скрип, и я резко обернулась. Огромная сосна раскачивалась на ветру, издавая зловещие звуки,

похожие на всхлипы. Сама я не плакала с детства — такой характер.

Порыв ветра растрепал мою челку, и я по-кошачьи прищурилась. Какое-то новое чувство возникло сегодня в моем сердце, такое необычное и такое естественное...

Домой я приехала поздно. Мать мрачно смотрела телевизор.

— Что так поздно? — недовольно спросила она, — ты опять?..

— Я принесла деньги, — тихо сказала я, бросая на пол сумку с евро.

— Ты же знаешь, меня это не интересует, — сухо ответила мать, не обернувшись.

Мне была хорошо известна истинная причина ее недовольства: я была копией своего отца, а мать все еще любила его — и ненавидела одновременно.

Ненавидела, потому что не могла вернуть. Любила — потому, что не могла не любить. Каждая женщина, с которой он общался больше минуты, обязательно влюблялась в него. «А он? — Я задумалась. — Интересно, кого любил он? И любил ли когда-нибудь вообще? Мне всего семнадцать. Я еще могу полюбить, и уверена, что это будет взаимно. Хотя... — Я вспомнила презрительный взгляд Стронга и вздрогнула. — Нет, этот — не для меня. Вокруг много парней, более понятных и доступных. А он — из другого мира, в котором за человеком постоянно следят папарацци, где все помешаны на похудении и диетах, на здоровом образе жизни, хотя многие из них умирают от передозировки запрещенных препаратов. Они получают миллионы за свою работу, но чем, в сущности, они занимаются? Играть роль. Делают то, чем каждый из нас занимается по сто раз на день. Как, должно быть, развращает то обстоятельство, что тебе платят бешеные деньги просто за то, что именно ты, а не кто-то другой подарил свое лицо персонажу фильма! Человек понимает, что его персона стоит очень дорого, и начинает относиться к себе как к бесценному произведе-

нию искусства. Он больше не может с юмором смотреть на вещи. А это уже диагноз».

В памяти опять возник образ Роба Стронга. «Кого я обманываю? Все вышесказанное — не про него. Да, этому парню, похоже, самоиронии не занимать. Звездности — ни грамма. Ни перед кем не красуется. Одет просто — простая футболка, потертые синие джинсы. Характер, конечно, заносчивый, но не из-за того, что он — звезда. Не похож он на человека, зациклившегося на себе. Ничего искусственного, надуманного. И все же странный, очень странный. Когда он успел так хорошо освоить русский язык? Здесь он учится первый год. И хотя для поступления на этот факультет нужна хорошая языковая база, он удивительно, слишком хорошо для иностранца, владеет русским. Может, раньше бывал в России? Еще до начала своей голливудской карьеры?»

— Есть будешь? — сухо спросила мать, прервав мои размышления.

— Нет. Не хочется что-то.

— Ты скоро окончательно высохнешь и станешь похожа на щепку.

— После шести жрать вообще не рекомендуют. — Я попыталась грубовато отшутиться, но мама не сдавалась:

— Вот те, кто рекомендует, пусть и не жрут, а ты — за стол. Немедленно! — Она решительно встала с дивана и проговорила уже мягче: — Хотя бы супа поешь.

Чтобы не нарваться на скандал, мне пришлось уступить. Мать достала из хлебницы белый батон, нарезала крупными ломтями и положила на тарелку, а затем поставила передо мной глубокую тарелку с дымящимся борщом.

— Пахнет вкусно, — похвалила я на всякий случай.

После сегодняшних событий мне совсем не хотелось провоцировать раздражение матушки. Она могла найти повод для ссоры в любом моем слове, выражении лица, даже во взгляде — чересчур дерзком или, того хуже, непочтительном.

Я подула на ложку, чтобы не обжечься, и улыбнулась. Есть совсем не хотелось, но родительница сидела напротив, пристально наблюдая за мной.

— Ешь давай, — отозвалась она, проигнорировав мою улыбку.

— Горячий. — Я осторожно пожала плечами.

— А ты чего хотела? Чтобы борщ холодным был? — заносчиво отреагировала мать.

Внутри меня все опустилось. «Наверное, скоро придется съезжать от нее». В принципе, я могла поступить так прямо сейчас. Деньги на квартиру были, на жизнь — тоже, так что голод мне был не страшен. Пусть я беспринципная и мой способ обеспечивать себя мог показаться очень странным, но я надеялась, что когда-нибудь обрету семью и начну честно работать. Делать что-нибудь однозначно хорошее.

Я могла бы покинуть этот дом в любой момент, но мне, как ни странно, было жалко мать. Да, с ней было сложно, она часто срывалась, выплескивая на меня все обиды на несложившуюся жизнь. И вместе с тем принимала меня такой, какая я была.

Кто знает, сможет ли мой будущий муж так же относиться к моему дару и его неизбежным последствиям? Даже если я не буду пользоваться своими талантами — что вполне естественно, ведь, будучи замужем, нельзя брать деньги у других мужчин. И все же: что будет чувствовать мой муж, перехватывая восхищенные, вожделеющие взгляды парней, с которыми мне придется общаться больше пяти минут? Что он будет чувствовать, зная, что любой из них готов ради меня на все? Даже под поезд броситься, если прикажу. Что, если в конечном итоге семья распадется, не выдержав этого испытания? А мать... На нее хотя бы можно положиться. Она никогда меня не бросит.

В редкие минуты откровений мама рассказывала мне, как впервые встретила отца, как от одного его взгляда по

телу пробежала сладкая дрожь. Эта сладость парализовала волю, как сильнодействующий яд. Было больно и приятно одновременно. Она не могла думать и анализировать. Она не могла сопротивляться этому наваждению. Она могла только любить, безумно и безоглядно. Не дожидаясь взаимности.

Но он ответил.

Отец был с ней несколько лет. Сейчас он говорит, что мать — единственная женщина, с которой он был так долго. Я знаю это, как и то, что он просто не в состоянии находиться с одним человеком в течение длительного времени. А что, если и я не смогу? Ведь дар зовет, требует все новых и новых побед. Только зачем? В чем смысл?

У отца было полно внебрачных детей — так много, что он давно перестал считать. Среди них были девочки, но дар унаследовала только я. Парни такой дар могли перенять только от своих матерей, а женщин мой отец выбирал самых обычных. Как моя мама. Им нечего было передать своим детям, кроме красоты, силы и благородства. Отец всегда находил именно таких спутниц.

Однажды он признался мне, что сразу чувствует ту женщину, которая станет матерью его ребенка. Это могло бы показаться жестоким, ведь ни с кем из них он не собирался связывать свою судьбу; но надо было знать моего отца, чтобы понимать его душу.

Не существовало более светлого и чистого человека. Он ни на кого и никогда не злился и не обижался. Он будто излучал радость, рядом с ним люди чувствовали уверенность в том, что все будет хорошо.

Как он договаривается со своей совестью, зная, что калечит чужие жизни?

И как поступать мне?

Я вспомнила глаза Алексея Львовича, его взгляд, послушный и затравленный, как у больной собаки, и почувствовала себя чудовищем.

Мать молча ждала, когда я доем.

— Может, сметаны положить? — потеплевшим голосом спросила она. — А то остыло все.

— Можно, я больше не буду? — робко спросила я.

Помню, как в детстве она часами не выпускала меня из-за стола в надежде, что я доем обед, а я сидела, уткнувшись взглядом в тарелку, и упорно отказывалась от супа.

— Можно, горе ты мое, не ешь, — сжалилась мать, убирая тарелку.

Меня затопила волна нежности. Я смотрела на эту немолодую, но все еще красивую одинокую женщину и мысленно молила ее о прощении.

— Как тебе в университете? Как ребята? — заговорила мать, сметая ладонью крошки со стола.

— Нормально. Даже парни есть. Я как-то не ожидала, — неопределенно ответила я.

Мать встревожилась:

— И что?

— Ничего. Mam, может, нам новый дом купить? Ну, побольше, чем этот? Деньги есть.

— Вот захочешь жить одна, тогда и покупай. А я здесь останусь, — устало отмахнулась родительница.

Мне стало грустно. Вот и мать чувствует, что пришло время расстаться.

Я еще немного посидела в гостиной, уставившись в телевизор. Было невероятно скучно, но хотелось немного побыть с мамой. Постепенно усталость взяла верх над дочерними чувствами, и я встала, чтобы пойти к себе.

Мать проводила меня беспокойным взглядом и спросила:

— Что у тебя завтра?

— Как обычно, семинары, лекции. Ничего особенного.

— Будь осторожна, — изменившимся голосом попросила она.

Материнский инстинкт, как обычно, нашептывал моей родительнице всякие страшилки. Если бы я знала тогда,

что женская интуиция — вовсе не сказочка для малышей, то не выходила бы из дома весь следующий день.

Я пожелала маме спокойной ночи и поднялась к себе в комнату. В ней за время моего отсутствия ничего не изменилось; деревянная кровать, аккуратно заправленная шерстяным покрывалом, туалетный столик, кресло, в котором можно уютно расположиться, нанося макияж, и небольшой письменный стол со стулом — все было на своих местах.

Я с наслаждением сбросила одежду в корзину для грязного белья, приняла душ и юркнула под одеяло.

Сон пришел почти сразу, но облегченья не принес. Воспаленное сознание не могло расстаться с событиями сегодняшнего дня.

Мне снился Он. Роберт Стронг опять смотрел на меня строго, с каким-то странным вызовом. Он разговаривал со мной, на этот раз по-английски. Я понимала только половину. Кажется, он меня ругал. Выражений этот мерзавец не выбирал, но осуждать его почему-то вовсе не хотелось. Я будто сама чувствовала свою вину, хотя и не понимала толком за что.

Мне снился Руднев. Он беседовал с кем-то, стоя спиной ко мне, и его плечи в идеально сшитом костюме почему-то показались мне трогательно незащитными. Наконец Алексей Львович закончил разговаривать и повернулся ко мне. Я надеялась различить во мраке его влюбленный взгляд и неумелую, горькую улыбку — редкую гостью на его губах. Я ожидала увидеть лучистые глаза своего знакомого — но вместо лица у Руднева была пустота, зияющая, звенящая, зловещая. Фигура моего влиятельного друга растаяла в ночном мраке, откуда донесся лишь голос:

— Мила! Я хочу поговорить с тобой!

— Да, Алексей Львович, я вас слушаю!

Выслушать его — это все, что я могла для него сделать. Мне хотелось помочь ему — человеку, который поддержи-

вал меня и заботился обо мне, хотя я, в сущности, никем ему не была.

Мне было неясно, откуда исходит звук. Внезапно к нему присоединились другие.

— Классная девица, — одобрительно заметил высокий мужской голос с сильным иностранным акцентом.

— Подвести бы ее домой — она на машине, интересно? — деловито осведомился кто-то еще.

На минуту все стихло, и вдруг знакомый до боли баритон твердо сказал:

— Ее надо спасать, а не провожать до дома. Она сама все равно не справится.

«Стронг! Опять эта навязчивая идея моего спасения!» Я развернулась и попыталась хоть что-то ответить англичанину. Вместо «меня не надо спасать» можно было сказать: «Меня невозможно спасти».

Мне так захотелось хоть раз в жизни открыться перед кем-то, что я стала искать Роберта. Он прятался в чаще внезапно возникшего леса — я чувствовала его взгляд, но сам англичанин не спешил подходить, ожидая меня в темноте. Я подошла к высокой сосне, которую видела накануне, провела рукой по стволу, шершавому, как наждак, и внезапно нащупала чьи-то холодные пальцы. Предчувствие неизбежной, чудовищной, непоправимой беды овладело моим сердцем и лишило дара речи. Я потянула к себе безжизненную кисть и поняла, что она принадлежит Алексею Львовичу. Мой друг медленно сползал вниз, судорожно цепляясь за коричневый ствол. Из его горла фонтаном хлестала кровь, из груди вырывался ужасающий хрип. Он, кажется, все еще произносил:

— Мила, мне очень надо с тобой поговорить.

Я обхватила его, стараясь не дать упасть, но тело немолимо стремилось вниз. Наконец, оказавшись на земле, усыпанной сосновыми иглами и шишками, Руднев посмотрел на меня. Жалкая, искаженная гримасой боли, его улыбка была адресована единственному человеку в его

жизни, которого он мог любить. Даже теперь, во сне, я была благодарна ему за это чувство.

— Ему уже не помочь, — тихо сказал знакомый голос.

Я обернулась. Прекрасный и решительный, Роберт Стронг был похож на ангела возмездия. В руках он держал самурайский меч, с которого медленно капала кровь. Роберт холодно посмотрел на меня, потом на свою жертву.

— Запомни, — сказал он мне, — так будет с каждым, кто приблизится к тебе.

Почти звериный испуг парализовал меня, и я прошептала:

— Ты ничего не знаешь.

Он усмехнулся и ответил:

— Это ты ничего-ничего не знаешь.

Я закричала, и тьма объяла меня.

Глава 4

ПОХИЩЕНИЕ

Открыв глаза, я посмотрела на часы. Половина шестого.

Спать мне больше не хотелось — увольте! — и я решила отправиться в закрытый спортклуб, куда теперь была допущена как студентка лингвистического университета. Этот спортивный комплекс находился в престижном санатории, в двух минутах езды от моего дома, и его со всех сторон окружал темный неприветливый лес.

Раньше это здание было ведомственным домом отдыха. С распадом СССР госконтора потеряла свою значимость и была расформирована. Пансионат все еще работал, но государство его почти не финансировало. Все начало разваливаться и постепенно приходит в упадок, пока другое, более важное ведомство не заинтересовалось зданием и не взяло его под свою опеку.

Облик санатория изменился. Невзрачные серые корпуса облицевали натуральным камнем, сделали пристройку, в которой теперь находился суперсовременный спорткомплекс. Старый парк украсили мраморными статуями и многочисленными фонтанами. За деревьями здесь теперь ухаживали квалифицированные специалисты по ландшафтным работам. Огромные хвойники постоянно удобрялись нужными химикатами.

Здесь появились новые растения — шаровидные кустарники, за изысканной формой которых нужно было постоянно следить, и целые растительные скульптурные композиции. Огромные пестрые клумбы с цветами украсили

круглую поляну перед центральным входом в санаторий, который теперь назывался «Версаль».

Заброшенная территория вокруг совкового пансионата постепенно стала превращаться в стильный французский парк, но за забором по-прежнему чернел огромный, непроглядный лес.

Учреждение это осталось режимным. Сюда пропускали лишь гостей отеля, которые не поскупились и заплатили 900 евро за сутки, сотрудников ведомства, а также нас, немногочисленных студентов загородного филиала.

Не знаю, каким образом наш деканат получил право пользоваться всей этой роскошью, но было безумно приятно перед занятиями позаниматься в тренажерном зале или поплавать в бассейне.

Те, кто учился в московских зданиях нашего университета, ходили в другой спортклуб, кажется, в районе Лужников.

Я подъехала к кованым железным воротам и достала пропуск из бардачка. Из будки рядом с въездом лениво вышел охранник. Не открывая окна, я прижала пропуск к лобовому стеклу, чтобы мужчина мог разглядеть документ. Охранник кивнул и нажал кнопку на пульте. Тяжелые ворота стали медленно разъезжаться в стороны.

Поставив машину на стоянку рядом с охраной, я бодрым шагом двинулась к спортивному комплексу, где располагался бассейн. Мне очень хотелось поскорее оказаться в прохладной воде.

В багажнике у меня всегда лежит сумка с необходимыми вещами — купальником и спортивной формой. Я обожаю тренироваться. День без физической нагрузки кажется мне долгим и бессмысленным.

Предвкушая удовольствие от плавания, я сбросила одежду и переоделась в новый купальник — бикини золотого цвета. Отражение в зеркале подтвердило, что до фотомодели мне далеко — никакой элегантной худобы, присущей девушкам с подиумов. «Зато красивая грудь и

упругая попка», — показав отражению язык, я вышла из раздевалки.

И прыгнула в воду с бортика бассейна. Приятная прохлада взбудрила меня. С наслаждением расправив руки, я нырнула и проплыла под водой метров двадцать, затем коснулась ногами дна бассейна, оттолкнулась и шумно вынырнула на поверхность. Мышцы, привыкшие к долгим сложным тренировкам, предвкушали часовой заплыв. По телу разлилось приятное возбуждение. Я поплыла к бортику бассейна, чтобы взять очки для плавания. Они должны были лежать там, где я их оставила, — рядом с моими резиновыми тапочками.

Очков на месте не оказалось. Зато там был Роберт Стронг собственной персоной. Он подобрал мои очки и сейчас небрежно крутил их на пальце. Я все еще находилась в воде, а он стоял на бортике бассейна, позволяя мне во всех подробностях рассмотреть все изгибы его безупречного тела. От восторга у меня даже дыхание перехватило. Не скрывая своего восхищения, я тарасилась на Роберта снизу вверх, забыв вчерашние обиды.

Передо мной была ожившая античная статуя. Кожа Роберта ровно светилась загаром, длинные, мускулистые ноги были покрыты мягкими золотистыми волосками. Идеальная форма пальцев и ступней словно была создана искусным творцом для того, чтобы показать: совершенство возможно и на земле. Я медленно исследовала глазами прекрасное тело англичанина и невольно остановила взгляд там, где длинные купальные шорты обтягивали пах. Роберт заметил это и посмотрел на меня в упор, без тени насмешки. Меня будто накрыло горячей волной, и я вспыхнула, испугавшись этого ощущения.

Роберт продолжал смотреть на меня, а я не могла оторваться от созерцания его тела. Накачанный пресс, идеальной формы грудь, хорошо тренированная широчайшая мышца спины — все это невозможно приобрести, просто упражняясь в спортзале. Каждый сантиметр прекрасного

тела Роберта источал силу. «Должно быть, он пробегает километров двадцать в день или занимается восточными единоборствами, где во время боя у соперников нет ни единой секунды для отдыха. Тренировка очень динамичная, расходуется много энергии. У настоящего бойца нет ни грамма лишнего жира под литыми упругими мускулами. Он по-настоящему силен», — восхищенно думала я.

Роберт заскользил взглядом по моему лицу, спустился ниже, остановившись на шее, которая была видна из воды. На мгновение я ощутила чувственное и нежное прикосновение его взгляда. Мне захотелось запретить ему смотреть на меня так, но это было глупо: что плохого в ласковом и страстном взгляде? Он же меня не трогает... Сладкая дрожь пробежала по моей спине. Я окончательно запуталась, смутилась и опустила глаза.

Наконец Роберт нарушил молчание.

— Кажется, это твое? — спросил он, протягивая мне очки для плавания.

— Да, благодарю. — Я подняла руку. Роберт на секунду задержал вещь в руке, затем бросил мне и прыгнул в воду, оказавшись в головокружительной близости от меня.

Я глубоко вздохнула, стараясь успокоиться. Мне неясно было, от чего эта дрожь — от холодной воды или от странного возбуждения, которое охватило меня при виде прекрасного англичанина.

Стронг подплыл вплотную и выставил вперед обе руки, прижав меня к стенке бассейна. На несколько секунд я даже перестала дышать. Красивое лицо оказалось так близко от моего, что я почувствовала учащенное дыхание англичанина. От его тела шло ровное тепло, которое я ощущала каждым сантиметром своей кожи даже сквозь узкую полоску воды между нами. Мы молча смотрели друг на друга. Я почувствовала, что англичанин тоже дрожит, и совсем не от холода. В его взгляде читалась почти животная страсть. Мой небольшой опыт общения с мужчинами подсказывал мне, что в такие моменты лучше бежать,

спасаться любой ценой от опасных эмоций, пока не стало слишком поздно. Я всегда так и делала, но сейчас будто окаменела, не в силах сдвинуться с места. Меня обуревали странные чувства: хотелось одновременно и ускользнуть от Роберта, и прижаться к его мускулистой груди.

Внезапно мне стало ясно, что Стронг чувствует то же самое. Но вскоре его здравый смысл возобладал над эмоциями. Одним рывком он отстранился от меня, и выражение необузданного желания на его лице сменилось обычным насмешливым равнодушием. Роберт смотрел на меня уже совсем по-другому, и это больно ранило меня.

Я вспомнила сон: окровавленный меч, которым Роберт убил ни в чем не повинного человека. Мужчину, любившего меня всем сердцем.

Стронг спросил:

— Собиралась потренироваться?

— Собиралась, — в тон ему ответила я.

— Ну, так поплыли.

Я кивнула, думая: «Какие все-таки глупые эти ночные кошмары! Вот он, безоружный и спокойный, готовится преодолеть пару-тройку километров, чтобы не потерять форму».

— Вы... Ты... Решил поплавать перед учебой?

— Да, захотелось слегка охладиться. Все не могу отойти от твоего вчерашнего выступления, — усмехнулся Роберт.

— Это комплимент? — уточнила я.

— Считаю, что да.

— О!

— Ты лихо оседлала своего дружка, наверное, немного устала?

Я и забыла уже, что вытворяла вчера на совместном семинаре. Мы виделись с Робертом и после, но только сейчас он решил поделиться своими впечатлениями.

Мне показалось, или он издевается?

— Где он? Почему не с тобой? — спросил Стронг, и его глаза потемнели, как вчера, когда он увидел меня с Рудневым.

— Так он, наверное, совсем недавно проснулся, — сказала я, стараясь придать своему голосу максимальную непринужденность, и, подумав, быстро добавила: — У себя дома, в Москве. Он живет где-то в районе Тушино.

— Как только он смог оторваться от тебя? — продолжал издеваться Стронг. — Наши парни после того занятия чуть не подрались за право познакомиться с тобой. На перемене только и было разговоров, что о тебе. Все хотели оказаться на месте твоего дружка.

— Я только вчера с ним познакомилась, — миролюбиво ответила я, думая: «Что это? Неужели я пытаюсь оправдаться перед ним? Да кто он мне, этот англичанин?!»

Разговор перестал мне нравиться, и я развернулась, чтобы уплыть но внезапно сильная рука сжала мое плечо. Меня будто током ударило. Я обернулась и поглядела на Стронга. В глубине его глаз полыхал пожар такой разрушительной силы, что я невольно отпрянула. От него исходила неукротимая звериная ярость, напугавшая меня до полубоморока.

Но все изменилось буквально через мгновение. Роберт убрал руку с моего плеча и потрянул головой.

— Прости, — виновато произнес он, — просто я не хотел, чтобы ты так быстро уплыла от меня.

Я удивленно вскинула брови:

— И решил задержать меня силой?

— Извини. Мы совсем недавно знакомы, а я уже создал неприятное впечатление о себе. — В Стронге явно взяло верх классическое английское воспитание. Которого, впрочем, не хватило, чтобы попроситься.

Он быстро подтянулся на сильных мускулистых руках и очутился на бортике бассейна. Затем, ни разу не обернувшись в мою сторону, ушел в душевую.

Я стояла в воде, не на шутку озадаченная нашим разговором и еще более странным его завершением. Кое-что показалось мне нелогичным во всей этой истории. Была некая неувязка, которая не давала мне покоя. Ну, да, конечно! Роберт заговорил об Антоне, напомнил мне о парнях из своей группы, но ни единым словом не обмолвился о Рудневе. Как будто Алексея Львовича и не было вовсе и он, Стронг, вчера не видел меня в обнимку с политиком. Это странно, невероятно странно.

Плавать расхотелось. Я вышла из бассейна, посмотрела на часы — времени было еще достаточно. Первая пара начиналась в 9.30, а в десять утра мне надо было позвонить Рудневу — как он и просил, настаивая именно на этом времени. Видимо, позже он будет в самолете, а потом и вовсе окажется недоступен. Я, конечно, не могу ответить на его любовь, но один телефонный звонок — это такая малость...

Завернувшись в большой махровый халат, я подошла к бару.

— Свежевыжатый грейпфрутовый сок, пожалуйста.

Бармен покосился на меня с нескрываемым интересом. Я отвернулась, уселась в шезлонг неподалеку от бара и стала смотреть на людей. Еще полчаса назад тут почти никого не было, кроме нас со Стронгом, но теперь, сонные и хмурые, начали подходить и другие желающие поплавать перед работой или учебой.

Вот прошла девочка из нашей группы, потопталась на бортике, близоруко прищурилась, словно пытаясь что-то разглядеть на дне, поежилась и, нащупав железную лестницу, стала медленно спускаться в бассейн. Погрузившись, наконец, на глубину, она медленно поплыла по-собачьи. Чтобы оставаться на поверхности, ей приходилось отчаянно колотить по воде тонкими бледными руками и создавать вокруг себя фонтаны брызг. Жидкие кудряшки, обрамлявшие треугольное личико, сразу намокли и обвисли; девушка с явным усилием преодолела еще несколько метров,

вернулась и стала неловко вылезать. Я усмехнулась: «Вот и поплавала, спортсменка. Зачем тогда вставать так рано, тащиться сюда? Видимо, чтобы потом говорить: «А я утром перед занятиями успела потренироваться»».

Вспомнив, что у меня сегодня тренировка тоже не сложилась, я устыдилась собственных мыслей. «Надо будет потом обязательно познакомиться с этой беленькой. Может, ей хочется научиться плавать, а никто не помогает. Попробую я. Если она согласится».

Я потянулась в шезлонге и широко зевнула. Спать хотелось невероятно. И неудивительно — минувшая ночь не очень-то задалась. Я решила вздремнуть минут десять и закрыла глаза.

Я услышала, как бармен принес мне сок, как поставил его на низкий стеклянный столик рядом с шезлонгом, однако не подала виду. Парень задержался рядом всего на пару мгновений, воспользовавшись моей дремотой, чтобы внимательно рассмотреть. Видимо, он сам не понимал, что же во мне особенного, почему ему хочется смотреть на меня не отрываясь. Все они сначала так реагируют. Главное — молчать. Внешность у меня не выдающаяся, и, не говоря со мной, мужчина успокаивается, теряет интерес. А вот если общение неизбежно, мой голос, интонации, манера излагать мысли, улыбка притягивают ни в чем не повинную жертву, заставляя вытворять всякие глупости. Например, дарить мне сумки с деньгами, — видимо, чтобы я не умерла с голоду. Я ведь такая нежная фиалка...

Бармен стоял рядом совсем недолго — профессиональная этика заставила его развернуться и пойти на свое рабочее место.

— Эй, друг! Не уходи. Дама сейчас еще что-нибудь покажет, — вдруг послышался громкий голос прямо надо мной.

Я распахнула глаза и увидела бритого громилу с рацией, стоявшего совсем рядом с моим шезлонгом. Мне это показалось странным, учитывая внушительные размеры

спорткомплекса. «Место ему здесь мало, что ли? Зачем так близко к людям подходить?» Здоровяк был одет в черный деловой костюм не по сезону, тем самым обнаруживая свою принадлежность к профессии «телохранитель».

За здоровяком стояли еще двое, создавая впечатление плотной толпы. Один был совершеннейшим близнецом того, кто сейчас грохотал прямо над моим ухом — такой же огромный и коротко стриженный, облаченный в такой же строгий костюм. Третий мужчина выглядел более чем экзотично. У него были длинные черные волосы, небрежно собранные в хвост, в ушах поблескивали массивные золотые серьги. Лицо казалось зловещим из-за безобразного шрама, идущего от левого глаза к подбородку. Майка без рукавов открывала перекачанные ручищи со вздувшимися лиловыми венами. Каждая конечность была щедро испещрена цветными и черными татуировками. Они так тесно переплетались между собой, что уже нельзя было разобрать ни одного рисунка. Купола, которые я мельком смогла разглядеть на спине чувака, указывали на то, что он сидел в тюрьме. Как-то мне в руки попала книга о татуировках, и я стала немного разбираться, что именно некоторые из них обозначают. «Только этого мне и не хватало! Приключение за приключением! Хоть из дома не выходи, как советовала мамочка».

— Что будете заказывать? — учтиво поинтересовался бармен, возвращаясь ко мне.

Я, хотя и начала догадываться, в чем дело, поспешила удивленно воскликнуть:

— Ничего. Я уже заказала сок. А вы мне его принесли. Так что большое спасибо, — улыбнувшись, я закрыла глаза, надеясь, что громилы просто тихо уйдут.

Не ушли.

— Слышь, голуба! — позвал меня все тот же грубый голос.

Охранник явно не был мною очарован, наоборот — я его раздражала. Странное дело — мне часто в последнее

время приходилось иметь дело с крутыми мужиками, за спиной которых маячили доблестные секьюрити. И никто из охранников ни разу не посмотрел на меня затуманенным от умиления взором. Видимо, профдеформация.

Я разлепила веки и опять сделала удивленное лицо:

— Вы ко мне обращаетесь?

— К тебе, к тебе, — подтвердил качок.

— Я вас слушаю, — отозвалась я как можно спокойнее.

— Слышь, возьми там себе этот... Мартини, или что ты там пьешь, и иди вон к тому дяде. — Он указал пальцем на худощавого мужчину средних лет, который с явным интересом следил за нашим разговором.

Заметив мое внимание, тот помахал рукой. Я сразу же отвернулась: «Мать вашу! Начинается!» — и обратилась к парню в черном костюме:

— Видите ли, вы меня с кем-то путаете. Я здесь не работаю, а отдыхаю. Тренируюсь, точнее. Если ваш шеф хочет развлечься, ему стоит обратить свое внимание на кого-нибудь еще.

— Чего? — не понял мой собеседник. — Не пойдешь, что ли?

— Нет.

— Слышь, — угрожающе просипел здоровяк, — ты щас не пойдешь — побежишь. Мы тебе поможем.

Ситуация с каждой минутой становилась все опаснее. Я огляделась вокруг в поисках защиты — и с сожалением заключила, что от этой милой компании меня никто не спасет. Придется разбираться самой.

— Никуда я с вами не пойду, — безапелляционно объявила я мужику.

— Я тебя щас урою, — так же твердо пообещал мой бритоголовый собеседник, приближая здоровенный кулак к моему лицу.

— А я милицию позову, — ответила я, но уже не так уверенно.

Бармен спешно ретировался, не желая вмешиваться в чужие дела.

Помощи ждать было неоткуда, но я все еще надеялась, что меня не тронут на глазах у изумленной публики.

Не знаю, сколько бы продолжалась эта перепалка, если бы не вмешался экстравагантный татуированный мужчина, оказавшийся отличным дипломатом. Он неожиданно умело отодвинул на задний план своих туповатых спутников и негромко обратился ко мне:

— Здравствуйте, дама!

Приветствие показалось мне необычайно вежливым, и я ответила в том же духе:

— Доброе утро! Как поживаете?

Небольшие хищные глазки моего собеседника несколько потеплели. Хотя он, как и я, понимал всю нелепость ситуации, нам обоим стало ясно, что все разрешится мирным путем. Ему оставалось только доставить меня своему шефу, не поднимая при этом шума. Он широко улыбнулся, отчего грубое лицо, обезображенное глубоким шрамом, стало по-настоящему зверским, отталкивающим. Мне пришла на ум поговорка, призывающая не доверять человеческой наружности: мол, хорош снаружи, гнилой внутри, и наоборот: на лицо ужасный, добрый внутри. Но у этого человека внешность явно соответствовала внутреннему содержанию. Если не договоримся, эта троица меня в бараний рог согнет.

Я лихорадочно думала, что же делать. Мой кошмарный собеседник явно просчитал, что творится у меня в голове, и, не тратя времени зря, спокойно произнес:

— Не подойти вы не сможете. Может, не будете упрямыми? Не съедят же вас.

Я пожала плечами, как бы соглашаясь. И хотя я проявила полную покорность, поднявшись с шезлонга и намереваясь подойти к боссу, длинноволосый чувак со шрамом продолжал напряженно наблюдать за мной. Видимо, он был готов ко всем вариантам: я могла броситься наутек,

запереться в женской раздевалке, поднять шум. Он жестом приказал своему бритому сотоварищу занять позицию рядом с выходом, сам же, вместе со вторым громилой, повел меня знакомиться с «женихом». Я усмехнулась:

— Не бойтесь, не сбегу. От вас никуда не денешься.

Бритый в костюме вдруг как-то сразу успокоился, повеселев, и громко хмыкнул:

— А че сразу ерепенилась?

— Знаете, — я попыталась воззвать к здравому смыслу этих питекантропов, — вы сейчас поймете, что проделали бессмысленную работу. Я — не та, кого хочет видеть перед собой ваш... начальник.

— Слышь, ты не гони, — начал опять грубить громила в костюме, — кого надо, того и привели.

Я больше не стала пререкаться, тем более что мы предстали перед «организатором» всего этого мероприятия — лысоватым дядькой с хитрыми глазками, шаловливо поблескивающими из-под больших очков в золотой оправе. Мужик, видимо, сразу меня «разглядел». Сейчас не я выбирала, уйти или остаться, — за меня уже все решили. Пришлось занять позицию стороннего наблюдателя и успокоиться.

Я подарила мужчине самую нежную из своих улыбок:

— Здравствуйте! Я уверена, что вы меня с кем-то путаете.

Мужчина криво усмехнулся, продолжая ощупывать меня пытливым взглядом. Я поежилась и спрятала руки в карманы махрового халата, весьма неуместного в данной ситуации.

— Выпьешь чего-нибудь? — наконец учтиво осведомился он.

— Нет, спасибо. Мне еще нет восемнадцати. — Я постаралась привлечь внимание к своему возрасту.

— Ничего, — пропустил намек мимо ушей мой собеседник, — ты выглядишь на все девятнадцать.

Я попыталась схамить:

— Знаете, я никак не пойму, зачем вам меня поить, тем более алкоголем? Откуда такая забота, мы ведь даже не знакомы!

— Не знакомы — познакомимся, какие проблемы? — хмыкнул очкарик.

— А если я не хочу? Мне на учебу пора. И вообще, я по утрам с мужчинами не знакомлюсь — настроение не то, — нахально вещала я, от страха распаяясь все больше и больше, — вы мне вообще-то в отцы годитесь.

Мужик посуровел:

— Тут не важно, кто кому нравится или не нравится. И то, что утро сейчас, а не вечер, тоже ничего. Да ты присядь, у меня уже шея болит на тебя снизу вверх смотреть.

Я подчеркнуто шумно вздохнула и опустилась на соседний шезлонг. Никто вокруг, кроме охранников, не обращал на нас внимания, — наверное, люди боялись смотреть открыто.

Окончательно уяснив, что рассчитывать можно только на себя, я мило улыбнулась, картинно захлопав ресницами:

— Так что же вам от меня нужно?

Мужик посмотрел на меня долгим, очень серьезным взглядом и абсолютно серьезно ответил:

— Тебя мне надо, тебя. И не на одну ночь, хотя сегодня у нас все будет, не сомневайся.

Я опешила. «Мама! Мама! Что делать? Меня что, в рабство берут? Среди бела дня!» Мне стало трудно дышать, в носу защипало. Собеседник заметил мое волнение и миролюбиво спросил:

— Я что, такой страшный?

Если б не испуг, я бы рассмеялась — до того он походил на серого волка из какого-нибудь мультфильма, в котором тот подкрадывается к зайцу и спрашивает: «А чего это ты меня так боишься? Я ведь добрый. Утю-тю-тю-тю». А потом зубами клац...

Я с чувством посмотрела на мужика и жалобно заскулила:

— Пожалуйста, мужчина, мне на лекцию пора. Я, между прочим, в университете учусь.

Мой собеседник промолчал, и я добавила уже более уверенно:

— Если вам не с кем любовью заниматься, откройте Интернет, там этого добра...

Дядя побагровел и с чувством прошипел:

— Ты меня тут учить будешь? Я сам кого хочешь научу! Сколько времени тебе нужно, чтобы одеться?

«Ничего себе Фантомас разбушевался! А мне что делать-то?!»

Охране явно не понравилось, что я разозлила их шефа, и мне пришлось сменить тактику:

— Что вы во мне нашли? Зачем я вам?

— Нравишься. Вошел, увидел тебя в этом беленьком халатике и сразу понял — мое. Ну, а если мое, тут я уже не отступлю, — удивительно спокойно, даже тепло объяснил мужик.

Меня тревожили перепады его настроения. Только что глазами молнии метал, и вот уже — ласковый, миролюбивый, больше не нервничает. Так ведут себя законченные невротики с тяжелой судьбой. Ему, наверное, нелегко приходится, иначе зачем нормальному, с виду здоровому мужчине ходить в окружении такого количества охранников? Я сразу вспомнила Руднева, его добрые, грустные глаза, тихую улыбку. Да, Алексей тоже держит при себе секьюрити, но он видный политик, на жизнь которого уже покушались, и не раз. А этот мужик? Кто он? По крайней мере, его лицо не кажется мне известным; может, лишь в очень узких кругах? Хотя я довольно четко представляла, в какой именно среде обитает этот человек и чем занимается. В голове сразу же вспыхнула надпись: «О тех, кто выжил в 90-е». По-моему, в самую точку.

Мой новый знакомый, которого звали Вадимом Олеговичем, тем временем отдавал распоряжения своему окружению. Длинноволосый, который так дипломатично

проводил меня к своему боссу, должен был ожидать меня на выходе из женской раздевалки. Одному бритоголовому вменялось в обязанности сторожить вход в раздевалку из бассейна. Другой парень в черном костюме должен был сопровождать Вадима Олеговича. Мне было приказано высушиться и переодеться. Потом я должна была последовать за боссом и сесть в его машину.

— Куда мы едем? — обреченно спросила я.

От меня уже ничего не зависело, и я малодушно сдалась на милость победителя.

— Ко мне, маленькая, ко мне едем. Буду тебя развлекать, вкусно кормить, а потом — баиньки.

«Он что, в детстве в куклы не играл? Возился с машинками да с кубиками, а вот ляльку ни разу не баюкал. И вот, посмотрев на меня, захотел, хоть раз в жизни... Только почему у него я — вместо куклы? Вот она — расплата за мои грехи, за то, что заставляла других страдать».

На ватных ногах я двинулась к раздевалке.

— Мобильник есть? — спросил татуированный перед тем, как открыть дверь, ведущую в душевые.

— Да.

— Давай, — потребовал он.

— Надо войти внутрь, — поспешно объяснила я, — но там — голые женщины. Вам туда нельзя.

— Мне всюду можно, — зло усмехнулся громила, — чего я там не видел? Пошли.

Он резко открыл дверь и чуть ли не силой втолкнул меня в раздевалку. Мы прошли мимо душевых кабин. В нескольких из них шумела вода, и я безумно завидовала тем женщинам, которые сейчас беззаботно намыливались, находясь в прекрасном расположении духа.

Оказавшись в раздевалке, охранник коротко спросил:

— Который?

— Что? — не поняла я.

— Шкафчик с одеждой.

Я нахмурилась, стараясь вспомнить, где оставила свои

вещи. Казалось, это было так давно. Сначала странная встреча с Робертом Стронгом, потом — не менее странное знакомство с Вадимом Олеговичем. Эти громилы...

Длинноволосый грубо оборвал мои размышления. Одним точным движением он запустил руку в карман моего халата и достал оттуда ключ от шкафчика.

Найдя нужную ячейку, он открыл ее и вынул мою сумку. В раздевалку заходили женщины и косились на моего спутника с нескрываемым изумлением. Они все — кто из сауны, кто из душевой — были облачены в халаты или простыни и потому, наверное, не визжали, но настороженно наблюдали за мордоворотом, который энергично тряс мою сумку. Наверное, со стороны казалось, что это заботливый муж помогает незадачливой жене найти потерявшуюся вещь.

Наконец мобильник был извлечен из бокового кармашка, и длинноволосый тихо сказал:

— Не вздумай поднимать шум. Пожалеешь. — В его голосе прозвучала такая несокрушимая уверенность в собственных силах, что я, до этого колебавшаяся, окончательно решила ничего не предпринимать.

«Да и что я могу сделать? Тихо попросить у какой-нибудь дамочки телефон? Куда звонить? В милицию? Там интересуются уже совершенными преступлениями, а не теми, которые только планируются. Вот изнасилуют меня, тогда можно будет звонить. Сообщить о происходящем маме? Что она одна сможет сделать? Упасть в обморок? Получить инфаркт? Это, пожалуй, скорее всего. Отцу? У нас никогда не было особо близких отношений. Я никогда не звонила ему, когда мне было плохо. Мы просто иногда видимся, только и всего. А потом, он что, Бэтмэн и прилетит сюда через минуту после моего звонка? Алексей Львович! — озарило меня. — Вот кто мог бы на равных пообщаться с этим упырем. Даже не на равных, а скорее покровительственно, строго. Наверное, объяснил бы это-му Вадиму, кого можно лапать, а кого — не стоит». Я ожи-

вилась и стала смотреть по сторонам — но тут же сникла: номер политика был записан в памяти телефона. Да и как мог помочь Руднев, если сейчас наверняка сидит в самолете, набирающем высоту?

Я окончательно сникла и начала собираться: быстро ополоснулась в душе, завернулась в полотенце и подошла к фену.

Наверное, так чувствует себя человек, идущий на казнь. Он понимает, что скоро, очень скоро умрет, и спрашивает себя: «А что меня ждет там, где я окажусь после жизни? Как мне там будет?»

Высушив волосы, я меланхолично натянула белье, футболку и джинсы. В голове постепенно созрел план побега, и я судорожно продумывала детали. Сунув ноги в босоножки без задников и взяв сумку, я стремительно покинула раздевалку. Настроение сразу поднялось, и я даже улыбнулась Вадиму Олеговичу, который ожидал меня у стойки рецепции.

— Ну, вот и хорошо, — похвалил очкарик, — тебе идет.

— Что идет?

— Улыбка у тебя хорошая.

— Спасибо, у вас тоже. — Грубить больше не имело смысла: если повезет и у меня все получится, минут через пять я буду свободна.

Мой план был до идиотизма прост. Никто из компании не знал, что я приехала сюда на машине. Моя «Мазда», припаркованная рядом с будкой охраны, у самого выезда с территории отеля, преспокойно дожидалась свою хозяйку. Я с волнением ощупала карман джинсов — ключ был на месте. Оставалось только вырваться из лап этих ублюдков и спрятаться в своей машине. «Я закроюсь на центральный замок, и привет! Вряд ли у моих «друзей» возникнет желание бить мои стекла бейсбольной битой на глазах у вооруженной охраны respectableного загородного отеля».

Обмякшие от бессилия мышцы вновь пришли в тонус,

я напряглась, как кошка перед прыжком. «Как сбежать? В какой момент? Надеюсь, мы идем именно на стоянку».

Мы вышли из отеля, быстро спустились вниз с высоко-го крыльца и остановились. Убегать сейчас было бы пол-ной глупостью — меня догонят секунд за тридцать. Мысль о том, что эти здоровенные бабуины будут хватать меня своими грязными лапами, вызывала приступ отвращения. Мой план рушился. Никто из моих спутников не собирался идти пешком на дальнюю стоянку.

На подъездной аллее показались три черных лакиро-ванных джипа. Они сияли на осеннем солнце, словно кра-суясь перед остальными автомобилями. Я ошеломленно смотрела на процессию и вспоминала Алексея Львовича с его кортежем. Правда, здесь центральный автомобиль был внедорожником, как и машины сопровождения. Меня собирались запихнуть в этот гроб с надписью BRABUS и увезти в неизвестном направлении. Побег стал казаться утопией.

Колонна остановилась. В первом джипе сидела еще одна бригада парней в одинаковых черных костюмах. Вся эта компания с нескрываемым любопытством глазела на меня из открытых окон машины.

Вадим Олегович быстро подошел к центральному «Ге-ленвагену». Татуированный качок предупредительно рас-пахнул пассажирскую дверь перед хозяином. Устроившись в салоне, босс сделал приглашающий жест мне. Я все еще нерешительно топталась на месте, надеясь на чудо. В не-посредственной близости от нас прогуливались люди, сме-ялись дети. Вокруг царила атмосфера полной беззабот-ности и веселья. В этот погожий сентябрьский денек здесь отдыхали и наслаждались жизнью.

Мне хотелось громко закричать, позвать на помощь. Но чего я могла добиться? Даже если кто-то захочет за-ступиться за меня, смысленный громила с длинными воло-сами миролюбиво объяснит, что его шеф приехал за своей дочерью. А она, маленькая мерзавка, напилась сегодня

ночью в баре отеля и теперь бузит, не желая ехать домой. Это наверняка прозвучит очень правдоподобно.

Трезво оценив свои шансы, я решила подчиниться и села в джип, где меня уже ждал Вадим Олегович с благодушной улыбкой на лице. В красиво отделанном деревом салоне пахло сладкими благовониями. Меня это немного удивило, потому что запах был очень нежным, даже волнующим.

— Сакура, — доверительно сообщил он, заметив, что я обратила внимание на эту деталь. — Ну, что, все еще боишься, дурочка?

Я повела плечами. Надо было что-то ответить, но слов не нашлось.

Оглядевшись, я увидела в кармане водительского сиденья рукоятку кинжала и похолодела: «Что со мною сделает этот ненормальный?» В том, что мой спутник не вполне здоров, я уже не сомневалась. Зачем человеку холодное оружие, если у него в услужении целая орава головорезов?

— Так тебе нравится сакура? — опять заговорил мой собеседник. На этот раз его голос звучал вкрадчиво.

— Я вообще люблю Японию и все, что с ней связано, — дипломатично ответила я — вежливость была моим единственным спасением в данной ситуации.

Ответ мужику понравился. Он внимательно посмотрел на меня и сказал что-то, — видимо, на японском.

— Я не знаю языка, — сказала я, — что вы сейчас сказали?

— Я сказал, что никогда еще ни один Самурай не погибал из-за прекрасного цветка, но миллионы прекрасных цветков погибали под ногами Самурая.

— И что это значит? — спросила я похолодевшими губами.

— Не будь глупой и наивной, как этот цветок, и тогда ты останешься жить.

В моей душе будто порвалось что-то. Страх ледяными тисками сжал разум. Я начисто лишилась возможности

соображать. Оставалось лишь переводить взгляд с ножа, находившегося в непосредственной близости от меня, на мужчину, сидевшего рядом. Его лицо было непроницаемым и торжественным.

Казалось, одно движение этого человека отделяет меня от смерти. В любой момент он мог вытащить кинжал из кармана водительского сиденья и воткнуть мне в горло.

«Что ему надо? Секс? Не уверена. Он же понимает, с кем имеет дело. Для таких целей выбирают опытных, раскованных женщин. А я? Едва ли он получит удовольствие, ведь я буду сопротивляться изо всех сил, пока буду дышать. Может, он маньяк и меня скоро порежут на мелкие части? А охрана? Они что, все его сообщники? Не может быть! Скорее всего, они просто люди, которые делают свою работу. Конечно, некоторые из них не блещут интеллектом, грубоваты и недалеки, но как они могут быть садистами и убийцами?»

В «Геленвагене» мы ехали вчетвером — босс и я сидели сзади, водитель и чувак с татуировками — впереди. «Наверняка он тоже садист! Это кошмар! Что делать?» Я в отчаянии застонала, и, хотя сделала это едва слышно, длинноволосый тут же обернулся и посмотрел на меня бесстрастным внимательным взглядом.

Кортеж двигался к выезду по центральной аллее парка. Раздался громкий щелчок — водитель закрыл центральный замок. Двери были заблокированы. Я испуганно вглядывалась в лицо своего спутника — он задумчиво смотрел вперед.

Мы подъезжали к стоянке, где была припаркована моя «Мазда». Сердце болезненно сжалось. Как мне хотелось выскочить из этого броневика и сесть за руль своей малышки! Рука опять нашарила ключ в кармане джинсов. «А что, если сбежать сейчас? Конечно, водитель заблокировал двери. Хорошо. Только во многих машинах все равно можно открыть дверцу. Просто надо дернуть за ручку не один раз, а два. Ведь центральный замок придумывался не для того, чтобы силой держать заложников внутри автомобиля, а

чтобы пассажиры не подверглись вторжению снаружи. Как же здесь все устроено? Поддастся ли мне дверь? Или этот нехитрый план провалится и меня потом накажут?» Я лихорадочно перебирала в голове все варианты развития событий. «Хуже не будет. А если я сейчас выпрыгну из машины? Допустим, я успею укрыться в своей «Мазде». Въездные ворота отеля очень прочные, из толстого железа, да еще и усиленные коваными элементами. Даже если я разгонюсь и протараню их, то, скорее всего, разобью себе передний бампер, а ворота только слегка качнутся. Ко мне тут же подбегут, вытащат из «Мазды» и опять посадят к себе».

Все эти мысли лихорадочно проносились в моей разгоряченной голове в ту минуту, когда процессия из трех джипов неумолимо приближалась к выезду с территории.

Вдруг я заметила машину, которая покидала стоянку. Тяжелые массивные ворота начали раздвигаться. В эту минуту мы поравнялись с моей «Маздой» и остановились. Водитель доставал пропуск, чтобы предъявить его охране на выезде. Я колебалась долю секунды. Поняв, что другого шанса у меня не будет, я с силой рванула ручку — дверь не поддавалась. Вадим Олегович повернул голову в мою сторону, но я дернула снова, и дверь открылась. Буквально вывалившись из высокого джипа, я бросилась к своей машине. Ноги затекли, тело было почти парализовано страхом, но я все-таки бежала.

К счастью, «Мазда» была в пяти метрах от меня. Яхватила ключ, на бегу открыла ее, и, дернув на себя дверь, очутилась внутри. В то самое мгновение, когда щелкнул центральный замок моей малышки, раздался оглушительный стук. Длинноволосый, опоздавший буквально на долю секунды, со злобой молотил по стеклу. Зверская морда качка сейчас полыхала такой ненавистью, что ее можно было запросто принять за исчадие ада.

Дрожащими руками я засунула ключ в замок зажигания. Несколько попыток провалилось, но, в конце концов, двигатель заработал. Я рванула с места, чуть не задавив

длинноволосого, который отлепился от моей машины в самый последний момент. Видимо, он не ожидал такой прыти от кисейной барышни и надеялся уговорить меня открыть окно. Учитывая его талант к убеждению, это могло сработать, но не сейчас и не здесь. Моя «Мазда» стремительно неслась к воротам, которые начали медленно закрываться. Промчавшись мимо изумленного охранника, которому полагалось показывать пропуск, я юркнула в узкую щель между створками. Справа раздался скрежет — все-таки задела бампером массивные ворота! Протиснувшись вперед, я нажала на педаль газа. Теперь меня могла спасти только скорость. До шоссе было два километра по неширокой лесной дороге. Конечно, трудно разогнаться на бесконечных поворотах, но у меня было преимущество во времени, ведь въездные ворота закрылись сразу за моей спиной. Теперь главное — поскорее попасть на шоссе.

У меня небольшой стаж вождения, всего год. Один мой хороший знакомый работал в ГИБДД и помог получить права. Там мне «поправили» дату рождения, и, вручая мне документы, он сказал:

— Только теперь смотри, не убейся. Молодая уж очень.

Вопреки его опасениям и страхам моей мамы, я ездила довольно аккуратно. Конечно, иногда подрезала другие автомобили; если очень торопилась, могла немного превысить скорость; но никогда не проезжала на красный свет и не выскакивала на встречную полосу.

Двигаясь по узкой дороге по направлению к Калужскому шоссе, я поняла, что пора освоить более экстремальный стиль вождения. Обогнав по встречной пару малолитражек, я услышала позади неодобрительные сигналы клаксонов. Раньше меня это могло смутить, но сейчас было не до того.

Меня быстро нагнали. Сначала я заметила едва различимые отблески в зеркале заднего вида, затем появились и сами преследователи. Колонна из трех громадных джипов с включенными мигалками очень быстро сокращала рас-

стояние между нами, загоняя на обочины попутные автомобили. Я прибавила ходу, но моя машина не тянула.

В зеркале заднего вида уже можно было различить лица преследователей, полные мрачной решимости. Поняв, что я еду на пределе своих возможностей, джип, который возглавлял колонну и следовал прямо за мной, вдруг резко прибавил ходу, обогнул меня слева по встречной, и встал поперек дороги, преграждая мне путь.

Я резко нажала на тормоз, раздался оглушительный визг. Машина хоть и не привыкла к такому обращению, но встала как вкопанная.

Увидев, как с обеих сторон ко мне несутся люди в черных костюмах, я опять нажала на газ и резко вывернула руль влево. Слева расстилалось незасеянное поле, бесхозное и заброшенное. По сути, это была всего лишь земля, ничем не огороженная и одинокая в отсутствие хозяина. Наверняка ее скоро купит какой-нибудь инвестор для массовой застройки.

Я быстро катила по полю, надеясь, что где-то подальше появится более верный способ вырваться на трассу. А уж там моя юркая малолитражка, пролезающая в любые дырки, даст сто очков вперед тучным внедорожникам.

Меня опять нагоняли, и теперь я по-настоящему испугалась, но потом разозлилась и решила: «Живой не сдамся! Да, Мила, так-то лучше. Тебя и не оставят в живых, если перестанешь бороться. Раньше, еще до побега, была хоть маленькая надежда, что богатый придурок просто вздумал поиграть с тобой от нечего делать. Сейчас, судя по зверским лицам преследователей, все стало очень серьезно».

В зеркале заднего вида снова показалась колонна из джипов. Водители не соблюдали дистанцию, видимо снова собираясь перекрыть мне путь. Медлить было нельзя. Был единственный способ остаться верной себе. Не струсить. Не сломаться. Не превратиться в грязь под ногами моих врагов.

Глава 5

НЕОЖИДАННАЯ ПОМОЩЬ

Я никогда не была отважной, скорее наоборот: рассудительной и осторожной.

И не трусила, нет. Участвовала во всех детских авантюрах: прыгала с обрыва в речку, лазила по деревьям, совершала набеги на чужие огороды, — но никогда не переступала границы разумного. Я доверялась своей интуиции, и если она мне подсказывала: «Не лезь туда», послушно ретировалась.

То, что я собиралась сделать, было полным безумием. Но очень не хотелось оставаться в сознании, когда эти голворезы вытащат меня из машины.

Мысленно попрощавшись со всеми, кого любила, я прибавила газу. Спидометр показал 120 км/ч — сильнее в поле было не разогнаться. Джипы тоже прибавили ходу — их это нисколько не затруднило. Мы ровной колонной ехали по желтой целине. Глубоко вздохнув, я отстегнула ремень безопасности и резко подняла ручной тормоз. Вся задняя часть машины заходила ходуном, с управлением мне было не справиться. Джип, который двигался прямо за мной, попытался было затормозить, а потом обойти меня слева, но у него не получилось. Я почувствовала сильнейший удар сзади и вцепилась в руль сразу двумя руками. Этот удар придал еще большее ускорение моей крошечной машинке, а преследователь оторвался и, проехав еще несколько метров, встал как вкопанный. Затем послышался скрежет тормозов, звук бьющегося стекла и еще один оглушительный удар. На этот раз обошлось

без моего участия — «Геленваген» с Вадимом Олеговичем влетел в первый джип. Водитель хозяйского «Мерседеса» тоже, наверное, не рассчитывал на такое резкое сокращение дистанции.

После удара моя машина резко взяла вправо. Краем глаза я заметила небольшую ямку, куда «Мазда» неумолимо стремилась левым передним колесом.

Все оказалось хуже, чем я думала. Автомобиль, и так потерявший управление, попав в небольшую впадину, перевернулся, сделав головокружительный кувырок в воздухе, и на одно мгновение приземлился прямо на крышу. В «полете» меня наклонило вперед, и я сильно ударилась лицом о боковую стойку. Мне запомнилась резкая боль, по лицу заструилась кровь. «Похоже, что рассечена бровь. Не так страшно», — словно в механическом сне соображала я. В следующее мгновение машина снова перевернулась и встала обратно на колеса. Приземляясь, я сильно ударилась о руль, в груди вспыхнула острая боль. «Интересно, это ребро сломано или просто ушиб?» В голове взрывались адские салюты, тело ныло от многочисленных повреждений. Я еще раз ощупала грудную клетку и, почувствовав, что боль стала затихать, заключила, что ребро все-таки цело.

Наверное, нужно было выйти из машины.

С усилием толкнув дверцу, я выпала из «Мазды» прямо на землю. Встать мне не удалось — тело, потрясенное болевым шоком, не желало подчиняться. Пришлось медленно ползти, выставляя руки вперед, с трудом подтягиваясь всем телом. Я отползла шагов на двадцать, заняв удобную наблюдательную позицию — сейчас мне хотелось просто узнать, что будет дальше. Сидя на мягкой земле, все еще по-летнему теплой, я пыталась ладонью остановить кровь, хлеставшую из раны на лице. Кровь заливала глаза, мешая мне наблюдать за происходящим. Оторвав от футболки небольшой лоскут, я прижала его вплотную к брови, и тонкий хлопок тут же намок.

Сознание я, вопреки собственным расчетам, не потеряла, даже наоборот: соображала очень четко. Стало очень радостно. Я восхищенно рассматривала свои оцарапанные руки и ноги в разорванных джинсах и понимала, что сегодня родилась заново. Волна горячей благодарности затопила меня изнутри — я даже рассмеялась, глядя на ясное осеннее небо. От страха не осталось и следа, и я с огромным интересом стала наблюдать за тем, что творилось вокруг.

А посмотреть было на что. Джип, врезавшийся в мою машину, очень сильно пострадал. Сработали подушки безопасности, но переднему пассажиру, тучному мужику с рябым лицом, это не помогло. Должно быть, он не был пристегнут, и открывшаяся подушка просто убила его. «Странно, а в моей машине айрбэг не сработал. Почему, интересно?»

Я посмотрела на первый, головной джип и увидела неподвижное лицо с остановившимся, безразличным взглядом. Впервые смерть была так близко от меня — но я чувствовала не страх, а эйфорию.

Похоже, кое-кто из компании преследователей разделял мое состояние. Водитель первого джипа, живой, но с сильно разбитым лицом, сидел за рулем и, кажется, не хотел выходить. Он очень тихо что-то говорил, глядя прямо перед собой, — может, молился?

Джип, в котором ехал Вадим Олегович, врезался в головной «танк», и только третий участник колонны, где ехали мои бритоголовые знакомцы из бассейна, остался невредимым, успев вовремя затормозить.

Все охранники, которые могли нормально передвигаться, сразу бросились к центральной машине. Из передней пассажирской двери показался татуированный, целый и невредимый. Он окинул меня хищным взглядом и стал приближаться. Я улыбнулась ему светло и искренне, как доброму другу.

Что ж, через несколько секунд моя жизнь должна была

прерваться. Это почему-то не пугало. Я отвела взгляд от длинноволосого и посмотрела на центральный джип. Один из охранников дернул ручку водительской двери, и шофер вывалился так, как падают не люди, но тела. Его взяли за плечи и оттащили в ближайшую канаву. У меня оставался всего один вопрос, перед тем как меня не станет: что с боссом?

Ответ я получила быстро: дверца джипа распахнулась, и вот, живой и без единой царапины, Вадим Олегович вышел из «Гелена».

Он огляделся, вынул из кармана пачку сигарет и с наслаждением закурил, будто не замечая происходящего. Казалось, он забыл про меня и просто наслаждается отличным осенним днем, съехав с дороги на заброшенное поле.

— Ты — маленькая сука! — медленно и с особым чувством произнесли прямо надо мной.

Я осторожно подняла гудящую голову. Кровь, которая вроде бы остановилась, начала опять струиться по лицу, заливая глаза.

— Я все еще нужна вашему шефу? — как можно более вежливо спросила я. — Нет? Ну, тогда я, пожалуй, пойду.

Конечно, смешно было предполагать, что меня отпустят.

— Ты угробила троих наших людей, — спокойно, четко проговаривая каждый слог, сказал длинноволосый.

— Троих? — удивленно подняв брови, переспросила я, словно вступая в светскую беседу. — А я видела только двоих — водителя машины, где ехал босс, и другого парня из первой машины.

Громила смерил меня суровым взглядом:

— Ты не все увидела. Ты вообще сейчас плохо видишь. — Он зло ухмыльнулся, глядя, как я пытаюсь отереть глаза от крови.

— Ну и вид у меня, должно быть! — весело и как-то невпопад сказала я.

Мне было совершенно не интересно, что произошло с теми, кто так безжалостно гнал меня через все поле к этому роковому месту. В моей душе не было ни капли жалости к этим людям. Я смотрела на татуированного и улыбалась.

— А ты боец. Мне будет жалко убивать тебя, — вдруг сказал он.

Я вздрогнула: это прозвучало страшно. Вдруг, как живая иллюстрация к его словам, к нам стал приближаться босс с кинжалом. Длинное лезвие поблескивало на ярком солнце.

Охранники, которых осталось пятеро, двинулись за шефом, глядя на меня с плохо сдерживаемой яростью. На секунду мне показалось, что это стая голодных волков; я тряхнула головой, пытаюсь отогнать жуткое видение, но оно не исчезло.

Чтобы отвлечься, я посмотрела вверх. На небе не было ни облачка. Рядом шумела трасса, и я отчаянно позавидовала тем, кто ехал сейчас по своим делам. Они могли надеяться, что в их жизни все будет хорошо. Что у них будет эта самая жизнь. У меня уже не было такой надежды.

Внезапно я увидела, что по полю к нам подъезжает большой автомобиль. Еще мгновение, и стал виден рисунок на кузове: огонь на фоне звездного неба или звезды на фоне огня.

«Рэйнджер» Роберта Стронга! Это никак не могло быть правдой: актер с мировым именем уверенно стремился попасть в эпицентр кровавой драмы. «Что здесь делает этот красавчик? Мы же не кино здесь снимаем, в конце концов».

Джип быстро приближался ко мне. Вокруг уже было полно народу — сверху нависал длинноволосый, босс с кинжалом стоял в двух шагах, секьюрити держались рядом с ним.

Стронг резко затормозил и, не заглушая двигателя, вышел из машины. Он неторопливо, прогулочным шагом

подошел к нашей теплой компании и остановился рядом с Вадимом Олеговичем. Видимо, сразу сообразил, кто здесь главный.

Я, наверное, выглядела жалко. Иначе как объяснить, что вместо холодной презрительной усмешки, которой обычно одаривал меня Стронг, я поймала на себе его нежный взгляд, наполненный неподдельным состраданием.

— Я смотрю, у вас тут авария. Люди погибли, — сказал он ровным голосом.

Шеф уставился на англичанина с нескрываемым удивлением. Видимо, инцидент тоже не прошел для него даром и сейчас он соображал так же плохо, как и я. Наконец он произнес:

— Парень, тебе пора идти. Мы тут сами разберемся.

Татуированный охранник молчал, пристально разглядывая Роберта.

— У вас тут девушка вся в крови. Ей нужна срочная помощь. Давайте я отвезу ее в больницу, — миролюбиво предложил Роберт, будто не услышав собеседника.

Он двинулся ко мне и протянул руку, чтобы помочь мне подняться. В это же мгновение его ударили в грудь — мужик с татуировками явно не одобрил намерения Стронга отвезти меня к врачу. Англичанин поморщился, но не согнулся, как должен был. Как ни крути, а у его обидчика были тяжелые кулаки размером с небольшой арбуз. Роберт сделал еще один шаг ко мне и улыбнулся, поразив меня до глубины души: настолько неожиданной была его улыбка здесь, среди разбитых машин, окровавленных трупов и толпы головорезов.

Вдруг что-то хлопнуло у него за спиной. «Стреляли!» — поняла я. Медленно, как во сне, я вытянула голову, и посмотрела туда, откуда раздался звук. Стрелявший, крупный парень с некрасивым бледным лицом, держал в вытянутой руке пистолет. Он во все глаза смотрел на спину Стронга, в которую целился и почему-то не попал. Было

видно, что он удивлен, ведь Роб стоял всего в паре метров от него. Охранник, приученный разить мишень со ста метров, не смог расстрелять человека в упор.

Все изумленно смотрели на Стронга. Мой спаситель воспользовался затянувшейся паузой, наклонился ко мне и тихо сказал:

— Быстро уходи.

— Я не могу, меня ноги не слушаются, — так же тихо ответила я.

— Тогда ползи и спрячься за какую-нибудь машину. Здесь сейчас будет жарко.

Вся компания безмолвно наблюдала за нами, никто не шевелился. Я стала послушно уползать к дымящемуся джипу. Меня не задержали. Все взгляды были обращены к Роберту.

— Он че, в бронежилете? — нарушил молчание кто-то из охранников.

— Да нет вроде, — ответили ему, — вон, рубашка расстегнута.

Я посмотрела на Роберта — он умудрялся ослепительно выглядеть даже в непростых ситуациях. На нем были простые синие джинсы и белая рубашка навывпуск. Пуговицы действительно были расстегнуты, обнажая красивую мускулистую грудь.

— А чего от него пуля отскочила? — по-детски спросил тот же голос сзади.

— А вы попробуйте еще раз, — вдруг спокойно ответил длинноволосый.

Дальше все происходило как на ускоренном просмотре.

Охранники отошли от Стронга шага на три, взяв его в плотное кольцо. В это же время длинноволосый и шеф отделились от толпы и быстро пошли к неповрежденному джипу. Я ожидала, что длинноволосый сядет за руль и увезет Вадима Олеговича, но они оба оставались рядом с машиной, просто наблюдая. Парни были удивительно спо-

койны, даже слишком, учитывая всю неправдоподобность ситуации.

В Роберта стреляли из пяти стволов, почти в упор. Он продолжал стоять, и его побелевшее лицо, казалось, превратилось в ледяную маску. Он не шевелился, принимая на себя шквал огня.

Из пистолетов, нацеленных на Стронга, вылетали пули. Достигнув своей цели, они не пробивали тело, а рикошетом отлетали обратно. Некоторые пули сплющивались и падали на землю. Было ощущение, что охрана пытается пробить бетонную стену. Все это выглядело настолько дико, что я уже ничему не удивлялась, вся превратившись в слух, ощущая почти на клеточном уровне происходящее рядом. Казалось, мне даже слышно было позвякивание пуль, скрежет и тихий шепот:

— Твою мать... Это что?

Скоро патроны в стволах закончились. Теперь парни в костюмах молча смотрели на Стронга, он же наблюдал за боссом и татуированным.

Молчание длилось целую вечность. Наконец Роберт обратился к Вадиму:

— Пацанов своих отпусти, молодые, жалко их.

«Да они старше его лет на десять, — машинально подумала я. — Нашел молодых!»

— О себе позаботься, — ответил татуированный. — Мужики!

Охрана очнулась; каждый из них постарался принять более устойчивое положение, готовясь к атаке. Я невольно отметила про себя, что персонал очкарика отлично вышколен.

Стронг насмешливо наблюдал за ними — внешне абсолютно расслабленный.

Наконец бугай, хамивший мне в бассейне, решил выступить против Роберта. У него было зверское выражение лица, но глаза — как у перепуганного мальчишки. Он явно сомневался, что справится с противником. Бритоголовый

двинулся на Стронга и уже занес кулак, чтобы ударить, но был остановлен легким движением руки. Тыльной стороной ладони Роберт по диагонали коснулся шеи своего противника, дотронувшись до мочки его левого уха, и тут же брезгливо отдернул ладонь. Громила ухнул и повалился навзничь. На земле он пару раз дернулся и затих. Бритая голова неестественно вывернулась набок, и я увидела его лицо: этот человек был мертв, окончательно и безвозвратно.

Роберт стоял и смотрел на других. В его взгляде по-прежнему читалось спокойствие, но в глазах появился стальной блеск.

— Он погиб, — отчетливо произнес Стронг, — если не хотите последовать его примеру, уходите.

Парни замерли в нерешительности, будто обдумывая его слова.

— Работать! — вдруг заорал Вадим Олегович, глядя на общее замешательство.

Охрана опять вошла в боевой режим, и на Стронга с разных сторон кинулись трое. Один из них сразу отлетел в сторону метра на три и уже не поднялся. Он корчился на земле и кричал от боли. Я уже ничему не удивлялась, хотя в голове не укладывалось, как этому стокилограммовому качку мог повредить легкий удар ногой, больше похожий на балетное па.

Стронг совсем не казался мощным, он не производил впечатления человека, раскалывающего орехи пальцами.

Избиение продолжалось. От англичанина отлетел следующий бритоголовый парень, двое других уже корчились на земле, истошно хрипя. «Откуда у Роберта такая мощь? Почему от него отлетают пули? Он что, бессмертный?» Я как зачарованная наблюдала за моим героем, не в силах пошевелиться.

Вскоре охраны не стало. Роберт оглянулся на меня, я изобразила слабое подобие улыбки, и он улыбнулся в ответ.

— Потерпи, — одними губами сказал он.

Я кивнула и тут же испуганно вскрикнула. Длинноволосый, наблюдавший за схваткой со стороны, вдруг легко сорвался с места и стремительно понесся вперед, прямо на Стронга. В руках у него было оружие — боевой самурайский меч, такой же, как в японском кино: длинный, слегка изогнутый, с круглой гардой.

Но клинок не сверкал сталью в лучах солнца. Его лезвие ровно светилось синеватым огнем горящего газа. Меч должен был не рубить противника, а сжигать его дотла.

Я испугалась за Роберта. Он смотрел на приближающегося головореза, ничего не предпринимая. Мне хотелось закричать: «Беги! Спасайся!» — но наружу вырвался лишь бессильный хрип. Я не знала, как помочь Стронгу, и болезненно съежилась.

Длинноволосый подбежал почти вплотную к Роберту и занес меч над его головой. В то же мгновение Стронг исчез и вновь появился уже за спиной нападавшего. Я подумала, что схожу с ума, и приказала себе успокоиться. Длинноволосый развернулся, ничуть не удивленный, и снова замахнулся светящимся клинком, но Роберт исчез, появившись где-то сбоку, по диагонали от противника. Он выбросил руку вперед и ухватил громилу за запястье руки, держащей меч. Мужчины начали бороться, яростно сверля друг друга ненавидящими взглядами. Никто не хотел уступать, силы были равны — и это казалось немыслимым, учитывая гигантские размеры татуированного и его нечеловеческий рост. Роберт же был высоким и стройным и выглядел скорее как модель из глянцевого журнала, но не как мощный боец.

Наблюдая за схваткой, я внезапно обнаружила, что могу двигаться. Пошевелив пальцами ног и рук и убедившись, что все на месте (после моих недавних трюков это было приятным сюрпризом), я попыталась встать. Медленно и неуверенно, словно новорожденный олененок, я выпрямилась на ногах, которые пока плохо меня слушались, и

пошла к дерущимся. Сделала два шага и снова обрушилась на землю — голова кружилась так, что я чуть не лишилась сознания.

Мне хотелось помочь Роберту, сделать что-нибудь для него, но встать я не смогла. Пришлось ползти, медленно перебирая ватными руками. Наконец я добралась до того места, где англичанин раскидал охранников.

Я поглядела на их лица — каждый из парней был однозначно мертв. Когда они нападали на Роберта, я видела, что он просто защищается. Теперь трупы выглядели так, будто на этих крепких парней напала целая стая опасных, безжалостных хищников. Окровавленные лица, разодранные в лоскуты, застыли с выражением истерического ужаса. Парни лежали в самых неестественных позах. Многие конечности были раздроблены, будто по ним проехал танк. Я не могла понять, как это произошло. Даже если Роберт Стронг какими-то секретными приемами наносил противникам смертельные удары, каким образом на этих телах появились множественные повреждения, да еще в таком диком количестве? Может, я что-то пропустила или на какое-то время потеряла сознание?

У меня не было ответов.

Глава 6

ПОЕДИНОК

Если бы вчера мне кто-то сказал, что я буду сидеть на заброшенном поле, живая и невредимая, в пятидесяти метрах от своей разбитой машины, в которой несколько раз перевернулась, что буду находиться в трех шагах от горы трупов и бесстрастно рассматривать мертвые лица тех, кто хотел причинить мне боль, а может быть, даже убить! Если бы вчера мне кто-то сказал, что я, затаив дыхание, буду наблюдать за боем моего похитителя с моим спасителем... Если бы вчера мне кто-то сказал, что моим героем окажется самый востребованный молодой актер Голливуда, кумир молодежи, англичанин, красавец... Наверное, я рассмеялась бы в лицо такому шутнику и сказала бы: «Ну и фантазия у тебя!»

А сейчас я наблюдала за происходящим безо всякого удивления, но с огромным душевным трепетом. Странно, но смерть совсем меня не пугала. Я откуда-то знала, что не погибну, и верила в своего героя, Роберта Стронга, который примчался ко мне на помощь, а сейчас сражался за мою жизнь.

Светящийся синий меч отлетел в сторону, и противники сошлись в рукопашном бою. Я никогда раньше не видела таких приемов. Даже мне, человеку, имевшему очень слабое представление о восточных единоборствах, было ясно, что такую схватку не покажут ни в одном боевике. Разве что в «Матрице», где Нео, за несколько минут обучившись всем боевым искусствам мира, взмывал в воздух.

Сейчас мне пришлось наблюдать за тем, как два человека, пренебрегая принципами земного тяготения и законами физиологии, дрались на земле и в воздухе, яростно откидывая друг друга на десяток метров. Вот татуированный громила обрушил свой огромный кулак прямо на голову Роберта, отчего англичанин отлетел далеко в траву, приземлившись прямо на спину. Обычный человек не встал бы после такого падения, но мой герой быстро поднялся и вновь кинулся к великану.

Стронг подхватил противника на руки, а затем, словно пушинка, взмыл в небо, не выпуская добычи. Здоровяк всеми силами пытался освободиться из цепких объятий Роберта. Он громко и протяжно закричал и тут же был сброшен вниз с десятиметровой высоты.

Длинноволосый вошел в землю, как нож в кусок теплого масла. Он погрузился в грунт по колено и стал торопливо освобождаться, но не успел — Роберт обрушился на него сверху, нанося сильные удары по голове и спине. У моего спасителя сейчас было заметное преимущество — он был полностью свободен, тогда как его соперник еще сильнее увязал в рыхлой земле. Но, надо отметить, что Роберту пришлось изрядно повозиться с этим монстром, тогда как с бритоголовыми в черных костюмах у него проблем не возникло. Парни безмолвно покоились теперь на этом поле, поверженные одним точным ударом. Они, несомненно, были совсем из другого теста, чем этот, в татуировках.

Стронг наносил удар за ударом, но его противник все еще сопротивлялся. Наконец Роберту удалось загнать своего соперника по грудь в мягкую почву. Волосатый рычал, как дикое животное, от унижения и боли, с остервенением хищника, которого долго гнали и, наконец, бросили в клетку. Он предпринимал все новые и новые попытки освободиться, но, видимо, основательно завяз. Он был весь изранен, лицо, и без того безобразное, сейчас напоминало кровавое месиво. Беззубая пасть то и дело открывалась, и оттуда доносились страшные вопли. Наверное, он прокли-

нал всех нас, по вине которых теперь торчал здесь, вкопанный в землю, как фонарный столб.

Я силилась понять, что он выкрикивает, но быстро поняла, что говорит он по-японски, и ничуть не удивилась этому, — видимо, в его кругу все знали этот язык. «А кстати, где Вадим Олегович?»

Я огляделась и вспомнила, что в последний раз видела его рядом с единственным уцелевшим джипом. Он и его татуированный приспешник наблюдали со стороны, как Роберт расправляется с охранниками. Теперь, оставшись в одиночестве, Вадим Олегович уже не стоял у автомобиля, а сидел за рулем.

Тонированное стекло было опущено, и шеф наблюдал за происходящим. Судя по напряженному выражению лица, он уже понимал, чем закончится вся эта драка. Я видела, как на его лице сменялись эмоции — он, должно быть, несколько раз менял решения. Видимо, взвешивал — вмешаться ему или покинуть поле битвы, не подвергая себя опасности, как это сделал выживший после аварии водитель джипа. Наконец приняв решение, он с ненавистью посмотрел на Роберта, затем повернул свое холодное лицо в мою сторону и пробуравил меня убийственным взглядом. Если бы взглядом можно было уничтожить или покалечить, я бы сейчас наверняка корчилась в конвульсиях. Но со мной все было в порядке. Я встретила его взгляд и холодно усмехнулась. Он уже был мне не страшен. И хотя я сидела, беззащитная и неподвижная, на земле, а он был за рулем огромного джипа и легко мог переехать меня пополам, я знала, что мне ничего не угрожает. Я была абсолютно в этом уверена.

Решив бежать, Вадим Олегович нажал на педаль газа. Джип стремительно развернулся на 180 градусов и стал удаляться прочь. Я перевела взгляд на вкопанного в землю громилу. На секунду мне стало даже жаль его. Он смотрел вслед своему шефу с какой-то нечеловеческой тоской во взгляде. Казалось, что силы покинули его.

Татуированный обреченно взглянул в глаза своему противнику и что-то сказал — тихо и с расстановкой. Роберт внимательно слушал, не пытаясь перебить, и лишь иногда кивал, будто соглашаясь. Наконец громила затих и опустил голову.

Неожиданно Роберт отошел от противника, пошарил взглядом в траве — и поднял с земли рукоять меча, которым некоторое время назад его пытались убить. Не успела я удивиться отсутствию клинка, как над рукоятью опять вспыхнуло синее пламя. Длинноволосый проследил взглядом за своим мечом, а затем устремил взор ввысь, что-то шепча.

Стронг не спешил к врагу. Он продолжал двигаться по полю, внимательно глядя под ноги. Наконец он подошел к тому месту, где еще несколько минут назад стоял джип Вадима Олеговича, наклонился и поднял с земли еще один предмет. В его руке блеснула рукоять, инкрустированная гладкими цветными камнями. «Еще до появления Роберта босс хотел убить меня этим кинжалом. Зачем же он его оставил здесь? — недоумевала я. — Вадим не потерял контроля над собой, он специально оставил кинжал на этом самом месте — но зачем?»

А дальше и вовсе стало происходить невообразимое: Роберт начал вытаскивать своего соперника из глубокой ямы, в которой тот находился последние несколько минут. Длинноволосый никак не помогал ему, вдруг обмякнув и лишившись сил. Его глаза заплыли от обширных гематом, а руки от пальцев до плеч были в крови, в жутких ссадинах и порезах.

Наконец Стронг с видимым усилием вытащил громилу и распластал его на земле, а сам сел рядом, тяжело дыша. Видимо, он в первый раз смог перевести дух после страшной схватки. Я смотрела на него во все глаза. Роберт отвечал мне прямым взглядом, суровым, полным мрачной решимости. Так мог смотреть лишь человек с чистой совестью, не стыдящийся своих поступков.

Тем временем поверженный враг начал шевелиться, пытаясь подняться. Я видела, с каким усилием он оторвал голову от земли, как повернулся на бок, чтобы из этого положения хотя бы присесть.

Похоже, мужику было очень плохо. Трудно было поверить, что идеальное тело Роберта Стронга, с гладкими, красивыми мускулами, может быть настолько сильным, чтобы одолеть огромного головореза, который сейчас корчился от боли. И потом, эти странные исчезновения и появление совсем в другой точке... Что это еще за фокусы?

Тем временем татуированный сделал над собой усилие и встал на колени. Затем переместил вес своего тела назад и теперь сидел смиренно, словно примерный ученик, внимающий своему учителю в школе боевых искусств. Его спина была прямой, а голова — высоко поднятой. Я понимала, каких усилий ему это стоило.

Громила сидел, словно застыв; его лицо было исполнено величавого спокойствия. Сейчас, даже несмотря на уродливые шрамы и запекшиеся кровавые сгустки, его профиль казался мне почти прекрасным. Он повернулся к Роберту и что-то сказал ему; тот кивнул, поднял с земли кинжал и подал своему противнику.

Я не верила своим глазам: «Зачем он это сделал? Ведь длинноволосый мог лишь притворяться слабым, а сейчас, заполучив в руки оружие, вновь захочет напасть!»

Но этого не произошло. Видимо, Стронг знал, чего ожидать от врага.

Его поверженный соперник взял кинжал, бережно отер его ладонью и благодарно посмотрел на Роберта. Англичанин поднял меч — и клинок снова зажегся синим.

Стронг обошел громилу и встал сбоку него, занеся меч над его головой.

Вдруг татуированный в мгновение ока сорвал с себя остатки одежды, опустил голову и, крепко зажав в руке кинжал, поднес его к животу. Затем воткнул в себя, очень

глубоко. Я закричала, но крик замер у меня на губах. Самоубийца прорезал свой живот поперек, от левого бока до правого. Затем, с видимым усилием, — вертикально, от диафрагмы до пупка.

При этом громила не издал ни звука.

Я заметалась на месте — что, черт возьми, происходит? Да, этот человек — преступник и его следует наказывать за то, что он пытался похитить меня. Конечно, его нужно сдать куда следует. В милицию, или куда там полагается? Но заставить его кончать свою жизнь самоубийством... Я посмотрела на холодное, как застывшая маска, лицо Стронга, который внимательно следил за действиями своего врага. Теперь я была почти уверена, что именно Роберт заставил противника пойти на этот чудовищный шаг. В моей душе боролись противоречивые чувства — я была искренне благодарна Роберту за свое спасение, но все его действия казались мне вопиюще жестокими. Сейчас я видела перед собой не молодого красивого парня, а беспощадную машину для убийств. Никто не уцелел, сражаясь с ним. Тело самоубийцы, который стоически терпел мучения, не издав ни звука, качнулось вперед, и в это же мгновенье удар меча в руках Роберта Стронга оборвал его жизнь навеки. Я опять закричала, и на этот раз мой крик оказался резким и пронзительным. Я не отрываясь смотрела на обезглавленный труп. Голова, отделенная от туловища, начала искривиться, как будто в нее попал электрический разряд. То же самое стало происходить и с телом. Вскоре останки вспыхнули прозрачным синеватым огнем, разгораясь все сильнее и сильнее. Затем все это полыхнуло, будто туда плеснули бензина, и, коротко осветив все вокруг мерцающим светом, резко погасло.

Труп исчез, на его месте осталась лишь горстка золы. «Как он смог так быстро догореть дотла? Почему он вообще загорелся, этот мертвый громила? И что это за светящийся меч, которым ему отрубили голову? И почему он убил себя сам таким диким средневековым способом, как

Самурай, не выдержавший позора поражения? И что все это значит?»

— Кто ты? — беззвучно, одними губами, спросила я.

Стронг приближался ко мне, божественно прекрасный, словно ангел возмездия. Я любовалась его лицом, литыми мускулами, легкой грациозной походкой. Роберт двигался, как хищник, стремительно и бесшумно; он был жесток, как зверь, и так же опасен — но я не боялась его.

Он подошел, сел рядом на траву — так близко, что я почувствовала биение его сердца, — и посмотрел мне в глаза, будто желая прочесть мои мысли.

— Никто и никогда не причинит тебе вреда, — вдруг тихо и отчетливо сказал он.

Я уже хотела поблагодарить его за спасение, но тут Роберт нежно погладил меня по щеке — и я онемела, трепеща от этой неожиданной ласки. Стронг легонько провел пальцем по моим губам, коснулся моих волос и наклонился еще ближе. Я почувствовала, что он хочет меня поцеловать, но не может решиться. Его руки дрожали. Он смотрел на меня внимательно и нежно, а его тело дышало таким жаром, будто готово было воспламениться, словно факел.

Я вспомнила горящего громила и отстранилась.

— Почему ты заставил его покончить с собой? — вопрос, который невозможно было не задать.

Стронг быстро убрал руку с моего лица и отвернулся. Он несколько раз глубоко вздохнул, как будто приводя в порядок свои мысли. Затем вновь посмотрел на меня. Сейчас его взгляд уже не был столь нежным, он просто внимательно разглядывал меня, словно впервые видел. От его тела теперь исходило ровное тепло, от жара не осталось и следа.

Роберт снова был спокоен, абсолютно спокоен, и больше не делал попыток прикоснуться ко мне. Казалось, он даже не хотел этого.

— Он сам выбрал способ покинуть этот мир, — пояснил мой спаситель минутой позже. — Просто не мог ина-

че. Поступить по-другому для него значило бы опозорить свое имя в веках.

— А он кто такой?

— Долго объяснять.

— У меня достаточно времени, в универ я уже опоздала.

— Сюда сейчас понаедет куча народу, нам надо убраться, — спокойно сказал Стронг.

— Что делать с машиной? — спросила я. — Узнают, чья, и найдут меня. Замучают вопросами, на которые я не знаю ответов.

Роберт усмехнулся:

— Не бойся, не найдут.

Он встал и направился к моей разбитой машине. Я с трудом выпрямилась и, медленно перебирая ватными ногами, двинулась за ним.

«Мазда» стояла в стороне от других покореженных автомобилей, и я с трудом узнала ее. Теперь это была груда металлолома, а не блестящая новенькая малолитражка. «Бедная моя букашечка!» Я провела рукой по разбитому заднему крылу, дотронулась до промятой крыши, прощаясь со своим первым автомобилем, забрала сумку с пассажирского сиденья и провела пальцем по рулю. Тем временем Роберт снял с «Мазды» номера и быстро сказал:

— Открой капот.

Я нащупала снизу под рулем маленькую ручку и дернула. Раздался щелчок. Стронг поднял крышку капота и скрылся из виду. Послышался какой-то скрежет, полетели искры. «У него что, сварочный аппарат при себе? Чем он занят?»

Наконец Роберт закрыл капот и подошел ко мне:

— Номер на двигателе уже не читается. Машину не опознать.

— Но как? Как ты смог? — Я не переставала удивляться.

— Ты должна убрать из машины все следы своего присутствия, — приказал он, проигнорировав мой вопрос.

Я снова полезла в автомобиль. В бардачке обнаружили несколько дисков с любимой музыкой, бутылка минеральной воды без газа и плитка горького шоколада; я сгребла все это в охапку и огляделась еще раз, чтобы ничего не забыть. На заднем сиденье лежал зонтик.

— У тебя есть какая-нибудь тряпка? — спросил Роберт.

— Носовой платок в сумке лежит, — подумав, сказала я, — а зачем?

— Давай, — потребовал он.

Я протянула ему батистовый платочек, украшенный причудливой вышивкой — мама любит такие штучки и постоянно рассовывает их по моим карманам. Стронг взял платок и стал медленно, очень тщательно протирать все поверхности в салоне моего автомобиля. Он долго тер руль, торпеду, кнопки открывания стекол, ручки... Я молча наблюдала за ним. «Почему он так заботится обо мне? Он что, попал на ту же самую удочку, что и другие мужчины? Опять мой дурацкий дар? Опять спасибо папочке? Да ну, ерунда, Роб не такой, как остальные».

Закончив уничтожать следы моего пребывания в автомобиле, англичанин вышел наружу и распорядился:

— Поехали, у нас мало времени.

Я пошла за ним к «Рэйнджеру», подхватив взятые из машины вещи и сумочку. Руки не хотели слушаться, и мои нехитрые пожитки падали на землю. Роберт усмехнулся:

— Давай помогу. Ты ужасно несобранная.

Он поднял с земли зонтик, коробку с дисками, воду и понес в руках. Я семенила за ним, постоянно поправляя съезжающую с плеча сумку. Растерянность и усталость сделали меня очень неуклюжей; я чувствовала себя маленькой девочкой, смешной и жалкой.

Роберт бросил мои вещи на заднее сиденье джипа и обошел автомобиль, чтобы помочь мне забраться

внутри. Когда я подошла к пассажирской двери, он подал мне руку. Его ладонь была нежной и очень твердой одновременно. Меньше всего она походила на размашистый кулак татуированного громилы, который, казалось, был создан, чтобы разить неприятеля. Но татуированный превратился в горстку золы, тогда как его противник, живой и невредимый, помогал мне теперь сесть в машину.

Я поехала. От рук Роберта Стронга, от этих красивых, нежных рук, сегодня погибли люди. «Кто он — прекрасный ангел или страшный демон? Он убивает лишь в том случае, когда борется со злом? С несправедливостью, как сегодня? Или, может быть, он получает удовольствие от своих чудовищных способностей, легко справляясь даже с самым сильным противником? И отчего меня так влечет к нему?»

Мне всегда казалось, что я не способна увлечься мужчиной, тем более популярным. Общеизвестные красавцы всегда вызывали у меня еще большее отторжение, чем обычные мужчины. А сейчас я попала в ловушку, в которой уже запутались миллионы молодых девушек, смотревших фильмы с участием Роберта Стронга.

Будто почувствовав мое смятение, англичанин взял меня за плечи и, слегка приподняв, буквально вдавил в пассажирское кресло.

Он ушащенно дышал, глядя мне прямо в глаза, затем крепко взял мое лицо двумя руками и слегка сжал. В его глазах опять полыхал огонь. Я прочла в них такую страстную потребность обладать мной, что мне стало по-настоящему страшно. Я уже понимала, насколько силен этот человек. Помимо страха, где-то в глубине моей души зарождалось ответное чувство к нему. Прислушиваясь к бешеному ритму своего сердца, я буквально задыхалась от нахлынувших эмоций.

Никогда и ни с кем я не заходила так далеко. Мне было непонятно, что делать, если он решится меня поцеловать.

Отстраняться не хотелось, да и не получилось бы. Роберт знал, как обезоружить девушку. И не только девушку. Вспомнив гору трупов на поле, я невольно нахмурилась. Стронг спросил шепотом:

— Что такое?

Его губы в этот момент почти коснулись моих, и я вспыхнула. Язык будто прилип к небу, и я не смогла ничего ответить. Мне было страшно, и в то же время я страстно мечтала, чтобы он поцеловал меня. Дыхание участилось. Он стоял почти вплотную, прижавшись ко мне всем телом, и я чувствовала, как вздымается его грудь. По коже пробежали мурашки. Что со мной происходит, черт побери?

Наконец Роберт сказал:

— Пора убираться отсюда.

Резко отпрянув, он развернул меня на сиденье и захлопнул дверцу, а затем обошел джип и сел за руль. Взвизгнув тормозами, «Рэйнджровер» понесся по полю, огибая место аварии. Мы промчались мимо «Мазды» и черных джипов. Искалеченные тела охранников лежали чуть поодаль, и я вздрогнула, увидев их вновь.

Как мне захотелось, чтобы это был всего лишь сон! Страшный сон.

Я посмотрела на Роберта. Он бесстрастно следил за дорогой.

— Почему этот парень в татуировках вспыхнул, словно его бензином облили и подожгли? — наконец решила я.

Роберт промолчал.

— А те парни из охраны, которые лежат на поле, — продолжила я свой допрос, — как у тебя это вышло?

Роберт усмехнулся одними губами и прибавил скорости.

— Нам надо поскорее убраться с места происшествия. Скоро сюда приедет патрульная машина. Поднимется шум, начнут подтягивать свидетелей, — наконец сказал он.

— Как ты узнал, что мне нужна помощь? — Я продол-

жала засыпать его вопросами, уже не надеясь получить ответы. Первый шок прошел, и теперь моя голова буквально взрывалась от изумления.

Роберт выехал с поля и уверенно свернул на узкую тропинку, про которую знали только местные. Мы попали в березовую рощу — по этой дороге я обычно возвращалась домой.

— Ты знаешь, где я живу?

Роберт промолчал.

— Откуда? Я ведь пока никого из универа к себе в гости не приглашала.

— А зачем мне спрашивать у кого-то? Все, что мне нужно, я выясняю сам.

Я воспользовалась тем, что он стал со мной разговаривать, и спросила:

— Что им было нужно от меня?

Роберт резко затормозил, вывернув руль направо. «Рэйнджер» остановился метрах в пяти от тропинки, по которой мы ехали. Стронг буквально выпрыгнул из автомобиля, хлопнул дверцей и быстро пошел к деревьям, затем остановился и посмотрел на меня. Я тоже вышла из джипа и встала в нерешительности, опасаясь подойти к англичанину. Мне было непонятно, почему мой вопрос вызвал такую бурю эмоций.

— Что им было нужно? — закричал Роберт с отчаяньем в голосе. — Ты что, действительно не понимаешь, что им всем от тебя нужно?

«О, с акцентом заговорил — от волнения, наверное. Слава богу, а то я уж стала подозревать, что это никакой не голливудский актер, а секретный агент КГБ Василий Иванов», — подумала я невпопад и спросила:

— Что ты имеешь в виду?

— Не строй из себя наивную девочку! Тебе прекрасно известно, какими способностями ты обладаешь.

Я внимательно посмотрела на него. Дело приобрело новый оборот. Он что-то знает обо мне.

Я шагнула к Роберту, протянула руку к нему и спросила:

— Скажи мне, что с тобой?

Роберт засунул руки в карманы джинсов и с горечью произнес:

— Мне следует держаться подальше от тебя.

«Вот это новости! Только что он рисковал своей жизнью, чтобы спасти меня, а теперь собирается держаться подальше?»

— Тебе не кажется, что с этим мы уже несколько опоздали? — спросила я; Роберт улыбнулся, и я поспешила закрепить впечатление цитатой:

— Думаю, это — начало большой дружбы!

— Дружбы? — Стронг скривился, как от зубной боли. — Ты серьезно? Неужели ты действительно думаешь, что я могу удовлетвориться одной лишь дружбой с тобой?

— А что такое? — совершенно искренне спросила я.

— Неужели хоть один парень сможет дружить с тобой? — воскликнул Роберт. — Ты же знаешь, все сходят с ума, как только видят тебя!

— По-моему, ты сильно преувеличиваешь, — возразила я, — многие мужчины равнодушны ко мне.

Я вспомнила сегодняшних громил, которых послал Вадим Олегович, и мне снова стало дурно. Они явно не испытывали ко мне ни малейшего влечения. Или были хорошо вышколены и умели скрывать свои эмоции. Странно, ведь парни покоятся сейчас в чистом поле, а мы здесь, совсем недалеко от рокового места, обсуждаем дружбу. Нашу дружбу. Мне опять показалось, что я сплю, но Роберт развеял это заблуждение, сказав:

— Мне известно, кто ты. Я старался не поддаваться тебе. Нет, не так, я постараюсь не поддаться тебе. Ведь, если не смогу противостоять этому, нам обоим будет...

— Хорошо? — с надеждой в голосе спросила я.

Он промолчал, опустив голову, как провинившийся до-

школьник. Затем поднял лицо и посмотрел на меня долгим, пронзительным взглядом.

— Хочешь знать, что я чувствую? — проговорил он. — Больше всего на свете мне хочется сейчас схватить тебя на руки и отнести в машину, в дом, в квартиру — в любое закрытое пространство, где на тебя никто не сможет смотреть, кроме меня, и никто не сможет прикасаться к тебе. Только я. Мне хочется дотрагиваться до тебя, гладить тебя, ласкать каждый сантиметр твоего тела. И в то же самое время мне хочется накинуться на тебя, разорвать твою одежду, овладеть тобой, грубо, чтобы тебе было очень, очень больно. Мне хочется делать это снова и снова, не зная сна, не выпуская тебя из своих рук ни на секунду. Ты пробуждаешь во мне самые высокие чувства и самые низменные инстинкты, ты сеешь смуту в моей душе. У меня внутри бушует ураган, сминающий, разрушающий все, что я чувствовал и знал до этого. — Он умолк на мгновение.

Я стояла, пораженная услышанным, и не знала, что на это ответить.

— Ты хоть понимаешь, каких усилий мне стоит держать себя в руках, не наброситься на тебя прямо здесь? Тебе известно, что каждое твое движение, каждый жест, звук твоего голоса, улыбка — все это создано для того, чтобы вызывать дикую, необузданную страсть в мужчинах? Обладай такими способностями другой человек — более расчетливый и жестокий, — он бы уже давно завоевал свою часть мира. Но дар достался тебе. И я уже начинаю ненавидеть тебя за это!

Роберт снова замолчал, переводя дыхание.

— Что ты можешь знать обо мне? Мы ведь знакомы всего два дня? — с вызовом спросила я.

— Я знаю тебя давно. Я все знаю о тебе. Ты... — сбивчиво заговорил он и осекся. — Твой гребаный талант так действует. Разве ты еще не знаешь? Любой парень, находясь с тобой, чувствует то же самое, что и я. Причем сра-

зу. Каждый из них видит в тебе то, что мечтает увидеть в женщине. Всем нужно что-то свое, особенное. Кто-то видит особенный взгляд. Кто-то улавливает интонацию, которая способна превратить его в маньяка. Их так много, этих «крючков», на которые можно попасться. Несколько мгновений, и бедняга уже у твоих ног. Ты — идеальное орудие.

Его слова поразили меня. Я пользовалась своим даром — но никогда не знала, что он действует так сильно. Внезапно я поняла, что причиняю людям одни только страдания. Сколько сердец я разбила, сколько судеб сломала, даже не задумываясь об этом...

Будто прочитав мои мысли, Роберт сказал:

— Слава богу, это стало принимать такие масштабы совсем недавно, не больше года назад.

«Откуда он может это знать?»

— Да, ты всегда дружила с парнями, они помогали тебе во время контрольных работ по алгебре, которую ты всегда не любила. Они боролись за право проводить тебя до дома. Иногда дело доходило до настоящих драк, но ты этого не замечала.

«Откуда?!» Я, наверное, даже рот открыла от изумления. Желание узнать, что же сегодня такое произошло, отступило перед удивлением: англичанин необычайно осведомлен о моей жизни. Это пугало и завораживало одновременно. Похоже, он не соврал, заявив, что давно знает меня.

Роберт грустно усмехнулся и сказал чуть более спокойно:

— Тебе еще многое предстоит понять. Поговори со своим отцом. Пора.

— А что он может мне сказать? — озадаченно поинтересовалась я. — Он почти ничего обо мне не знает. Да и видимся мы очень редко.

— Отцу не надо быть с тобой каждую минуту, чтобы знать о тебе все. По крайней мере, он понимает, кто ты.

— И кто же я?

Стронг не ответил.

Я жадно вдыхала свежий, чуть горьковатый воздух. Нежный осенний денек дарил прохладу окружавшему нас лесу. Солнце пробивалось сквозь ветки деревьев, озаряя своим сиянием все вокруг. Земля под ногами была усыпана золотыми листьями. Весело щебетали птицы. Все это я видела и чувствовала благодаря Роберту, спасшему мою жизнь.

Мне захотелось поблагодарить его хотя бы словами; я решительно шагнула вперед и приблизилась к Стронгу вплотную, дотронувшись до его руки. Он задрожал всем телом. Только сейчас я по-настоящему осознала силу своей власти над ним. Казалось, он вот-вот утратит контроль над собой и набросится на меня.

Честно говоря, я была не против.

Мне никто и никогда по-настоящему не нравился. В свои семнадцать я даже толком ни с кем не целовалась. Да, меня обнимали и пытались целовать, но я уворачивалась и уходила от настоящих ласк, а теперь вот, кажется, созрела.

Мне захотелось ощутить губы Роба на своих, почувствовать, как его сильные руки ласкают мои волосы, плечи. Я мечтала подарить свою нежность тому, кто был мне по сердцу. Конечно, рано говорить о любви; но я была безумно рада, что именно этого парня держу за руку здесь, в осеннем лесу, пропитанном щебетанием птиц и солнечным светом.

Я улыбнулась Роберту. Он смотрел на меня сверху вниз, чуть склонившись к моему лицу. Я встала на цыпочки и неуверенно прикоснулась губами к его губам — теплым, почти горячим. Я совсем не знала, что делать дальше, и мне стало страшно — а вдруг Роберт не ответит?..

Англичанин не дал мне додумать. Он прижал меня к себе так крепко, что на секунду мне послышался треск

собственных ребер. Роберт жадно целовал меня в губы, его руки судорожно ласкали мое тело. Он стонал от страсти, как дикий зверь. На мгновение его жар испугал меня, но в следующую секунду я вновь безраздельно отдалась новым ощущениям и забыла обо всем на свете. Я не знаю, сколько времени продолжался наш поцелуй, но он был незабываемым.

Казалось, Роберт никогда не выпустит меня из своих объятий. Наконец, когда я уже еле стояла на ногах, он резко оттолкнул меня:

— Я не должен был...

Его серые глаза были исполнены такой страсти, что я невольно отшатнулась:

— Ты не должен был целовать меня?

— Я не должен был поддаваться тебе. На меня не должны действовать твои чары.

Я с удивлением уставилась на него:

— Почему?

— Потому что на Ясного не может воздействовать ни одна сила, — запальчиво выкрикнул он.

— На... кого? На Ясного? — обескураженно переспросила я.

Он устало покачал головой:

— Я уже и так много тебе сказал. Да и ты сама многое сегодня увидела. Садись в машину, я отвезу тебя домой.

С этими словами он подошел к «Рэйнджроверу» и распахнул пассажирскую дверь. Я послушно устроилась на сиденье.

Мы двинулись с места и первое время молчали. Роберт мрачно смотрел на дорогу, а я не решалась заговорить, хотя у меня накопилась уйма вопросов.

Наконец он произнес:

— Ты говорила, что существуют мужчины, на которых ты никак не влияешь.

Я утвердительно кивнула головой, забыв о том, что он не смотрит на меня, а занят дорогой.

— Так вот, ты должна кое-что понять. Мужчина так устроен, что он не в состоянии делать два дела одновременно и в одно и то же время переживать два сильных чувства. Его мысли либо свободны, и он может пустить туда женщину, либо заняты каким-нибудь важным делом, и тогда ему не до любви. Конечно, я знаю о некоторых твоих поклонниках. Они очень успешны, у них полно дел, обязанностей, задач. Денег. Но все это можно отодвинуть на второй план, на время стереть из памяти, и тогда — место для тебя свободно. Входи, Мила! Устраивайся поудобнее! Совсем по-другому происходит, если у мужчины есть миссия, предназначение в этой жизни. Тот самый высший смысл, от которого никуда не денешься. А главная миссия мужчины — охранять. Свою семью, детей, любимую. Босса наконец, если за это платят.

— Так вот почему... — воскликнула я и оборвала фразу.

Не хотелось вслух говорить то, что мне пришло в голову.

Я вспомнила телохранителей Алексея Львовича. Их босс не сводил с меня влюбленных глаз, а они сами оставались бесстрастными и воспринимали меня только как источник возможной угрозы для Руднева. Значит, они выполняли свою миссию. Выполняли добросовестно, не размениваясь на пустяки, не допуская в свои головы никакие другие мысли. Я невольно почувствовала уважение к этим парням, настоящим профессионалам своего дела.

В памяти вспыхнули и другие воспоминания. Секьюрити Вадима Олеговича тоже были весьма равнодушны ко мне. Что ж, и он выбрал правильных людей, которые защищали его до последнего, а он... Послал их на смерть. Бросил своего верного помощника, и тот предпочел умереть, чем осознать, что проиграл бой. Трагические события этого, самого страшного дня в моей жизни никак не хотели стираться из памяти.

Роберт протянул руку в мою сторону, и я подумала, что он хочет дотронуться до меня. Сердце бешено забилося — но он лишь достал из бардачка бутылку минералки. Отхлебнув из бутылки, Роб продолжил:

— В таком случае мужчина испытывает лишь мимолетный интерес к происходящему вокруг. В том числе и к тебе, хоть ты и являешься сильнейшим оружием массового поражения. Я уже говорил тебе об этом. Ты думала, я шучу?

— А у тебя есть миссия? — тихо спросила я, кажется понимаю, к чему он клонит.

— Ты же поняла сегодня, что я сильно отличаюсь от людей, — Роберт сделал паузу, — от других людей.

— Кого ты охраняешь?

— Тебя, — спокойно ответил он, — и я обещаю убить любого, кто хотя бы попробует причинить тебе вред.

Меня покорило от слова «убить», но я продолжала допытываться:

— Значит, сейчас я — твоя миссия?

— Я нужен тебе. Я давно это понял. Я давно слышу тебя, — отрывисто произнес Роберт.

— Слышишь? Ты о чем?

— Я еще вчера знал, что сегодня тебе понадобится моя помощь. Именно поэтому успел вовремя.

Он помолчал и добавил очень тихо, едва различимо:

— Я не должен был так реагировать на тебя. Я попросту не способен на это. У меня совсем другое назначение в этом мире.

Его нежный мелодичный голос, приятный, сводящий с ума девушек всего мира, сейчас звучал надломленно. «Какое еще может быть предназначение у такого мужчины — красивого, успешного, талантливое, — если не любовь? Кому же тогда назначено любить, если не ему?»

Я не решилась озвучить свою мысль — просто не было сил. Мне хотелось только одного: упасть в свою уютную постель и быстро заснуть, забыв обо всем. Кроме него. Роберта мне забывать не хотелось.

Стронг неспешно вел машину. До моего дома оставалось совсем чуть-чуть. «Откуда он знает, где я живу? Я, кажется, спрашивала его об этом, но он ничего не ответил».

Роберт выглядел абсолютно спокойным, но, приглядевшись, я заметила у него на шее голубоватую пульсирующую жилку.

— Не обращай внимания, — усмехнулся он, почувствовав мой взгляд, — как только ты выйдешь из машины, я успокоюсь. Пока мне тяжело себя контролировать, но это пройдет. Я справлюсь.

— Еще один вопрос, — попросила я, — а если сердце мужчины занято другой женщиной, как он среагирует на меня?

— Для мужчины главное — его дело. Женщины — это совсем другое. Никто из них не сможет сравниться с тобой.

— Боже, значит, я могу невольно разбить любые отношения? И семью тоже?

Он промолчал. Я сидела и тихо ненавидела себя. «Сердцеда, блин! Разве этого я хотела достичь в жизни? Как мне это надоело!»

— Не хочу так жить! Как избавиться от этих проклятых способностей? Мне никто не нужен, кроме...

Я вовремя замолчала. Конечно, мне нужен был он, Роберт Стронг, но как быть с тем, кто говорит, что обязан держаться от тебя подальше! «В конце концов, это наваждение не может длиться долго! А кстати, сколько длится мужская привязанность ко мне?»

Мне было трудно ответить на этот вопрос. Из нынешних поклонников дольше всех я знала Алексея Львовича. Мы познакомились, когда мне только-только исполнилось семнадцать, с тех пор он не оставлял меня. Постоянно звонил с просьбой встретиться, дарил цветы и подарки, предлагал помощь. «Сколько это будет продолжаться? Руднев болен мною почти год. Сколько еще ему мучить-

ся?» Я вспомнила глубокие тени под его глазами, взгляд преданного пса, болезненную улыбку — Руднев не был счастлив любить меня, скорее он был мною болен.

— Так кто тебе нужен? — нетерпеливо спросил Стронг.

Я ответила вопросом на вопрос:

— Что мне делать? Я не хочу быть чудовищем, которое разрушает жизни других людей.

Англичанин пожал плечами:

— Я уже посоветовал тебе кое-что.

— И что же?

— Поговори со своим отцом. В конце концов, это ему ты обязана своей природой. Пусть он прольет свет на эту тайну, а от меня ты слишком многого хочешь, прости.

Мы приближались к воротам моего коттеджного поселка.

Я вытащила из сумочки пропуск и показала охраннику на КПП. Машина Роберта беспрепятственно въехала на территорию поселка.

— Угадай, какой дом — мой, — игриво предложила я, устав от серьезных и ничего не проясняющих разговоров.

Домов в поселке было не меньше четырехсот, так что моему кавалеру придется попотеть, чтобы найти мой коттедж.

Роберт молча доехал до нужного перекрестка и повернул налево. Стала видна коричневая крыша моего дома. Я растерялась — Стронг знал мой точный адрес.

Он уверенно подъехал к нашему забору. На секунду мне даже показалось, что он бывал здесь. Остановившись свой джип у калитки, на маленьком пяточке, мощном диким камнем. Если встать почти вплотную к забору, рядом со старой березой, будут видны мои окна. Мне почему-то показалось, что он заглядывал в них.

Я спросила:

— Когда мы снова встретимся?

Роберт неопределенно пожал плечами:

— Твою жизнь спокойной не назовешь, а значит, ты без меня не сможешь.

— Значит, до завтра?

Стронг ничего не ответил, но посмотрел на меня своими ясными серыми глазами так, как будто прощался навсегда — печально и нежно. Роберт поднес ладонь к моему лицу и провел пальцем по щеке. Его рука задрожала, и он тут же отдернул ее.

Глава 7

ЗНАКОМЫЙ ПОЧЕРК

Я зашла в свой дом, такой же, как и вечность назад.

Мама еще не пришла с работы, и я одиноко бродила по комнатам, рассматривая привычные вещи, запомнившие меня утренней — совсем другой, чем сейчас. Как все люди, моя мама свозила на дачу старое и ненужное — продавленный велюровый диван, громоздкую металлическую вешалку для одежды, у которой были отломаны крючки, пожелтевшие картины в потертых деревянных рамах.

Раньше мы жили в Москве, в районе Мичуринского проспекта. Я ходила в школу, где мама преподавала. В этот дом мы приезжали редко, раза два в месяц. Мама рвалась за город, ей было очень хорошо на своем участке, густо заросшем кустами сирени и пузыреплодника. Если позволяла погода, она стаскивала с себя обувь и отправлялась гулять по траве. Не знаю, что она при этом чувствовала, но ее лицо выглядело умиротворенным и светлым. Со временем я тоже полюбила бывать на природе. Мне стало казаться, что в городе все как-то не по-настоящему, все искусственно и надуманно. Хотелось вырваться на воздух, вдохнуть его полной грудью, насколько хватит легких, и забыть обо всем на свете. Когда я была в десятом классе, мама решила.

— Мила, — спросила она, — что ты думаешь о том, чтобы навсегда переехать на дачу?

— А школа?

— Я уже нашла для тебя отличный лицей неподалеку. Пешком, конечно, не дойдешь, но они вроде за дополни-

тельную плату предоставляют автобус для учеников. Тебя будут забирать где-нибудь на полпути и привозить в то же место после занятий.

— А ты? Для тебя найдется работа?

— За меня не беспокойся, — сдержанно ответила она, — я уже документы подала в новую школу. И твои, кстати, тоже.

«Если ты все уже решила, зачем было меня спрашивать?» — подумала я, а вслух согласилась, что да, это хорошая идея.

Сейчас я несколько не жалела о переезде. Обычное садовое товарищество превратилось в элитный коттеджный поселок, появились новые красивые дома вокруг, все приобрело более ухоженный вид. На въезде теперь появилась охрана, все дорожки на территории были заасфальтированы, у местных малышей появилась детская площадка. Все эти удобства, конечно, дороговато обходились, ведь ежемесячные членские взносы тоже выросли, но мы были довольны. Пять лет назад, когда мы с мамой купили дачу почти за копейки, нам в голову не приходило, что земля в этом месте так вырастет в цене. Небольшой домик из клееного бруса, в котором мы жили, теперь стоил очень дорого, и осознавать это было приятно. А самое главное — мы жили за городом, вдали от сумасшедших магистралей и заводов, вдали от копоти, автомобильных выхлопов и шума.

Такая жизнь была по мне. Когда я решу уехать от матери и обрету свой собственный дом, в город все равно не вернусь.

Мысль о том, что придется оставить маму, огорчила меня, но я понимала, что это неизбежно. «Конечно, — рассуждала я, — буду ее навещать, помогать ей. В общем, не брошу, как отец».

Отец. Я вспомнила, что Роберт посоветовал мне встретиться с ним. Надо было позвонить ему, но сейчас мне нужен был сон — глубокий, безмятежный, долгий.

Я поднялась к себе в комнату и подошла к зеркалу. Картина оказалась нерадостной — волосы были взлохмачены, над левой бровью повис сгусток запекшейся крови, на лице красовались порезы и ссадины. Слава богу, ушла боль в груди, а это значило, что ребра остались целы.

«Сногшибательно выгляжу, — подумала я. — Все меня хотят». Вспомнив свой первый поцелуй в лесу, я затрепетала. Прямо как в любовных романах: «Он ввел свою пылающую твердь в ее трепещущую плоть», — фыркнула я. «Так, спать, спать, спать! Только сначала обработать порезы».

Достав из шкафчика ватные диски и перекись водорода, я стала тщательно протирать раны и ссадины. В голове, не переставая, крутились обрывки из воспоминаний о сегодняшнем страшном и в то же время романтическом дне.

Я невольно вздохнула: первый поцелуй всегда представлялся мне несколько иначе. Воображение рисовало уютную гостиную с разожженным камином, горячий мятный чай на маленьком журнальном столике, пылающие свечи... За окнами — тихая снежная ночь, светит луна, в комнате тепло и уютно. Белая пушистая кошка в ногах, и я, спокойная, разнеженная, в объятьях любимого, дарю ему свои первые несмелые ласки. А в реальности я целовала в лесу человека, который из-за меня перебил кучу народу и открыто признавался в неистовом желании разорвать меня на куски, взять силой, сделать так, чтобы мне стало больно. Я понимала, что Роберт не поддастся сиюминутным порывам — он был сильным человеком, с твердым характером и железной волей. Такой мужчина никогда не сделает женщине больно даже в порыве страсти.

В романтическом настроении я почти забыла, какие странные вещи творились сегодня на поле. Обезглавленный труп татуированного на глазах превратился в горстку пепла, а от Роберта Стронга отлетали пули, выпущенные одновременно из всех стволов.

Я оставила эти мысли на потом, как Скарлетт О'Хара. А сейчас, проваливаясь в уютное тепло своей постели, предпочитала вспоминать только о нашем с Робертом поцелуе — страстном и нежном одновременно.

Сон пришел почти сразу. Ровный, глубокий, он исцелял мою душу и тело, не истязая навязчивыми кошмарами. Только под самое утро мне приснился Стронг. Он стоял напротив и смотрел на меня чистым, ясным взглядом. Я решила нарушить молчание, спросив: «Как тебя можно убить?» Он усмехнулся и произнес непонятное слово: «Телефраг». Я хотела переспросить, но мой собеседник исчез.

Проснувшись утром, я резко села на кровати. Часы показывали без пятнадцати семь. Получалось, что я продряхла около шестнадцати часов.

Я встала, подошла к зеркалу. Все лицо было в мелких царапинах, а на предплечье налился большой синяк. «И как только я его вчера не заметила! Впрочем, после такой аварии все могло бы быть намного хуже».

Необходимо было придумать для мамы правдоподобную версию вчерашних событий. Надо было обстоятельно, не путаясь, объяснить ей исчезновение моего автомобиля, а главное, эти чудовищные ссадины и ушибы. Я попыталась замаскировать синяк тональным кремом, но потом спохватилась и натянула белую рубашку с длинными рукавами.

С лицом все оказалось сложнее. Можно было, конечно, нанести толстый слой тонального крема, но мне очень не хотелось, чтобы в ранки попала инфекция. Могло возникнуть заражение. Сообразив, что моя идея с кремом, мягко говоря, неудачна, я оставила эти бесплодные попытки и стала лихорадочно соображать, что сказать маме.

Так и не придумав ничего путного, я оделась и стала медленно спускаться вниз по лестнице.

На кухне горел свет. До меня доносились запах крепкого кофе, звон посуды и... голоса. «С кем это она? Может, радио включила? Да нет, мама не любит шум...» Я глубоко вздохнула и открыла дверь на кухню.

Увиденное изумило. За столом, прямо напротив входа, сидел Роберт. Перед ним стояла огромная кружка с кофе и бутерброды. Моя мама рядом колдовала над завтраком. Увидев меня, она улыбнулась и поинтересовалась:

— Омлет будешь?

Никаких «О, боже, что у тебя с лицом?» или «Мила, где твоя машина?» не последовало. Видимо, Роберт постарался. Я молча кивнула и села рядом с ним.

— Что ты на меня так уставилась? — тихо спросил он. — Как ты сегодня в университет попадешь? Машины у тебя нет, а идти — десять километров.

— Такси бы вызвала, — возразила я скорее для порядка. Было невыразимо приятно, что Роберт заботится обо мне.

— Ага, такси... — Роберт замолчал. Я понимала, что он имеет в виду. Все таксисты — мужчины.

Мать сняла с огня сковородку и положила мне на тарелку дымящийся омлет. Молча поставив передо мной еду и кофейную чашку, она уселась напротив меня. В ее глазах я увидела жалость. Того и гляди, накинется на меня с объятьями!

— Со мной все в порядке, мам, — быстро сказала я, — вы уже познакомились с Робертом?

— Да. И он мне все рассказал, — ответила мама, — я сначала чуть с ума не сошла, но он убедил меня, что с тобой все нормально.

Я была безумно благодарно Роберту за то, что он избавил меня от необходимости самой озвучивать версию вчерашних событий, ведь тогда реакция мамы могла быть совсем другой.

— Я рассказал о том, что ты вчера попала колесом в небольшую ямку. Потеряла управление, съехала с дороги. А я проезжал мимо и заметил тебя. Вытащить машину, завязшую в грунте, мы не смогли, пришлось оставить ее там, — медленно, почти по слогам, сказал Стронг.

Я догадалась, что он проговаривает специально для меня свою версию, официальную. Чтобы мы потом не пу- тались в показаниях.

— Да ну ее, эту машину, — неожиданно легко восклик- нула мама, — когда дочь садится за руль, я каждый раз пе- реживаю.

Мы с Робертом промолчали.

— К вам в университет почти все ребята на автобусе приезжают, машины мало у кого есть, — мама покосилась на англичанина, — я знаю. У меня там приятельница рабо- тает. Остановка автобуса почти рядом, две минуты пройти. А здесь, у нас, тоже легко. У поселка круглосуточно дежу- рят такси — до трассы за пятьдесят рублей довезут, а там и автобус.

Мать быстро и весело говорила, но я знала, что такое оживление совсем нетипично для нее. Скорее всего, она просто скрывала волнение перед посторонним. Именно по- этому Роберт появился в нашем доме в такую несусветную рань. Наверняка он не хотел, чтобы я все утро мучительно объяснялась с матерью, придумывала какую-нибудь ложь, находясь в полном смятении чувств.

Мать замолчала, и на кухне воцарилась звенящая ти- шина. Роберт угрюмо смотрел перед собой отсутствующим взглядом. Он почти не притронулся к еде, зато кофе выпил весь.

Мама изучающе разглядывала ссадины на моем лице. Да, если бы не Роберт, она бы сейчас вопила: «Я тебе го- ворила, что ты еще совсем ребенок? Что тебе рано пока за руль? Да и вообще, те деньги, на которые ты приобрела эту машину! О, боже!» Потом, наверное, полезла бы об- ниматься или начала бы носиться вокруг меня с зеленкой, измазав мне все лицо...

Я с благодарностью посмотрела на Стронга.

— Мне Роберт сказал, что он приехал в Россию изучать русский язык и культуру. Это очень похвально, — прого- ворилла мама тоном довольного учителя.

— А о том, что он снимается в Голливуде и входит в десятку самых сексуальных актеров в мире, он тебе не рассказывал? — насмешливо осведомилась я.

Мать удивленно посмотрела на Роберта. Она предпочитала хорошую книгу любому дорогостоящему блокбастеру и никогда не слышала о Стронге.

— Роберт, так вы актер? — удивленно воскликнула она.

— Да. Но в последнее время я все больше продюсирую кино, а не снимаюсь в нем. Мне это интереснее, — с трудом подбирая слова, произнес Роберт. Специально для моей мамочки он устроил целое шоу, говоря медленно и с чудовищным акцентом. Видимо, так было нужно.

— И вы приехали сюда, чтобы сниматься в русском фильме? — вопрошала родительница, не чувствуя подвоха.

— Это совместный проект. Режиссер — русский, актеры — почти все голливудские. У меня главная роль. К сожалению, в этой картине я всего лишь актер.

— Всего лишь! — не удержавшись, воскликнула я. — Да многие бы душу продали, чтобы оказаться на твоём месте!

— Что, и ты тоже? — Стронг недоверчиво покосился на меня.

Здесь он попал в точку: я никогда не мечтала о такой карьере. У нас в школе все девчонки грезили об актерской профессии, посещали театральные кружки, даже готовились к поступлению в «щучку», «щепку», ГИТИС и ВГИК. Я не разделяла этих стремлений: лицедейство — не моя стезя. Я совсем не умела притворяться, лгать и плакать по требованию. Мне хотелось проживать только свою, настоящую жизнь, а не отрывки чужих.

— Из меня плохая актриса получилась бы, — ответила я.

Мы закончили завтракать, Роберт сказал:

— Собирайся, я жду тебя в машине, — и вышел, кивнув на прощание моей маме.

Мы остались с ней вдвоем.

— Ну что ж, дочка, — выдохнула мать, почувствовав себя более свободно после ухода гостя, — у меня накопилось немало вопросов.

— У меня тоже, — задумчиво ответила я.

— Когда мы сможем поговорить?

— Не знаю, может, сегодня вечером?

Мать кивнула и стала убирать со стола.

Я поднялась к себе, достала с дальней полки шкафа свой самый первый мобильник — совсем простой, мне его мама подарила больше пяти лет назад. Трубка была дешевой и изрядно потертой, но мою новенькую «нокию» забрал татуированный громила, и надо было чем-то ее заменить. «И сам помер, и телефон с собой прихватил», — подумала я с неодобрением. Впрочем, в старом мобильнике были все нужные контакты, а те, что появились совсем недавно, я хранила в компьютере.

Выудив из ноутбука все недостающие номера, я искренне похвалила себя за предусмотрительность, а затем решила переодеться. Заменяла строгую белую рубашку сиреновой трикотажной кофточкой, которую надевала только в особых случаях, дополнила наряд элегантными прямыми черными брюками, посмотрелась в зеркало и осталась довольна своим видом. Душа ликовала, ведь внизу, в машине, меня ждал парень, который очень мне нравился.

Роберт стоял рядом со своим «Рэйнджером» и пристально вглядывался в окна моей спальни.

— Ку-ку, — весело выкрикнула я, выходя на улицу.

Роберт обошел автомобиль и открыл передо мной дверь. Помогая мне устроиться, он на секунду задержал мою руку в своей, но быстро отстранился и, захлопнув пассажирскую дверь, уселся за руль.

Стронг выглядел мрачным, и мы всю дорогу молчали. Я несколько раз хотела заговорить с ним, но в самый по-

следний момент передумывала. Что-то в его лице пугало меня.

— Спасибо, — тихо сказала я наконец.

— За что?

— За помощь.

Роберт не ответил.

На шоссе он очень быстро разогнался, мне даже страшно стало. Он подрезал другие автомобили, проезжал на красный сигнал светофора. Если дорожная ситуация требовала сбавить скорость, он чересчур резко нажимал на педаль тормоза, и машина дергалась. Я упорно хранила молчание, хотя больше всего хотелось крикнуть: «Остановись! Мы никуда не торопимся!»

Мощный джип быстро домчал нас до университета. Роберт припарковался на стоянке, и мы вышли из машины. Неожиданно Стронг схватил меня за руку и сильно сжал мою ладонь своими горячими пальцами. Я удивленно посмотрела на него:

— Ты чего?

— Всегда верь мне. Просто верь, хорошо? Даже если все свидетельствует против меня, — тихо попросил он.

Я согласно кивнула. Мне был непонятен смысл его слов, но я не стала уточнять. Как ни крути, Роберт Стронг заслуживал доверия, ведь он спас мне жизнь.

Перед университетом толпились студенты. Когда нас заметили, в толпе пронесся едва различимый гул.

— Ты, наверное, уже привык ко всеобщему вниманию? — спросила я Стронга.

— И даже научился получать от этого удовольствие, — насмешливо ответил он.

— Я бы никогда не смогла к этому привыкнуть. Журналисты, поклонники, толпы людей, глазающих на тебя и твоих близких...

— Человек ко всему привыкает, — философски заключил он, и мы поднялись вверх по лестнице, игнорируя любопытные взгляды собравшихся.

В вестибюле мы расстались. Мне нужно было подняться на пятый этаж в 525-ю аудиторию, Роберт занимался на втором. На прощание он улыбнулся мне мирно и безмятежно — и я сразу успокоилась.

В пятьсот двадцать пятой уже собралась вся наша группа. Заметив, что меня рассматривают с нескрываемым любопытством, я опустила голову и прошмыгнула за стол к Антону. На правах моего единственного приятеля он фамильярно воскликнул:

— Ну, мать, у тебя и рожал!

Я не обиделась, ведь его наблюдение было верным, а на правду, как известно, не обижаются.

— На тебя что, медведь напал? — не унимался Рейер.

— Ага. Лохматый такой, — ответила я, с содроганием вспоминая вчерашнего похитителя.

— И как, понравилось? — приятель явно имел в виду совсем другое. — Весь университет уже обсуждает.

— Обсуждает что? — нахмурилась я.

— Тебя и нашу звезду. Это он тебя сегодня привез?

— Да. У меня сломалась машина.

— А у меня ее вообще нет. Почему же меня он не подбросил? — ехидничал парень.

Я пожала плечами.

— А тебя — подвез, счастливица. Рассказывай. У тебя с ним что?

— Ничего. Он просто очень добрый.

— Уже влюбилась в него? А он? У вас что-нибудь было? — продолжал расспрашивать Антон.

Я не отвечала.

На мое счастье, в аудиторию вошел пожилой профессор — преподаватель лингвистики. Перед тем как превратиться в прилежного ученика и начать конспектировать лекцию, Антон шепнул мне:

— Не вздумай с ним спать. Потом будешь рыдать. У него баб и на родине, и здесь наверняка навалом.

Я промолчала. Антон был прав: Роберт Стронг —

звезда мирового уровня, востребованный актер, женский кумир, красавец, миллионер, абсолютно точно не гей, женщины вокруг него так и вьются. Я все это понимала. Единственное, во что я категорически не хотела верить, так это в то, что он может кому-то из них ответить взаимностью. Даже на ночь. Даже на час. Мысль о том, что он может целовать какую-то другую девушку, взорвала мой мозг.

Я тряхнула головой, чтобы отогнать неприятные мысли. Отвлечься, внимательно слушая лекцию, у меня не получилось — уж слишком скучным показалось языкознание в сравнении с познаванием Роберта Стронга.

— Выйду ненадолго. Пить хочется, — шепнула я на ухо Антону и выскользнула из аудитории.

У меня появилась потребность пройтись по гулким коридорам университета, не рискуя нарваться на любопытные взгляды учащихся. Во время лекций мало кто покидал аудитории.

В голове роились разные мысли, сталкивались, конфликтовали между собой, мешали одна другой проявиться до конца. И все же среди этой внутренней чехарды выявился вполне определенный повод, чтобы задуматься. Я вспомнила, что так и не позвонила Алексею Львовичу. А ведь он просил меня об этом!

Я вытащила мобильник, нашла в контактах его номер.

— Алло! — ответил незнакомый мужской голос.

— Здравствуйте! Могу ли я поговорить с господином Рудневым?

— Простите, это невозможно, — сообщили мне.

— Когда мне лучше перезвонить? — настаивала я, чувствуя неладное.

— В этом больше нет необходимости, — сухо и безукоризненно вежливо произнесли в ответ.

— Скажите, а с кем я разговариваю?

— Следователь Черепанов, седьмой отдел, — отработовал мужик.

Мне стало дурно. «Какой следователь, седьмой отдел чего? Будто я обязана разбираться в этих отделах и подразделениях! Я об этом вообще ничего не знаю! Хотя ясно одно: если вместо Руднева отвечает следователь, значит, Алексей Львович либо в тюрьме, либо...»

— Представьте, пожалуйста, — потребовали на том конце.

Мне захотелось отбить звонок, но я сообразила, что мой номер определился и найти меня будет нетрудно.

— Мила Богданова. Студентка. Я дружу с Алексеем Львовичем.

Мой собеседник промолчал. Я слышала, как он шуршит какими-то бумагами, будто листает книгу или тетрадь. Наконец он отозвался:

— Богданова. Есть такая. Сам хотел вам звонить. Очень удачно все получилось.

— Так как насчет Алексея Львовича? — напомнила я.

— Он убит. Вчера, в пять утра.

— Как? Почему? — заорала я, сразу впадая в истерику.

— Был найден у себя в офисе. Тело — отдельно, голова — отдельно. Убийца оказался изощренным садистом. Перед тем как отрубить Рудневу голову, заставил жертву вспороть себе живот ритуальным кинжалом. Покойный увлекался оружием. Мы нашли у него в офисе целую коллекцию — самурайские мечи, сабли, колчаны, кинжалы.

Я задрожала всем телом, отказываясь верить услышанному. Отрубленная голова, взрезанный живот — Алексей Львович мертв! Крупные слезы бурным потокам понеслись по моим оцарапанным щекам. Секунда — и я уже рыдала.

— Мила, Мила! — торопливо заговорил следователь Черепанов. — Не впадайте в панику. Держитесь. У вас с ним были близкие отношения?

— При чем тут это! — завопила я. — Человек погиб! Прекрасный, добрый человек! Это что, не повод плакать?

— Когда мы сможем с вами встретиться? — спросил неведомый Черепанов, по всей видимости не разделявший моей скорби.

— Можно мне подумать? — всхлипывала я. — Сейчас ничего не могу сказать.

— Хорошо. Я вам сам позвоню, номер у меня имеется, — пообещал следователь и отключился.

Я стояла посреди университетского коридора и рыдала, тихонько подвывая и размазывая слезы по лицу.

Гибель Алексея Львовича была ужасна сама по себе. Совершенно не включая Руднева в свое будущее, не пуская этого человека в свои мысли, я тем не менее желала ему только добра. Мне никогда не приходило в голову, что наша дружба окончится вот так.

В нашу последнюю встречу он был таким грустным, таким трогательным! Позаботился обо мне, привез деньги, от которых я даже не подумала отказаться.

Я совершенно не тяготилась его помощью, и даже наоборот, принимала ее. И что же теперь получается? Я — отъявленная негодяйка! Стерва, расчетливая дрянь, для которой нет ничего святого! По моей вине все произошло!

На душе стало так мерзко, что захотелось последовать примеру татуированного громилы. Сделать то, что сделал вчера он под чутким руководством Роберта.

Роберт! В памяти всплыла картинка — он смотрит на меня и говорит:

«Тебя надо спасать! Я убью каждого, кто хотя бы попытается причинить тебе зло!»

И еще:

«Да ты знаешь, что никакой мужчина не сможет просто дружить с тобой? Ты же понимаешь, чего они хотят!»

Боже мой, неужели он убил Алексея Львовича?! Неужели я влюбляюсь в убийцу, маньяка, который уничтожает всех приблизившихся ко мне людей?!

Чувство вины разъедало мою душу. Получалось, что это я убила Алексея Львовича тем, что просто появи-

лась в его жизни. А еще — испортила жизнь Роберту, который проникся ко мне странным, но очень сильным чувством и который теперь будет крушить все вокруг с единственной целью — защитить меня. Вчера он спас жизнь мне и отнял ее у Руднева. И как теперь быть со всем этим?

Я была сломлена. Мне страстно хотелось потерять сознание — временно перестать думать.

Нисколько не заботясь о том, как это будет выглядеть, я скользнула вниз по стене и уселась на пол, ударившись виском о холодную батарею. «Что теперь делать? Как себя вести с Робертом?» Я была уверена в том, что именно Стронг совершил это чудовищное преступление, и теперь боялась его больше, чем желала.

Оба этих чувства прежде не были мне знакомы; Стронг открывал в моем сердце все новые и новые глубины. Меня буквально разрывала тоска по нему. Хотелось отыскать его аудиторию, ворваться туда и громко потребовать ответа. Я мечтала услышать знакомый голос и слова: «Дурочка, как ты могла про меня такое подумать?» Я жаждала заглянуть ему в глаза и увидеть там правду. Ту правду, которую сама считала правильной. Настоящей. Что он, Роберт Стронг, чист, как младенец, и не убивал Руднева.

На секунду мне показалось, что идея разыскать Роберта в университете не так уж плоха, но я быстро передумала: если он уже под подозрением, то вряд ли его слова в чем-то могут убедить меня. Я вздохнула.

Кое-как приведя себя в порядок в туалете, я решила пойти обратно на лекцию. Что бы там ни было, сегодня нужно было учиться, ведь в предыдущие дни я не баловала факультет своим присутствием.

Когда я вошла, в аудитории было тихо, звучал лишь монотонный голос пожилого преподавателя. Он рассказывал о речевых парадигмах; всем явно было скучно, но никто не решался оторваться от своих тетрадок с конспектами. Никто не смотрел на меня, и это было хорошо.

Я бесшумно опустила на свое место и тут же встрети-
лась глазами с Антоном.

— Ну, что, попила? — ехидно спросил он.

— Ага, — коротко буркнула я.

— А мы вот тут учимся, в отличие от некоторых, — со-
общил он и уткнулся в свои записи.

Я тоже открыла тетрадь и стала записывать за про-
фессором. Боль, чувство вины, странная привязанность к
Роберту — все это разрывало мне сердце. Даже дышать
было трудно.

Рука механически водила ручкой, и я могла немного
поразмывать. Что ж, после занятий Роберт наверняка
захочет меня подвезти. Тогда мы и поговорим серьезно.
Я спрошу его обо всем, выслушаю все его ответы и
приму любую правду, какой бы она ни оказалась.

Но я не прощу его, если он убил моего друга.

Глава 8

НАБЛЮДАТЕЛЬ

На перемене я упросила Антона сопровождать меня, и мы вместе вышли на улицу подышать воздухом. Плюхнувшись на ту самую скамейку, где мы сидели двумя днями ранее, приятель вытащил пачку сигарет. Я машинально отметила про себя, что не знала о его привычке. Считая любую зависимость несвободой, я никогда не пробовала табака, не говоря уже об алкоголе и наркотиках.

Антон с наслаждением затянулся. Задумавшись, я взяла из его рук зажигалку. Мне хотелось унять дрожь в пальцах, и я принялась щелкать, высекая огонь. Меня успокаивал маленький язычок пламени, который вспыхивал, угасал и снова вспыхивал.

— Ну, как тебе лекция? — спросил мой приятель.

— Скучно. Как и все в этом университете, — призналась я.

— Ну, не все здесь скучно. Могу тебе напомнить, что кое-кто большие деньги заплатил, чтобы учиться именно в нашем вузе. И этот кое-кто — мировая знаменитость. А где еще так научат русскому языку, как не у нас? Хорошо хоть, с россиян в этом университете денег не берут, а даже стипендию выплачивают.

— Да, — согласилась я.

— А вот и твой кое-кто. Как говорится, легок на помине, — восхищенно выдохнул приятель, толкая меня в бок.

Я встrepенулась: Роберт Стронг, собственной персоной, шел напрямиком к нам.

— Мне надо отойти ненадолго, — поднялась я со скамейки.

Антон хмыкнул, но промолчал.

Я посмотрела на Роберта, и мир закружился у меня перед глазами. Его лицо было неподвижным и холодным. Глаза, как всегда ясные и чистые, словно омытые волшебной водой, обжигали меня своим огнем. Он двигался по направлению ко мне, не отводя взгляда. Казалось, англичанин не замечал никого вокруг, кроме меня. Было такое ощущение, будто он — ракета, направленная к месту цели, а я — та самая цель. На мгновение стало страшно — я вспомнила, что он едва сдерживается, чтобы не разорвать меня на куски, и борется с желанием сделать мне больно.

Я опустила глаза, чтобы не дать ему возможности прочитать в них мои мысли. Затем, отступив на два шага назад, кивнула головой в сторону стоянки автомобилей. Мне хотелось отойти туда, где никто нас не увидит и не сможет подслушать наш разговор.

Я торопливо направилась к его «Рэйнджеру». Стронг послушно шел сзади, и мне казалось, что я чувствую жар его дыхания. Наконец, я остановилась между двумя большими джипами, посчитав, что здесь мы надежно скрыты от любопытных взглядов. Глубоко вздохнув, я выдала:

— Это ты сделал или не ты? Скажи, что не ты, умоляю тебя!

Роберт ничуть не удивился моему вопросу. Он рассматривал меня, холодно и бесстрастно, как в первый раз.

— Ты сомневаешься, что я могу быть жестоким? — спросил он после недолгого молчания.

Теперь настала моя очередь рассматривать его — с удивлением и недоумением, словно мы заново познакомились. Мне показалось, или он ответил утвердительно? Я смотрела на его прекрасные губы, искривленные странной полуулыбкой, которая казалась мне теперь хладно-

кровной усмешкой маньяка. Я заглядывала в глаза Роберта, силясь прочесть там ответы на свои вопросы, но они были непроницаемы.

Я немного помедлила и, развернувшись, побежала к людям. Я не могла больше находиться наедине с Робертом. Его присутствие одновременно пугало и возбуждало меня. От Стронга исходила такая сила, что я чувствовала себя хрупкой и легко ломающейся.

Повернувшись к нему спиной, я перечеркнула наши будущие отношения. Возможно, мне больше никогда не почувствовать вкуса его горячих нежных губ, будто специально созданных для поцелуя.

На секунду захотелось обернуться и посмотреть на Роберта, но я быстро справилась со своим порывом и прибавила шаг. Влетев в фойе университета, я заметалась. Надо было узнать, в какой аудитории проходит следующее занятие. Мне просто необходимо было сесть на заднюю парту и привести мысли в порядок. К счастью, я увидела в толпе студентов девочку с белыми кудряшками, которая вчера плавала в бассейне. Она торопливо шла к лифту. Я догнала ее и сказала:

— Привет! Меня зовут Мила. Я из твоей группы. Помнишь меня?

Девочка молча кивнула.

— Где лекция будет? — спросила я, когда мы ехали в лифте.

— В четыреста семидесятой, — коротко ответила кудрявая.

Девица почему-то не смотрела на меня. Ее бесцветные глаза были устремлены в пол. «Наверное, я вызываю у нее сильную неприязнь. Что ж, нормальная реакция для женщины». — Я не стала навязываться и просто последовала за одногруппницей.

Мы вошли в огромный конференц-зал — столов там не было вовсе, стояли только красные кресла. Девочка с кудряшками поспешно уселась в первом ряду, а я забилась

подальше, в самый темный угол. Мне очень хотелось, чтобы про меня забыли, не замечали совсем, но этого не произошло. Когда вся группа, в полном составе, собралась в этом большом помещении, туда стремительно вошел, почти ворвался, высокий молодой мужчина лет тридцати.

— Здравствуйте! — энергично сказал он, обводя нас внимательным взглядом.

Я вжалась в кресло: «Похоже, лекции не будет. Ее начинают по-другому. В аудиторию неспешно входит преподаватель и начинает нудеть. Сейчас — все иначе. В лучшем случае — семинар, в худшем — практическое занятие. А это значит, что нужно будет принимать участие в общей беседе, а не отмалчиваться, делая вид, что конспектируешь сказанное».

— Меня зовут Вишневский Юрий Романович. Я веду у вас практические занятия по психологии.

«Черт возьми! Точно не удастся посидеть спокойно. Надо было лучше изучать расписание. Хотя что же, я не пошла, если бы знала? Глупости».

— Сегодня у нас — первое занятие. Конечно, по расписанию мы должны были встретиться еще на прошлой неделе, но обстоятельства сложились так, что я смог появиться на работе только сегодня. Довожу до вашего сведения, что я не вхожу в основной преподавательский состав данного учебного заведения, а являюсь, так сказать, приглашенным педагогом, так как обладаю уникальной квалификацией и богатым опытом в сфере психологии семейной жизни. Именно этот предмет мы и будем обсуждать на наших занятиях. Вы как будущие педагоги должны не только передавать ученикам знания, но и быть для них еще и, своего рода, психологами. Вы станете невольными свидетелями их личной жизни, будете общаться одновременно и с ними, и с их родителями. Будете разруливать конфликты, которые часто возникают между близкими людьми. Будете свидетелями зарождающихся чувств между мальчиками и девочками. На ваших глазах может вспыхнуть новая лю-

бовь, и ваша задача — сделать все возможное и невозможное, чтобы это закончилось хорошо.

Высказавшись, психолог снова обвел нас изучающим взглядом и, конечно, на меня смотрел особенно долго, а потом отвел глаза и неожиданно поинтересовался:

— У кого в семье происходили случаи насилия?

По аудитории прошел легкий гул. Все недоуменно переглянулись, но никто не высказывался. «Действительно, а что? Давайте смелее, признавайтесь, кого дома избили или изнасиловали! Лес рук! — Я усмехнулась. — Вот это психолог. Разве так до чего-нибудь докопаешься? О таком, даже если это было, надо аккуратно спрашивать в приватной беседе, после того как налажен очень тесный контакт с пациентом. А вот так, нахрапом... Он же понимает, что ему никто ничего не скажет. А может, он специально задает глупые вопросы? Может, если он приглашен нашим деканатом, то ему все равно, у кого что спрашивать и кто что усвоит? Он просто примет зачет в конце семестра и отчалит восвояси, выслушивать своих богатеньких клиентов». Мне казалось, что клиентура у психолога должна быть состоятельной — он выглядел высоко — и частооплачиваемым. Вместо мешковатого затертого костюма — униформы профессуры — на нашем новом преподавателе красовался модный пиджак из тонкой кожи и черные прямые джинсы, ансамбль дополняла красивая водолазка. Его обувь тоже была в порядке: блеск дорогих начищенных ботинок был виден с последнего ряда. Вишневецкий явно добирался за город на личном автомобиле, а не трясся в метро, а затем в маршрутке, как это делали большинство наших педагогов. На запястье нового преподавателя блеснули часы из розового золота — мужчина явно разбирался в моде и следил за тенденциями.

«Ничего себе какой!»

Стиляга тем временем продолжал:

— Итак. Тема нашего сегодняшнего занятия — половое влечение. Внимание! Ничего записывать не надо! —

торопливо сказал он, заметив, что все раскрыли тетрадки на коленях. — Видите, в этой аудитории даже столов нет, чтобы писать. Просто слушайте и запоминайте.

Все с облегчением захлопнули тетради и устались на красавчика.

— Я сегодня побеседую с каждым из вас. Лично. После этого выберу особо интересные случаи и проведу консультацию с этими людьми тет-а-тет, — провозгласил Вишневский.

Он поставил два кресла друг против друга и стал приглашать, по очереди, всех учащихся из нашей группы. Усаживал человека напротив себя и громко, чтобы могли слышать все, задавал вопросы. Причем если ответ не казался Вишневскому правдоподобным, он громко протестовал:

— Не может быть! Вы меня обманываете! Не делайте этого, а то я вас запомню и не поставлю зачет, — и сам же хохотал над собственной шуткой.

Так, спросив у одной из наших девиц, в каком возрасте она почувствовала влечение к противоположному полу, и получив ответ: «В шестнадцать лет», он воскликнул:

— Вы лжете! У вас до сих пор не возникало влечения к противоположному полу. Вас привлекают только девушки!

Девушка покраснела, Вишневский тут же отправил ее восвояси и вызвал следующего. Казалось, он просто развлекался, потешаясь над нами и не желая воспринимать никого всерьез.

Я повернула голову и нашла глазами Антона. Он сидел в первом ряду. Когда я входила в аудиторию, то была настолько поглощена своими переживаниями, что не обратила на него внимания. А он не окликнул меня, как делал обычно.

Мой приятель заметно нервничал. Возможно, только я одна из всей группы догадалась о его ориентации. Убедившись, что психолог, не стесняясь, прилюдно высмеивает абсолютно все, Антон готовился к разговору как к пытке.

Я несколько минут смотрела на него в упор. Наконец, приятель почувствовал мой взгляд и обернулся. Я улыбнулась ему, мысленно посылая лучи поддержки; Антон благодарно кивнул.

Новый преподаватель перехватил этот взгляд и торжественно предложил:

— Давайте позволим обнажить душу единственному мужчине из вашей группы.

Холеный психовед определенно меня раздражал; зато, слушая его, я почти отвлеклась от мыслей о Роберте.

Антон, понурившись, поплелся к месту допроса.

— Здравствуйте! — добродушно начал преподаватель.

— Здравствуйте, — обреченно промямлил парень.

— У вас полная семья? — поинтересовался психолог.

— Да. Мать и отец. Я у них один.

— Прекрасно, — обрадовался Вишнеvский, — и что вам запрещается?

Антон удивленно пожал плечами:

— Мне никогда и ничего не запрещали. С самого детства. Меня очень любят. Обо мне заботятся.

— Вам приобретают именно те вещи, которые вы хотели бы купить сами?

— Не всегда. Иногда мама считает, что мне гораздо больше подходит белый вязаный свитер с милым рисунком, а мне бы хотелось надевать что-то более строгое, стильное и желательно черное, — Антон завистливо осмотрел наряд преподавателя, — а мама хочет, чтобы я продолжал одеваться как подросток.

— И как вы выходите из ситуации? Ведь ваши потребности возросли.

— Ну... — задумался мой приятель, — я коплю. Иногда прошу в долг у родителей.

— А чем отдаешь? — просто спросил Юрий Романович, стремительно переходя от «вы» на «ты», — ты ведь не работаешь?

— У меня стипендия, — неуверенно ответил Антон. Он начал покрываться пунцовыми пятнами, и я поняла, что психолог попал в точку.

— Стипендию ты еще не получал. Первый раз ты получишь ее не раньше чем через три недели, и будет она невелика, — жестко возразил преподаватель, — так что рассказывай, откуда ты берешь деньги на свои маленькие слабости. У тебя наверняка крутой телефон. Вон обувь хорошая, я вижу. Очень по-взрослому все. Без оленей на свитере. Рассказывай.

Антон буквально вжался в кресло. Его лицо ежесекундно меняло цвета, левая нога произвольно дергалась. Мне стало жалко парня, и я, конечно, влезла:

— Послушайте, а вы случайно не в ФСБ работаете? А то там именно так людей раскалывают.

Мне просто хотелось отвлечь внимание Вишневого от Антона, чтобы дать последнему время придумать ответы на каверзные вопросы.

— Фамилия, — бросил Юрий Романович.

— Богданова, — так же коротко ответила я; после вчерашних, да и сегодняшних событий мне было нечего бояться.

— Ну, Богданова, — неожиданно приветливо заговорил психолог, — раз вы так удачно проявились, идите ко мне. С юношей, как мне кажется, мы уже разобрались. Если у кого какие вопросы возникли по этому поводу, можете задать их сейчас.

В аудитории повисла тишина.

— Нет вопросов. Прекрасно. Богданова, прошу вас. — Он жестом пригласил меня присоединиться.

Проходя мимо Антона, который, слегка пошатываясь, шел на свое место, я почувствовала легкое касание его руки. Вероятно, таким образом он благодарил меня.

— Итак, Богданова! — начал Вишневский, развалившись в кресле. — Как вас зовут?

— Мила.

— А по отчеству?

— Игоревна.

— Отлично. Значит, ваш папа — Игорь.

Я не удержалась и съязвила:

— Вы удивительно проницательны.

Вишневский усмехнулся:

— Допустим. И что же ваш папа? Он вас любит?

Я понимала, куда он клонит — комплекс Электры и все такое. Но это не про меня. Мне никогда не хотелось компенсировать отсутствие папы романом с каким-нибудь взрослым дяденькой. Многие девушки, отцы которых живут отдельно, подсознательно выбирают себе кавалеров постарше. Таким образом они хотят восполнить потребность в отцовской любви. А получают престарелых любовников, вот удивительно.

— Мой папа — хороший и добрый человек. А еще он — честный. Когда он разлюбил маму, то прямо так и сказал ей об этом. Он не стал влачить жалкое существование рядом с нелюбимым человеком и ушел.

Я замолчала, но тут же торопливо спохватилась и добавила:

— Мы с ним встречаемся.

— Как часто?

— Несколько раз в год, — соврала я: мы с отцом созваниваемся несколько раз в год, а вот видимся — от силы один.

Юрий Романович скептически посмотрел на меня:

— Вы не обманываете нас?

Я спокойно посмотрела ему в глаза:

— Даже если и обманываю, то это мое личное дело.

— Интересный случай, — пробормотал Вишневский.

— А главное, редкий! — ехидно поддержала я. — У нас ведь все отцы проживают вместе со своими детьми. Семью они, как порядочные люди, не бросают. Живут себе, живут. И только один мой папочка решился на крайний шаг. Пожалуй, вам стоит собрать консилиум по этому вопросу.

Я вам все подробненько расскажу, а пока, если ко мне нет вопросов, я, пожалуй, пойду...

Выговорившись, я резко встала и направилась на свое место. За эти пару минут моя неприязнь к психологу только возросла. При ближайшем рассмотрении он производил впечатление вполне нормального, даже очень симпатичного человека. У него было ухоженное румяное лицо, голубые лучистые глаза, которые могли бы принадлежать ребенку, чуть-чуть наивный взгляд. Но я чувствовала, что за этой приятной вывеской скрывается лживая и гадкая натура. Сердцевина у этого психоведа была гнилой.

А в людях он действительно разбирался. Он сразу прочитал недоверие в моем взгляде и посмотрел на меня холодно, не забыв при этом утихо улыбнуться.

Отличие этого Вишневого от других мужчин было очевидным: он не запал на меня, а лишь профессионально заинтересовался. Возможно, если бы в последние дни моя жизнь протекала размеренно и мирно, я бы не заподозрила ничего дурного. Но теперь приходилось быть начеку.

Я беспрепятственно прошла на свое место. Меня никто не окликнул. В аудитории царил мертвая тишина.

— Теперь минуточку внимания! — почти вскрикнул Юрий Романович.

Я вскинулась.

— Вы сейчас могли наблюдать типичный пример того, как сильная личность этой девушки смогла счастливо избежать инцестуозной фиксации своего либидо, но все же я полагаю, она может быть не вполне свободна. Явным отзвуком этой фазы развития является ее возможная серьезная влюбленность в немолодого, обладающего авторитетом мужчину, который может оживить в ней образ отца, — торжественно возвестил психолог.

Тишина в аудитории стала звенящей. Затем взгляды присутствующих обратились ко мне. Первым моим же-

ланием было провалиться сквозь землю, но я решила не сдаваться. Моя спина распрямилась, лицо приняло безразличное выражение.

— Престарелые кавалеры никогда меня не привлекали, — громко, чтобы все слышали, объявила я.

Психолог умиленно заулыбался, словно любящая мамаша, чей отпрыск впервые заговорил, и вместо традиционного «мама» или «папа» выдал слово «писька».

Я не могла понять, зачем меня пытаются выставить нелюбимой дочерью, кидаящейся на шею любому престарелому папику. Мне знакомы были труды Фрейда. Вишневский сейчас дословно его цитировал. Зачем это все нашему преподавателю? Чего он добился, публично унизив нескольких человек, в том числе и меня?

— Все остальные случаи, кроме последнего, кажутся мне банальными. Мы будем рассматривать их на последующих занятиях. Совсем другое дело — Мила Богданова. С вами я поработаю отдельно, с глазу на глаз, без свидетелей. И, возможно, смогу помочь вам, — громко и четко проговорил Вишневский, — а теперь продолжим семинар.

Дальше начался вполне обычный опрос — препода нужно было понять уровень нашей подготовки. Вишневский задавал общие вопросы, на которые смог бы ответить даже девятиклассник. Аудитория оживилась, все хотели похвастаться своими познаниями. Я была удивлена, поняв, что наша группа начитанна и неплохо подготовлена к серьезной работе. Почти все слышали о Юнге, легко расшифровали понятие «бихевиоризм». Вишневский живо переговаривался с присутствующими, его лицо, казалось, было приветливым и благодушным, но мне оно напоминало маску. Он о чем-то думал, его мозг напряженно работал, я могла в этом поклясться.

Семинар закончился, и наши девицы, а с ними и Антон, быстро вылетели из аудитории. Я не торопилась. К концу занятия мне стало ясно, что со мной желают поговорить.

Наконец мы с Вишневым остались одни. Он торопливо подошел к двери и, достав из кармана ключи от класса, запер дверь. Затем, повернувшись ко мне, сказал:

— Прости, Мила, за клоунаду. Мне самому не очень понравилось щипать этих ягнят. Просто о себе надо было оставить определенное воспоминание, так сказать, зафиксировать. В следующий раз на моем месте будет другой человек, но вести он себя будет так же. Никто не заподозрит подмену.

Этот мир не переставал меня изумлять!

— Кто вы? — наконец пробормотала я.

— Спектр, — просто ответил Юрий Романович и, видя мое недоумение, добавил: — Наблюдатель. Так понятно? А вообще, привыкай. Теперь вокруг тебя будут появляться все новые и новые персонажи. Скоро ты перестанешь удивляться.

Я молчала, не зная, как к этому относиться.

— У нас мало времени, — мягко произнес Вишневский, — присядь.

— А почему я должна вам верить? — вдруг, неожиданно даже для себя, взорвалась я. — Вы меня пять минут назад перед всеми извращенкой выставили!

— Успокойся, они уже обо всем забыли. Осталось только размытое воспоминание. Определенное настроение. Так было надо, я тебе уже объяснил зачем. Не бойся меня. Небольшой разговор, и ты пойдешь по своим делам. Здесь никто никого не обидит.

Я буравила Вишневого недоверчивым взглядом. «Психолог» уселся в кресло и жестом показал мне на место рядом с ним.

— Ты, наверное, уже заметила, что в последнее время твои способности стали приносить много проблем, — вкрадчиво начал он.

— Вы о чем? — Я захлопала глазами: неужели этот разодетый щеголь действительно что-то знал обо мне?

Он определенно знал.

— Мила, мы можем долго препираться с тобой, и, в конце концов, я приведу тебе ряд веских доводов, после которых станет ясно, что мне можно доверять. Не усложняй задачу. В аудиторию скоро придет другая группа и другой преподаватель. Если мы не поговорим сейчас, мне придется приглашать тебя еще раз. Это будет уже совсем другое место. Кто знает, понравится ли тебе там?

Эти слова он говорил спокойным, даже убаюкивающим голосом, словно я должна была заснуть сразу после произнесенной им фразы.

Я кивнула, давая понять, что осознаю последствия своего упрямства. Он чуть заметно улыбнулся.

— Вот и хорошо. Теперь расскажи, когда все это началось.

— Я точно не помню. Может, год назад. По крайней мере, с одним из моих... поклонников я встретила почти сразу, как мне исполнилось семнадцать. Я сразу поняла, что ко мне испытывают нездоровое, болезненное влечение, от которого невозможно избавиться. До этого ничего похожего не замечала. — Я закашлялась: горло словно свело спазмой от воспоминаний о Рудневе.

— Много было таких знакомств?

— Не очень. Когда я начала понимать, что к чему, то постаралась не болтаться среди мужчин.

— Что у тебя с ними были за отношения?

— Не такие, — я помолчала, — в общем, сексом я еще не занималась. Ни разу.

— Тебе это ни к чему. Ты и так все получаешь, — задумчиво произнес Вишневецкий.

Я вскинулась:

— Никогда и никого не использовала в корыстных целях!

«Психолог» усмехнулся:

— И почему вы, женщины, всегда и все так усложняете? А? Ну, используешь ты мужиков. Вытравливаешь из них

деньги на машины, шмотки... И что? Почему нельзя называть вещи своими именами?

— Да потому, что это неправда! — заорала я.

— Иномарка у тебя откуда? — прикрикнул на меня Вишневский, тоже показывая возможности своего голоса.

Я затихла.

— Мне предлагали больше. Но я взяла ровно столько, чтобы хватило на самую дешевую «Мазду».

— Ну, вот, видишь. Значит, я прав. Ты, Мила — аферистка, использующая мужчин в корыстных целях.

— Если бы тот человек был беден и отдавал мне последнее, я бы не взяла, — тихо промямлила я, отчетливо осознавая, что «психолог» прав.

— Также мне, Робин Гуд в женском обличье, — фыркнул он, — берешь деньги только у богатых. Ты еще скажи, что после этого идешь к метро и там щедро раздаешь пожертвования бедным. Так сказать, восстанавливаешь утраченную справедливость.

Я промолчала.

«Его отправили выяснить подробности моей интимной жизни. Все это неспроста. Со стороны я действительно кажуся расчетливой сволочью, но не в этом дело. Кто послал Вишневого ко мне?»

— Что еще, кроме денег, ты получала от мужчин? — жестко спросил Вишневский.

— Были случаи, когда я принимала помощь, — мне вспомнился знакомый из ГИБДД, который помог с правами, — очень редко, когда сама не справлялась.

— Благородно, — насмешливо протянул Юрий Романович, — в последнее время часто приходилось сталкиваться с агрессией в свой адрес?

Я похолодела, вспомнив вчерашний день. «Кто бы он ни был, я больше ничего не скажу! Даже если он знает о вчерашней схватке, от меня он про Роберта не услышит! Ведь, если начать откровенничать, придется рассказать все».

— Мне пора, — ответила я.

Воцарилась тишина.

— А кто такие Спектры? — вдруг вырвалось у меня. — Спектре по-французски — это призрак. Бестелесная субстанция, которую, впрочем, можно увидеть.

— Не ломай голову, позже все узнаешь, — равнодушно ответил Вишнеvский, — просто мы наблюдаем за теми, кто нам нужен. То есть к нашим обычным обязанностям прибавляется еще и эта. Я должен выявлять и анализировать.

— Сложно как у вас! — равнодушно отозвалась я. — Спасибо за информацию.

— Откровенность за откровенность, — парировал Юрий Романович.

Я встала, он тоже. Был еще один вопрос, который я таки решилаcь прояснить:

— На вас ведь не действует? Ну, мой... — Я запнулась.

— Как видишь. Это действует лишь на живых.

«Он что, и правда призрак?!»

У меня, наверное, был такой ошеломленный вид, что наблюдатель усмехнулся. Затем, снова став серьезным, он достал ключи от аудитории и направился к двери. Снаружи, в коридоре, гомонили студенты.

— Мы с вами быстро закончили, — бодро прошептала я.

— Вряд ли мы что-то закончили. Скорее, все только начинается, — спокойно и мрачно ответил Вишнеvский, — ты просто должна понять, что может начаться война. Ты не понимаешь, какую разрушительную силу таят в себе твои проклятые способности.

Помолчав, он добавил:

— Все-таки, странная вещь — генетика.

С этими словами он быстро отпер дверь и стремительно вышел из аудитории. Я стояла, не в силах пошевелиться: «Война? Мои способности? Разрушительная сила? Генетика? О чем он вообще?»

Студенты из параллельной группы стали заходить, деликатно обтекая меня с двух сторон, будто загораживать проход было в порядке вещей. Я не двигалась с места, снова и снова вспоминая разговор с «психологом». Ему ничего не удалось выяснить. Похоже, руководство снабдило его более подробной информацией о моей жизни, чем я сама.

Поняв, что долго стоять на одном и том же месте неправильно, я отправилась в очередной раз искать свою группу.

Медленно и неуверенно я спустилась на первый этаж, чтобы узнать на стенде номер аудитории, стараясь не встречаться ни с кем взглядом. Причиной тому было мое нежелание видеть кого-то из моих... новых знакомых. Это определение, почти издевательское, было навязано Роберту Стронгу за то, что он убил моего друга. Я еще немного поразмыслила, прибавив: и спас меня. «Вот бы посоветоваться со знающими людьми — что в такой ситуации положено чувствовать. Благодарность? Страх? Гнев? Ненависть? Огромное желание видеть этого человека, прикасаться к нему? Да, последний вариант ближе к истине. Только бы не встретиться с ним сейчас! В таком состоянии я что угодно способна отколоть: могу кинуться на него с кулаками или наброситься с поцелуями».

На этот раз я узнала номер аудитории без приключений — из расписания, — и двинулась на второй этаж.

Вся группа уже сидела в кабинете, дожидаясь преподавателя логики. Навесив на лицо приветливое выражение, я засеменила к парте, за которой сидел Антон.

Вопреки моим ожиданиям, парень вовсе не был смущен унижительным разоблачением. Он сидел в наушниках и с блаженным видом слушал музыку. Я под села к нему и вынула наушник из его правого уха:

— Привет!

— Привет! — радостно закивал Антон и выключил плеер. — А ты где так долго шлялась? Со Стронгом своим ненаглядным целовалась?

Я опешила. После этого странного семинара по психологии меня, у всех на глазах, попросили задержаться, чтобы индивидуально разобрать мой необычайно «тяжелый» и «интересный» случай. Удивительно, что Антон этого не заметил. Возможно, он был шокирован обнажением своей тайны: теперь вся группа догадывалась, что Антон любит а) мужчин, б) пожилых и в) с деньгами.

— Кстати, прикольное занятие было сегодня. Ну, по психологии, — весело прощебетал мой приятель.

«Он что, издевается? Или ему так неловко, что он пытается острить?»

Словно опровергая мои слова, Антон отвернулся от меня и обратился к Марине, с которой раньше вместе сидел:

— Слушай, Марин, а у тебя конспекты остались с прошлого семинара?

— По психологии? — будничным тоном уточнила та.

— Ага, а то я поленился чего-то и не записывал. Помню все, но как-то смутно.

— Так никто не записывал, — спокойно ответила Марина. По ее добродушному лицу было видно — она уже простила Антона.

— Слушай, а что он давал-то? Я не могу вспомнить тему семинара, — растерянно произнес парень.

— Было вводное занятие. Он просто опрашивал всех, наши знания выявлял. Ну, про Карнеги, Юнга, еще про что-то вопросы задавал. А у нас группа подготовленная, вот мы ему и отвечали развернуто. На это все время ушло. Он обещал, что в следующий раз мы будем разбирать какую-то интересную тему. Сублимацию или что-то в этом роде.

«Вишневский говорил, что никто ничего не вспомнит, так и случилось. А еще он сказал, что в следующий раз на его месте будет другой и никто не заметит подмены. Держу пари, это будет совершенно обычный преподаватель, самым отдаленным образом напоминающий Юрия Романо-

вича. Хотя, думаю, имя и фамилия будут совпадать. Интересно, а может ли кто-нибудь описать этого психолога?»

Я осторожно дернула Антона за рукав.

— Слушай, по-моему, этот преподаватель был какой-то агрессивный.

— Да, что-то такое было, — неуверенно отозвался парень, — я точно не помню.

— Было, было, — неожиданно вмешалась в наш разговор девочка со светлыми кудряшками и в очках, которую я видела вчера в бассейне, а сегодня — в лифте. Она сидела за соседней партой и, похоже, слышала кое-что из нашего диалога.

— Ты о чем? — насторожилась я.

Она повернулась к нам, неудобно изогнув спину. Ей, видимо, хотелось посплетничать.

— Он резко высмеивал тех, кто на его вопросы по Фрейду отвечал, замалчивая некоторые термины. Ну, например, есть такое понятие — «полиморфно-извращенные склонности», или «младенческая мастурбация». Ну, он меня спросил, а мне стыдно стало произносить все это. А он сказал, что настоящий педагог не должен стесняться таких естественных процессов. Он, наоборот, должен все вещи называть своими именами. Бушевал минут десять. Устроил целый прогон на эту тему.

Девочка помолчала.

— А как тебя зовут? — спросила я, воспользовавшись паузой в разговоре. — Что-то я пока мало кого знаю в нашей группе.

— Оля, — ответила девочка и добавила: — А мне так стыдно стало... Неловко как-то...

Было видно, что бестактное поведение преподавателя очень ее волнует. Вот только диалога, который она описала, на самом деле не было. Вишневский, или как его там звали, на самом деле просто вызывал всех по очереди, прощупывал, комментировал. Да, он был эксцентричным и грубоватым, — видимо, именно такими качествами обладает

настоящий Юрий Романович Вишневский, который будет вести следующее занятие. А сегодняшний красавчик, если не соврал, больше у нас не появится — похоже, он свою миссию выполнил. «Миссия! — Это слово вспыхнуло в моем сознании, вызывая нервное возбуждение. — Миссия! Роберт говорил мне, что перед моим даром не может устоять ни один мужчина, кроме того, который выполняет свою миссию. Значит, Вишневский кого-то или что-то защищает, и его занятость защищает его самого!»

Я вспомнила, как Стронг выкрикнул в порыве отчаяния: «На меня не должны были подействовать твои чары! На Ясных это не действует!» Тогда я не придавала особого значения его словам — но сегодня я разговаривала с Вишневским, на которого не действовала моя сила. Следовательно, и он выполнял какую-то миссию. «На страже чего он стоит? Кому понадобилась моя скромная персона? Налоговой инспекции, которая хочет долю со всех подарков, сделанных мне разными мужчинами? — Я усмехнулась. — Тут все серьезнее. Каким образом к этому причастен Стронг? Ведь он говорит о себе как о человеке, у которого есть миссия. И на него, как и на наблюдателя Вишневского, не должно действовать мое очарование. Они знакомы? Кто такие эти Ясные? Кто такие Спектры? Боже! С чем я соприкоснулась и как мне теперь действовать?» Вопросов было много, ответов — ни одного.

Эти три дня сделали меня старше лет на тридцать. Мой мозг усиленно работал, анализируя факты и события, участницей которых мне довелось стать. «Зачем наблюдатель опрашивал всех? У него что, не было четкой ориентировки? Он не знал, какая именно девушка в группе обладает известными способностями? Это как-то странно».

Я оглядела учащихся нашей группы, которые мило стрекотали, совершенно не помня о том, как сегодня, не без помощи пытливого «психолога», прилюдно раскрывали свои самые постыдные тайны. «Посмотрела бы я на вас, если бы вы все это помнили. А я вот помню». Удивительно,

но эти невинные прилежные первокурсницы успели запачкаться: одна из них, в воображении, занималась сексом со своим братом, другая лишилась невинности под кайфом, еще одна мастурбирует, поскандалив с родителями. «Выходит, только одна я из всей нашей группы еще ни разу не позволила себе ничего по-настоящему сексуального? Ведь сексуальность, если судить по этим девушкам, — это грязно. — Я поморщилась. — Только не в моей душе и не в моей голове. Мой секс будет чистым и прекрасным, я буду заниматься любовью только с тем, кто мне дорог. В моих чувствах и в моем сексе не будет места ничему извращенному, болезненному, жестокому».

— Здравствуйте, мои дорогие! — раскатисто пронеслось по аудитории. — Извините за опоздание, маршрутка сломалась.

В класс вошел, а точнее, ворвался пухленький мужичка лет шестидесяти. Он энергично потирал руки и бойко тараторил:

— Итак, дорогие мои! Как я рад! Как я рад вас видеть! Погода, воздух, а мы здесь осваиваем эту чертовски скучную науку — логику. — Он громко рассмеялся над собственной шуткой.

Заметив мой недоуменный взгляд, Антон тихо сказал мне на ухо:

— Профессор Овчинников. Он уже нам отчитал две лекции, пока тебя не было. Он — маньяк, помешан на своем предмете. А мы никак не пойдем, зачем нужна логика будущим преподавателям русского языка и литературы.

— И как долго нам будут читать этот бред?

— Во втором семестре сдаем экзамен, и все — свобода.

Я картинно вздохнула, выражая молчаливую покорность судьбе, и погрузилась в свои мысли. «Интересно, как я теперь буду передвигаться? Живу за городом, без машины — никак. А моя расчудесная «Мазда» стоит те-

перь, разбитая и неопознанная, на какой-нибудь государственной стоянке. Надо сегодня же поехать в автосалон и внести аванс за машину из рудневских денег. Это неправильно, кощунственно, но другого выхода нет! Нужно купить точно такую же «Мазду» и надеть на нее мои старые номера. Потом позвоню своему приятелю из ГИБДД и попрошу его о небольшом одолжении, и, надеюсь, он поможет мне в этом».

Составление плана успокоило меня, но не сделало равнодушной: я собиралась покупать машину на деньги человека, которого, возможно, убили по моей вине. Конечно, у меня не было других вариантов, но совести это было безразлично.

«Роберт, Роберт! Может, ты ни в чем не виноват? Может, взбудораженное воображение нашептало мне весь этот бред? Но тогда почему ты так странно ответил на мой вопрос, будто ожидая его? Почему не спросил, что я имею в виду? Почему не стал выяснять, что я там себе в голове насочиняла? Что ты скрываешь? Кто знает, может, в Москве еще много людей, которые убивают своих врагов, отсекая им голову мечом. Руднев был политиком с большими деньгами. Наверняка у него было много недоброжелателей. Почему я сразу приплела сюда англичанина? Ему что, делать больше нечего, кроме как носиться по городу и разить невинных людей огненным мечом? Надо еще раз с ним поговорить, откровенно и без эмоций».

Я стала ругать себя за то, что так поспешно удрала от Роберта во время нашей последней встречи.

С нетерпением ожидая конца скучной лекции, я заерзала на стуле. Пока все занятия в университете вызывали у меня только скуку — кроме разве что семинара Семипалатовой, где мы с Антоном устроили перформанс и где я впервые встретила Роберта.

От мысли, что я скоро увижусь с ним, у меня потеплело на сердце. Я не сомневалась — Роберт не бросит меня

сегодня, обязательно найдет в универе и довезет до дома. А значит — мы сможем поговорить. Мысль о том, что этот красивый англичанин — всего лишь жертва моих бредовых домыслов, казалась мне все более реальной.

Наконец, лекция закончилась. Антон спросил меня:

— Ты пойдешь на факультатив по востоковедению?

Я покачала головой:

— Если не обязательно, лучше домой поеду. Что-то меня сегодня загрузили не на шутку. Даже голова заболела.

— Но потом еще две лекции! — удивленно возразил приятель.

— А ну их! — отмахнулась я.

Мы простились с Антоном, и я вышла в коридор, собираясь выяснить, в какой аудитории учится Роберт, найти его и поприсоединиться к попутчикам. Я перестала узнавать себя — раньше ни за что так не поступила бы, но влюбленность, как известно, меняет людей самым неожиданным образом.

Спускаясь по лестнице мимо большой компании студентов, которые оживленно что-то обсуждали, я опять почувствовала тот странный, леденящий душу взгляд. Пришлось остановиться и оглядеться. Компания, состоящая из одних девушек, смеялась, не обращая на меня никакого внимания. На секунду мне даже показалось, что я ошиблась, став слишком мнительной, но ощущение преследования не исчезало.

Спустившись на первый этаж, я подошла к стенду с расписанием. Оказалось, что группа Роберта уже закончила заниматься. В расстроенных чувствах я направилась к выходу.

— Мила! — окликнул меня незнакомый мужской голос.

Я оглянулась. Передо мной стоял Герберт, лучший друг Стронга. Он был красивым и высоким, но не стройным, как Роберт, а объемным и мускулистым.

— Здравствуйте! — сказал он. — Роберт попросил отвезти вас домой.

Судя по заметному акценту, Герберт не владел русским языком так хорошо, как его друг. И еще меня удивило обращение на «вы».

— Спасибо, не стоит, — как можно более деликатно ответила я: мне хотелось не столько добраться домой с комфортом, сколько поговорить с Робертом.

— Вы должны пойти со мной, — все еще спокойно, но уже со стальными нотками в голосе произнес Герберт.

— Спасибо, — вежливо повторила я, — мне хочется прогуляться.

— Я должен отвезти вас, — голосом, не терпящим возражений, отчеканил Герберт.

— А Роб? Почему его нет?

— Роберт не может. И просил передать, что все ваши самые ужасные опасения на его счет — чистая правда.

Я вспыхнула: «Он действительно хладнокровный убийца?» Не говоря ни слова, я отвернулась от своего собеседника и пошла к выходу. Друг Роберта пошел за мной.

Я обернулась и спросила почти грубо:

— Послушайте, что вам всем от меня надо?

— Я должен, — упрямо твердил Герберт.

«Что ли он других слов не знает? И вообще, кто он такой? Может, он, как и его приятель, убивает людей пачками — и плохих, и хороших?» Я поежилась и пошла к остановке маршруток. Проходя мимо университетской стоянки, я почувствовала на своем плече руку. Она принадлежала Герберту.

— Садитесь в машину, — вежливо произнес он, — я вас все равно не отпущу. Так просил Роберт.

Я пожала плечами и покорилась.

Герберт подвел меня к темно-зеленому джипу «Инфинити» и открыл заднюю дверь. Впереди, на пассажирском месте, сидела девушка. Она перегнулась через сиденье, посмотрела на меня и негромко сказала:

— Привет!

«Лиза Стронг, сестра Роберта». — Сделав вид, что ничуть не удивлена, я ответила:

— Здравствуйте! Как поживаете?

Герберт, усевшись за руль, ответил за девушку:

— Лиза плохо говорит по-русски. Она не собирается оставаться здесь надолго, просто она сопровождает... — он запнулся, и, как мне показалось, голос его слегка задрожал, — брата.

Я промолчала. По тому, как эти двое переглянулись, мне стало ясно, что их связывает какая-то тайна. В другой раз любопытство заставило бы меня внимательнее понаблюдать за этой красивой парой, но сейчас мне было не до того. Я думала о человеке, который мне нравился и который почти сознался в чудовищном преступлении, передав дикое послание через своего друга.

Герберт не знал дорогу к моему дому так хорошо, как Роберт. Я постоянно подсказывала ему повороты. Лиза сидела тихо, больше ни разу ко мне не обратившись. Я не могла понять — она меня недолюбливает или просто не знает языка?

Наконец, когда мы ехали по узкой дорожке, ведущей к въездным воротам в мой поселок, я приняла решение — как мне казалось, окончательное и непоколебимое.

Огромный «Инфинити» подъехал к моему дому, бесшумно затормозив рядом с калиткой. Я помедлила несколько секунд и сказала:

— Спасибо. И еще. Передайте Роберту, чтобы он не подходил ко мне больше. Никогда. Ни при каких обстоятельствах.

Каждое слово ранило мою душу, будто острый кинжал. Но мне казалось, так будет правильно. По-человечески. Я не хотела давать шанс отношениям, которые никогда не должны были начаться.

Герберт помолчал, потом ответил:

— Хорошо. Я передам. Только вряд ли это что-то изменит.

Фраза, хоть и произнесенная с легким акцентом, была сказана как-то очень по-русски. Я не пожелала разговаривать и пулей вылетела из машины.

Джип Герберта сорвался с места, развернулся и поехал к выезду.

Постояв несколько секунд у своей калитки, я расправила плечи и вошла в дом. Надо было взять деньги и ехать за новой машиной.

Глава 9

ДОПРОС

Слава богу, мать еще была на работе. Я представила себе ее расспросы, мои ответы и поняла, что морально истощена для вранья. С другой стороны, правду рассказывать было категорически нельзя. В мои планы не входило бегать в больницу, где мамуля будет оправляться после инфаркта. Ее надо поберечь. А значит, целесообразно будет ей соврать.

Я поморщилась и набрала номер областного такси. Неприветливая тетка на том конце провода пообещала прислать машину минут через пятнадцать.

Я достала деньги, старательно избегая мыслей о Рудневе и Роберте. Надо было заставить себя не думать, не размышлять, просто жить.

Мобильник завибрировал в руках.

— Алло! — сказала я.

— Такси подъезжает, — по-прежнему неприветливо сказала оператор, — белый «Ниссан» с номером 589.

— Выхожу, — пообещала я.

У калитки меня ждала очень старая праворулька. «Интересно, как она до сих пор ездит?» Я села сзади, отметив, что внутри колымага была очень тщательно вычищена и буквально сияла. Все пластиковые и деревянные поверхности блестели, отполированные заботливой рукой хозяина, чехлы на сиденьях, хоть и потертые изрядно, благоухали фиалкой.

Да, водитель наверняка фанат своей машины. Ведь когда тачка старая, содержать ее становится все труднее и

труднее — запчасти надо менять, а в автосервисах их уже не продают. Они попросту сняты с производства, как и сама машина. Приходится искать по всей Москве, подбирать нечто более-менее подходящее, платить за эксклюзивный заказ, подолгу ждать, когда же, наконец, придет драгоценная железяка. Я была неплохо осведомлена в этом вопросе, потому что в школе дружила с мальчиком, отец которого владел старым «Мерседесом» 1969 года выпуска. Борис Геннадьевич, — так звали этого человека, — очень гордился своей машиной. Заходя к ним по воскресеньям, я слушала, как хвастается гордый владелец раритета, перемазанный автомобильным маслом и тосолом:

— Вот как я выгодно деньги вложил! У меня такое редкое авто, что в сервисе, когда звоню записаться на ремонт, даже мой голос стали узнавать!

И он шел дальше заниматься своим автомобилем, проводя под ним весь воскресный день.

Совсем не разбираясь в механизмах, Борис Геннадьевич, немного помучившись для порядка, отгонял все-таки свою красавицу обратно в сервис. Ездил этот «Мерседес» хорошо, но недолго и неохотно.

Наконец, измучившись от постоянных скитаний по различным автосервисам Москвы и ближайшего Подмосковья, Борис Геннадьевич сдался. Со слезами на глазах он распродал свою красавицу по частям и пошел в автосалон за новым автомобилем. Там он приобрел вполне обычную машину, но без пробега.

С какой же гордостью рассказывал он потом об увлекательных поездках на своей новой блестящей красавице! Теперь каждое его путешествие заканчивалось в ожидаемом пункте назначения, а не на борту машины-эвакуатора, которая должна была доставить свой груз к месту очередного ремонта.

Я улыбнулась, вспоминая школу. «Дурочка! Все ждала, когда, наконец, перестану туда ходить и повзрослею. Поступлю в университет. Начну другую жизнь. Вот она,

началась. И теперь мне хочется обратно, в школу. Чтобы мальчишки дергали меня за косы, а я была их по голове увесистым учебником. Чтобы не было этого безумного ажиотажа вокруг. Чтобы не существовало в жизни страшных вопросов, ответов на которые лучше не знать...»

Старенькая машинка вполне бодро катила по шоссе. Таксист оказался общительным мужиком лет сорока, действительно без памяти влюбленным в свой автомобиль. Он охотно и подробно рассказывал мне о своих злоключениях в автосервисе, где он тщетно пытался заказать лобовое стекло взамен треснувшего старого.

— Так камень в стекло попал! — жаловался он. — Вот так же клиента по шоссе вез. И тут удар — бац. Не угадаешь, где его поймаешь. Так трещина пошла. Ну, не ездить же с ней, вон она — по всему стеклу растянулась, — печально говорил водитель, — а фирма, в которой я работаю, говорит: «Это, Коля, не наши проблемы! Мы берем водителей только на своих автомобилях. С нас — заказы, с вас — чистые автомобили, отремонтированные и на ходу».

Коля крикнул. Я сочувственно произнесла:

— Надеюсь, что вы найдете стекло. Должно же повезти, в конце-то концов!

— Повезти! — обиженно забубнил водитель. — Та-ким, как я, не везет! Все везение этим достается! — Он неопределенно кивнул. — Вон как чешет! У них и на новый автомобиль деньги есть, и запчасти легко доставать, и от ГИБДД отмазаться, если что, тоже сумеют.

Говоря все это, таксист косился в зеркало заднего вида, будто говоря о ком-то конкретном.

Я оглянулась и похолодела. Сзади, почти вплотную к нам, ехал знакомый «Рэйнджер» с затейливой аэрографией.

— Вон как забавляются от безделья, — бубнил таксист, — картинки себе на кузове выводят! Тут вон еле на запчасти хватает, а эти...

Я не отрываясь смотрела на джип, который упорно не хотел от нас отрываться. «Чего Роберт хочет на этот раз? Прирезать водителя за то, что он мужчина и может влюбиться в меня? Кстати, пока бедолага не проявил ни малейшего интереса ко мне. Видимо, все его мысли заняты машиной. Или Роберт захочет убить меня, чтобы не мучиться самому? Как говорится, нет человека — нет проблемы».

Так, дружной колонной, мы и доехали до автосалона. Расплатившись с таксистом и пожелав ему удачи, я быстро прошла внутрь, заметив краем глаза, что англичанин тоже вышел из машины и идет за мной следом.

В салоне меня сразу перехватил невысокий мужчина с бейджилом: «Никита Белов, продавец-консультант».

— Чем могу быть полезен? — спросил он.

— Здравствуйте, Никита! — ответила я. — Мне нужно приобрести вот эту машину, — и ткнула пальцем в черную «Мазду», похожую на мою предыдущую букашечку как сестра-близнец.

Продавец оживился:

— Именно такой цвет?

— Да!

— А комплектация? Здесь установлена механическая коробка передач. Девушки, вообще, предпочитают автоматическую. Может, подождете? Я закажу с автоматом. Придет недели через две.

Я покачала головой:

— Спасибо, не надо. Мне нравится вручную переключать скорости. Я беру эту. Когда ее можно забрать?

— Да хоть завтра, при условии стопроцентной оплаты. Кстати, а на учет в ГИБДД вам ее поставить?

— Спасибо, я сама. У меня там знакомый работает. Давайте оформляться.

Продавец кивнул и, сладко улыбаясь, пошел готовить необходимые документы, оставив меня одну. Сзади слышались шаги; развернувшись и посмотрев Роберту прямо в глаза, я сказала:

— Нам не стоит разговаривать.

Его ясные, спокойные до этого момента глаза вспыхнули огнем. Он схватил меня за руку, потащил к моей будущей машине и, открыв водительскую дверцу, усадил за руль. Сам же, обойдя автомобиль, устроился на пассажирском сиденье.

— Ты не должна ни у кого брать деньги! — безапелляционно заявил он.

— Кто сказал? — с вызовом спросила я.

Роберт, казалось, не заметил моего вопроса.

— Я знаю, тебе нужна машина. Давай покупай! Только не на эти деньги!

— Прости, но другого источника доходов у меня нет! — спокойно ответила я. — Ты забыл, я еще не работаю.

— Я куплю тебе любой автомобиль. Абсолютно любой, какой пожелаешь.

— С какой стати тебе делать такие подарки девушке, которая не желает тебя видеть?

— Я просто так хочу. А ты скоро будешь сожалеть о том, что так плохо думала обо мне.

— Я уже... сожалею, — пробормотала я, опуская голову, — но поделать ничего не могу. Уже все сделано. Ты не оставил мне выбора.

Роберт покачал головой:

— Не будь жестока. Я прошу о такой малости — взять у меня деньги. Ты же понимаешь, что доходы позволяют мне купить тысячу автомобилей.

— Недавно я взяла деньги у мужчины, доходы которого тоже позволяли сделать подарок понравившейся ему девушке, а он потом погиб.

— И долго ты еще будешь пользоваться всеми этими паршивыми поклонниками, которые валяются у тебя под ногами, как грязь? — с негодованием спросил Роберт.

— Никто у меня в ногах не валяется, мои друзья — приличные люди, а не грязь. И вообще, это моя жизнь. Никто не проживет ее вместо меня. Ты извини, я должна идти.

Я попыталась было открыть дверь и выйти из машины, но Роберт крепко взял меня за руку и проговорил — жестко и страстно:

— Возьми у меня деньги, прошу. Если не хочешь нормальную машину, возьми эту, маленькую. Только купи ее на мои деньги. Они заработаны честно, на них нет чужой крови. Ты ничего не будешь мне должна.

Я раскрыла свою сумочку перед его лицом.

— Эти деньги тоже не особо грязные. Как видишь, ни капельки крови на них нет. Все купюры новенькие, только что из банка.

Лицо Роберта оставалось спокойным, но его щеки запылали, выдавая истинные чувства. Мне ничего не оставалось, как добить его:

— Послушай, все, что ты чувствуешь ко мне, — это иллюзия. Магия. Чары. В этом нет моей вины, но все-таки... Если ты будешь держаться от меня подальше, все может закончиться хорошо. Ты забудешь обо мне. Выучишь русский, да ты его и так прекрасно знаешь. Снимешься в своем фильме и поедешь к себе, дальше штурмовать Голливуд. А я обещаю, что никогда не заговорю с тобой. Не из-за того, что не хочу. Нет. Просто так будет лучше для нас.

Стронг молчал, а я продолжила:

— Пойми, все это похоже на временное помутнение рассудка. Это мания. Обычные чувства рождаются постепенно, им нужно время. Нет ее, этой любви с первого взгляда. Нет! Не верю я в нее!

— Ты ничего не знаешь, маленькая дурочка, ничего! — с болью в голосе произнес Роберт.

— Ошибаешься. Последние три дня открыли мне многое, в том числе и меня саму. Я должна держаться подальше от людей, или хотя бы от мужчин. Я ненавижу себя за это. — Я вскрикнула; Роберт продолжал держать мою руку. — Если бы не мои чары, ты бы никогда не обратил внимания на такую обычную девушку, как я!

— Ты ошибаешься! — спокойно возразил он. — Уж

не знаю, чем ты меня пленила, но точно не своим даром. Я уже говорил тебе, на таких, как я, это не действует. Ты не поверила мне. Но, похоже, совсем недавно ты убедилась — есть люди, похожие на меня. И на них действительно, не действует твой талант.

Я вспомнила Вишневого.

— Откуда ты знаешь?..

Договорить мне не дали. Стронг достал из рюкзака, который сначала висел у него на плече, а потом перекочевал на колени, несколько пачек долларов и впихнул их в мою раскрытую сумку. От неожиданности я опешила. Роберт посмотрел на меня странным взглядом и сказал:

— На эту колымагу хватит. А мне пора, я уже начинаю терять контроль над собой. Еще пару минут, и я не смогу удержаться от того, чтобы схватить тебя. Неизвестно, чем это может кончиться. Кстати, ты уже успела обаять продавца. Он сейчас появится и обрадует тебя двадцатипроцентной скидкой на твой автомобиль, о которой ты его не просила. А еще салон выделит машину, которая довезет тебя сегодня до дома. Этот коротышка оформил тебя в базе как VIP-клиента.

Стронг легко выпрыгнул из низенькой «Мазды» и стремительно пошел к выходу.

Я молча сидела в машине, пока наконец не вернулся Никита Белов, продавец-консультант.

— Я хочу вас обрадовать! Я поговорил с нашим руководством, и оно позволило сделать вам двадцатипроцентную скидку на этот автомобиль! — Он просиял, но, увидев вопрос в моих глазах, пояснил: — Просто эта машина — с витрины. В ней много народу пересидело, трогали здесь все, наверняка царапины кое-где. Так что новой ее не назовешь.

В его влюбленных глазах я прочитала, что давать огромные скидки на новые автомобили салон начал совсем недавно. Минут двадцать назад.

Тем не менее Никита Белов, продавец-консультант,

вывел меня из оцепенения. Мысленно я прибавила к многочисленным талантам Роберта Стронга еще парочку. Во-первых, у него точно был дар ясновидения. Я даже не удивилась — просто отметила то, что он с легкостью прочел мысли продавца и узнал о моем разговоре с очень необычным психологом. Во-вторых, англичанин обладал даром убеждения: когда он отдавал мне деньги, я была неподвижна и безучастна. Мне нельзя было их брать, но Роберт победил.

За новую машину пришлось заплатить теми деньгами, которые лежали сверху в моей сумке — долларами Роберта. Я надеялась, что ему будет приятно. В том, что он узнает об этом, сомневаться уже не приходилось.

Потом я позвонила бывшему гаишнику, а теперь гибэ-дэдэшнику.

— Приезжай ко мне, я сейчас на работе, — бодро предложил мой приятель, — там и объяснишь, в чем проблема.

Чтобы добраться до него, я с удовольствием воспользовалась новеньким автомобилем, который салон выделил мне как VIP-клиенту. Уговорить приятеля поставить на мою новую машину старые номера не составило никакого труда: ради меня он и не такое мог сделать. В очередной раз пообещав себе не использовать людей в корыстных целях, я отправилась домой. Водитель машины, которую мне предоставил автосалон, спросил:

— Вам завтра куда-нибудь нужно будет?

Я кивнула:

— Забирать машину из салона.

Обещание, данное себе, было невыполнимо.

Войдя в дом, я сразу поняла, что мать затеяла генеральную уборку. Вся мебель в гостиной была сдвинута в центр, стулья красовались на обеденном столе ножками вверх. На полу ворохом валялись тряпки разных цветов и размеров. Огромное пластиковое ведро с мыльной водой торчало посередине комнаты, швабра была брошена рядом.

В общем, собиралась гроза.

Моя мама всегда очень злилась, принимаясь за уборку. Обычно она заранее предупреждала меня:

— В понедельник будем наводить порядок.

В детстве у меня от этой фразы начинали бегать мурашки по коже. Впрочем, сейчас мало что изменилось. В день уборки мать начинала нервно носиться по комнатам, вытряхивать подушки и покрывала, смахивать со всех поверхностей пыль и разные предметы, создавая бедлам там, где был просто беспорядок. Затем, придя в ярость от вида созданного ею же самой бардака, мама начинала кричать на меня:

— Чего смотришь? Давай, начинай пылесосить!

Я покорно принималась за работу. Мамаша прыгала вокруг, пытаясь меня контролировать. Если она замечала пропущенную пылинку, то начинала кричать:

— Неряха! Да ты замужем и пяти дней не пробудешь! Тебя свекровь из дома выгонит!

Я молча недоумевала: «Во-первых, почему нельзя спокойно указать мне на ошибки? Я вернусь к тому месту, где осталась пыль, и уберу ее. Во-вторых, почему ты думаешь, что если я выйду замуж, то мы с супругом будем жить с его матерью, к тому же стервозной? В-третьих, неужели до тебя еще не дошло, что в наше время в девушках в первую очередь ценятся яркая индивидуальность, мудрость, чуткость, чувство юмора, а совсем не умение чисто мыть пол!»

Мать кричала на меня, пока я работала, а потом выдавала классическую фразу:

— Ты — вся в своего папашу. Он вечно комкал свои носки, потом стирал, не расправляя, а потом, в таком же виде, кидал на батарею!

Мама все чаще замечала, что я становлюсь похожа на отца, и от этого ей было очень плохо.

Сердце сжалось в предчувствии бури, и я шагнула на кухню, где мать грохотала сковородками.

— Привет, мам! — сказала я как можно мягче.

— Переодевайся давай, — без предисловий приказала родительница, — видишь, сколько всего надо сделать!

— С чего начнем? — бодро спросила я, радуясь отсутствию вопросов о вчерашнем инциденте.

— Ты у нас пылесосишь, забыла? — резко ответила мама.

Я покорно кивнула и пошла наверх, чтобы надеть «специальную» одежду для уборки: старые джинсы и белую мужскую майку-алкоголичку. Облачившись, я уже приготовилась идти вниз, как вдруг вспомнила, что должна позвонить отцу. Мне нужно было выяснить у него то, что другие объяснять отказывались.

Некоторые вещи он уже не сможет от меня скрывать, потому, что все становится слишком очевидным. Я вспомнила сегодняшних «жертв». Бедняга продавец, видимо, будет из своего собственного кармана покрывать недостачу в двадцать процентов от стоимости моего автомобиля. А потом объясняться с начальством, за какие заслуги совершенно обычной покупательнице выделили личное авто с водителем, чтобы она могла с комфортом передвигаться по городу, пока не заберет свою «Мазду».

Вторая «жертва» — мой знакомый из ГИБДД, обалдевший от наглой просьбы, но не посмевший мне отказать. От него требовалось устроить так, чтобы на мою новую машину перекочевали старые номера. Конечно, такая практика существует, но это очень сложная процедура. Надо не один день провести в ГИБДД, собирая многочисленные подписи. Отстоять в очередях. Самому. Я же просто должна буду пригнать новый автомобиль своему приятелю. И все. Остальное он пообещал взять на себя.

Мне вспомнились слова Вишневого: «Вы, Мила, аферистка. Вы используете мужчин в корыстных целях». Я горько усмехнулась: какая уж есть.

Отец отозвался сразу:

— Богданов, слушаю!

Он был начальником частного охранного предприятия, а до этого, во времена СССР, трудился в каком-то закрытом НИИ. По большому счету, меня не интересовало, чем он занимается, меня интересовал он сам. Мне нравилось в нем многое: улыбка, черты лица, походка, манера разговаривать. Все это, казалось, было создано с одной целью: обаять, очаровать собеседника. Его нельзя было назвать красавцем — невысокий, с чересчур крупными чертами лица, полноватый. Тем не менее весь его облик был буквально пропитан особой, только ему присущей энергетикой, которая делала его почти образцом мужской привлекательности.

— Привет! Это Мила, — сказала я и зачем-то добавила: — Твоя дочь.

— А, привет, дочка! Как дела?

— Неоднозначно, — призналась я, — мне бы хотелось увидеться с тобой.

— На этой неделе не получится. Много работы. Давай в следующий понедельник?

Я, конечно, не была в восторге от того, что придется ждать несколько дней, но пришлось согласиться.

— Хорошо, созвонимся в воскресенье, чтобы договориться точнее.

— Угу, — сказал папа и отбил звонок, не попрощавшись.

Пора было убираться. Мама уже носилась по первому этажу, словно разъяренная тигрица. Бросив на меня свирепый взгляд, она спросила:

— Ты чего так долго копалась?

— Джинсы для уборки не могла найти, — соврала я, чтобы не упоминать отца.

Мы принялись за работу. Я обошла с пылесосом все комнаты, заглянула во все углы, предвидя возможные придирки матери, затем занялась туалетами — обработала дезинфицирующим средством унитазы и раковины, ванну и душевую. Мне нравилось работать по дому — это

было несложно и отвлекало от ненужных размышлений. Закончив, я спросила у мамы:

— Что еще надо сделать?

— А ты сама не видишь?

— Плиту помыть? — робко предположила я.

— Ты разве помоешь хорошо? Я сама. Лучше иди выброси мусор. Вон, на крыльце уже два мешка стоят.

Я обрадовалась возможности немного пройтись: в нашем поселке помойка организована почти у леса. Идти — от силы минут пять. Подхватив пакеты, я неторопливо направилась к мусорным контейнерам.

На улице разгулялось бабье лето. Воздух был прозрачным, жарким и сухим. Березовая роща, окружавшая поселок, тихо шептала о чем-то своем, растревоженная легким ветерком. Деревья стояли зеленые, и лишь изредка с какой-нибудь ветки слетал желтый лист. Это едва различимое шуршание дополняло глубокую тишину, царившую вокруг. Я была рада тому, что по нашему поселку больше не ездят огромные краны и грузовики с цементом. Все соседи уже закончили строить и отделывать дома, и у нас стало тихо — разве что собака залает или где-то вдалеке просигналит машина.

Я почти подошла к помойке, груженная огромными пакетами, как вдруг сзади послышался рев мотора. «Наверняка отечественная, — подумала я о подъезжающей машине, — очень уж шумит. Вроде у нас в поселке никто на таких не ездит...»

С облегчением сгрузив мешки в мусорный контейнер, я направилась обратно к дому.

Интуиция меня не подвела. Подъехавший автомобиль оказался «Волгой», в какой-то новой, навороченной комплектации. Ее владелец, крупный мужчина средних лет, вышел из салона и ждал именно меня. Пристально взглядевшись в его лицо, я пыталась понять, кто это, но тщетно: человек был мне абсолютно не знаком.

— Гражданка Богданова? — окликнул меня мужчина.

Я обернулась:

— Да.

— Мила Игоревна?

— Она самая.

— Следователь Черепанов. Отдел по борьбе с организованной преступностью. Разговор у нас будет.

Мне очень не понравилась бескомпромиссная определенность в его голосе. Похоже, Черепанов не привык, чтобы ему отказывали. Вероятнее всего, именно этот голос огорошил меня жуткой новостью о смерти Алексея Львовича Руднева.

Поразмыслив еще пару секунд, я поняла: все сложилось очень удачно. Следователь поймал меня на нейтральной территории, а значит, можно поговорить с ним, не заходя в дом и ничего не объясняя маме. Я заставила себя улыбнуться и проворковала:

— Конечно, конечно. Давайте пообщаемся у вас в машине.

Черепанов хмуро посмотрел на меня.

— Садитесь, — наконец пригласил он.

В салоне «Волги» пахло крепким мужским одеколоном и сигаретами.

— Итак, Мила, у нас возникло множество вопросов, которые, если позволите, я озвучу, — витиевато и вместе с тем вкрадчиво начал Черепанов.

Я постаралась не потерять самообладания, хотя очень хотелось крикнуть прямо в лицо этому следователю: «Когда, наконец, вы все от меня отвяжетесь? Я хочу, чтобы вы все провалились к чертовой бабушке!» Но пришлось сказать:

— С удовольствием отвечу на все ваши вопросы.

— Вот и славно. Вы ведь меня помните? Я отвечал на телефонные звонки, которые поступали на номер Руднева Алексея Львовича. Вы хотели с ним поговорить, а я вас расстроил.

— Да, я запомнила этот момент. И хотя я не знала

Алексея Львовича близко, новость о его кончине привела меня в состояние шока, — так же спокойно отчеканила я.

Мужик посмотрел на меня с некоторым подозрением:

— Как долго вы были знакомы с убитым?

— Чуть меньше года.

— В каких отношениях вы состояли?

— Мы просто общались. Иногда обедали вместе в ресторане. Алексей Львович женат... Был женат, — быстро поправилась я, — так что любые интимные отношения между нами были исключены с самого начала, если вас это интересует.

Черепанов с хмурой усмешкой посмотрел на меня, — мол, кого и когда это останавливало.

— А его жена знала о вашей... дружбе?

— Не думаю. Мы с ним редко виделись. — Я помолчала, потом спросила: — А вы прорабатываете версию, что его убила жена?

— Вам не нужно задавать мне вопросы. Это моя обязанность. А вы просто отвечаете. Понятно?

Я кивнула. Все его поведение говорило о том, что этот мужчина испытывает ко мне легкую неприязнь. «Значит, у него миссия и он — на своем месте».

— Да, простите, — тихо сказала я, — какие у вас еще вопросы? Я отвечу.

Черепанов закурил. Сигареты, как и машина, были отечественного производства. Выпустив изо рта сизую струйку дыма, следовательно приоткрыл окно и спросил:

— В вашем присутствии он говорил о чем-то, что могло угрожать его жизни? Может, были какие-нибудь странные звонки? С угрозами, например?

Я наморщила лоб, будто задумавшись, но все было просто: никаких странных звонков, никаких угроз. Просто Стронг, мой не в меру ревнивый поклонник, учинил самосуд.

«А может, я все-таки ошибаюсь?» Сердце сжалось, но я постаралась удержать на лице невозмутимое выражение. За мной очень внимательно наблюдали.

— Нет, — ответила я, — в моем присутствии Алексей Львович редко разговаривал по телефону. Трубка всегда была у старшего охранника Димы. Он и отвечал на звонки. Если было что-то срочное, Алексей Львович соглашался на разговор. В основном говорил о бизнесе. Изъяснялся короткими фразами, никакой ругани. Я бы заметила.

— Странные у вас отношения были, судя по тому, что вы рассказываете, — нахмурился Черепанов.

— А что тут странного? — вспыхнула я.

— С какой целью он с вами виделся? Баб, что ли, мало? Если вы говорите, что только разговаривали, то на кой черт ему все это сдалось?

«Видимо, здесь что-то личное. Наверное, этот следователь на женщину смотрит очень приземленно — либо в койку, либо никак».

— Я ему нравилась. Он говорил, что ему приятно просто смотреть на меня. Что в этом дурного?

Следователь промолчал. Я вкрадчиво поинтересовалась:

— Надеюсь, мне удалось ответить на все ваши вопросы? Могу идти?

— Да подожди ты, сиди, — ответил Черепанов, как мне показалось, довольно фамильярно.

Я снова откинулась на сиденье. Мне не хотелось, чтобы он заметил мое желание поскорее убраться восвояси.

Следователь потянулся к заднему сиденью, вытянул оттуда потертый кожаный портфель, достал из него несколько фотографий и быстро кинул мне на колени:

— Не ваша машинка, случайно?

Поглядев на снимки, я чуть не вскрикнула: на них была запечатлена моя разбитая «Мазда», одиноко чернеющая на золотистом фоне поля. Машина была снята с нескольких ракурсов — и каждый снимок безжалостно констатировал, что произошла беда.

Я взяла себя в руки и непринужденно сказала:

— У меня такая же машинка. Только с ней все в порядке. Я другу дала покататься.

Черепанов прищурился:

— Фамилия, имя друга.

— Рейер. Антон, — холодея от собственной наглости, отчеканила я, думая: «Ну вот, теперь и приятеля втянула в свои дела. Надо успеть предупредить его, надо успеть...»

— Он просто хочет произвести впечатление на одного... в общем, у него свидание. А завтра он машину вернет. Вы сможете проверить.

— Проверим, проверим, — мрачно пообещал Черепанов, — а хотите другие снимки посмотреть, госпожа Богданова?

Я молча пожала плечами. Следователь положил мне на колени еще одну пачку фотографий.

Фотокамера хладнокровно запечатлела застывшие, мертвые лица охранников Вадима Олеговича. Это они пытались похитить меня. Преследовали, загоняли, как дичь. Это от них защищал меня Роберт Стронг. Правда, глядя на фото, можно было подумать, что бедные парни сами пали жертвами чудовищной жестокости. Некто очень сильный переломал им все кости и бросил несчастных на землю, где они и застыли в своих неестественных, жутких позах.

Я едва сдерживалась, чтобы не закричать. «Боже, что же теперь делать? Вокруг сжимается плотное кольцо. Меня атакуют со всех сторон. Скоро уже нечем будет дышать». Черепанов по-прежнему смотрел на меня в упор. Я хмуρο пробормотала:

— Вообще-то очень непривычно рассматривать такие снимки. Эти люди... Они что, умерли?

— Убиты. Все до одного, — спокойно подтвердил следователь, — сейчас мы проводим экспертизу. Хотя непонятно, как это все могло... — он осекся, — впрочем, неважно. Значит, не ваша машина?

— Насколько я вижу, тому, кто находился за рулем «Мазды», должно было крепко достаться. Тут далеко не

убежишь. Вы рядом с машиной смотрели, может, кто в канаву закатился, а вылезти сам не смог? — Я скрывала испуг за язвительностью. Со мной всегда так — стоит испугаться, и я начинаю хамить и вообще нести всякую ахинею, не задумываясь о последствиях.

Черепанов криво усмехнулся:

— Вы, госпожа Богданова, не волнуйтесь. Мы везде посмотрим. Где надо и где не надо — тоже. Говорите, после такой аварии водителю «Мазды» должно было крепко достаться? А вы себя давно в зеркале видели?

«Мила, какая же ты дура! Как можно было забыть, что все твое лицо покрыто синяками и царапинами? Что у тебя рассечена бровь? Что именно ты сейчас больше всего напоминаешь жертву автокатастрофы? Интересно, меня сразу посадят или еще помучают?»

Решив не сдаваться, я вскинула голову:

— Это не ваше дело. Моя сексуальная жизнь вас не касается!

Черепанов комично всплеснул руками:

— Ух ты! Так вам, госпожа Богданова, нравится погорячее? Чтобы в глаз дали, лицо исцарапали? А иначе вы не возбуждаетесь?

Если бы следователь Черепанов задал бы этот вопрос минут на пять пораньше, то получил бы от меня звонкую пощечину. Я бы не посмотрела, что он при исполнении. Наверняка он ответил бы мне еще более звонкой затрепщиной. Но это не важно.

Никто не имеет право обсуждать мою личную жизнь.

Но сейчас обстоятельства складывались таким образом, что приходилось врать. Врать и изворачиваться. Мне нельзя было признаваться, что я вчера находилась на этом поле. Тогда меня заставят рассказать все. В том числе и про Роберта. Предать его я не могла, несмотря на то что до сих пор не понимала, что чувствую по отношению к нему. Он спас меня, и я сделаю то же. От меня никто и ничего не узнает.

Я глубоко вздохнула и с глупой улыбочкой на губах произнесла:

— Да, мы, мазохисты, народ темпераментный!

Черепанов презрительно хмыкнул, но промолчал.

— Так я могу быть свободна? — поинтересовалась я.

Следователь неопределенно мотнул головой. Казалось, он крепко задумался о чем-то своем. Я воспользовалась этим и пулей вылетела из «Волги». Конечно, меня удивило, что удалось так легко свернуть неприятный разговор, но я предпочла поскорее забыть об этом.

Придя домой, я наткнулась на мрачную родительницу. Она медленно оглядела меня с ног до головы и пробурчала:

— Ну, и где тебя черти носили?

— Я гуляла. Погода хорошая. Наверное, последние теплые деньки. А дальше — дожди, слякоть. Бр-р...

Мать промолчала, пристально глядя мне в глаза. Я поняла, что сейчас будет еще один допрос, усмехнулась: «Давай, мама. И тебе отвечу. Я уже привыкла. В последнее время только этим и занимаюсь».

— Мила, — серьезно начала мать, — мне Роберт, конечно, все объяснил — как мог, ведь он по-русски не очень хорошо говорит...

Я еле удержалась, чтобы не рассмеяться: да Стронг болтает по-русски похлеще любого нашего профессора! И когда только успел научиться?

— Но, — продолжала мать, — мне бы хотелось услышать от тебя самой все подробности. Как тебя ранило?

Голос ее почти срывался от волнения. Она, очевидно, беспокоилась, раз отбросила свой грубый тон. А уборку внеплановую наверняка затеяла, чтобы забыть о переживаниях. Не получилось. Накричала на меня, а легче ей, похоже, не стало. Я понимала, каких усилий ей стоит удержаться от банальных материнских расспросов и причитаний. Зная меня, она знала также и то, что вразумительных ответов не будет: меж нами никогда не было откровенных разговоров.

— Роберт тебя не обманул. Произошла небольшая авария. Автомобиль попал колесом в ямку. Со всеми бывает. И знаешь что? — Я сделала радостное лицо.

— Что? — машинально повторила мать.

— Я думала, машина сильно пострадала, а оказалось — всего лишь небольшие вмятины и царапины. Прямо как у меня на лице. Скоро заживут, — оптимистично тараторила я, стараясь своей болтовней предвосхитить все вопросы, которые захочет задать мне мать. Не давая ей и рта раскрыть, я продолжала: — «Мазда» уже завтра-послезавтра будет на ходу. Она сейчас в сервисе. Мне позвонят, скажут, когда можно забрать.

Про себя я подумала, что если ушлый следователь Черепанов разошлет запросы по всем автосалонам, то легко сможет понять простую вещь — Мила Богданова соврала. На следующий день после происшествия в поле она пошла и купила себе новую машину и повесила на нее номера от старой. Если выйти на моего приятеля из ГИБДД и нажать на него хорошенько, вся правда о чудесной девушке Миле Богдановой выйдет на свет.

Итак, Черепанов легко вычислит, что я его обманула, что я выдаю одну машину за другую, путаю следы, занимаюсь какими-то странными махинациями... «Что же это творится с моей жизнью? А-А-А!!!»

— Мне кажется, — тихо сказала мама, — что с тобой не все в порядке. Ты случайно не влюбилась?

От неожиданности я закашлялась: мы никогда не говорили о любви и об интимных отношениях. Я не спрашивала, мама не откровенничала. Только однажды, в детстве, когда мне было лет восемь, я нашла дома книжку «Как я появился на свет». Взяв ее полистать, я обнаружила много нового, хотя девочки во дворе уже просветили меня, как все происходит между мамой и папой. Вдобавок ко всему оказалось, что мужчина не просто лежит на женщине и смотрит ей в глаза. Он еще и раскачивается, погрузив в нее одну из частей своего тела. Узнанное шокировало меня

так, что я даже попыталась обсудить это с мамой, спросив:

— Мам, неужели и ты это делала?

Она опустила глаза и ушла от ответа:

— Ты читай, читай. Там все написано.

Больше я подобных разговоров не заводила. И вот сегодня она спрашивает меня!

В горле засадило. Я шумно выдохнула, чтобы избавиться от неприятных ощущений.

— Чего кашляешь? Простудилась? — забеспокоилась мать.

— Да нет. Мам, пойду я к себе. Устала я что-то.

Мать разочарованно вздохнула. Она поняла, что добиться от меня откровенности сейчас — задача невыполнимая. Может быть, она жалела, что не сблизилась со мной, пока я еще была маленькой. Она всегда держала дистанцию, находясь в состоянии непроходящей тоски по ушедшей молодости и сбежавшему счастью. Она самозабвенно жалела себя в то время, когда просто могла жить счастливо.

Поднявшись к себе в комнату, я поняла, что теряю сознание. Потолок стал расплываться. Стены отплясывали дикий танец, и я не могла поймать взглядом какую-нибудь отдельную точку. Я прислонилась к стене, которая оказалась просто ледяной. Меня охватил озноб. В мышцах и суставах то и дело вспыхивали очаги боли. Я застонала и попыталась дойти до кровати, но не смогла. Колени сами собой подогнулись, и я рухнула на ковер. Перед тем как потерять сознание, я успела подумать: «Хорошо, что все это случилось дома, а не где-нибудь еще».

Глава 10

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Я чувствовала себя очень странно, ведь всегда четко определяла для себя — что плохо, а что хорошо. Как должно быть, а как — ни в коем случае. Я снисходительно относилась к слабостям других людей, но от себя требовала полнейшей концентрации. Короче говоря, мне всегда было ясно, как относиться к происходящему.

Но только не сейчас. Я парила в пространстве между бредом и реальностью, находя много странностей в обоих мирах. Я выныривала из кошмарных снов и погружалась в еще больший кошмар, не понимая, какой из снов страшнее. Иногда мне являлись лица тех людей, которых я хотела бы видеть перед собой всегда: Роберта, папы и мамы. Склонившиеся надо мной, встревоженные, испуганные.

Я отчетливо видела каждую черточку, каждую морщинку этих любимых лиц. Иногда появлялся только Роберт — я пыталась что-то ему сказать, даже открывала рот, но потом хрипло выдыхала и замолкала. Так, наверное, затихает разбитый рояль, по клавишам которого пробежала рука пианиста, желающего проверить — а вдруг инструмент не совсем расстроен, вдруг на нем можно еще играть; нет, негоден, пусть ждет настройщика. Так и мне, клали на губы прохладную руку — молчи, ты не готова. Я с усилием кивала и проваливалась в очередной кошмар.

Мне снилась гигантская очередь. Огромная, гудящая, как переполненный улей, она надвигалась на меня безжалостным смерчем с одной лишь целью: стереть меня с лица земли, вместе с моими воспоминаниями, устремлениями,

чувствами, привязанностями. Я пыталась докричаться до этой очереди, но разве можно говорить с хаосом или упростить стихийное бедствие обойти тебя стороной? Поняв бесплодность своих попыток, я покорно ждала развития событий.

Ко мне стали стекаться люди. Каждый из них непременно хотел поговорить о чем-то очень важном, насущном. Первым почему-то подошел Юрий Романович Вишнеvский. Он сурово посмотрел на меня и потер переносицу:

— Что же нам с вами делать, Богданова? Вас быть не должно, а вы есть. Сеете вокруг себя разрушение и хаос. Нет, нет, разумеется, вы не виноваты. Но меры принять придется.

Я молчала: говорить было сложно как наяву, так и во сне.

Терпеливо ожидая того, кто подойдет ко мне на этот раз, я оглянулась в поисках Роберта. Он был здесь, чуть-чуть поодаль, и смотрел на меня теплыми ясными глазами. Я улыбнулась и подумала про себя: «Подожди, немного подожди. Когда-нибудь эта очередина начнет редеть и я смогу отсюда сбежать. Мне не важно, кто ты и чем ты занят. Я просто пойду за тобой. В любую точку мира. В любую точку вселенной. Ты говорил, что у тебя есть миссия. Так вот, знай: твоя миссия — любовь. Любовь ко мне. И никуда от этого не деться».

Я не сказала этого, а только подумала, но была уверена, что он все услышал. По крайней мере, я снова ощутила на своих губах легкое прикосновение прохладных пальцев. Наверное, он просто подошел ближе, чтобы не смешаться с толпой. Желаящие поговорить со мной все подходили и подходили. Очередь становилась длиннее и длиннее. Я понимала, что мне за всю жизнь не управиться с этой работой.

Следующим был следователь Черепанов. Он подошел почти вплотную ко мне, свернул тонкую трубочку из сто-долларовой купюры, затем достал из кармана небольшой пакетик с белым порошком и спросил:

— Есть учебник или книга?

Я пожала плечами, посмотрела в сумке: там лежали косметичка, несколько тетрадей и почему-то томик Есенина. Протянув его Черепанову, я тут же пожалела об этом. Следователь без малейших раздумий высыпал на поверхность, прямо на фамилию автора, все содержимое пакетика, разровнял белую горку кредиткой, которую ловко извлек из кошелька, и поднес трубочку из купюры к началу дорожки. Шумно вдохнув ноздрей порошок, он спросил:

— Будешь?

Я отрицательно помотала головой, достала из сумочки литровую бутылку кефира и с удовольствием отпила. Следователь поскущел. Он напряженно разглядывал невосребованную дорожку, а потом внезапно поднял книгу, так чтобы она оказалась на уровне моего лица, и шумно выдохнул. Белая пыль полетела прямо ко мне, и я почувствовала, что глубоко вдыхаю этот опасный ветер.

— Живучая оказалась, — констатировал Черепанов, — даже отравить — и то не получается. Слишком большой жизненный потенциал. Ладно, подумаем еще.

И он, слегка пошатываясь, пошел к выходу, чернеющему сбоку.

Я запаниковала, закрутилась, словно бешеная крыса в карусели. Ноги отплясывали странные па, пальцы непроизвольно сжались в кулаки, и я застонала: «Меня что, для этого мама рожала, чтобы вы все, уроды, меня мучали? А мне всего семнадцать. Я жить хочу, любить. Вон его». Я покосилась на Роберта, по-прежнему стоявшего неподалеку и встревожено смотревшего на меня. «И даже если он — убийца. Если он хладнокровное чудовище, я понимаю, что это мое чудовище. Мое. И если ему и суждено кого-то еще лишит жизни, то это буду я. Потому что он сможет причинить кому-то вред, только перешагнув через мой труп. Я не позволю. Я спасу его. Он должен будет измениться».

— А что, если твоя жизнь будет в опасности? — вдруг

прозвучал над моим ухом голос Роберта. — Мне что, просто стоять и смотреть, как тебе причиняют вред?

Я задумалась: «Если меня не станет, как же я смогу любить его?»

— Когда-то я действительно мог наблюдать. Ни во что не вмешиваясь, не принимая ничью сторону. Я хорошо знал, что делаю. Теперь все иначе. Я не могу просто смотреть. Я должен быть рядом. Ты должна жить. Хотя бы для меня.

Я кивнула. Он был чертовски убедительным, этот Роберт Стронг.

Страшные сны начали потихоньку отступать. Я стала чувствовать наступление вечера и то, как комнату окутывает мягкий сумрак. Я могла предвидеть восход солнца, который заполнял пространство мягким розовым сиянием.

Один раз я очнулась ночью и лежала, глядя на блеклые полосы света, которые бросал на шторы уличный фонарь. Вокруг была ватная тишина. Мне хотелось нарушить ее, крикнуть что-нибудь, и я прохрипела:

— Роберт!

Потом снова пришло небытие. Непонятно, сколько это продолжалось. Понимала только, что после утра наступит день, потом — вечер, потом — ночь.

Наконец, однажды открыв глаза, я огляделась. Вокруг была моя комната. Несомненно. Хотя некоторые изменения в ней все-таки были. На всех горизонтальных поверхностях — на трюмо, на подоконнике, на прикроватной тумбочке и даже на полу — стояли всевозможные стеклянные сосуды с цветами: две маминых вазы, стеклянный кувшин, трехлитровая банка, и даже графин с узеньким горлышком — в него ухитрились поставить три белые хризантемы. Я улыбнулась: «И ничуть они не бесчувственные, эти англичане. Вон сколько всего здесь — и белые ромашки, и душистые розы, и тюльпаны, и орхидеи».

— Мама! — позвала я вполне нормальным голосом.

Через минуту моя строгая мать уже стояла в дверях и

улыбалась. Ни грамма обиды, раздражения. Ничего из того, что я привыкла видеть обычно. Только радость.

— Мила, привет! Ты как?

— Нормально.

— Что это было?

— Грипп. Сейчас как раз эпидемия.

— А сколько я тут... валялась?

— Две недели. Я даже пару раз хотела «скорую» вызывать, но каждый раз появлялся твой... Роберт и отговаривал меня.

— Роберт? — Я подскочила на кровати. — Так он здесь был? На самом деле?

— Да. Каждый день.

— А мне казалось, я видела его в бреду.

— Бредила ты, конечно, долго. Температура была высокая. Но потом все стало налаживаться. Жар спал, и ты начала дышать спокойно. Даже пару раз говорила со мной.

Я потерла лоб тыльной стороной ладони:

— Не помню.

— Доктор, которого привез Роберт, симпатичный, молодой такой, спортивный, — мать кокетливо поправила волосы, — он сказал, что ты просто не можешь сразу адаптироваться к реальности после стольких дней, проведенных в беспамятстве. Он тебе колол какой-то препарат. Я название забыла. В общем, после этих уколов у тебя температура упала. А то лекарство, что я тебе вначале давала, только все испортило. Смотрю, до приема препарата температура — тридцать восемь и девять, а после, через полчаса, — уже тридцать девять и восемь. Ох, если бы не твой Роберт, я не знаю, что было бы!

Я слабо улыбнулась словосочетанию «твой Роберт».

— А как он узнал, что я, ну, болею?

— В первый же день вечером пришел. Сказал, что не увидел тебя в университете и заволновался. Мила, что у тебя с ним? Почему он так за тебя переживает? Слушай, а

он действительно знаменитость? — Похоже, мать с нетерпением ожидала того дня, когда я очнусь, чтобы закидать меня вопросами.

— Все в порядке, мам, — вяло отмахнулась я, — потом.

— Отец твой был, — уже совсем другим тоном сказала она.

— Чего хотел?

— Сказал, что вы с ним договорились о том, чтобы встретиться. Он позвонил тебе на мобильник, а ты трубку не берешь. Он позвонил мне, — не без гордости заявила она, — а я ему все рассказала.

— И чего он?

— Ну, приехал. — Глаза матери слегка затуманились.

— И?

— А тут Роберт сидит, у твоей постели. За руку тебя держит. Твой отец сначала очень напрягся. Не знаю почему. Вроде должен понимать — девочке семнадцать, пора уже о мальчиках подумать. Потом, правда, успокоился. Глянул на тебя — и отозвал Роберта в сторону. Они даже выходили. Сидели в машине, разговаривали. Долго, час примерно.

«Вот чудеса! О чем это они разговаривали так долго? Что вообще у них может быть общего?»

Глаза снова начали слипаться. Захотелось спать. Мать тихо вышла из моей комнаты, бесшумно затворив дверь.

На этот раз я не видела никаких кошмаров — просто спала и знала, что проснусь абсолютно здоровой.

Так и случилось.

На следующее утро я бодро спустилась вниз и пошла на кухню. Мать, как обычно, громыкала посудой. На сковороде поджаривалась глазунья с кусочками бекона, источая восхитительный запах.

Я подошла к плите и, поделив яичницу на две равные части, разложила ее по двум тарелкам. Мать умиленно смотрела на меня, и я поняла, что еще никогда не видела

такого ее взгляда. Она могла смотреть рассерженно, раздраженно или — о! — обиженно, но умиленно — никогда. Видимо, надо было мне в детстве чаще болеть, а потом выздоравливать.

Я поздоровалась:

— Доброе утро!

Потом добавила:

— Сегодня пойду в университет.

— Какой университет в воскресенье? — всплеснула руками мать. — Да и полежала бы еще.

— Не могу больше. Належалась уже. Чувствую себя прекрасно. А что же мне делать сегодня?

Мать не успела ответить, потому что на крыльце раздалась шаги и в дверь постучали. Я открыла, не глянув в глазок. Наша калитка никогда не запиралась, и любой мог беспрепятственно попасть на участок. Входную дверь, конечно же, мы держали закрытой, но чужих не боялись.

На пороге стоял он, мой англичанин, с огромным букетом белых роз в руке.

— С выздоровлением! — улыбнулся Роберт.

Он знал, что я уже выздоровела, так же, как узнал о моей болезни. Возможно, он был необычным человеком, но я больше не боялась. Роберт единственный по-настоящему подходил мне.

Я впустила Стронга в дом и сказала:

— Извини, выгляжу жутко. Да и пахну, наверное, тоже. Я ведь не мылась две недели. И зубы не чистила. Пойду. А вы пока позавтракайте с мамой. Там как раз яичница есть.

Роберт усмехнулся:

— Нормально ты пахнешь. Мне нравится. Оденься тепло, мы отправляемся на прогулку. Тебе нужен свежий воздух.

— Ладно. Как раз сама собиралась, — ответила я, стараясь не запрыгать от радости.

Я пошла к себе и залезла под теплую воду. Мне хотелось

как следует отмыться: со скрабом, пенками, увлажняющими масками и прочей женской магией. После душа кожа горела, но мне было очень хорошо. Я почувствовала, как кровь несется по моим венам, очищая измученный долгой болезнью организм от вредных веществ. Я с удовольствием вымыла голову лавандовым шампунем и завернулась в пушистое махровое полотенце.

Затем, тщательно почистив зубы, я принялась укладывать волосы феном. Зеркало в ванной запотело, и я направила на него горячую струю воздуха. Наконец, хорошенько себя разглядев, я с удовлетворением отметила, что ничуть не подурнела за время болезни. Даже, наоборот, стала выглядеть интереснее. Кожа слегка побледнела, зато глаза казались просто огромными, а легкие тени под ними придавали мне томный, даже сексуальный вид.

Ссадины и ушибы почти прошли. Я улыбнулась и стала расчесывать свои темно-русые волосы с выгоревшими под испанским солнцем прядями. Кажется, это называется мелирование. Непослушная шевелюра сохла очень долго. Я даже занервничала — совсем не хотелось заставлять Роберта ждать. Пришлось оставить волосы чуть влажными. Через час они уже будут виться крупными кольцами, придавая мне неотразимый шарм.

Подойдя к трюмо, я взяла с туалетного столика черную тушь и слегка подкрасила ресницы. Немного блеска для губ, и я была готова предстать перед Робертом.

Стоп. Надо было одеться. Он велел — во что-нибудь теплое и подходящее для прогулки.

Я открыла шкаф-купе и достала оттуда синие, очень узкие джинсы и полосатый свитер с большим воротником. Оглядев себя в зеркале, я поняла, что похудела за время болезни: джинсы не обтягивали ноги, а слегка болтались на них. Быстро пошарив в шкафу, я извлекла совершенно новый плюшевый спортивный костюм: прямые штаны на резинке и изящную курточку с капюшоном. «Сойдет, — подумала я. — Не айс, зато комфортно. Американки вон в

таким виде вообще везде ходят, а не только в лес». Одевшись, я еще раз оглядела себя в зеркале и, довольная, вышла из спальни.

Мама сидела с Робертом в гостиной и что-то ему рассказывала, оживленно жестикулируя. «Надо же, похоже, они подружились за время моей болезни». Роберт спокойно кивал, а один раз даже сказал — с таким сильным акцентом, что я с трудом сдержала улыбку:

— Да, да. Я вас прекрасно понимаю.

Я подошла к ним и обратилась к матери:

— Ну, мы пойдем?

Мать ответила:

— Роберт, вы ее сильно не утомляйте. И пусть не мерзнет. Если почувствуете, что у нее холодный нос, сразу ведите домой.

Стронг хмыкнул, потом серьезно посмотрел на меня и пообещал:

— Буду ей щупать нос каждые две минуты.

Я засмеялась.

Мы вышли на улицу, и Роберт усадил меня в «Рэйнджер». Обходя машину, я провела пальцем по затейливому рисунку на капоте автомобиля:

— Звезды и огонь. Это что-то значит?

— Это напоминание.

— О чем?

— О том, что даже на холодной безжизненной звезде может вспыхнуть опасный пожар, — серьезно ответил Роберт и нажал на педаль газа.

Глава 11

СВИДАНИЕ

Мы выехали за пределы поселка. Погода была замечательной. Светило яркое солнце, заставляя светлые кудри Роберта сиять золотом. Он молча вел машину и лишь изредка улыбался своим мыслям. При этом уголки его восхитительно красивых губ едва заметно приподнимались и все лицо будто озарял мягкий свет.

— Так улыбаются только очень счастливые люди, — сказала я, глядя на него.

— А я и есть... — он запнулся, — я и есть очень счастливый человек.

Он на секунду обернулся ко мне, посмотрел на меня теплым, немного сумасшедшим взглядом, затем снова уставился на дорогу.

Было очень заметно, что англичанин не привык обнажать свои чувства. Я иначе представляла себе внутренний мир голливудского актера. Мне виделся этаким экзальтированный нарцисс, который ни секунды не может прожить без всеобщего обожания. Почти эксгибиционист по натуре, внешне — утонченный эстет, следящий за веяниями моды. Я посмотрела на Стронга. Подбранная со вкусом, дорогая, но очень простая одежда. Простые синие джинсы, черная рубашка-поло, волосы в художественном беспорядке. Не зная, кто такой Роберт Стронг, его легко можно было бы принять за парня с соседней улицы. Очень красивого парня, впрочем. В которого влюблены поголовно все местные девчонки и половина мальчишек.

Я вздохнула. Стронг краем глаза увидел, что я его рассматриваю, улыбнулся и спросил:

— Поедем в Москву?

Я кивнула, сказав:

— Поехали. Сегодня воскресенье, машин будет немного. Главное, чтобы на шоссе пробки не было.

— Рано еще, пробка начнется после пяти.

— Впрочем, я совсем не тороплюсь. Может, мне даже хочется постоять с тобою в пробке...

Роберт глубоко вздохнул, будто стараясь скрыть волнение, затем протянул руку и сжал мою ладонь — осторожно, словно боясь повредить. Убедившись, что я не отнимаю пальцев, он нежно погладил каждый из них. Это была самая смелая ласка, которую мне когда-либо дарил мужчина.

Я сама себя удивляла. Самоуверенная и холодноватая девочка превращалась в чувственную женщину, которой хотелось все новых и новых ощущений. Мое сердце бешено колотилось, и я никак не могла унять дрожь. «Что со мной? Неужели у всех людей это происходит именно так?»

Роберт все еще держал мою руку. После долгого молчания он сказал:

— Я весь извелся, пока ты болела. Думал, не выживешь. А ты ничего, крепкая оказалась.

Я засмеялась:

— Кто же в наши дни от гриппа умирает?

Роберт нахмурился:

— Во-первых, умирают. Еще как умирают. А во-вторых, это был не грипп.

— Нет? А что тогда?

— Это была версия для твоей мамы. Чтобы она тебя в больницу не увезла. Там такое не лечат. Тебя бы попросту потеряли.

Я ошарашенно молчала. Мы уже ехали по набережной. По реке плыл экскурсионный кораблик. Люди стояли на палубе и любовались Москвой, громко и восторженно.

У кого-то из них в руке была открытая бутылка шампанского, и вся компания глотала шипучку прямо из горлышка. Они хохотали, наслаждаясь солнечным днем, прекрасным видом и обществом друг друга. На секунду мне захотелось к ним присоединиться. Я понимала, что упустила время, когда могла вот так же, как эти юные гуляки, петь песни, не стесняясь отсутствия слуха и голоса, творить черт-те что, бездумно бросаться в авантюры. Мне было всего семнадцать, но я всем нутром ощущала, что стою на пороге другой, новой жизни, в которой уже никогда не будет места спонтанным решениям, глупым поступкам и проказам.

— Постарайся вспомнить, — серьезно сказал Роберт, — с кем ты встречалась накануне болезни.

— С тобой, — мрачно отшутилась я и прибавила уже серьезно: — Ко мне приезжал следователь. Его фамилия — Черепанов. Он из какого-то там отдела. Я уже не помню.

Роберт напрягся:

— Чего он хотел?

Я по-своему истолковала его реакцию. У меня не было никакого желания разговаривать с Робертом о смерти Алексея Львовича, но именно так, по телефону, принадлежавшему Рудневу, я впервые услышала следователя. Стараясь обойти эту тему, я сказала:

— Нашли мою машину. А рядом с ней кучу трупов. И еще машины, тоже разбитые. Мы с тобой сделали все, чтобы «Мазду» нельзя было опознать, но следователь пришел и начал показывать мне фотографии с места происшествия.

— Ты брала их в руки?

— Конечно. Было бы странно, если бы не взяла. Вот я их и разглядывала, изображая интерес.

— Ты не почувствовала жжения на кончиках пальцев, покалывания?

Я заволновалась:

— Нет. А что?

— Мой доктор сделал анализы в первый же день, как

только ты слегла. Сказал, еще несколько часов, и была бы остановка сердца. Тебя отравили сильнодействующим ядом, который проник в кровь через кожу. Скорее всего, снимки были пропитаны этим веществом, а ты за них подержалась.

— Вот так следователи у нас в милиции! — воскликнула я. Страх, который накрыл меня вначале, сменился яростью. — Они зачем людей травят? Без суда? Без следствия? — почти кричала я.

— Успокойся, — прервал меня Роберт, — если тебя это утешит, то Черепанов — не сотрудник милиции. Нет такого человека. Не работает он в органах правопорядка.

Я непонимающе уставилась на англичанина.

— А где он работает?

— Там, где никогда ничего не расследуют. Там просто принимают решения — жить человеку или нет. Все просто и быстро.

Я похолодела:

— И кто решил, что меня надо... убрать?

Роберт молчал.

— Послушай, — взмолилась я, — расскажи мне все! Я так скоро с ума сойду. Я ничего не понимаю. Вокруг меня уже давно творится что-то непонятное, а я не знаю, что мне делать, как себя вести.

Я замолчала, почувствовав, что перехожу на ультразвук. Еще не хватало, чтобы он счел меня трусихой.

— Достаточно и того, что ты спасена. Доктор, который ввел тебе противоядие, нарушил должностную инструкцию. Герберт может понести серьезное наказание, но тем не менее он пошел на это как друг.

— Герберт?! Но как? Я не знала, что он — доктор.

— Герберт — квалифицированный врач. И очень честный. Он не смог мне отказать, когда я попросил о помощи. А должен был. Ведь тебя нельзя было спасти.

Я буквально задыхалась от эмоций:

— С каких это пор спасение человеческой жизни нару-

шает какие-то там инструкции?! Тем более он врач, который давал клятву!

— Не все врачи дают эту клятву и уж тем более не все ее выполняют, — сквозь зубы процедил Роберт.

— Тем не менее я не понимаю, почему меня нельзя было спасать. Я что, распространяю опасный вирус, который может погубить человечество?

На этот раз Роберт промолчал. Я глубоко вздохнула и огляделась. Стронг направил машину в арку жилого дома сталинской постройки. Мы очутились в зеленом дворике, в глубине которого стояла старая хрущевская пятиэтажка. Англичанин остановился и сказал:

— В одном ты можешь быть уверена — я не дам тебя убить. Никому. Я тебя чувствую. Если тебе плохо или больно, я окажусь рядом.

— Сильно смахивает на фильмы про суперменов, — язвительно заметила я, злясь на Стронга за то, что он не спешил отвечать на вопросы.

— Послушай, Мила! Ты очень скоро все узнаешь. И поверь мне, тебе не станет спокойно после того, как это произойдет. Твоя жизнь круто изменится. Ты уже поняла, как быстро это происходит. Позволь себе еще немного побыть в этом безмятежном неведении. Наслаждайся этим. Я бы многое сейчас отдал за то, чтобы ничего не знать, но это невозможно.

Я помолчала, потом медленно произнесла:

— Я очень, очень верю тебе.

Роберт улыбнулся солнечной улыбкой и сказал:

— Спасибо. Знаешь, когда ты лежала там, в своей постели, и бредила, мы славно с тобой пообщались. Ты даже меня не перебивала, и я смог выговориться.

— Если захочешь поболтать еще, милости прошу. Я готова.

Он улыбнулся и вышел из машины. Я тоже.

Мы приблизились к пятиэтажке. Это был старый дом, с отвалившейся штукатуркой, ржавыми газовыми труба-

ми, которые шли прямо поверх стены, над окнами квартир. Весь фасад был исписан, водостоки, начинающиеся сверху, резко обрывались где-то на уровне третьего этажа. В общем, со дня на день дом должны были расселить — но пока не торопились. По двору с оглушительным гиканьем носился мальчишка лет семи. Он держал в высоко поднятой руке самодельный вертолет и сейчас, должно быть, воображал себя отважным пилотом. Роберт с тихой грустью посмотрел на мальчика и отвернулся.

— Не удивляйся, что я привез тебя именно сюда. Ах, да, я совсем забыл, что ты уже ничему не удивляешься, — наконец произнес он, — просто когда-то, очень давно, мне было здесь очень хорошо.

Я не поняла его. Какие воспоминания могли связывать англичанина, в первый раз посетившего Россию, и этот старый сарай, затерявшийся между большими домами? Спросить я не решилась, но смотрела на Роберта с недоумением.

— Мне просто хотелось вас познакомить, — он опять говорил загадками, — мне наконец-то снова хорошо, как в детстве. — Роберт посмотрел на меня и добавил: — С тобой.

Все лишние вопросы испарились. Осталось только одно, по-настоящему важное в этом мире — его глаза. Я утопала в них. Стронг предложил:

— Тут недалеко есть маленький сквер. Ты не против, если мы прогуляемся? Тебе не тяжело ходить?

Я звонко рассмеялась, и Роберт сказал:

— Так смеются только по-настоящему счастливые люди.

— Ты повторяешь мои слова! — не выдержала я и, схватив его за руку, потащила к арке.

Мы вышли на шумную улицу, по которой, несмотря на выходной день, торопливо мчались многочисленные машины, и пошли в сторону сквера. Я не знала, почему Стронга так тянет сюда, в старый рабочий район коммуналок, на-

селенных алкашами и маргиналами, но была уверена, что мне будет хорошо с ним везде. Абсолютно везде. Поэтому вопросов вроде: «Что мы тут забыли?» — я не задавала. Просто шла рядом.

Маленький скверик на пересечении двух улиц оказался очень уютным и почти безлюдным. Мы выбрали деревянную, довольно чистую лавочку, скрытую от любопытных глаз аккуратно подстриженными кустами. Роберт опустился на нее, жестом приглашая меня последовать его примеру, но мне хотелось большего, чем просто устроиться рядом. Я уселась на его колени, обвив руками его шею. Стронг запустил руку мне под волосы и прижал к себе, вдыхая мой запах. В этом едва заметном для других движении было столько страсти и нерастроченной нежности, что я застонала. Роберт еще сильнее прижал меня к себе, и я почувствовала, как он весь напрягся подо мной. Это ощущение было мне незнакомо, что делало его еще более острым.

— Ты что творишь? — хрипло спросил он. — Думаешь, я железный?

— Я просто живу, — тихо ответила я, — и не хочу откладывать жизнь на потом. Ты сам посоветовал мне это, забыл?

Замолчав, я взяла руками его лицо и приблизила к своему. Мгновение — и мы уже целовались, страстно, без всякого страха быть застигнутыми врасплох. Мы припали друг к другу, как усталые путники — к живительному источнику.

Сильные руки Роберта, словно тиски, сжимали мое тело. Он ласкал мою спину, плечи, лицо, доставляя мне поочередно то неземное блаженство, то нестерпимую боль. Ладони Роберта не были руками опытного ловеласа. Жесткие, беспощадные, не знавшие усталости, они, казалось, были сделаны из стали.

Он никак не мог рассчитать силу, с которой можно было дотрагиваться до девушки, сидящей у него на коленях и

безоглядно доверившейся ему. Страсть заставляла Роберта забыть о том, что моя плоть слишком слаба. Его тело извивалось и вибрировало подо мной, он сжимал меня в объятиях, его губы жадно вбирали в себя мои, его язык проникал в мой рот. Я чувствовала, что он хочет слиться со мной, не оставив между нами никаких преград, превратить мое тело в продолжение своего.

Наконец, когда мы оба обезумели от страсти, у меня что-то хрустнуло в спине. Я вскрикнула от боли, но моментально пожалела об этом — Роберт немедленно отстранился. Мне пришлось встать, чтобы он смог успокоиться.

Боль потихоньку отступала.

— Ничего серьезного, — оптимистично заверила я, — по-моему, ты мне позвонок вправил.

Стронг невесело усмехнулся, потом сказал:

— Я пока не готов. У меня не хватает выдержки, чтобы не причинять тебе боль. Ты вызываешь у меня сумасшедшие приступы нежности и ярости одновременно. Я хочу тебя всю, целиком, и не понимаю, как противостоять этому.

Он был в отчаянии, и мне нечем было ему помочь. В отличие от Роберта я чувствовала в себе просыпающиеся нежность, чувственность, стремление дарить самое изысканное, самое тонкое наслаждение. Я не могла причинить боль, только доставить удовольствие. Мне показалось, что шутка разрядит атмосферу:

— Будет грустно, если ты что-нибудь мне сломаешь. Руку, например. Я буду ходить в гипсе, и мама меня долго не выпустит из дома. Так что вставай. Поедем в какой-нибудь ресторан, покормишь меня, а то я две недели ничего не ела.

Услышав это, Стронг с облегчением вздохнул, взял меня за руку, медленно поднес ее к своим губам и нежно поцеловал.

— Вот видишь, уже исправляешься, — беззаботно заметила я, — еще несколько тренировок, и ты научишься рассчитывать силушку свою богатырскую.

Роберт окончательно успокоился и весело рассмеялся. Мы пошли к машине. На улице к нам несколько раз подходили, узнавая знаменитого голливудского актера. Стронг терпеливо раздавал автографы. Поклонники, в основном девочки, следовали за нами по пятам до самой машины. Мы торопливо сели в «Рэйдджервер» и отправились в центр.

Когда мы ехали по Николаямской улице, я спросила:

— У тебя так... было со всеми девушками?

— Нет. Я никогда и ни в кого не влюблялся. Был только секс. Без лишних эмоций, ярости, страсти. Только взаимное удовольствие.

Я расхохоталась:

— А со мной тогда что?

— А тебя я люблю. По-моему, — тихо признался он, — впрочем, тебе не привыкать.

Мы помолчали, потом я сказала:

— Мне ни до кого дела нет, кроме тебя. Скажи, а как теперь быть со всем этим?

— Не знаю. Отказаться от тебя не могу. Уже пытался. Значит, придется поработать над своими эмоциями, чтобы и в самом деле не причинить тебе вред. А на это нужно время.

— А мне что делать? — грустно спросила я. — Тоже над своими эмоциями поработать?

— А ты постарайся не доводить меня до взрыва. Видишь, я пока не готов.

Я засмеялась:

— А ты меня разлюби. Тогда у нас сразу все получится!

Роберт оторвался от дороги и сказал очень серьезно:

— У нас и так все получится. Просто дай мне время. Я не ожидал тебя встретить в этой жизни и оказался не готов.

Я кивнула, подумав: «В конце концов, Роберт Стронг, наша жизнь только начинается, и у меня есть время, чтобы тебя подождать».

Мы доехали до Таганки, и Роберт остановил машину возле красивого трехэтажного особняка. Этот дом, построенный, скорее всего, в позапрошлом веке, был верхом изящества и вкуса.

— Наверное, раньше здесь жила какая-нибудь богатая дворянская семья. Особняк передавался из поколения в поколение, пока не настала пора перемен. Уж не знаю, что было принято устраивать в таких домах при советской власти, но роскошное здание уцелело. Видимо, его считали достойным идей социализма. Когда закончился совок, кто-то из чиновников сумел приватизировать этот объект и присвоить его себе. А потом продал под ресторан. Или сам устроил в нем ресторан, — рассуждала я вслух.

Роберт удивленно посмотрел на меня. Я зарделась и объяснила:

— Мне нравится смотреть на красивые дома и придумывать, кому они принадлежали и кто в них сейчас живет. Угадывать год постройки, назначение. Фантазировать — жила ли в этом месте любовь... Могу часами по центру ходить и играть в эту игру. Я же раньше в Москве жила, пока за город не переехала. Правда, сейчас редко приезжаю. Наверное, повзрослела. В пробках стоять не хочется...

— По-моему, русские женщины не только красивые. Они еще и умные. Даже чересчур. Я не понял ничего из того, что ты сказала. — Стронг с нежностью взглянул на меня.

Я махнула рукой.

Мы зашли в ресторан, и Роберт попросил администратора:

— Мы хотим занять отдельный кабинет.

Я добавила:

— И покурить кальян!

Брови Роберта поехали вверх:

— Это что за новости? Ты куришь кальян? Так, признавайся, чего еще я не знаю о тебе?

Я промолчала. Какими словами можно было объяснить проснувшуюся во мне жажду жизни? Мне хотелось цело-

ваться, заниматься любовью, ходить по ресторанам и, да, курить кальян. По-взрослому, по-настоящему. Наслаждаюсь, как и советовал Роберт, каждым мгновением.

В ресторане нам выделили кабинет, отделанный в марокканском стиле. Стены были покрыты матовой краской оливкового цвета и обиты плотной тканью с затейливым рисунком. На полу лежал ковер ручной работы, а на потолке красовался бронзовый светильник с цветными стеклами.

Я заказала шашлык из ягненка и овощи на гриле. Никогда еще обычное мясо не казалось мне таким вкусным! Роберт взял форель и начал уплетать ее с таким аппетитом, будто за время моей болезни не притрагивался к еде. Словно подтверждая мою догадку, он сказал:

— Что-то в последнее время есть не хотелось.

Я внимательно смотрела на своего спутника. Мне бросилось в глаза, что кожа его была тонкой и нежной; сейчас, поев, Роберт раздурманился — и выглядело это по-детски трогательно.

— Сколько дней ты обходился без пищи? — Я думала, получится смешная шутка, ведь человек не может долго прожить без еды, если он не болеет и не бредит.

— Две недели и три дня, — последовал спокойный ответ.

Я опешила:

— Сколько?

— Ты слышала. Зря удивляешься. Могу и дольше. Еда — совсем не главное в жизни. И даже не источник энергии. Мною и такими, как я, движет иная сила.

— То есть ты можешь совсем не есть?

— Могу. Только зачем? Ведь так приятно пообедать в компании красивой девушки!

Я насупилась:

— А ты, значит, только в компании красавиц принимаешь пищу? Я учту.

— Для меня теперь существует только одна красавица, и она очень мешает мне доесть эту рыбу.

Я засмеялась и стала уписывать шашлык. «Черт возьми, Мила! Что это? У тебя был приступ ревности или ты ведешь себя, как тринадцатилетняя девочка, еще не научившаяся разговаривать с людьми? Вот это новости! Кое-кому нужно следить за языком!»

После еды мне захотелось травяного чая. Мы выбрали мятный и к нему кальян.

Я всего один раз пробовала курить на дне рождения своего знакомого. Тот кальян был на абсенте с вишневым табаком, я долго сопротивлялась, но теплая компания дружно уговорила меня попробовать. Мне казалось, что абсент и табак начисто лишат меня способности соображать, но страхи оказались беспочвенными: слегка закружилась голова, и больше ничего.

Мы с Робертом выбрали кальян на молоке, с грейпфрутом и виноградом. Нам принесли огромный агрегат, явно привезенный из арабской страны. Кальянщик, красивый парень восточного типа, раскурил его и ласково поглядел на меня, передавая трубку. Роберт помрачнел. Я высвободила одноразовую пластиковую насадку из упаковки, с наслаждением затянулась сладким дымом, подождала, когда кальянщик выйдет, и невинно спросила:

— Роберт, что-то не так?

Стронг взял у меня трубку, шумно затянулся и проговорил, пуская дым:

— Не знаю, когда я перестану так реагировать. Я знаю, ты в этом не виновата, но каждый раз, когда на тебя смотрит кто-то из мужчин, мне хочется убить всех, в том числе и тебя.

Я придвинулась к Роберту почти вплотную. Мы сидели на мягком диване, утопая в многочисленных подушках. Я скинула легкие кеды и забралась на мягкое ложе с ногами. Затем почти легла на Роберта, доверчиво положив ему голову на плечо; приблизилась губами к его уху и прошептала:

— Помню, что ты просил пока не трогать тебя, но я не

могу. У меня тоже есть желания, и я совсем не умею их контролировать.

Роберт посмотрел на меня изменившимся взглядом, из которого напрочь исчезла царившая там недавно безмятежность. Он полностью развернулся ко мне и слегка прижал, повалив на диван. Теперь я лежала под ним и захлебывалась от новых ощущений, затопивших тело. Стронг завел мои руки наверх, затем дернул молнию на моей кофточке, и я застонала, протяжно и глубоко. Правда, немедленно пожалела об этом, поскольку в любой момент в этот уютный кабинет могли войти — официантка со сладостями к чаю или кальящик со свежими углями. Впрочем, думать об этом совсем не хотелось. Роберт провел языком по моей шее — от ложбинки у самого основания до подбородка. Я снова застонала, но уже тихонько. Ощущения были запредельными. Роберт нашел мои губы и с жадностью прижался к ним. От его тела шел такой жар, что мне стало трудно дышать. Я чувствовала, как он старается сдержаться и не овладеть мною здесь и сейчас. Роберт целовал мои губы, щеки, глаза, лоб так нежно, насколько было возможно. Наконец, я почувствовала, что больше сдерживаться он не может. Его трясло. Стронг резко отстранился и хрипло пробормотал:

— Прости. Я опять не удержался.

Я поднялась на подушках и сказала звенящим голосом:

— Поехали к тебе.

Никогда не думала, что первая предложу это мужчине!

В этот момент в кабинет вошел-таки парень, который отвечал за кальян. Он понимающе посмотрел на нас, быстро поменял угли и удалился.

Роберт сидел в задумчивости, а я снова затянулась фруктовым дымом.

— Я никогда и ничего не боялся в этой жизни, — неожиданно сказал он, — а тут вдруг как будто сломалось что-то внутри. Нет, я по-прежнему не боюсь за себя. Мою жизнь не так-то просто взять. — Он усмехнулся. — Я бо-

юсь за тебя. Боюсь, что не успею вовремя, не почувствую, что тебе нужна помощь.

— А ты будь со мной. Всегда, — предложила я.

— Еще я боюсь себя. И это — самое страшное. Я не вполне владею собой, когда ты рядом.

— А по-моему, вполне! — беззаботно заметила я.

— Ты не знаешь, о чем я думал, мечтал, когда мы... —

Он осекся, потом продолжил: — Какие животные инстинкты ты разбудила во мне. Если бы ты знала, что творилось в моей голове, пока ты извивалась подо мной, невинно наслаждаясь поцелуями. Ты, такая чистая, как порхающий по летнему полю мотылек, и такая порочная, как сам грех...

Я молчала, иногда наполняя легкие ароматным дымом. Мне были понятны чувства Роберта, и я была согласна со всеми определениями.

— Я остановился только потому, что почувствовал приближение постороннего. Остановился с трудом. На мгновение показалось, что было бы проще убить его, чтобы не мешал. Это ужасно. Так не должно быть. Но это так. Как нам быть с этим?

Он посмотрел на меня взглядом, полным горечи и отчаянья.

Я пожала плечами и предположила:

— Может, ты испытываешь эти страшные эмоции, потому что пока я тебе не принадлежу. Когда желания исполняются, человек успокаивается. Я готова исполнить твоё желание — давно готова, с первой встречи. Просто не сразу это поняла.

— Я тоже, — признался Роберт, — не сразу понял. Когда я увидел тебя впервые, ты была еще совсем маленькой — лет двенадцать тебе было. Я должен был кое-что узнать, и мне пришлось несколько раз наблюдать за твоей жизнью. Она многих интересует.

Я изумленно молчала, затем, когда эта мысль улеглась в голове, спросила:

— Это из-за моего отца?

Роберт покачал головой:

— Не только. Ты и сама представляешь для них огромный интерес. Ребенок Ясного отца и обычной земной женщины не должен обладать сверхспособностями, тем более такими сильными. Это почувствовали, когда ты была еще совсем маленькой. Меня попросили понаблюдать за тобой. Я тогда был в Могадिशе, с совершенно другой миссией. Мне было приказано лететь в Москву. Все это мне показалось очень странным.

— Но ведь голливудский актер английского происхождения Роберт Стронг никогда не служил в горячих точках?

Роберт покачал головой.

Я продолжила:

— Если почитать твою биографию в Интернете, то ты даже в баре ни с кем ни разу не подрался. Учился в элитной школе для мальчиков, в двенадцать лет перешел в другую. Начал играть в школьном театре. Потом получил приглашение в полупрофессиональную театральную труппу, где тебя и заметил твой агент. Именно он подыскал тебе неплохие роли в большом кино, которые сделали тебя по-настоящему знаменитым.

Роберт серьезно посмотрел на меня и спокойно сказал:

— Мила, первый фильм с известным актером Робертом Стронгом появился ровно четыре года назад. До этого ни в прессе, ни на пленке не было ни одного упоминания обо мне.

Я выдохнула, вспомнив, что феномен Стронга активно обсуждался на всевозможных форумах. Всем фанатам действительно было интересно, каким образом их кумир умудрился так быстро взлететь на голливудский олимп. Его слава стремительно набирала обороты именно в последние четыре года. Этот факт поклонники признали удивительным и вскоре приняли как должное. За это время Стронг получил мировое признание, всевозможные награды и вошел в список самых влиятельных людей мира, потеснив некоторых русских олигархов и американских медиамагнатов с их привычных позиций. Ему приписывали романы с самыми красивыми актрисами Голливуда.

Я ошарашенно спросила:

— Роберт, сколько тебе лет?

— Больше, чем может показаться на первый взгляд. Да и на второй тоже.

— И под каким именем ты служил в Африке? Ты тогда еще не был Робертом Стронгом?

— Конечно, нет.

Я помолчала и, не удержавшись, спросила:

— Ты говорил, что тебе приходилось наблюдать за мной, пока я была маленькой.

Роберт кивнул.

— Ты что-то почувствовал ко мне?

Он покачал головой:

— Ты была ребенком. Я что, похож на извращенца? Просто твои способности уже начали проявляться, и об этом узнали. Надо было выяснить, насколько далеко все может пойти. Ты кокетничала со своими одноклассниками, они были без ума от тебя. Вот и все. Что тут странного? Любая нормальная девочка в этом возрасте старается произвести впечатление на противоположный пол.

— Почему я не помню тебя?

— Потому что я умею оставаться незаметным.

— Да уж! Незаметная голливудская звезда.

Роберт поморщился:

— Когда-нибудь это прекратится. Мне все это не очень-то по душе. Просто так было нужно. Ясным. Это — приказ.

— Так, значит, мой отец — Ясный, как и ты?

— Я бы хотел, чтобы твой отец сам рассказал тебе все. Непонятно, почему он не сделал этого раньше. Тебе бы не пришлось сделать столько неприятных открытий самостоятельно.

— Папа никогда особенно не баловал меня вниманием, — небрежно произнесла я, постаравшись этим тоном скрыть свои детские обиды, — у него ведь еще много детей помимо меня...

— И ни одного с твоими способностями. Чертовыми способностями! Ну почему они достались именно тебе?

Роберт закрыл руками лицо. Вдруг у меня в сумочке завибрировал мобильник. Мне отчаянно не хотелось отвечать на звонок, но что было делать...

— Алло!

— Мила? — робко спросил незнакомый мужской голос.

— Да. Кто это?

— Простите, — вкрадчиво начал мой невидимый собеседник, — это Никита Белов. Продавец-консультант из автосалона «Елена». Ничего, что я вам в воскресенье звоню?

Я хлопнула рукой себе по коленке: «Машина! Как я могла забыть?»

— Нет-нет, ничего, — сдержанно ответила я.

— Вы не забыли, что две недели назад покупали у нас автомобиль «Мазда» черного цвета?

— Конечно же нет. Видите ли... э... Никита, мне неожиданно пришлось уехать, и я не могла забрать машину. Хотела это сделать завтра. Заберу ее, и сама поставлю на учет в ГИБДД.

— Замечательно! — обрадовался продавец. — Так в котором часу вас завтра ожидать?

— После обеда. Сначала мне надо в университет, — машинально отчиталась я.

— Хорошо, Мила, буду вас ждать с нетерпением. — Последнюю фразу Никита сказал с томным придыханием. Я поехала — только этого мне сейчас и не хватало.

Отбив звонок, я спросила Роберта, застывшего в глубокой задумчивости:

— Слушай, может, я что-то не то делаю? Может, даю им всем надежду, совсем не понимая этого? Может, голос у меня игривый или улыбка кокетливая не в меру?

— Успокойся, — невесело усмехнулся он, — хоть паранджу на себя натяни и перестань разговаривать — не

поможет. Тебя все равно почувствуют. — Он со злостью пнул ножку стола.

— А ты?

— Не знаю. Я говорил тебе, что любовь — не мое предназначение, таким, как я, вообще не суждено любить. Это не мое. Я — боец, но никак не герой-любовник.

— А как же твои многочисленные подружки из Голливуда?

Роберт рассмеялся:

— Я вижу, ты основательно изучила сайты поклонников Роберта Стронга.

— Просто мне очень понравился один твой фильм — не боевик, а мелодрама. Такая пронзительная. Там все грустно закончилось. Я плакала в конце. Год назад, по-моему, вышел этот фильм. Вот с тех пор и интересуюсь жизнью Роберта Стронга. Можно сказать, я — твоя фанатка.

Роберт засмеялся:

— Все романы — пиар чистой воды. Обоюдновыгодное сотрудничество. Такая профессия требует создавать вокруг себя постоянные поводы для сплетен. Это нужно людям, которые читают глянец. Часто собственная жизнь кажется им серой и неинтересной, вот они и восполняют пробелы...

— Неужели ты ни разу не влюблялся? Тебе приписывали роман даже с Меган Стивенсон. Ты смог устоять?

— Нас застукали папарацци в баре одного отеля на Багамах. Мы с ней вместе снимались в фильме и решили расслабиться после съемочного дня, выпив по коктейлю. Она очень хороший собеседник — остроумная, язвительная. Веселила меня. У нее недавно распался брак. Ну, об этом тогда много писали. Конечно, она искала замену. Но я не подходил ей, как и она мне. Между нами ничего не могло быть. Кстати, как ты, наверное, знаешь, вскоре она вернулась к своему бывшему мужу, не найдя никого лучше. А то, что нас заметили репортеры, было обоим на руку.

Я слушала как во сне. Подумать только! То, о чем не-

давно можно было лишь прочитать в журнале, сейчас мне преподносилось из первых уст. Да, пожалуй, это впечатлени-е, как и остальные, что мне довелось испытать с Робертом, было очень сильным.

Неожиданно он прижал меня к себе и прошептал:

— Я бы все это променял, не задумываясь, на возможность быть с тобой. Чтобы у нас все происходило, как у нормальных людей. Без самурайских мечей, погонь, без разбитых машин, яда и... — Он помолчал, глядя на меня, и продолжил фразу: — И разбитых тобой сердец. Тебя никогда не оставят в покое!

— А давай уедем? На остров. Необитаемый. Там не будет посторонних. Только мы вдвоем. Я тебе детишек нарожаю. Трех, не меньше. — Я звонко рассмеялась.

Роберт молчал. Его явно что-то беспокоило, но он не признавался в этом, — видимо, не хотел меня огорчать. Я не стала допытываться: не хотела выпускать счастье из сердца. Мы были здоровы, свободны, а значит, у нас все получится! Я не сомневалась в этом, — правда, пока еще не знала мнения Стронга.

В комнату вошла официантка, с обожанием посмотрела на Роберта и спросила:

— Вам что-нибудь еще принести?

Меня она как будто не заметила.

— Принесите счет, пожалуйста! — быстро ответил он.

Официантка огорченно протянула:

— Уже уходите? А можно с вами сфотографироваться?

Роберт разрешил. Счастливая девица выхватила из кармана мобильник и, заметив, наконец, меня, попросила:

— Девушка, вы не могли бы?

— Конечно!

Взяв телефон, я нацелила объектив на Роберта и девицу, которая судорожно вцепилась в своего кумира. Он стоял невозмутимый и спокойный, с официальной улыбкой на устах. Я нажала на кнопку и сказала:

— Готово.

Официантка не сразу отлепилась от Роберта, но ей все-таки пришлось это сделать. Во мне опять стала просыпаться ревность. Я подумала, как нелегко, должно быть, Стронгу в те моменты, когда на меня глядят другие мужчины — так же влюблено и страстно, как сейчас смотрит на него эта официантка.

Когда она ушла, я сказала:

— Знаешь, это может показаться смешным, но мы с тобой почти в равном положении. Тебя будут всегда преследовать женщины, потому что ты знаменит и очень красив. Меня всегда будут преследовать мужчины, потому что...

Роберт мрачно перебил меня:

— Да, твоя идея с необитаемым островом не так уж плоха. Только, боюсь, нас никто туда не пустит.

— А куда пустят? Я готова с тобой оказаться в любой точке мира. И даже вселенной.

— В расход нас пустят, я боюсь, — мрачно отшутился Стронг.

Настроение резко ухудшилось, и я попросилась домой:

— Что-то утомилась, хочется прилечь.

Роберт обеспокоенно положил мне ладонь на лоб:

— Да нет, вроде не горячая, а то я уж испугался.

Он был абсолютно прав — я чувствовала себя прекрасно. Просто мне нужно было побыть одной, чтобы переварить услышанное сегодня. Для одного дня информации действительно было многовато. Да и последняя фраза Роберта не добавила оптимизма. В душе зародилось предчувствие беды.

Стронг расплатился по счету. Ему, знаменитости с мировым именем, сделали огромную скидку. Я вспомнила, что в автосалоне тоже заплатила меньше, ничего для этого не сделав. «Мы отлично подходим друг другу. Две звезды, блин!» Я фыркнула, но веселье пропало, уступив место мрачной задумчивости.

Мы молча погрузились в «Рэйнджер» и поехали по вечерней Москве.

— Мне завтра после учебы нужно будет поехать в салон, машину забрать. Ты подбросишь?

Роберт кивнул. Мы проезжали мимо Кремлевской стены, вдоль которой прогуливались пары. Некоторые девушки держали в руках цветы, подаренные кавалерами. Я вспомнила про букеты:

— Мне было очень приятно очнуться от болезни и увидеть цветы. Спасибо тебе. — И через паузу спросила: — Скажи, а ты умеешь читать мысли?

Ответ был очевиден, но, услышав: «Да. А ты не догадалась?» — я уточнила:

— И мои тоже?

— Твои — почти нет, — спокойно отозвался Роберт, — ты ведь наполовину Ясная. Я только могу чувствовать, что тебе плохо. Или больно.

Именно это мне и хотелось узнать. Мысль о том, что он может хозяйничать в моей голове, вызывала беспокойство, которое теперь рассеялось.

Мы выехали из города. Вечерело, и небо стало затягивать облаками.

— Вот и осень накатила, — задумчиво проговорила я.

Роберт не ответил — он мог не слышать, уйдя в свои мысли. Меня не удивляли перепады его настроения: слишком много проблем, слишком много забот. Его жизнь — совсем не такая легкая и сладкая, как могло бы показаться на первый взгляд. Да и моя жизнь меняется, тесно переплетаясь с его, Роберта, жизнью. Детство кончилось, а взрослый мир оказался совсем не таким, каким я его себе представляла.

Мы подъезжали к дому. Я тихонько сжала руку Роберта. Говорить не хотелось. Стронг остановил джип у калитки и повернулся ко мне. От одного его взгляда сердце забилося сильнее.

— Ты так прекрасен, — тихо прошептала я.

Он как будто не слышал меня. Его серые глаза были полны затаенной боли. Я почувствовала, как он тянется

ко мне, чтобы поцеловать, и замерла в предвкушении. Но он вдруг остановился на полпути. Дернувшись, словно от боли, он прошептал:

— Иди. Иди, прошу тебя.

Затем отвернулся и посмотрел куда-то в сторону, еле слышно процедив:

— Мне очень плохо. Я должен тебя защитить, и в первую очередь от себя.

Это было произнесено с таким отчаянием, что я не посмела послушаться. Я выскочила из машины, аккуратно хлопнув дверцей, затем кое-что вспомнила и постучалась в тонированное стекло «Рэйнджровера».

— Роберт, а что такое «телефраг»?

Стронг вскинулся:

— Откуда тебе известно это слово?

— Не знаю. Приснилось ночью.

— Это в компьютерных играх, в стрелялках разных, способ убийства, когда один игрок телепортируется в точку, в которой находится другой, и таким образом убивает его, — объяснил Стронг безжизненным голосом, — надо просто знать координаты этого игрока на карте.

Я не была игроманом, поэтому почти ничего не поняла, только кивнула и пробормотала:

— Спасибо, до скорого.

Роберт выглядел таким потерянным, что мне захотелось снова прижаться к нему, поцеловать, утешить, но я знала, что не могу себе позволить такой роскоши. С огромным усилием я заставила себя оторваться от машины и удалиться прочь.

«Ничего, все пройдет, — рассуждала я, подходя к дому. — Ведь мы скоро увидимся. Уже завтра. И я снова смогу любоваться его восхитительно прекрасным лицом».

Глава 12

АНГЕЛЫ-ХРАНИТЕЛИ

Заперев на всякий случай калитку, я позвонила в дверь. Мама открыла почти сразу.

— Ну, как погуляли? Что-то долго. Я уже тебе звонить хотела.

— Мы в ресторане были, — кратко ответила я, — очень устала. Пойду посплю.

Мать сгорала от любопытства, но на это ей нечего было возразить. Я быстро поднялась в свою комнату, правда, потом опять спустилась. Проверив, заперта ли входная дверь на все замки, я проследовала мимо озадаченной мамы обратно наверх.

— Ты чего осторожничать стала? — удивленно спросила родительница.

Я сделала вид, что не услышала ее вопроса. Не рассказывать же ей, что две недели назад меня пытались убить и, вполне возможно, захотят это проделать снова.

Поднявшись в спальню, я разделась, завернулась в уютный махровый халат, уселась в кресло и попыталась проанализировать слова Роберта. «Итак, мой отец, Игорь Богданов, — тоже Ясный, как и Роберт. Кто такие эти Ясные? Чем они занимаются? Откуда они появились?» На эти вопросы у меня ответов не было. «Поехали дальше. Ясные бывают нескольких видов. Игорь Богданов, например, Ясный отец. Это означает... И правда, а что это означает? Хотя... Роберт сказал, что мой отец был создан для любви. Это — его предназначение. Непонятно, почему у них все так сложно. Роберт любить не должен. Для

него главное — его миссия. Что за миссия и почему нельзя объединить в одном человеке долг и любовь? Почему одни — чтобы любить, а другие — чтобы заниматься чем-то сложным и опасным? Правда, Стронг упоминал Могадишо. Если говорить о горячих точках, то становится более или менее понятно, о какой миссии идет речь. Хотя тоже не все. Вопросов — море. Ответов — ноль. Надо позвонить отцу. Теперь он уже никуда не денется. Кстати, мать говорила, что мой отец и Роберт встретились здесь, у нас дома. Выходили на улицу поговорить. Сидели в машине около часа. Наверняка знакомы. Или тут познакомились? Интересно, мой папа знает, что Стронг следил за мной, когда я была маленькой? Что он чувствовал тогда? Как отреагировал Игорь Богданов на то, что его коллега, или как там это называется у Ясных, теперь встречается с его дочерью? Как принял новость, что меня хотели убить, пропитав ядом снимки, которые я держала в руках?»

Я потянулась за телефоном и набрала номер отца.

— Алло! — раздался знакомый голос.

— Привет! Когда встретимся? — без всяких реверансов спросила я.

— Ты в курсе, я приходил, когда ты... болела? — заинтересовался отец.

— Да. Только поговорить не получилось. Знаешь, у меня в последнее время жизнь просто ключом бьет. С этим надо что-то делать.

В трубке повисла глубокая пауза. Затем отец сказал:

— Хорошо, дочка. Я сейчас занят по горло, но на следующей неделе попробую выкроить часок-другой. Добро?

— Идет, — ответила я и отсоединилась.

Разговор с отцом должен был многое прояснить. Сама я не торопилась с выводами. Мысли безумным потоком проносились в голове, и я никак не могла поймать самую главную, задававшую тон остальным. Конечно, больше всего меня волновали две вещи: моя жизнь и наши с Робертом взаимоотношения. И если с первым все было более или

менее понятно, то что делать со вторым, я не знала. Стронг считал наш роман опасным для меня. Он постоянно боялся, что причинит мне боль. Ему почему-то казалось, что он не способен любить. Он жил двойной жизнью, менял имена и фамилии, при этом внешне оставался прежним.

«Или нет, и его внешность меняется тоже? Он получает какие-то задания. Это значит, что его жизнью кто-то управляет. А что, если этот кто-то решит, что для меня нет места в жизни Роберта Стронга? Не это ли мучает его, не позволяя наслаждаться началом наших отношений? Откуда у этих людей сверхспособности?» Вопросы. Вопросы. Вопросы. Мне отчаянно захотелось погрузиться в сладкое забытие и на время отвлечься от мыслей.

Я сняла халат и залезла под душ. Теплая вода окончательно расслабила меня, и я еле доползла до кровати, сразу провалившись в крепкий, безмятежный сон.

Наутро я проснулась абсолютно бодрой, готовой к новым свершениям и открытиям. Безумно хотелось есть. И видеть Роберта. Я вскочила, накинула легкое домашнее платье из шелка и помчалась вниз по лестнице.

— Мама! Мама! — завопила я.

Мне никто не ответил. На холодильнике я увидела записку, прикрепленную магнитом:

«Дочка, я сегодня ушла пораньше. Мой класс дежурит. На плите найдешь кашу. Не забудь поесть».

Я с аппетитом уничтожила завтрак. Наскоро расчесавшись и кое-как собрав непослушные локоны в хвост, я стала выбирать одежду. Хотелось предстать перед Робертом настоящей соблазнительницей. Я не сомневалась в том, что скоро увижу его. Он знает, что сегодня мне не терпится поучиться. Еще бы — проваляться в постели целых две недели! После такого даже лекция по языкознанию покажется нескучной.

Задумчиво перебирая свой гардероб, я решала дилемму: как одеться так, чтобы быть привлекательной для Роберта, но оставаться по возможности недоступной для других

парней. Конечно, будь моя воля, я бы надела миниатюрное вечернее платье из черного шелка, расшитое стразами. Но для университета такой наряд несколько неуместен.

Наконец я остановила свой выбор на длинной черной юбке из гипюра и милой розовой футболке с надписью «I am not a toy» и принтом плюшевого мишки самого уморительного вида. Этот наряд дополнил плетеный коричневый ремень и короткая кожаная курточка. Оглядев себя в зеркале, я осталась довольна. Это ощущение очень мне нравилось. Возможно, дело было вовсе не в том, что я надела симпатичные вещи. Глаза. Сияющие и счастливые, они придавали моему лицу ту живость, которой никогда раньше не было. Сейчас Мила Богданова радовала меня куда больше.

Спустившись по лестнице, я прислушалась к шуму на улице. Наконец, послышался рокот мотора подъезжающего автомобиля. Я пулей вылетела из дома и обнаружила, что за мной приехал не тот парень. Радостная улыбка исчезла с моего лица.

Это тоже был внедорожник, но зеленый. Я узнала машину Герберта и остановилась. Друг Роберта вышел мне навстречу.

— Привет, Мила! — воскликнул он. — Как ты?

Я почувствовала, что он рад мне абсолютно искренне. Дружелюбный тон и теплая улыбка Герберта немного скрасили мое разочарование от того, что за мной приехал не Роберт.

— Привет! У меня все в порядке, — приветливо ответила я, — хорошо смотришься.

Он и вправду здорово выглядел. Кожаная куртка с аппликациями на тему японского анимэ, забавная майка, искусно порванная талантливыми модельерами и наверняка стоившая огромных денег, бейсболка, надетая козырьком назад. Похоже, сегодня наше с ним настроение совпадало, по крайней мере, одеты мы были в одном стиле. Только, боюсь, без Роберта мой расчудесный вид не принесет мне ожидаемой радости.

— Спасибо, что спас мне жизнь, — тихо сказала я.

— Давай не будем об этом, — строго произнес Герберт.

Я поняла, что он впервые нарушил приказ и ему не по себе от этого.

— Тебя накажут?

— Давай не будем об этом, — повторил Герберт и выразительно посмотрел на меня.

— А Роберт? Он сегодня приедет?

— Нет, он не сможет сегодня быть в университете. Вот попросил меня. Тебе же после обеда надо в салон за машиной?

Я молча кивнула. На душе стало по-осеннему холодно.

— Можешь на меня рассчитывать, — сказал Герберт, — я отвезу.

— Спасибо, ты не должен, — тихо пробормотала я, — у меня здесь такси под боком...

— Да уж! С твоими данными... — воскликнул парень и осекся.

Я посмотрела на него и усмехнулась. «Он в курсе. Интересно, а он — такой же сильный, как Роб? Или нет? Высокий, крепкий, с литыми мускулами. Явно умеет постоять за себя. Но означает ли это, что он непобедим? Какими они должны быть, эти Ясные? Черт возьми, я ведь тоже такая, как они! Конечно, только наполовину, но все-таки... Тогда почему же я так беззащитна? Совершенно обычная, только мужики ко мне почему-то притягиваются. И папа мой не выглядит суперменом. А Стронг — тренированный, спортивный, но на монстра не тянет, скорее наоборот: никто не боится его гигантских кулаков, потому что у него их нет». — Я вспомнила, как охранники Вадима Олеговича умирали под ударами Роберта.

Герберт открыл мне заднюю дверь и помог зайти в машину. Я рухнула на кожаное сиденье из светло-коричневой кожи. Внутри меня ждали. Сначала я опешила, но, узнав Лизу, сразу успокоилась. Почему-то девушка сегодня за-

хотела сидеть возле меня, а не как в прошлый раз — рядом с Гербертом.

— Ты не против? — спросила она вместо приветствия.

— Нет, совсем нет! — поспешила ответить я. — Это вы оказываете мне услугу. На самом деле не стоит. У вас наверняка дела, а вы со мной возитесь.

Сказав это, я пожалела, что тараторила слишком быстро и Лиза могла просто не понять меня. Но она улыбнулась и спокойно ответила:

— Мила, ты нам не чужая. Возможно, ты привыкла быть одна. Рассчитывать только на себя. Но это время прошло. Окончательно и безвозвратно. Ты теперь принадлежишь не только себе, но и... — Она остановилась и посмотрела на меня.

Больше всего меня поразило отсутствие акцента. «Герберт вроде говорил, что она русского почти не знает», — подумала я, а вслух сказала:

— О чем ты можешь рассказать мне?

Лиза с сожалением посмотрела на меня и ответила:

— Боюсь, что ни о чем, Мила. У меня нет полномочий.

Впрочем, я услышала достаточно. Они явно стали считать меня равной себе.

Мы выехали из коттеджного поселка и понеслись к шоссе по извилистой дороге. Я рассеянно наблюдала из окна автомобиля за меняющимся пейзажем. Герберт включил радио, и заиграла красивая, медленная мелодия. Изредка вступал саксофон, чувственный женский голос пел о любви, и я невольно загрустила. Мне не хватало Роберта. За эти дни у меня возникло ощущение, что я знаю его всю жизнь — как мать, как отца. «Ну, почему, когда я, наконец, влюбилась, у меня не может быть все, как у нормальных людей? Чтобы мой принц стремился ко мне, а не от меня, опасаясь причинить мне боль. Чтобы вокруг меня были только те, кого я хочу видеть, а не вождедеющие мужики, которые так нервируют моего любимого. Чтобы объект моего желания отдался своим чувствам так

же безрассудно, как и я. Чтобы вокруг не подстерегали опасности в виде людей, которые пытаются меня отравить как бешеную собаку».

После долгого молчания Лиза сказала:

— Не грусти. Ты увидишься с ним. Просто у него есть важные дела.

— Ты не должна выдавать тайн. — Я понизила голос до театрального шепота. Конечно же, Лиза уловила издевку в моем голосе, но сделала вид, что не поняла.

— Это совсем не тайна, — невозмутимо сказала она. — Я вижу, ты переживаешь. Не стоит. Чему суждено быть, обязательно произойдет. В жизни ничего не бывает просто так. Каждая встреча — не случайна. Каждое событие, даже кажущееся незначительным, — большой опыт для души.

После этой фразы, сказанной умиротворяющим спокойным голосом, мои обиды исчезли. На сердце полегчало, я благодарно посмотрела на Лизу и спросила:

— Значит, если девушка встречает парня, то это что-то значит?

Лиза звонко засмеялась, потом сказала:

— А ты смешная. Реакции у тебя какие-то детские.

Я смутилась:

— Почему детские? Просто хочу понять кое-что.

— По-моему, вы с Робертом оба сошли с ума, — посерьезнев, сказала Лиза, — вам нужно немного остыть. Так будет гораздо лучше. Причем всем.

— А если я не хочу? — с вызовом спросила я. — Что, если он мне нравится? Хотя, я понимаю, тебе, как сестре, не раз приходилось слышать это от других сумасшедших девиц.

— Приходилось, только ни у одной из них не было шансов. Знаешь, — Лиза вдруг заулыбалась, — одна богачка, дочь американского мультимиллиардера, решила, что Роберт очень ей подходит. Она устроила вечеринку у себя дома. Были приглашены сливки общества и элита шоу-

бизнеса — известные актеры, режиссеры, музыканты, модели. Среди гостей был Роберт — он должен посещать такие мероприятия, это часть его профессии. Так вот, эта избалованная цыпочка носилась за ним по всем комнатам своего особняка, желая вытащить Роберта на приватный разговор. Наконец, он сдался и последовал за ней в уединенный кабинет. Через минуту миллиардерша выскочила оттуда, вся красная и злая, из чего люди заключили, что Роб ей отказал. Причем в такой форме, что у нее не осталось ни малейшего сомнения — она нежеланна. Был огромный скандал, девица пыталась отомстить Роберту, распуская про него слухи, но все это никого не тронуло. Моего брата любят во всем мире. Фильмы с его участием смотрят женщины всех возрастов, и им плевать на его репутацию. Человеку с такой внешностью и с таким талантом прощают все.

Я вздохнула: «Да, выглядит Роберт потрясающе. И целуется тоже». От этих воспоминаний по телу пробежала приятная дрожь.

— Ты ему нужна, — просто сказала Лиза.

— Он говорил тебе? — с надеждой спросила я.

— Нет. Я чувствую. И вижу. Когда ты лежала в бреду, без сознания, он никак не мог справиться с собой. Постоянно был рядом с тобой. Днем и ночью.

Я удивленно уставилась на свою собеседницу:

— Мне мама не говорила, что он ночевал у моей кровати!

— Твоей маме не надо знать всего, что происходит. Она — обычный человек. А у обычных людей крыша может поехать, узнай они даже о части нашей жизни. Брат следил за твоим состоянием. После первой инъекции тебе стало лучше, но потом наступил кризис. У тебя снова поднялась температура, начались судороги. Твою маму нельзя было ставить в известность, иначе ты оказалась бы в больнице. А там никто не смог бы правильно установить причину твоего состояния. Яд, которым тебя отравили, не

описан ни в одном справочнике. Его попросту не существует в природе. Герберт смог создать противоядие лишь потому, что мы однажды уже сталкивались с подобным веществом.

Я ахнула:

— Значит, вы сами сделали препарат, который спас меня?

Лиза кивнула и добавила:

— Мы не были уверены в успехе. Именно поэтому, наконец, Роберт не оставлял тебя. Он боялся, что вернется и уже не застанет тебя живой. За те две недели, что ты болела, он появился дома пару раз, чтобы сменить одежду. В случае с этим ядом главное, чтобы не начались судороги, которые бывают только при очень высокой температуре.

У меня защипало в носу: «Значит, когда мне снилось, что я разговариваю с Робертом, он и впрямь был рядом. Отвечал на мои вопросы, а когда я начинала хрипеть, нежно закрывал мне рот своей рукой». Мне запомнилось это ощущение, больше похожее на прикосновение крыльев бабочки.

— Он очень многое сделал для меня, — осторожно сказала я.

Лиза покачала головой и ответила:

— Он не может иначе. Ты глубоко засела в его душе, и он чувствует все, что с тобой происходит. Он не может от этого избавиться. Или даже не хочет. На мой взгляд, это похоже на манию. Мне жаль его.

— А у тебя такое было?

— Нет. И не может быть никогда, — чересчур резко ответила Лиза.

— Он тоже так про себя говорил, — вздохнула я, — и вот, видишь...

Лиза усмехнулась и сказала:

— В нем гораздо больше человеческого, чем во мне. У нас слишком разные матери.

Я уставилась на нее в изумлении, не зная, как сформу-

лировать свой вопрос. Мы уже подъезжали к университету. Джип катился по асфальтированной дорожке прямо к автостоянке. По тому, как Лиза замолчала, я поняла, что больше ничего от нее не узнаю.

— Вы тоже идете на занятия?

Девушка улыбнулась и сказала:

— Мы с Гербертом уже вышли из этого возраста. В России мы работаем над своими диссертациями, пользуясь таким удачным поворотом в карьере Роберта. Еще в Англии я нашла в Интернете информацию о вашем университете. Здесь работает один профессор с мировым именем. Я связалась с ним, рассказала, какие цели мы преследуем, и он согласился взять нас под свое крыло. А Роберт прекрасно осваивает русский...

«Стронгу не надо улучшать свой русский. Скорее всего, это была просто легенда и Лиза пока не доверяет мне настолько, чтобы изменить первоначальную версию».

Герберт припарковал джип, и я дернула ручку, чтобы выйти из машины.

— Подожди! — остановила меня Лиза. — Дай мне руку.

Я удивилась, но просьбу выполнила. Девушка напряженно изучала мою ладонь. Затем она стала водить по линиям указательным пальцем — и лицо ее все больше вытягивалось.

— Что такое? — забеспокоилась я.

— Ничего, — слишком поспешно ответила Лиза, отпуская мою руку.

Я пожалала плечами и вышла из машины. Мне казалось, что Герберт и Лиза сразу же пойдут по своим делам, я же, как обычно, начну искать на доске номер своей аудитории и направлюсь на лекцию. Все оказалось не так.

— У тебя семинар в пятьсот сорок шестой, — коротко проинформировал Герберт.

— Откуда ты знаешь? — удивилась я.

— Пойдем, провожу, — дружелюбно и в то же время абсолютно бескомпромиссно сказал он.

Лиза тоже последовала за нами. Я не понимала, что происходит. «Зачем им провожать меня? Их что, Роберт попросил за мной присмотреть?»

Мы молча поднялись на пятый этаж и нашли нужный кабинет. Я улыбнулась:

— Спасибо. Было очень мило с вашей стороны...

Закончить мне не дали. Лиза взяла меня под руку и направилась в класс. Друг Роберта последовал нашему примеру. В таком виде мы и предстали перед аудиторией. Девицы, как всегда, стали буравить меня недобрыми взглядами, но, естественно, сразу отвлеклись на моих спутников.

Я тихо прошипела прямо на ухо сестре Роберта:

— Вы что, так и будете за мной ходить?

— Пока да, — серьезно ответила она, — или тебе опять хочется отравиться ядом, у которого даже названия нет?

Я покачала головой. «Вот как. Значит, ко мне приставили охрану. Интересно, а что они смогут сделать, если мне и впрямь будет угрожать опасность? Могу себе представить, как Герберт дерется с псевдоследователем Черепановым, но на что способна хрупкая Лиза? Вряд ли она может вывести из строя противника одним ударом ноги, как это умеет ее брат».

— А в туалет мне можно? — ехидно прошептала я на ухо девушке.

— Только со мной. Знаешь, Герберт бы и без меня справился, но, боюсь, в женскую уборную он не сможет попасть. А я смогу. И еще кое-кто сможет. Так что потерпи.

— Ох, не нравится мне все это, — тихо пробормотала я и направилась к своему месту.

Антошки пока не было. Мы с Лизой уселись на заднюю парту, Герберт устроился в соседнем ряду. Я спросила у сестры Роберта:

— А как вы объясните свое присутствие нашему преподавателю?

— С ним проблем не возникнет, не волнуйся.

Я почему-то сразу поверила ей.

Наше присутствие было очень заметным. Мы, несомненно, произвели впечатление. Наконец, когда тишина в аудитории стала звенящей, вошел преподаватель — невысокий коренастый мужчина лет пятидесяти, очень подвижный и улыбчивый. Он окинул нас внимательным взглядом и громко произнес:

— Так, так! Сразу три новых лица. Я ожидал только одно.

Я вздрогнула: как объяснить присутствие двух посторонних на занятиях нашей группы? В голову ничего не приходило.

Внезапно преподаватель радостно воскликнул:

— Что ж, для вновь прибывших: позвольте представиться — Анатолий Сергеевич Киреев. Заместитель декана филологического факультета. Я начну, пожалуй.

Мне показалось, что сразу после этой тирады он начисто забыл о Лизе и Герберте. Я посмотрела на девушку — она казалась совершенно спокойной, глядя на профессора не внимательно, но пронзительно. «Ей пришлось что-то сделать, чтобы о них с Гербертом на время забыли».

Слушать лекцию, как всегда, было скучно. Я открыла тетрадь и стала чертить бесконечные треугольники, квадраты и ромбы — это меня успокаивало. Лиза насмешливо взглянула на мои каракули и прошептала:

— Слушай, по-моему, ты здесь не своим делом занимаешься.

Я горестно вздохнула и ответила ей так же шепотом:

— Как понять, какое дело — твое? Тем более сразу после школы?

Она пожала плечами. Профессор укоризненно на меня посмотрел, но вслух пока ничего не сказал. Я вырвала из тетради листок, написала на нем: «Он тебя видит?» — а потом подвинула Лизе. Она оживилась, включаясь в игру: «Кроме тебя, нас здесь никто не видит».

«Как это? Вначале, когда мы зашли, все даже замолчали».

«Картинка уже размылась».

«И что, никто не вспомнит, что вы здесь были?»

«Может, кто-то и вспомнит, но лишь то, что мы тебя сопровождали до аудитории».

«Зачем?»

«Ты странная. Мы должны были проявиться. Это было нашим предупреждением».

«Кому?»

«Тем, кто, возможно, выжидает удачный момент, чтобы напасть».

Я сделала вид, что стра-а-ашно испугалась. Конечно, мне было неуютно, но последние события сделали меня менее чувствительной, в том числе и к вопросам личной безопасности. А теперь я чувствовала себя под защитой Роберта и его семьи.

«Те ведь не боишься?» — написала Лиза.

«Не очень».

«А зря. Роберт очень боится за тебя. Зверь уже выпущен из клетки, пойми, дурочка. У них приказ, который пока не отменяли».

Я улыбнулась:

«А если отменят, ты скажешь?»

Лиза покачала головой:

«Это не будет означать, что ты — в безопасности».

«Вы теперь так и будете за мной ходить?»

«Пока да».

Я вздохнула, записывая:

«Твоя диссертация в России — для отвода глаз?»

На этот раз мне не ответили: Лиза, похоже, ушла в себя; она смотрела вперед неподвижно и бесстрастно, похожая на прекрасную мраморную статую.

Я огляделась. Герберт сидел на месте, тоже глубоко задумавшийся. Своим взглядом я ненадолго привлекла его внимание. Он оглянулся на меня, и стало понятно,

что парень не на шутку встревожен, чувствуя опасность. Похоже, он не очень хорошо умел скрывать свои эмоции. Я тоже забеспокоилась. Лиза толкнула меня локтем и написала:

«Тут кто-то есть. Сначала Герберт почувствовал, потом я».

Я приготовилась к тому, что волна страха накроет меня с головой, парализует волю и я стану очень уязвимой. Стараясь не поддаваться панике, я глубоко вдохнула — и вдруг поняла, что не могу испугаться по-настоящему. Все мышцы напряглись, как для прыжка с высоты, когда страх обещает прийти где-то в середине полета. Лиза смотрела на меня и комкала в руках листок с нашими записями. Я встретила ее взгляд и улыбнулась: «Наверное, она подумает, что я немного не в себе. Но мне плевать».

— Надо выйти, — шепнула мне на ухо сестра Роберта.

— Вместе?

— Да.

Я решительно встала и молча проследовала к двери. Преподаватель прервался на секунду, проводив меня отсутствующим взглядом. Он был так поглощен своим предметом, что почти не воспринимал посторонние раздражители. Но группа пожирала меня глазами — я кожей чувствовала любопытные взгляды.

Наконец я вышла в коридор. Лизы и Герберта поблизости не было, и мне стало неудобно.

Дверь аудитории снова открылась, и в коридор прошмыгнула невзрачная фигурка. Эта была Оля, та самая девочка с белесыми кудряшками, которую мне хотелось научить плавать во что бы то ни стало. Я в нерешительности застыла на месте: «Мне приказали выйти, но не объяснили зачем. Что за чрезмерная мнительность? Я знаю в лицо человека, от которого может исходить опасность — это следовательно Черепанов или кто он там такой. В аудитории его не было. Тогда зачем такие предосторожности?»

— Поехали, — раздался за спиной решительный голос

Герберта. Я обернулась: на мгновение показалось, что парень возник из воздуха.

— Куда? — усталым голосом спросила я.

— Сейчас здесь небезопасно, — невозмутимо ответил англичанин. Похоже, ему удалось справиться с эмоциями.

Я поплелась вслед за ним по лестнице, думая о том, что примерной ученицы из меня не получилось: за три недели учебы я появилась на факультете всего трижды. «Так могут и исключить...»

— В туалет можно? — мрачно спросила я своего спутника.

— Нет, — тем же тоном ответил он.

Мы быстро вышли на улицу. «Инфинити» Герберта подъехал к крыльцу — нам даже не пришлось идти к стоянке. За рулем, конечно же, сидела Лиза. «Интересно, как они перемещаются в пространстве?»

— Ты говорила, тебе надо в салон? — спросила меня девушка.

— Да, надо. Новая машина там стоит, меня дожидается, — немного обиженно ответила я.

— Ты пойми, мы не могли поступить иначе. Там что-то было не так. Пока Роберт все не выяснит, мы не можем пренебрегать своей интуицией.

Как только я вновь услышала имя Стронга, плохое настроение улетучилось. Я благодарно посмотрела на Лизу и сказала:

— Ну, в салон, значит, в салон.

Лиза утопила в пол педаль газа, и мы помчались по дороге, усыпанной осенней листвой.

Глава 13

ЗАКОН ЗЕМЛИ

До места добрались без приключений. Я стала потихоньку привыкать к Лизе и Герберту, да и они, наверное, тоже начинали доверять мне. Сестра Роберта уже не пыталась контролировать свою речь, опасаясь сказать лишнее. Между нами установились спокойно-доверительные отношения, какие бывают у родственников или друзей, которые проводят вместе много времени.

Продавец автосалона Никита Белов встретил меня широкой улыбкой.

— А я вас после обеда ждал! — искренне признался он.

Мне стало жаль парня. Скорее всего, ему здорово влетело от начальства за самоуправство; тем не менее сейчас он смотрел на меня с обожанием и тараторил:

— «Мазда» ваша готова. Мы ее тут с ребятами отполировали до блеска, чтобы садиться было приятно. Временные номера видели? Вам в какое отделение регистрироваться? Хотите, провожу вас? У меня в третьем знакомые работают. В очередях стоять не надо.

Все это время Лиза стояла рядом и насмешливо наблюдала за происходящим. «Представляю, что она сейчас обо мне думает!»

— Спасибо! — Я резко прервала словесный поток продавца. — Где моя машина?

— Я провожу, — уже совсем другим голосом сказал Никита, — пройдемте к шестым воротам.

Он двинулся вперед, указывая мне путь. Его спина ссу-

тулилась, походка стала какой-то вялой, от живости, с которой он меня встретил, не осталось и следа. Мне стало нехорошо от осознания собственной вины. Лиза подлила масла в огонь, шепнув мне на ухо:

— Смотри, зря ты так. Еще повесится сегодня в туалете. А ты виновата будешь.

Я мрачно посмотрела на нее и так же тихо ответила:

— А что, я целоваться с ним должна?

Лиза засмеялась:

— Тебе уже есть с кем целоваться.

Мы забрали мою машину, и я спросила:

— Как дальше? Я поеду номера устанавливать. Вы с Гербертом...

— Он сзади поедет. Я с тобой, — решительно ответила Лиза.

«Похоже, в покое меня не оставят», — покорно вздохнув, я выехала на дорогу. Новая «Мазда» была точно такой же, как моя предыдущая. По крайней мере, заново привыкать не пришлось.

Я вспомнила покореженный труп своей машинки, и по спине пробежал озноб. Кое-что не давало мне покоя, и я решила спросить Лизу:

— Роберт говорил, что следователь Черепанов — никакой не следователь на самом деле. Ты тоже так считаешь?

— Я в этом уверена. Сама подумай, кто еще мог отравить тебя веществом, которого не существует в природе?

— Ну, я много с кем общалась. Если уж подозревать, то подозревать всех. Может, мужик просто обычный следователь, делал свое дело — фотки показывал, допрашивал...

— Ага... Отвечал по телефону убитого. Рассказал первой же попавшейся девице, что Рудневу отрубили голову. Видимо, тайны следствия для него не существует. У них, в милиции, наверное, так принято. Хорош гусь. Потом, вы с Робертом все сделали, чтобы машину нельзя было опоз-

нать — а Псевдо-Черепанов уже на следующий день привез тебе фотографии с места аварии. Конечно, при желании на тебя можно было выйти, но далеко не сразу. Криминалисты так быстро не работают. Нужно провести целый ряд экспертиз, анализов — вдруг где-то волосок найдется или отпечаток пальца. А тут — раз, и в дамки. Еще трупы на поле не остыли, а к Миле Богдановой уже бегут — вы, мол, девушка, были на месте происшествия?

Мне ничего не оставалось, как согласится с доводами Лизы. Подумав, я добавила к ее словам:

— Когда тот здоровый, с татуировками, с которым Роберт дрался... В общем, я видела, что произошло после того, как ему голову отрубили. От него одна зола осталась.

Лиза кивнула, сказав:

— С твоим знакомым, поверь, произошло то же самое. Зришь в корень. Так что не мог уважаемый следователь Черепанов наблюдать изуродованное тело. Его попросту не было. Если твой Руднев и был убит, то его останков не существует.

Я ждала, когда страшная новость окончательно отзвонит в моей голове. Получалось, что мой милый знакомый, Алексей Львович, без памяти в меня влюбленный, и этот длинноволосый садист с татуировками — одного поля ягоды.

Лиза внимательно посмотрела на меня и кивнула.

— Начинаешь соображать, — похвалила она, — но пока больше ничего не скажу.

— У меня только один вопрос.

— Валяй, раз уж так складывается наш разговор.

— Я сама видела, что произошло с громиллой и кто его... Он защищал меня. Роберт защищал, — сбивчиво проговорила я, не зная, как подойти к самой сути, — а Алексей Львович? Его тоже... Роберт? Убил... Чтобы меня защитить.

Лиза прищурилась:

— А ты как думаешь?

— Теперь даже не знаю. Вначале была уверена. А теперь, после всего что твой брат для меня сделал... Меня, наверное, здесь не было бы сейчас. Он спас мою жизнь. Дважды.

— А если все-таки это он?

Я судорожно вздохнула и выпалила:

— Все равно люблю.

Остаток пути мы проехали молча.

Я позвонила своему знакомому из ГИБДД и сказала:

— Привет. Сейчас к тебе подъеду.

— Отлично. Хорошо, что не поздно. Ты мне на несколько часов машину оставь, вечером приедешь, номера уже будут.

— Спасибо тебе, что бы я без тебя делала, — искренне поблагодарила я.

— Тебе спасибо, что ты есть.

Я отсоединилась. «Интересная штука — жизнь. Вот живет мужчина. Наверняка у него есть женщина, которая любит его, считает своим идеалом, не представляет своей жизни без него. И все бы у них было хорошо, если бы он не любил другую, которой совсем-совсем не нужен. И ничего не изменишь. Никогда. И вот, в те редкие мгновения, когда у этого мужчины появляется возможность лицеизреть свою музу, он открывает перед ней все самые сокровенные уголки своей души. А ей все это безразлично. Он отдает себя всего, до последней капли, этой равнодушной стихии. А она не берет, легко пренебрегая искренними порывами чужой души. В нем просыпается чувственная, ненасытная жажда самоотречения, а ей смешно и немножечко досадно. Это забавляет ее, а иногда пугает, если все заходит слишком далеко».

Я понимала, что делаю людям больно. Я, как капризная муза, владею чувствами мужчин, мешаю им строить свое счастье с другими женщинами, не давая ни малейшего повода для надежды. Я не могу подарить тепло. И вовсе не потому, что не умею любить.

Я отдала машину влюбленному приятелю и пообещала приехать за ней сегодня же. Он печально посмотрел на меня и спросил:

— Ты хоть в ресторан со мною сходишь вечером?

Я оглянулась. Мои новые друзья стояли неподалеку от нас и, несомненно, слышали весь разговор. Мне показалось, что Герберт слегка напрягся. Лиза сверкнула глазами, и я поняла, что ужин с майором не состоится.

Я постаралась вложить в свою улыбку всю нежность, на которую только была способна.

— Ты очень помогаешь мне, Андрюш, но у меня дел по горло. Как только разберусь с ними, сразу позвоню.

Мой знакомый разочарованно вздохнул и сказал:

— Ума не приложу, почему я постоянно думаю о тебе. Баб вокруг полно, да и я, по-моему, не урод. Что же такое происходит, просыпаюсь — мысли о тебе, на работе — опять о тебе, даже когда сплю с кем-нибудь, все равно о тебе думаю. Как мы бы с тобой... — Он прервался на полуслове.

Я грустно сказала:

— Андрюш, это пройдет. Обязательно пройдет. Ты сильный, справишься.

Я погладила его по рукаву, и этот огромный мужчина склонил голову, как обиженный ребенок, который вот-вот заплачет. Сзади раздался голос Лизы:

— Мила, ты не забыла, тебе еще к врачу надо успеть?

Я подавила в себе желание переспросить: «Куда?», но вовремя вспомнила, что задерживаться не стоит. Мы опять погрузились в «Инфинити» Герберта и поехали в область.

— Теперь мы отвезем тебя домой, и ты будешь там находиться весь вечер и всю ночь, — припечатала Лиза.

Я послушно кивнула. Мне и самой не хотелось никуда идти. Вечер перед телевизором или с книжкой — вот что мне было действительно необходимо сегодня.

— Машину мы из ГИБДД заберем сами, — тоном, не

терпящим возражений, сказала Лиза, — а то твой майор на тебя вот-вот набросится. Похоже, мы ему сейчас помешали.

— Ничего он не сделал бы! Мы дружим, причем давно. Он умеет держать себя в руках! — горячо возразила я, обиженная тем, что об уважаемом мною человеке говорят столь пренебрежительно.

Лиза усмехнулась, но сразу посерьезнела:

— Мила, твой дар становится сильнее день ото дня. Если так и дальше пойдет, то скоро на улицу выйти будет нельзя — на тебя мужики кидаться начнут.

Меня бросило в жар: «Так вот какая жизнь меня ждет! Роберт! Сможет ли он принять все это, справиться со своими эмоциями, не поддаваясь сиюминутному порыву перебить всех, кто смотрит на меня? Стоп! С чего это я вообще взяла, что буду с ним? Может, он не захочет? Он же не раз говорил, что мечтает избавиться от этого проклятого чувства. А ведь у него вполне может получиться!»

Я спросила у Лизы:

— А почему дар не сразу проявился? Ведь жила же я спокойно!

— Когда? — насмешливо ответила Лиза. — В глубоком детстве? Ну, это было бы уже слишком, если бы на маленького ребенка накидывались толпы влюбленных мужиков. Извращение какое-то!

— Лиза, мне надо от этого избавиться во что бы то ни стало! — решительно воскликнула я.

Лиза не ответила, — наверное, не знала, что сказать.

Герберт заехал на территорию моего поселка. Остановившись рядом с домом, он сказал:

— До вечера! Жди новостей.

Подумав, я не стала расспрашивать его, а просто решила подождать.

— Мне очень приятно было провести с вами день! — искренне призналась я.

И хотя англичане всеми способами старались ограни-

чить мою свободу, я привязалась к ним, чувствуя какое-то особое родство с этими красивыми и немного странными людьми.

Я вышла из машины, захлопнула за собой калитку и пошла не в дом, а в небольшой садик, который находился на нашем участке. Осень наполнила последние теплые деньки невообразимой свежестью, и я с наслаждением вдыхала запах сырости, грибов и приближающейся зимы. Листья большого раскидистого клена, который рос в самом центре нашего участка, были необычайно торжественного, золотисто-оранжевого цвета. Я подошла к дереву и подняла один из упавших листочков, печально лежавших на пожухшей траве. Мне хотелось подпитаться красотой, чтобы хоть как-то заполнить зияющую пустоту, образовавшуюся, когда я почувствовала: Роберт далеко. Он сейчас там, где должен быть. С этим ничего нельзя было поделать.

Я вздохнула и поймала себя на мысли, что люблю Стронга и мне безумно нравится состояние полной и безусловной влюбленности, в котором нет места притворству и лицемерию.

Немного побыв на улице, я зашла в дом. Там было тихо — мать еще не вернулась. Я включила легкий джаз и заварила зеленый чай. На душе стало легко и празднично, как в детстве, в предвкушении Нового года. Я наслаждалась этим внутренним ликованием, не отдавая себе отчета в том, что причиной этой необычайной легкости является некое событие, произошедшее совсем недавно, причем где-то далеко и без моего участия. Я чувствовала, что меня освободили от неимоверной тяжести, висевшей на моих плечах, — но не осознавала этого.

Мне хотелось мечтать о Роберте, о нас двоих — счастливых и безмятежных, отдающих друг другу без остатка.

Звонок мобильного прервал череду приятных мыслей. Я напряглась, но на вызов ответила.

— Привет! — раздался в трубке голос Герберта.

— Как дела? — осторожно спросила я. Подобный зво-

нок мог означать все что угодно — плохие новости от Роберта, хорошие — от него же.

— Тебе наверняка будет приятно услышать, — Герберт помедлил, как будто тщательно выбирал слова, — конвой тебе больше не нужен.

— А что так? — тихо спросила я.

— От Роберта появились новости. Он звонил. Сказал, что человек, который выдавал себя за следователя Черепанова, найден и обезврежен.

Я рухнула на диван: «Так вот где он пропал, этот англичанин! Он пытался защитить меня своими силами, не уповав на чью-либо помощь, не ожидая милости от природы!»

— Значит, я... мы скоро его увидим? — дрожащим от волнения голосом спросила я.

— Не знаю. Он ничего не обещал, — сухо ответил мой собеседник.

Мне не понравились эти слова.

— Вечером доставим тебе автомобиль, — пообещал Герберт и отсоединился.

Я сидела с телефоном в руках, пытаюсь понять услышанное. Душа, ликовавшая еще пару минут назад, снова затосковала.

Я понимала, что у Роберта были причины не возвращаться. Где-то очень далеко в подсознании сидела упрямая мысль, что наша разлука пойдет ему на пользу, и, возможно, даже излечит его болезненную привязанность ко мне. Стронг как никто другой мечтал освободиться от этой странной влюбленности. Она мешала ему, сковывала его сердце, заставляла принимать необдуманные решения и делать то, чего не следовало. «Но кто этот Псевдо-Черепанов? Почему хотел меня отравить? Зачем выдавал себя за сотрудника милиции? Вопросы, вопросы...» На них, пожалуй, только Роберт и мог ответить. Мне безумно хотелось его видеть, почувствовать, прикоснуться к нему.

За раздумьями я не заметила, как наступил вечер. С ра-

боты пришла мать, начала готовить ужин. Монотонная череда домашних дел на время отвлекла меня, и стало немного легче.

Мы с матерью молча поужинали и разошлись по своим комнатам. Я была ей благодарна за отсутствие расспросов и любопытных взглядов. Минут через тридцать снова позвонил Герберт.

— Я подъезжаю, скоро буду у тебя.

— Спускаюсь, — коротко пообещала я. Вышла на улицу, открыла ворота, ведущие к навесу для машин, и впустила на территорию черную «Мазду». Джип, за рулем которого, видимо, сидела Лиза, остался на дороге, рядом с моей калиткой.

Герберт вышел из машины и протянул мне ключи:

— Постарайся больше не попадать в истории.

— Спасибо, — тепло сказала я, — получается, вам не нужно было за ней ехать. Я и сама могла бы...

— Это было нетрудно. Кстати, твой майор нам не хотел отдавать машину, пришлось применить способности.

— С ним все в порядке?

— С кем? — озадаченно поинтересовался Герберт. Его мысли явно были заняты чем-то другим.

— С Андреем?

— А, с парнем, что тебе помог с номерами? Да, он минут через пять уже был в норме. Всего лишь легкий гипноз.

— Хорошо, — с облегчением протянула я и поймала себя на мысли, что стала слишком уж спокойно относиться к подобным вещам, которые еще месяц назад показались бы мне невероятными.

— Пойдем, попрощаешься с Лизой, — на ходу бросил Герберт, направляясь к своему джипу.

— Прощаться? Зачем? Вы что, куда-то уезжаете? — забрасывала я вопросами парня, а точнее, его спину.

Лиза стояла рядом с машиной и молча наблюдала, как мы приближаемся. Вид у нее был невеселый.

— Вы что, меня бросаете? — крикнула я ей тоном обиженного ребенка.

— Чего ты боишься? — тихо спросила Лиза.

— С вами я отвыкла от одиночества.

— Нам надо быть в другом месте. Далеко отсюда, — бесстрастно сказала девушка.

— А Роберт? Ему там тоже нужно быть?

— О его задании нам ничего не известно. В последнее время у него своя, отдельная жизнь. Он перестал делать то, что ему говорят. И нас в это впутал.

— Это плохо? — забеспокоилась я.

Лиза пожала плечами и сказала:

— Так еще никто не делал. Посмотрим. Знаю только, что ему сейчас сложнее всего. Он сражается со всем светом, и не только. В первую очередь он воюет с собой, а это самое страшное. Чтобы быть сильным, надо чувствовать мир в душе. А Роберту этого не хватает.

Лиза посмотрела на меня своими холодными голубыми глазами, и в ее взгляде мне почудилось осуждение.

— Это все — из-за меня? — одними губами прошелестела я.

— Если с человеком случается беда, в первую очередь надо искать причину в нем самом, — жестко ответила Лиза. От ее ответа мне стало очень больно.

— Выходит, полюбить кого-то — это беда? Катастрофа? — уязвленно воскликнула я.

— Не обижайся на нее, — тихо сказал Герберт, с интересом прислушивавшийся к нашему разговору.

— Да не обижаюсь я! Просто не могу понять. Люди живут, чтобы любить. Годами ищут свою вторую половинку. Сочиняют песни и стихи об этом...

— Люди. Люди, может быть, и должны любить, — с усмешкой сказала Лиза, — но только не мы. Нам это не нужно. Не то предназначение.

До меня не сразу дошел смысл сказанного девушкой. Я постояла пару секунд с раскрытым ртом, потом спросила:

— Вы не считаете себя людьми? Значит, и я — не человек?

— Ну, в таких, как ты, что-то человеческое еще осталось. Ведь твоя мама — из смертных. Хотя наверняка это скоро пройдет. Ты просто не сможешь оставаться человеком, обладая такими способностями. Они будут править всей твоей жизнью, ведь придется их использовать. Тебя не оставят в покое. Это невозможно.

— Я не хочу, — твердо сказала я, — мне нужно одно — быть рядом с любимым. Я хочу семью и спокойную жизнь.

— Как ты не понимаешь, — с досадой сказала Лиза, — что это уже невозможно. Тебе дали время, чтобы ты повзрослела. Тебе подарили детство. Возможность пожить нормально, по-человечески.

— Роберт дал тебе такую возможность, — тихо сказал Герберт.

— Роберт? — удивленно переспросила я.

— Ты же знаешь, что его просили наблюдать за тобой, когда ты была еще ребенком, — не обращая внимания на гневный взгляд подруги, продолжал парень, — Роб сразу понял, какими способностями ты обладаешь. Он не захотел, чтобы тебя сразу взяли в разработку. Пожалел тебя.

— Пожалел? — ошарашенно спросила я. — А что со мной сделали бы, если бы не пожалел?

— Сначала они разъяснили бы твоей матери, что ты — суперребенок и тебе надо учиться в специальном закрытом заведении для гениальных детей. Поверь, мать не возражала бы. Это для них — не проблема, убеждать они умеют. Потом они изолировали бы тебя от всех, кого ты знала и любила. Стали бы обучать. Долго и жестко, не делая скидку на юные годы. Лет в тринадцать ты получила бы свое первое задание, которое, поверь, не было бы простым. Ты умеешь влиять на мужчин, вызывать в них желание, страсть. Что ж, это ценный навык. И не важно, что ты — совсем юная девочка, с неокрепшей психикой.

— Роберт! — простонала я. — Он пытался рассказать мне это, но я не придавала большого значения его словам. Я была слишком взволнована своими чувствами, чтобы слушать внимательно...

— О том, что пять лет назад он всех ввел в заблуждение, дав неверную информацию, стало известно только сейчас, — хрипло проронил Герберт.

— Вокруг тебя поднялась шумиха. Все эти влюбленные Самураи, которые, по идее... — Лиза осеклась на полуслове и смущенно замолчала.

— Короче, ты — персона заметная, — подытожил Герберт, укоризненно глядя на Лизу.

— Влюбленные Самураи? — ошеломленно прошептала я.

— Нам пора, — чересчур быстро проговорила Лиза.

Я поняла, что вечер откровений закончен, и спросила:

— Вы ведь вернетесь?

Лиза молча посмотрела на меня, и мне показалось, что в ее глазах промелькнула грусть. Вдруг она порывисто обняла меня и прошептала:

— Не могу на тебя сердиться, хотя ты сильно усложнила жизнь моему брату и всем нам в придачу. Я знаю, ты не со зла.

Я виновато пожала плечами:

— Сама не понимаю, почему все так происходит.

Девушка отстранилась:

— Держись. Тебе скоро нелегко придется. Я бы хотела быть с тобой, но не могу нарушать приказы. Мы не можем. — Она посмотрела на Герберта, и я впервые почувствовала в ее взгляде скрытое чувство. Мне показалось, что Лизе нравится этот красивый парень, но она боится признаться в этом даже самой себе.

— Надеюсь, мы скоро встретимся. И знаешь что? Не беги от себя. Я уверена, ты способна любить, хоть и не считаешь себя человеком, — сказала я.

Глаза Лизы вспыхнули, и я поняла, точнее, почувство-

вала, что попала в точку. Она посмотрела на меня, потом на Герберта и пробормотала:

— Ты ничего не знаешь.

— А ты? — улыбнувшись, спросила я. — Ты знаешь?

— О чем это вы? — обеспокоенно спросил парень.

Я ничего не ответила, просто подошла к нему и пожала его руку.

«Удивительно. У этих супергероев — обычные человеческие проблемы. Им кажется, что они выше чувств, но это только самоуверенность. Все, кто живет на этой планете, обязаны любить. Это закон Земли. Здесь есть все: войны, разрушения, стихийные бедствия, ненависть, катастрофы. Но то, ради чего мы живем, дышим, стремимся чего-то достичь, живет в наших сердцах. Кем бы мы ни были и какую бы задачу мы ни выполняли. Это выше нашего понимания и неподвластно нашей воле. Эта планета создана для любви, и любовь здесь — такой же закон, как и всемирное тяготение. Настоящее чувство придет к каждому, и этому нельзя противиться. Так же, как нельзя пытаться остановить извержение вулкана».

— Я буду очень скучать, — нечаянное признание сорвалось с языка, — теперь мне будет одиноко без вас. Вы все покинули меня.

Герберт тепло посмотрел на меня и кивнул на прощание. Они оба явно были расстроены.

Я помахала вслед удаляющемуся джипу и пошла в дом. На душе было неуютно и хмуро, словно в дождливый день. В голове роилась целая туча вопросов, на которые больше некому было ответить. Я снова оказалась одна, едва успев обрести любимого и друзей. «Увижу ли я Роберта? Лизу? Герберта? Что ждет меня впереди? Какой будет моя жизнь, когда в нее вмешаются посторонние — те, кто давно интересуется мной?»

Придя домой, я обнаружила мать в гостиной. Она смотрела какое-то ток-шоу по телевизору.

— «Мазду» из ремонта забрала, — тихо сказала я, — вон, во дворе стоит, под навесом.

Не отрываясь от экрана, мать кивнула. Я устроилась рядом с ней на диване. Во мне проснулась такая нежность, что я позволила себе то, чего никогда не делала, — прижалась щекой к ее плечу и тихонько пробормотала:

— Мамочка, что бы ни случилось, знай — я очень тебя люблю.

Мать удивленно посмотрела на меня и спросила:

— Ты чего, съезжать от меня собралась?

— Надеюсь, что нет, — тихо ответила я.

— Ну, тогда чаще появляйся дома, чтобы я не забыла, как ты выглядишь, и я буду знать, что ты меня любишь, — спокойно проговорила мама и снова повернулась к телевизору.

«Кто знает, как часто я стану появляться дома, после того как... Чем я должна буду заниматься? Придется ли мне делать то, чего я не хочу?»

На последний вопрос я, кажется, знала ответ.

Глава 14

ПРИГЛАШЕНИЕ

С утра мне совершенно не хотелось вылезать из постели. Не было никакого желания одеваться, завтракать, идти на учебу. «Ради чего? Кто меня ждет? С кем можно будет поделиться своими сокровенными мыслями?»

С головой укрывшись одеялом, я решила остаться в этом теплом коконе навсегда; но мечте не суждено было сбыться: в комнату вошла мама и строго сказала:

— Мила, ты ведь не хочешь пропустить занятия? Уже восьмой час.

— Встаю, — промямлила я, вылезая из одеяльного гнезда.

С трудом нашарив тапочки, я поплелась в душ. Включив холодную воду, я решительно шагнула под тугие струйки и обнаружила, что от недавней тоски не осталось и следа. Ко мне разом вернулись бодрость и вера в прекрасное будущее.

В шкафу обнаружилась коротенькая черная юбка с воланами из шелка, и я не задумываясь нацепила ее на себя; к ней прекрасно подошла узкая жилетка с лаковыми вставками и короткая джинсовая курточка. Боевой настрой требовал одеться именно так. Оглядев себя в зеркале, я осталась довольна и, спустившись в холл, достала из шкафа высокие сапоги из черной замши.

Мать с удивлением оглядела меня и спросила:

— Ты куда это собралась в таком виде?

— На занятия, — весело сообщила я.

— А чуть скромнее нельзя было одеться?

— Не сегодня. Мам, позавтракаю в универе, — бодро произнесла я, убегая.

Дорога была влажной от дождя, и меня несколько раз заносило на поворотах. Наконец, я вырулила на шоссе и прибавила ходу, опасаясь опоздать к первой паре.

Припарковав машину на стоянке перед универом, я стремительно двинулась к центральной лестнице. Поднимаясь по ней, я почувствовала взгляд — тот самый, так напугавший меня в первый день учебы. Сейчас я уже не сомневалась, что следят именно за мной. Резко оглянувшись, я увидела позади себя стайку девчонок из нашей группы — старосту Таню, Антошкину подругу Марину, беленькую Олю и еще нескольких. Они щебетали, не обращая на меня никакого внимания.

— Привет! — громко сказала я, подходя к компании.

Все обернулись. Каждая из девочек внимательно оглядела мой наряд; прочитав в их глазах неприкрытую зависть, я усмехнулась: они не понимали своего счастья. У них было то, чего не было у меня: право жить спокойной жизнью и творить свою биографию самостоятельно.

Староста Таня опомнилась первой:

— Привет, Мила! Как дела?

Я широко улыбнулась:

— Лучше всех.

— А мы сегодня с девчонками собираемся в ночной клуб. У Маринки день рождения. Может, и ты с нами?

Я пожала плечами:

— В принципе, я ничего не планировала на вечер. Могу составить вам компанию. Кстати, Марина, поздравляю!

— Спасибо! — отозвалась именинница.

— А Антошку пригласили?

— Конечно же пригласили! — раздался сзади знакомый голос.

От радости я чуть не бросилась на шею Антону, но вовремя остановилась: еще подумают чего.

— Я уже и забыл, как ты выглядишь! — воскликнул

парень, с удовольствием разглядывая меня. — Между прочим, очень классно! Тебе идет!

В отличие от девчонок он смотрел на меня без всякой зависти, добродушно и приветливо.

— Повеселимся сегодня! — потирая руки, воскликнула одна из девочек.

— Куда пойдем? — спросила другая.

— На Лубянке есть небольшой клуб, мне там очень нравится, — загадочно ответила Марина, — увидите, там классно.

— Когда двинем? — спросил Антошка.

— Сначала на занятиях посидим, помучаемся, потом поедем ко мне, начнем отмечать дома. А ближе к полуночи рванем в клуб.

— Честно говоря, учиться резко расхотелось, — сказала Таня, — не терпится начать праздновать.

— Вы и в школе дни рождения вместе отмечали? — поинтересовалась я.

— С первого класса, — с гордостью ответило сразу несколько голосов.

— У нас был очень дружный класс, — спокойно пояснила Таня, — а потом все наши девчонки поступили сюда, на филфак, а мальчишки пошли в другой университет, где инженеров выпускают. Не помню название. Из ребят с нами только Антон остался, и на том спасибо.

— Вот мы и стараемся держаться вместе. Все дни рождения, праздники, вроде Нового года, отмечаем сообща. Надеюсь, ты будешь уважать наши традиции. — Марина пристально посмотрела на меня.

Я поежилась: не люблю обязательств, а шумным компаниям предпочитаю прогулки на свежем воздухе или занятия спортом. Но изредка можно и с людьми потусоваться. Сейчас я просто задыхалась от одиночества и знала, что общение пойдет мне на пользу. Даже с такой компанией, где ко мне не расположен никто, кроме Антона.

Я старалась улыбаться, понимая, что за мной внима-

тельно наблюдают. Конечно же, моя персона вызывает интерес. Ручаюсь, как только все выпьют и расслабятся, меня закидают вопросами о Стронге. «Скорее всего, именно поэтому меня сегодня и пригласили. Решили оставить «на сладкое». Что ж, и с этим справимся. Спокойно, Мила! Ты очень сильная. Главное, не оставаться в одиночестве, чтобы темные мысли не затопили сознание, не лишили способности трезво рассуждать, не напугали страшными картинками под названием «Это может случиться с тобой».

— А какая у нас сегодня первая пара? — неосторожно поинтересовалась я и сразу пожалела об этом.

Взгляды всех присутствующих немедленно обратились ко мне.

— Совместный семинар с иностранцами, — удивленно ответил Антон, — ты чего, мать, до сих пор расписание не выучила?

Я пожала плечами и пообещала:

— Сегодня же перепишу. Самой надоело каждый раз к доске бегать, номер кабинета узнавать.

— А Роберт на семинаре будет? — тихо спросила одна из девочек.

Вопрос предназначался мне, но я сделала вид, что не услышала.

Вся группа стала торопливо собираться на занятия. Антон вцепился в мой рукав и крикнул Тане:

— Вы идите, мы вас догоним. Я еще покурить хочу.

Староста неодобрительно посмотрела на парня и решительным шагом направилась к лестнице. За ней последовали остальные.

— Надоели, — с досадой буркнул он, доставая сигареты, — уставились на тебя, будто ты обезьяна в зоопарке.

Я кивнула, забрала у Антона зажигалку, дала ему прикурить. Он с наслаждением затянулся и выпустил изо рта сизую струйку.

— Пока ты болела, даже поговорить было не с кем, — пожаловался он. — Эти трещат, как сороки. Сплетничают

о тебе и о нем... Об англичанине. Слушай, а это совпадение или нет? Ну, что ты две недели отсутствовала на занятиях, и он столько же в университете не появлялся? Колись, вы были вместе?

Я устало улыбнулась, не зная, как намекнуть приятелю, что он ведет себя ничуть не лучше, чем осуждаемые им девицы.

— Чего молчишь? Не хочешь, не отвечай, — спокойно сказал Антон, — я просто так спросил.

В его взгляде читалась обида, но легкий нрав не позволил парню долго переживать, и он снова начал забрасывать меня вопросами:

— Ты почему к телефону не подходила? Я тебе звонил раз сто.

— Я не нарочно. Просто у меня две недели был сильный жар. Не до звонков. А потом, в телефоне села батарейка, — виноватым голосом пробормотала я.

Антон разочарованно смотрел на меня, и я понимала, что он ожидал других подробностей моей личной жизни. «Интересно, к нему приходили, чтобы разузнать обо мне? Даже если и приходили, он не помнит, так что, спрашивать бесполезно».

— А я вчера пришла на занятия в первый раз после болезни, но тебя не было, — миролюбиво сообщила я.

— Да, мне уже рассказали, — оживился приятель, — это правда, что Лиза и Герберт...

— Правда, — перебила я и отвернулась, пресекая дальнейшие расспросы со стороны Рейера.

Как ни странно, он сразу понял мой настрой и быстро перевел разговор на другую тему.

— Сегодня напьюсь! — пообещал он.

— Да и я, наверное, тоже, — мрачно поддержала я, — что-то тошно на душе.

В аудитории уже шумели студенты двух групп. Парни-иностранцы начали заглядывать на меня, пихая друг друга локтями в бок и смеясь. «Это беззаботное веселье

продлится недолго. Скоро оно сменится настороженной заинтересованностью и далее по списку. Угораздило же меня так вызывающе нарядиться именно сегодня! Хотя какая разница? Лучше сейчас об этом не думать».

Я тихонько прошмыгнула на свое место, твердо решив, что на сегодняшнем занятии буду отмалчиваться, а не устраивать показательные выступления, как в прошлый раз. Стол, за которым в прошлый раз сидел Роберт, был пуст, и мое сердце сжалось от тоски. Я вспомнила, как он рассматривал мою спину, когда Семипалатова оставила меня стоять в назидание остальным. В тот раз я видела его впервые, а он меня знал уже давно. «Боже! Кому сказать, не поверят! Сколько же лет было ему, когда мне было двенадцать? Сколько ему сейчас? Уж, конечно, не двадцать два, как в официальной биографии. Если он не постареет, что он станет делать лет через десять, когда его сверстники, актеры, перейдут в другую возрастную категорию? Исчезнет? Инсценирует свою гибель в автокатастрофе? «Уйдет» в какой-нибудь тибетский монастырь?»

«Ты сегодня классно выглядишь», — машинально прочитала я записку, непонятно откуда появившуюся на моем столе. Я огляделась. Сбоку от меня, в соседнем ряду, сидел забавный тощий очкарик в строгом костюме и в галстучке. Он смотрел прямо на меня, смешно вытянув длинную шею. Увидев, что я его заметила, он поднял руку:

— Хай!

— Это Майкл. Он из Техаса, — шепнул мне на ухо Антошка. — Зачем ему русский язык, ума не приложу. Ты прикинь, он еще и нашим народным творчеством увлекается. Берет уроки игры на балалайке. Вообще, бред.

Я подумала, что человеческая душа — действительно потемки, раз молодые люди едут через весь мир, из Америки в Россию, чтобы познакомиться с культурой и традициями наших предков, в то время как нам, русским, едва ли интересно это.

Я невольно прониклась симпатией к пареньку, но мне нельзя было поощрять его интерес. Лучше было прервать

любое общение на начальной стадии, чем потом наблюдать за мучениями хорошего человека. Если бы я знала это еще до того, как встретила Алексея Львовича Руднева, то не позволила бы ему даже приблизиться ко мне! Да, ему бы стало очень неприятно, но зато финал истории мог быть другим.

Я решительно перевернула записку очкарика и написала на обратной стороне: «Даже не думай. И другим передай. Я не свободна». Затем скомкала бумажку и бросила ее влюбленному американцу. То, что паренек уже «поплыл», было очевидно. Я не знала, почему одни мужчины реагируют на мой дар быстрее других; этому Майклу, похоже, любовь уже ударила в голову. Он поймал мою записку, развернул ее, не сводя с меня восхищенных глаз, затем прочитал — и побледнел. Наверняка он не ожидал такого резкого отказа. Парень вскинул голову, и по оскорбленному выражению лица я поняла, что он переживает.

Я выдержала взгляд Майкла и кивнула в доказательство своих слов, желая, чтобы у него не осталось и капли надежды. «Поступи я так с остальными, глядишь, обошлось бы без жертв. Хотя... Вадиму Олеговичу я не давала ни малейшей надежды, а вон как все обернулось».

Тряхнув головой, чтобы отогнать навязчивые мысли, я сосредоточилась на происходящем вокруг.

Семинар был в самом разгаре. Преподавательница увлеченно рассказывала нам о формах невербальной передачи информации на занятиях. Оказывается, настоящий педагог должен был владеть всеми методами воздействия на учеников. Нам предлагалось разбиться на пары и попробовать без слов передать информацию своему партнеру. Я беззвучно застонала: «Ну, почему просто нельзя тихо посидеть и послушать то, что говорит преподаватель?!» Мне совсем не хотелось светиться. Тем не менее я постаралась заполучить в партнеры Антона. Сидя за одной партой, мы просто повернулись друг к другу и стали придумывать, что бы такое закодировать.

— Ваши послания надо написать на листочке! — громко изрекла Семипалатова. — После того как задание будет выполнено, мы развернем эти записки и проверим — правильно ли вы угадали.

Я послушно вырвала из тетрадки листок и нацарапала на нем: «Хочу, чтобы занятия поскорее закончились и мы поехали в ночной клуб на Лубянке». Я была уверена, что Антошка написал в своей записке то же самое. Мы оба свернули бумажки и положили их на парту.

— А теперь разбейтесь на пары! Только партнера выбирайте из другой группы! Да, девочки. Что вы на меня так смотрите, Мила? Вы должны уметь передавать свои послания даже людям, которые хуже вас понимают по-русски. — Последняя фраза была обращена ко мне, потому что я уставилась на Семипалатову с неподдельным ужасом.

Мне стало понятно, кто окажется со мною в паре, и это не радовало. Техасец Майкл встал со своего места и решительно направился ко мне. Он оказался очень высоким, и, поглядев на него внимательно, я поняла, что он совсем не тощий, скорее, худощавый. Про таких говорят: «тонкая кость».

— К тебе, похоже, идет, — зашипел мне в ухо Антон, — ладно, я тоже пойду и поищу себе пару. Надеюсь, найду кого-нибудь симпатичного.

Похоже, он стал понемногу доверять мне и уже не скрывал своих сексуальных пристрастий. Знал бы он, как я защищала его на том странном занятии по психологии, которое никто, кроме меня, не помнит!

Подойдя к стильно одетому пареньку азиатской внешности, Антон улыбнулся. Азиат жестом указал ему на свободный стул рядом. Антон радостно посмотрел на меня.

— Привет! — раздалось где-то сверху.

Я подняла глаза и небрежно ответила:

— Здравствуйте!

«Наверное, надо ему чуть-чуть нахамить, чтобы у него исчезло всякое желание влюбляться в меня». Я сделала

недовольное лицо и демонстративно отвернулась. «Пусть подумает, что я невоспитанная дурочка».

Майкл сел рядом со мной и достал лист бумаги, сложенный вчетверо. Я пожала плечами и нехотя, словно делая большое одолжение, вытащила свою записку, которая, правда, предназначалась Антошке.

— Это не для тебя, — нахально сказала я, покрутив у него пред носом бумажкой, — сейчас и тебе что-нибудь напишу.

Я вырвала из тетради другой листок и стала сочинять новое послание.

— А что это за клуб на Лубянке? — быстро спросил Майкл.

Ручка, которой я собиралась писать, выскользнула из пальцев. Мне потребовалось несколько секунд, чтобы взять себя в руки. Я подняла голову и посмотрела на парня. Мы сидели близко друг от друга. Его глаза, казавшиеся беззащитными из-за толстых очков, смотрели жестко и внимательно. Теперь техасец Майкл не казался мне нежным юношей. Я чувствовала исходящую от него опасность.

«Что тебе нужно?» — подумала я, зная, что получу ответ.

— Хотел сам на тебя посмотреть. Стали гибнуть наши люди, — негромко, но очень четко сказал он.

«Ну, что, посмотрел? — подумала я и невесело усмехнулась, добавив: — Как вы все меня достали».

— Пока не могу понять тебя. Не могу почувствовать. Но уже повелся на тебя, как они. Такого с нами раньше не бывало. Ясные нас никогда не привлекали. Нас вообще не привлекала любовь.

— Я — не совсем как они, — отрезала я, — вы чего-то не понимаете. Или путаете.

— Ты притягиваешь наших людей, как магнит. Да и не только наших, мне сказали. Пострадал кое-кто из Ясных. А это вообще невозможно. Если так и дальше будет продол-

жаться, тебя ликвидируют. Они не допустят, чтобы нарушилось взаимодействие. Этого мира так долго добивались.

— Я уже предлагала чудесный вариант — добровольное заточение под домашний арест. Просто надо купить еды и питья лет на семьдесят вперед, и вопрос решится сам собой!

— Ничего само собой не решается. Кстати, ты очень мило дерзишь. От страха, наверное.

— Наверное.

— А если серьезно, то я с удовольствием сверну тебе шею, если придется. Несмотря на то что ты и меня очаровала.

Я насмешливо посмотрела на него и отчетливо сказала:

— Прости. Я не хотела. Ты мне не нужен.

— А знаешь, любовь — это больно. Страшнее сэпукку. Там, по крайней мере, все понятно.

«Влюбленные Самураи», — пронеслось у меня в голове. Очкарик окинул меня внимательным взглядом и хотел что-то сказать, но его прервали.

— Так! Заканчиваем. У всех получилось? — закричала Семипалатова.

— Да, — раздалось сразу несколько голосов.

— Садитесь на свои места, занятие продолжается.

Я с облегчением вздохнула: наконец эта пытка закончилась! Майкл встал и, не говоря ни слова, двинулся к своему месту. Антошка плюхнулся рядом. По его светящемуся взгляду было понятно, что невербальная коммуникация оказалась приятной.

— Давно этот Майкл стал посещать занятия? Что-то не помню его на прошлом семинаре, — шепнула я на ухо Антону.

— Да нет, совсем недавно, говорят. Я его тоже вижу впервые.

— А откуда ты о нем так много знаешь? — изумилась я.

— Обижает! Я все и про всех знаю, причем сразу. У меня знаешь сколько информаторов здесь? Главное,

интересоваться людьми, и они раскроют перед собой все свои секреты!

«Дурак, возомнил себя начальником разведки. Если бы ты, дорогой Антоша, знал все о людях, которыми так интересуешься, тебя давно в психбольнице пилюльками бы лечили».

— А информаторы у тебя проверенные? — в тон ему, понизив голос, прошептала я.

— Зуб даю, — еще тише ответил парень.

«Скорее всего, Майкла мы здесь больше не увидим». — Я поняла, что «техасец» приходил поговорить со мной и проверить то, что слышал от других. «Проверил, молодец. Теперь будет раны зализывать или вообще меня прикончит». Я чувствовала, что этот очкарик многое может решать сам. Мысль о том, что меня могут в любой момент убить, уже стала привычной. Когда угрожают в первый раз — это страшно, во второй — вызывает желание обезопасить себя всеми способами, в третий — смешит, потом — настраивает на философское отношение к жизни. Я не хотела умирать, но жить в страхе тоже не хотела и решила просто получать удовольствие от каждого момента, от каждого события, от каждой встречи.

Занятие закончилось, и я спросила Антона:

— Какая у нас следующая пара?

— Семинар по психологии.

«Так, похоже, сегодня день сюрпризов! Вишневский или как его там? Психолог, он же наблюдатель, который сделал так, чтобы никто из группы ничего не вспомнил».

— Слушай, а пока меня не было, у вас была психология?

— Конечно. Два раза.

— Ну и как?

— Нормально. Только преподаватель резковат. Если не очень хорошо подготовиться к занятию, он может высмеять. Очень обидно. — Антошка потер переносицу.

— Ну, и чего? Сегодня ты готов?

— Как пионер! Не подкопаться, — уверенно ответил парень.

Мы пошли в аудиторию, где должен был проходить семинар. Мне захотелось занять место в самом дальнем углу, и я потащила туда Антона.

— Зачем так далеко? — возмутился приятель и торжественно объявил: — Я сегодня буду участвовать в дискуссии.

Он усадил меня в первом ряду, напротив преподавательского места. Я с неохотой согласилась, нетерпеливо ожидая прихода Вишневого. Может, то странное занятие мне просто приснилось?

В аудиторию стали забегать девчонки из нашей группы, оживленно переговариваясь.

— Сегодня ни у кого нет желания заниматься. Все хотят поскорее выпить-закусить, — засмеялся Антошка, — а вот и наш преподаватель.

Мне хватило одного взгляда, чтобы убедиться, что переду мной — Юрий Романович Вишневский номер два. В аудиторию стремительным шагом ворвался щеголеватый мужичок лет тридцати и, оглядев нас живым, цепким взглядом, спросил:

— Ну что, господа студенты, вы готовы к занятию?

— Да, — отозвался чей-то тоненький голосок.

— Ну, тогда приступим.

Я наблюдала за тем, как оживленно и динамично ведет семинар этот преподаватель, и удивлялась, насколько он похож на того, первого Юрия Романовича — или как точно первый скопировал этого. «Скорее всего, это у нынешнего психолога богатая клиентура, оттого он носит дорогую одежду и часы. Именно у него несколько преувеличенное чувство собственной важности и привычка высмеивать нерадивых учеников. Должно быть, это компенсация за долгие часы, которые он проводит со своими клиентами, терпеливо и молчаливо выслушивая их стенания и жалобы на судьбу. Ему приходится растворяться в чужих

проблемах. А хочется наверняка выразить себя, сделаться заметным и значимым в чужих глазах. Наверное, поэтому он, практикующий психолог, согласился вести семинары у нас, студентов. Точно не из-за денег — сколько может платить вуз? Этот яркий, запоминающийся образ и скопировал наблюдатель, чтобы оставить его в памяти студентов. Вот, значит, какие дела. Интересно, насколько точно мы вообще помним то, что с нами происходит?»

После психологии было еще несколько лекций — и все это время я размышляла над словами Майкла: «Любовь — страшнее сэпуку». Я вспоминала Стронга, наш с ним последний поцелуй, и в висках бешено застучало. Неутоленное желание буквально сжигало меня. Сердце болезненно сжималось от безнадежной тоски, и я думала: «Как больно».

Наконец занятия закончились, и наша группа шумно вывалилась на улицу.

— Беру четверых в свою машину! — крикнула я.

— Прекрасно, — сказала именинница Марина, — возьмишь меня, Антона, Таню и Наташу Иванову. Поможете мне накрывать на стол. А остальные подтянутся на метро.

Я согласно кивнула, отметив про себя, что общение с другими людьми очень отвлекает от мыслей о несчастной любви.

Мы уселись в мою машину. Остальные девчонки, которые должны были сначала поймать маршрутку, а потом сесть в метро, чтобы добраться до Мариной квартиры, посмотрели на нас с неприкрытой завистью.

— Слушай, а откуда у тебя машина, ты ведь не работаешь? — спросила худенькая брюнетка Наташа, которая должна была ехать с нами, чтобы помочь с приготовлением праздничного стола.

— Отец подарил, — нехотя соврала я.

— А... — протянула Наташа, — тогда понятно. Он у тебя богатый?

— Да нет. Не очень. Просто он меня очень любит и заботится обо мне, — уже более уверенно сказала я.

Мне понравилось выдавать желаемое за действительное. Все детство я мечтала, чтобы папа заинтересовался мной, начал брать меня на выходные к себе, познакомил со своими друзьями, которых, как мне тогда казалось, у него было много. Сейчас, когда открылись новые подробности его биографии, я уже не была уверена ни в чем. Откуда мне знать, могут ли Ясные в принципе с кем-то по-настоящему дружить? В сущности, я ничего о них не знала.

Мы выехали на Калужское шоссе и помчались по мокрой осенней дороге. Шел противный морозящий дождь, мелкие капли барабанили по лобовому стеклу. Я включила дворники, которые стали ездить по нему с противным скрипом. Я поморщилась и решила, что пусть лучше стекло будет немного влажным, зато не надо будет слушать эти чудовищные звуки.

— Ты чего, нервничаешь? — тихо спросил меня Антон, сидевший рядом. — То включаешь дворники, то выключаешь?

— Да нет, просто не люблю этот скрежет слушать, — объяснила я.

На самом деле парень был прав. Дело было совсем не в противном звуке, который издавали дворники, вытирая почти сухое стекло. По мере того как мы приближались к Москве, внутри меня росло какое-то странное беспокойство. Я не могла объяснить причину, но отчетливо ощущала странную тяжесть на сердце, что-то вроде дурного предчувствия.

Подъезжая ко МКАДу, я спросила:

— Марин, а ты где живешь-то?

— В Беляево. Ты пока езжай по Профсоюзной улице, там дальше я покажу, — охотно ответила девушка.

«Похоже, она стала лучше ко мне относиться. Или делает вид, и это у нее неплохо получается».

Я притормозила у метро «Теплый стан» и сказала:

— Я отойду на минутку. Ключи в зажигании, так что запирайтесь изнутри.

Антон кивнул и, когда я вышла, нажал на кнопку центрального замка. Девчонки недоуменно посмотрели сначала на меня, потом на него. Я была уверена, что за время моего отсутствия он сумеет им объяснить правила безопасного поведения на дороге. К сожалению, в Москве первое правило гласит: «Находясь внутри автомобиля, закрывайтесь». А то ведь никто не посмотрит, что в машине пассажиры. И так угонят.

Я подошла к киоску с цветами и купила самый большой букет из белых тигровых лилий, огромных красных роз, нежных голубых колокольчиков и еще нескольких видов цветов, названий которых я не знала. Это безумие было обернуто красивой фольгой и стоило как месячная зарплата врача, но я решила, что непременно должна сделать приятное Марине. Я была восхищена тем, насколько хорошо она владела своими эмоциями, раз сменила явную неприязнь ко мне на теплое, дружеское отношение, и была благодарна ей за это.

Подойдя к своей машине, я постучалась. Антон разблокировал замок, и, открыв заднюю пассажирскую дверь, я протянула цветы Марине:

— С днем рождения еще раз! Желаю тебе, чтобы следующий букет ты приняла из рук своего любимого мужчины!

Девочки восхищенно заохали, разглядывая мой подарок; Марина порозовела.

— Спасибо, Мила! Я как-то не ожидала, — искренне сказала она. — Красота-то какая!

Я села за руль и нажала на газ. Какое-то время мы ехали по Профсоюзной улице, потом свернули на другую дорогу и попали в новый район, застроенный симпатичными высотными домами. Марина жила в одном из них. Мы остановились у подъезда, ребята вышли из машины. Я немного поехала по двору, пытаясь припарковаться, и наконец нашла место у самого последнего подъезда.

— Все! — весело сказала я ожидавшей меня компании. — Начинаю выпивать. Наверное, впервые в жизни.

— Ты чего, ни разу не напивалась? — с изумлением спросила Марина, когда мы поднимались на лифте в ее квартиру. Она очень бережно, двумя руками, держала букет и постоянно подносила к нему лицо, чтобы вдохнуть нежный аромат цветов.

— Напиваться не напивалась, а алкоголь пробовала конечно. Только мне не понравилось, — честно призналась я.

— Ты сегодня за руль не садись больше, — попросил Антошка и вышел из кабины лифта.

Дома у Марины было просторно и уютно. Высокие потолки, светлые занавески на окнах, массивная резная мебель — все это говорило о том, что здесь живут люди с хорошим вкусом.

Я путешествовала по квартире и разглядывала фотографии на стенах. Здесь берегли воспоминания. На одном из портретов в маленькой белобрысой девчонке я узнала Марину. Крошка обнимала дородного мужчину и статную, ухоженную женщину. Без сомнения, это были ее родители. Я невольно вздохнула, потому что сама не могла похвастаться такими картинками. Если меня и запечатлели пару раз для истории, то одну. Мила с шариками, Мила с большими бантами на голове, Мила с куклой, но ни одной фотографии Милы с любящими родителями. «Что это — так трудно? Обнять своего ребенка, поцеловать его, сказать «я люблю тебя, малыш» и сфотографироваться с ним, а потом повесить это фото на стенку?» Меня начали душить слезы, и я испугалась — не привыкла терять контроль над собой. «Что, черт возьми, что со мной происходит?! Меня подменили, не иначе. Чертовы Самураи, чертовы Ясные и кто там еще! Надоело! Все! Буду обычным человеком. Сейчас напьюсь, оторвусь по полной в ночном клубе, разобью пару-тройку мужских сердец, и будь что будет, мне плевать! Понесла-а-а-ась!»

Глава 15

ПРИМАНКА

Алкоголь — это яд. Сущая отравка. Но иногда, в особых случаях, когда в человеке вдруг просыпаются чувства и эмоции, которые он желал бы убрать подальше, на помощь является зеленый змий. Он мягко устраняет из сознания ненужные мысли, оставляя лишь первобытные инстинкты.

«Надо присесть, чтобы не упасть прямо здесь, у всех на виду. Надо поесть, а то на голодный желудок еще сильнее развезет. А вон тот черненький в лиловой рубашке очень даже ничего...»

Я стояла у стенки и смотрела на танцующих людей. В бокале, который я держала в руках, был коктейль из мартини с водкой — неизвестно, который за сегодня. Оглядевшись по сторонам, я попыталась вспомнить, как попала в этот клуб. Моя память, усыпленная алкоголем, категорически отказалась помогать. С трудом сообразив, что пришла сюда не одна, я начала искать глазами своих товарищей. Антон должен был быть рядом, да и девчонки тоже. Надо было немедленно всех найти. Я отлепилась от стены и сделала пару неуверенных шагов. Музыка сразу же увлекла меня за собой, и я, не в силах сопротивляться, выскочила на танцпол. Тело само, без всякого моего участия, принялось отплясывать, да так лихо, что я чуть не задохнулась. Потихоньку ко мне потянулись мужчины. Парни восхищенно смотрели на меня и пытались подойти поближе, почти вплотную, но их было многовато для того, чтобы место рядом занял кто-то один. Впервые в жизни я

не пряталась от жадных мужских взглядов, полных почти животной страсти. Мне было абсолютно все равно. Я была пьяна, счастлива и равнодушна.

— Пойдем, дорогая, тебе хватит! — громко, почти угрожающе, раздалось над самым ухом. Я почувствовала, как сильные руки отрывают меня от пола и оттаскивают от прилипших кавалеров. Кто-то из них пытался меня задержать, но, увидев увесистый кулак прямо у своего носа, оставил эти попытки.

Я все никак не могла скоординировать движения и задрать голову так, чтобы поглядеть на своего похитителя. Оставалось только гадать, кто это мог быть. Точно не Антошка — не его стиль.

— Эй, эй, эй! — заорала я и начала вырываться. — Без тебя обойдусь.

Стальные тиски неожиданно разжались, и меня отпустили. Я стояла и злобно отряхивалась, словно курица, которую только что оттоптал петух. Алкоголь начал потихоньку отпускать. Я сообразила, что надо поднять голову и разглядеть того, кто так бесцеремонно обошелся со мной.

— Удивлена? — ехидно спросил Майкл.

— Так и знала, что ты сюда притащишься, — мрачно ответила я, с трудом пряча изумление.

Вместо безобразных окуляров с толстенными стеклами, в которых парень красовался на совместном семинаре, на нем были изящные очки в тонкой золотой оправе. Его лицо, которое днем показалось мне болезненным и неприятным, сейчас сияло какой-то первобытной красотой. Оно было мужественным и даже жестоким — широкоскулым, с волевым подбородком и красиво очерченными ноздрями опасного хищника. Весь облик Майкла говорил о недюжинной силе. Он был воином, я знала это так же четко, как перелетные птицы узнают о наступлении холодов.

— Где мои друзья? — вскинулась я.

— Дома. Они тебя потеряли. Учítывая, что вы все надрались, как свиньи... — Майкл усмехнулся.

Я вздохнула: помощи ждать было неоткуда. Да и чем мне могли помочь девчонки и неспортивный Антон?

Вокруг нас веселились люди. Музыка стала более жесткой, танцующая молодежь погружалась в транс, отдаваясь ритму. Прожекторы освещали лица, обезумевшие от восторга. Те, кто не мог или не хотел двигаться под музыку, полулежали на гигантских импровизированных кроватях, расположенных вокруг танцпола. И кто только додумался — размещать людей не за столами, не на диванчиках, а вот так, на кроватях? Конечно же, ребята радовались этому. Яркие вспышки света взрезали темноту зала, обнаруживая пары, слившиеся воедино. Иногда можно было разглядеть двигающиеся спины, которые почти сразу исчезали в полумраке.

— Просто свальный грех какой-то, — серьезно сказал Майкл мне на ухо. Ему явно не нравилось то, что творилось вокруг.

— А что, прикольно, — лицемерно одобрила я происходящее и поглядела ему прямо в лицо, — часто здесь бываю.

Он спокойно приблизил свои губы к моему уху и сказал:

— Не ври. Ты здесь в первый раз, и то потому, что тебя пригласили и было желание надраться.

— Ах, да, я забыла, что вы прекрасно осведомлены обо мне!

— Слушай, а тебе не надоело стоять здесь и перекрикивать музыку?

— Еще как! У меня уже уши болят от твоего ультразвука. Может, я поеду домой?

Майкл вновь стал серьезным и резко ответил:

— Не раньше чем ты поговоришь кое с кем.

Я удивленно подняла брови и кивнула: «Надо поговорить — поговорим. Что нам сделается?»

Парень стал увлекать меня за собой. Мы вышли из большого зала с кроватями и стали медленно протиски-

ваться сквозь толпу. В следующем помещении музыка играла тише и можно было общаться, не напрягая связок. Все сбивались в небольшие кучки и непринужденно болтали. Иногда к компании присоединялся кто-то новый, и тогда его радостно встречали поцелуями и объятьями.

Мы миновали еще один зал. Там тоже было много танцующих, но вместо музыки в стиле house, которая звучала в большом зале, здесь царил progressive trans. Люди не шумели — они были напряженными и задумчивыми. Многие сидели на узких черных диванах, сосредоточенно всматриваясь в темноту. О том, что это люди, а не восковые куклы, можно было догадаться лишь по взмывающим вверх рукам, пальцы которых очерчивали в воздухе странные фигуры. В этом мрачном полумраке мне стало не по себе, и я дернула за рукав Майкла, который пробивал для меня дорогу. Он обернулся и сказал мне на ухо:

— Они в nirване. Им сейчас хорошо.

Я поехала: не пробовала наркотиков и не хочу.

Выходя, я увидела юношу, сидящего на корточках в самом конце зала и безразлично смотрящего на танцующих. Его глаза с расширенными зрачками показались мне пустыми, как у восковой фигуры. Взгляд, блуждающий и бессмысленный, отсутствующая улыбка на тонких губах, ладони, движущиеся в такт музыке, — все это говорило о том, что парень погрузился в себя, оставив здесь лишь оболочку, беззащитную и бесполезную. Он путешествовал в созданном наркотиками мире и не понимал, что именно в это время, здесь и сейчас, мимо проходит жизнь. Прекрасная и увлекательная, интересная и полная, — та, от которой он отказался в пользу своих иллюзий. Мне стало жалко его, и я отвернулась.

Мой спутник увлекал меня дальше. Я не сопротивлялась. Алкогольное опьянение уступило место насмешливому равнодушию.

Вскоре мы оказались около массивной двери с золотой надписью VIP посредине и двумя охранниками по сторо-

нам. Мне стало не по себе. «Боже!» Страшная догадка ускорила биение моего сердца. Я поняла, кто ждет за этой дверью, чтобы поговорить. А потом свернуть шею. Я сделала шаг назад, но наткнулась на чьи-то руки и поняла, что побег невозможен.

— Иди, — приказал Майкл и подтолкнул меня в спину.

Охранник распахнул дверь, и я вошла в небольшое помещение с низким потолком — довольно темное, так, что нельзя было понять истинный его размер. Негромко звучала музыка, пахло благовониями.

Майкл подтолкнул меня в глубь комнаты. В полумраке проступили очертания круглого деревянного стола и низких плетеных кресел, обложенных подушками.

На одном из них восседал Вадим Олегович. Тот самый, который спокойно смотрел, как его люди, один за другим, гибнут от рук Роберта. Тот самый, который бросил своего помощника, когда стало очевидно, что тот проиграл бой. Да, это был он. Без сомнения.

— Ну, здравствуй, Мила! — негромко сказал он, вставая.

Я услышала, как позади меня захлопнулась дверь. Оглянувшись, я поняла, что Майкл вышел.

— Он просто должен был доставить тебя, — объяснил Вадим Олегович, — ему ни к чему долго общаться с тобой. Оказывается, это опасно. Да ты садись, не бойся.

Он указал мне рукой на большой мягкий диван, который находился рядом со столом. «Ну, вот еще! Не буду я валяться здесь с этим упырем».

— Спасибо, я лучше пешком постою, — процитировала я фразу из нестареющего фильма «Кавказская пленница».

— Напрасно, — нахмурился мой собеседник. Он явно не понял юмора. Телевизор он, что ли, в детстве не смотрел?

— Знаю. — Я кивнула.

— Может, выпьешь чего-нибудь? — радушно предложил он через пару секунд. Видимо, взял себя в руки.

— Спасибо, не хочется. Не та компания.

«Ну, вот! Снова начинаю дерзить! Дурацкий характер! И в кого только?..»

Вадим Олегович шумно вздохнул:

— Что же ты мне на все только отказами и отвечаешь? Нехорошо так со старшими.

— Зато ваше поведение можно назвать безукоризненным, — язвительно заметила я, — меня еще никто так регулярно не похищал. Знаете, мне постепенно начинает это нравиться. Прямо ума не приложу, как буду дальше жить, если раз в неделю вы не будете меня вырывать из надоедливой серой действительности!

— Я уже предлагал тебе быть со мной, но ты не придавала моим словам никакого значения. Ты ощетижилась, как безумная кошка, и начала обороняться, — серьезно произнес Вадим Олегович.

— А вы бы сами подошли, без охраны. Поговорили бы со мной. Может, все по-другому закончилось бы. — Я продолжала издеваться, наслаждаясь абсолютной безнаказанностью.

Мой тонкий юмор остался непонятым.

— Я пытался.

— Это когда же? Перед тем как ваши охранники подскочили ко мне и стали угрожать, я спокойно отдыхала на шезлонге в гордом одиночестве, и никто не пробовал добиться моего расположения мирным путем.

— Я говорю не о том дне, — Вадим Олегович сверкнул глазами, — я видел тебя в Лондоне. Что-то в тебе поразило меня до глубины души. Может быть, свежесть, юность, а может, наоборот, — то, что ты слишком взрослая для своих лет.

«Лондон! Вот так поворот!»

Да, я была там однажды с классом. Это случилось в мае. До выпускных экзаменов оставался месяц, и нам было

необходимо слегка развеяться. Мы заканчивали школу. Думали о будущем. У всех на уме было только одно — поступление в вуз. Видимо, чтобы мы не особо переживали по этому поводу, сердобольные родители некоторых моих одноклассников и придумали эту поездку. Со всех собрали деньги, и мы полетели в Англию на майские праздники.

Вопреки опасениям, Лондон встретил нас теплой погодой. Все отвлеклись от мыслей об учебе и стали наслаждаться красотой дивного города.

Меня поразило Вестминстерское аббатство. Я не могла привыкнуть к мысли, что хожу по чьим-то могилам, устроенным прямо в полу. С необычайным трепетом смотрела я на гробницы великих королей — Елизаветы Первой и Марии Стюарт, о которых так много знала из школьной программы. У нас был прекрасный преподаватель, буквально заражавший любовью к истории. Я стояла там, где в разное время были похоронены самые влиятельные исторические персонажи, и не могла в это поверить. Там, как нигде в другом месте, ощущалась связь времен.

На экскурсии нам рассказывали про созданные давным-давно Орден Бани и Орден Подвязки. Истории их учреждения повеселили нас своей непринужденной простотой и в то же время вызвали глубокое уважение к нации, которая сохраняет верность традициям, пронося ее через века.

— Ты помнишь театр? — хрипло спросил меня Вадим Олегович.

Я очнулась от раздумий и удивленно отозвалась:

— Да. Мы были на «Призраке оперы».

В голове возникла картина, как мы с ребятами из класса, уставшие после дневных экскурсий по Лондону, собирались в театр.

— Ой, поспать бы сейчас, а не тащиться на этот дурацкий мюзикл, — стонали уставшие девчонки.

— А я вообще ничего не пойму. Там же все по-английски, а у меня трояк, — поддакивал самый красивый парень в классе, Вовка Кузьмин.

— Там, наверное, все в вечерних платьях и на каблуках, — робко предположил кто-то, — а мне мама только кроссовки в чемодан положила.

— Не знаю, как вы, а я буду выглядеть красиво, — гордо сказала я, облаченная в черное шелковое платье. Помнится, я убрала волосы наверх и даже подвела глаза.

С нарядом я ошиблась. Публика, толпившаяся в фойе театра, была одета просто и неформально — кроссовки, джинсы, даже спортивные костюмы. Одноклассники немного посмеялись над моим торжественным видом, но мне было наплевать. Я верила, что на свидание с искусством и одеваться нужно соответственно. Волшебная музыка, чудесные голоса, отличная постановка — все это оставило в моей душе неизгладимое впечатление.

— Я не помню вас в театре, может, вы меня с кем-то перепутали.

— Разве тебя перепутаешь? — хрипло ответил мой похититель.

Его голос слегка дрожал, и я поняла, что его накрывает волна страсти. Вадим Олегович нервно прохаживался по комнате, рассказывая о Лондоне:

— Я сидел в тот вечер в VIP-ложе. Так же, как и ты, я наслаждался музыкой. Затем увидел твое одухотворенное лицо и пропал. Со мной не было такого никогда в жизни. Клянусь.

Вадим Олегович медленно подошел ко мне и взял за руку. Его голос звучал очень нежно, и на секунду я забыла о том, что он хотел похитить меня, изнасиловать, а затем и вовсе убить, но потом резко вырвала свою ладонь из его цепких пальцев и отошла на пару шагов.

— У меня почти нет опыта в этом вопросе, но мне кажется, что, когда любят, не причиняют боль, — тихо проговорила я.

Он словно не слышал меня и продолжал:

— Я был с охраной, но решил сам подойти, выразить свое почтение. Мне хотелось прикоснуться к тебе, погово-

рить. Решив это сделать сразу после спектакля, я наблюдал за тобой все время, пока шло действие. Происходящее на сцене больше не волновало меня. Тем не менее, терпеливо дождавшись, пока актеры закончат выступать, я ринулся к тебе прямо через толпу. Охрану попросил следовать за мной, а не расчищать мне путь, как обычно. Это закончилось плачевно для меня — ты затерялась в людском потоке, а я лишился покоя.

Я удивленно смотрела на него. На секунду мне показалось, что передо мной стоит трогательный и печальный трубадур.

— С того момента я начал тебя искать. Ожидание невыносимо мучило меня. Я никогда раньше не испытывал ничего подобного. Наконец, когда мне сообщили место, где ты находишься, я примчался туда быстрее пули...

Я возмутилась:

— Зачем вы избрали этот ужасный способ знакомства? Прислали ко мне огромных братков, которые начали мне грубить, а затем чуть ли не волоком доставили к вам... Почему сами не подошли ко мне?

— А что бы ты сказала робкому влюбленному дураку? — спросил он, наклонив голову.

— Я бы ответила, что...

— Ты бы ответила: а не пошел бы ты, дядя... Я люблю другого парня, молодого и красивого. А у тебя — шансов ноль.

Я помолчала, потом виновато кивнула.

— Тогда, утром, я не сразу узнал ЕГО, — нехотя признался Вадим Олегович. — Я просто увидел красавца, который крутился рядом с моей любимой...

«Крутился! Сильно сказано! Да у нас со Стронгом и разговора-то не получилось! Так, перекинулись парой фраз. Я лишь отметила, что он необыкновенно хорош без одежды».

— Когда он говорил с тобой, я чуть не задохнулся от ревности и хотел было послать своих ребят прикончить

этого смазливового молодца. Не знаю, что остановило меня. Я понял, кто этот Стронг, только когда он примчался на поле спасать тебя, — продолжал Вадим Олегович, и, по мере того как он говорил, его голос становился все более жестким.

— Да, он примчался спасать меня от вас! — с вызовом воскликнула я. — Если бы не Роберт, вы бы проткнули меня кинжалом!

— Ты уверена? Действительно считаешь, что я так долго искал тебя, чтобы потом убить?

— Ну, я повела себя, мягко говоря, неожиданно. Ведь так? — ехидно напомнила я. — Устроила побег, вместо того чтобы покорно повиноваться. Ваши люди погибли по моей вине. Это ли не повод, чтобы разозлиться и захотеть со мной поквитаться?

— Напротив, я был восхищен твоим мужеством. Сейчас нечасто встретишь женщину, которая защищает свою честь так отчаянно и смело. Ты стала бы достойной спутницей жизни.

— Не лгите мне! — запальчиво воскликнула я. — Ваш друг в татуировках сказал, что ему будет жалко меня убивать!

— Я бы не дал ему это сделать. Я защитил бы тебя.

— Даже если вы и хотели меня спасти, у вас бы ничего не вышло. Вы бы не успели. Он был так близко от меня, а вы — так далеко. Не докричались бы!

— Пойми, для него единственной истиной была моя безопасность. Он не мог думать ни о чем другом, потому что в этом заключалась его миссия.

«Опять миссия!» Я напряженно сопоставляла его слова с картинками из прошлого, чтобы обнаружить ложь. Я очень надеялась, что этот человек говорит неправду. Мне было бы комфортнее записать его в лгуны, потому что я не хотела ему доверять. А он, напротив, хотел обрести мое расположение. Только зачем ему это было нужно?

Мне дорогого стоило вести этот странный разговор, в

ходе которого я ни в коем случае не должна была показать, что напугана. На меня внезапно навалилась такая тяжесть, что ноги отказались повиноваться, и я плюхнулась на широкий мягкий диван.

— Я не смог почувствовать, кто передо мной. Тот парень, который пришел тебе на помощь. Его лицо показалось мне чуть-чуть знакомым, — сбивчиво продолжал мой собеседник.

— И кто он? — тихо спросила я, хотя знала ответ не хуже Вадима.

— Он из тех, кого принято называть Ясными. Они знают все и про всех. О них никто и ничего не знает. Несправедливо, да? — Вадим Олегович тихонько хмыкнул и мрачно продолжал: — Они почти неуязвимы. Почувствовать их невозможно, тогда как они безошибочно определяют — кто есть кто. Если ты отдашься ему, чего он, безусловно, добивается, то погибнешь. Погибнешь от его руки. Ясные не умеют сдерживать свои порывы. Они славятся изощренной жестокостью. Никто и никогда не переходит им дорогу.

Из уст Вадима Олеговича эти слова прозвучали дико. Я потеряла спокойствие и ничего не могла с этим поделать.

— Зачем ему убивать ту, которую он любит? — пролепетала я. — Ведь я тоже люблю его, и он это знает.

«Чудесно, Мила, ты уже изливаешь душу этому негодяю!» Если бы два дня назад кто-то сказал мне об этом, я бы рассмеялась шутнику прямо в лицо. Но во взгляде Вадима Олеговича, в его манере говорить и слушать меня теперь было столько человеческого, что я невольно поддалась.

— Сначала он уничтожит всех, кто находится вокруг тебя. Ты останешься в одиночестве. Он не потерпит, чтобы ты любила кого-нибудь еще, кроме него. Даже твои родители станут для него врагами, потому что ты будешь отдавать им то, что, по его мнению, должно принадлежать только ему. Свою нежность. Тепло. Улыбку.

— Я не верю, — тихо сказала я; бывшая неприязнь к Вадиму Олеговичу вспыхнула с новой силой.

— Ты видела, что стало с моими людьми? — хрипло спросил он.

— Они хотели причинить мне вред. Роберт защищал меня.

— Он не просто защищал. Для того чтобы освободить тебя от нашего преследования, ему было достаточно поговорить со мной. Объяснить, кто он такой. Мы никогда не воюем с Ясными. То есть не делали этого раньше. Но в тот день нам пришлось защищать свою честь. И теперь мы уже не остановимся, пока живы. Мы не в состоянии пережить тот позор, который он заставил нас испытать. Это было против всяких правил.

— Как он мог поговорить с вами? Вы ведь начали стрелять! — возмущенно закричала я.

— И что? Ты увидела на нем хоть маленькую царапину? Мы не сумели сразу понять, кто он, но после того, как он уцелел под пулями...

— Это очень логично — сначала выстрелить, а потом разбираться, — резко воскликнула я, — если не погиб под обстрелом, значит, заслуживает уважения. Так получается?

— Он знал, что парни из охраны, кроме одного, моего приближенного...

— Да, я поняла. Мужик с татуировками.

— Его звали... Впрочем, не важно. Так вот, твой Ясный знал, что парни из охраны — простые смертные. Лучшие из смертных, кого я смог найти. Но они всего лишь делали свою работу. Он мог просто нейтрализовать их, а не ломать им кости, словно гигантская мясорубка.

На это мне нечего было возразить.

— Он отрубил голову моему помощнику, заставив его перед этим разорвать себе живот.

— Нет, нет, все было не так! — горячо возразила я. — Тот человек сам попросил Роберта...

— Ты бредишь! Как можно просить о таком? Согласись, это совсем неправдоподобно.

Я опустила взгляд, чтобы Вадим Олегович не увидел моего смятения. Внутренне я была согласна с ним. Зачем так жестоко и изощренно расправляться с уже поверженным противником, если просто защищаешь кого-то, а не помешан на мести и не ослеплен яростью?

— У тебя, кажется, погиб друг?

Я покраснела от неожиданности и спросила:

— Откуда вы...?

— Я знал Алексея. Его убили из-за тебя. И ты знаешь, кто это сделал. Ты давно догадалась, но боялась признаться в этом.

— Я думаю, что это не он! Роберт просто защищал меня, а Руднев не представлял никакой угрозы.

— Потенциальная угроза была. Ты сама это знаешь. Твои способности воздействуют на других со страшной силой. Под их влиянием личность меняется, и человек становится способным на самые безумные поступки. Твоему Ясному почудилось, что от Алексея исходит опасность, и он принял меры.

— Руднев был одним из вас? — спросила я.

— Да.

— Я люблю Роберта и не могу судить. Это не мое дело. Вадим Олегович прищурился и спросил:

— А что ты скажешь, если завтра Ясному почудится, что голубой дружок из университета, который так и вертится вокруг тебя, оказывает тебе совсем недружеские знаки внимания, и убьет его, может быть, даже на твоих глазах?

Я в отчаянии закрыла лицо руками.

— А что, если Роберт Стронг решит, что ты слишком часто и с удовольствием улыбаешься своим друзьям, даже если они женщины, — продолжал Вадим Олегович, — и уничтожит их, всех до одного? Ты же понимаешь, что он становится неуправляемым маньяком, и каждая новая

встреча с тобой усугубляет положение. Пойми, Стронг уже не в состоянии контролировать свои инстинкты! Он же не простой человек. Прежде всего это безжалостная машина для убийства, монстр, сметающий все на своем пути. Он не должен был любить, в нем просто нет такой программы, но это случилось. Невероятно, но случилось. И теперь он уничтожает все живое на своем пути. Однажды он убьет и тебя. И знаешь что? — Вадим Олегович пристально посмотрел на меня из-под очков. — Ему сразу станет легче. Он избавится от мании и снова станет исполнять свою миссию.

— Нет! Он не причинит мне зла! — запротестовала я. — Он старается быть нежным!

Последняя фраза была сказана уже не так уверенно, потому что я вспомнила слова Роберта. Он говорил, что готов разорвать меня на мелкие части, сделать мне больно и еле сдерживается от того, чтобы...

— Каждый его поцелуй будет причинять тебе нестерпимую боль, — упрямо повторял Вадим Олегович, — скажи, он стал избегать тебя, после того как понял, что причиняет тебе физические страдания своими ласками?

Я вспомнила, как мы с Робертом целовались на скамейке в маленьком сквере в районе станции метро «Авиамоторная», и обреченно признала, что на этот раз мой поклонник попал в яблочко. «Господи, неужели он говорит правду?» Я категорически отказывалась в это верить.

— Он убьет тебя, — уверенно твердил мой собеседник.

— Нет. Даже если ему тяжело управлять своими порывами сейчас, он научится. Я дам ему столько времени, сколько понадобится, — твердо ответила я.

— Да пойми же ты наконец, что я — твой единственный шанс спастись. Твой дар крепнет, и скоро мужчины начнут толпами ходить за тобой. И разорвут на части при малейшей возможности. Ты думаешь, Стронг потерпит это? Он будет уничтожать всех, кого сочтет опасным для

тебя, стараясь предвосхитить возможную угрозу. Ты понимаешь, сколько жертв будет на его совести? Да и на твоей тоже? Нормальная жизнь закончится. Ты хочешь, чтобы по твоей вине гибли невинные люди?

Вадим Олегович помолчал, потом подошел к столу и взял небольшой стаканчик с прозрачной жидкостью. Я догадалась, что это водка. Он залпом выпил содержимое стопки и вновь обернулся ко мне:

— Сейчас он избегает тебя, потому что не хочет причинять боль. Конечно же, я не исключаю, что Стронг действительно тебя любит. Но когда тебя возьмут в плотное кольцо многочисленных ухажеры, ему ничего не останется, как снова проявить самые темные стороны своей натуры. Пойми, тебя любит Ясный. А это значит, что его миссия теперь — любовь. Любовь к тебе, жестокая и непримиримая, сметающая все на своем пути. Он не в состоянии думать ни о чем другом, кроме тебя. В какой-то момент он поймет, что так не может больше продолжаться, и ему покажется, что лучший выход — просто уничтожить объект своей безумной страсти.

Я не хотела верить ни единому слову этого человека, но он был так убедителен, что внутри все сжалось от смертельной тоски. Нет, мне не было страшно за свою жизнь. Скорее, даже хотелось умереть, чтобы не мучить Роберта.

«Черт его побери! Пока он не рассказал, как на самом деле обстоят наши с Робертом дела, жить было значительно приятнее. Я даже рассчитывала на то, что у моей любви может быть будущее. Оказалось, нам со Стронгом надо бежать друг от друга, как от огня. И желательно на разные планеты. Пока не появились новые жертвы. Пока он не наделал новых глупостей».

Приглушенная музыка то и дело напоминала мне, что мы находимся в ночном клубе, где сотни людей танцуют, пьют, принимают наркотики, занимаются любовью, в общем, прожигают жизнь. Иногда до нас доносились гром-

кие восторженные вопли типа: «Давай! Давай!» Кто эти люди? У них что, нет никаких проблем?!

Мой собеседник сел в кресло напротив меня и достал из пачки сигарету. Щелкнув дорогой зажигалкой, он с наслаждением закурил и уставился на меня немигающим взглядом:

— Ты все еще не веришь мне?

Я пожала плечами. Мне было нечего ответить.

Вадим Олегович немного подумал, затем достал из внутреннего кармана пиджака несколько потертых фотографий и передал их мне. Я поднесла их близко к лицу, чтобы разглядеть.

На черно-белых снимках был изображен один и тот же мальчик в разное время своего детства. Судя по снимкам, совершенно обычный ребенок, росший еще в эпоху социализма. Он был одет по моде то ли семидесятых, то ли восьмидесятых годов прошлого века, когда в магазинах хорошие вещи были страшным дефицитом. Так, по крайней мере, рассказывала моя мать.

Для нас, детей, рожденных в девяностые, таких проблем не существовало. Мы не стояли в очередях за сахаром, ничего не знали про талоны, просто потому, что тогда были еще маленькими. Когда я стала хоть что-то соображать, на дворе был двадцать первый век, и уже никто не мог пожаловаться, что много работает и при этом живет впроголодь.

Конечно, я не все знала о прошлом, но была абсолютно уверена, что мальчик, изображенный на снимке, вырос в советское время. К тому же мои детские фотографии были цветными, сделанными на мыльницу «Кодак», а эти — черно-белыми.

— Кто это? — спросила я.

Вадим Олегович молча протянул мне еще один снимок. На нем был изображен все тот же мальчик, только слегка возмужавший, уже подросток. Угловатый, с короткой, почти под ноль, стрижкой, с огромными, широко распах-

нутыми глазами, он мне кого-то напоминал. Я пристально вглядывалась в фотографию, силясь понять, кто же это.

— Этого мальчика звали Артем Николаев.

— Почему «звали»? Он что, уже умер? — машинально спросила я.

— В каком-то смысле. Теперь посмотри на это.

Следующие фотографии тоже были черно-белыми и показывали бой между двумя парнями. Дерущихся обступила толпа. Люди вокруг что-то кричали, глядя на них, а кто-то даже размахивал руками. Я видела подобные сцены по телевизору, когда показывали бокс или что-то в этом роде. Болельщики, галдящие с трибун, рев толпы, разгоряченные бойцы, атакующие друг друга в ограниченном пространстве ринга.

На снимках я также разглядела импровизированные границы площадки для боя, но они, по всей видимости, не соблюдались: один из болельщиков, увлеченный зрелищем, перешагнул через очерченную линию, его рот застыл в немом крике.

Один из дерущихся был постарше и поздоровее — спортсмен с отлично развитыми мышцами. Тем не менее он был весь в кровоподтеках и ссадинах, левый глаз заплыл, на лице застыла гримаса боли. В его противнике я узнала мальчика с предыдущих фотографий. Сейчас он уже казался не угловатым, скорее просто стройным и подтянутым. У него тоже были неплохие мышцы, но не такие развитые, как у противника. Скорее всего, здоровяк наращивал свои банки в тренажерном зале, тягая гантели и штангу, а его худенький соперник каждый день тренировался в спарринге.

На парне не было повреждений, он выглядел спокойным и уверенным в себе. Я почувствовала что-то знакомое в его взгляде и, признав наконец своего любимого, не смогла сдержать вдоха.

— Есть контакт, — с удовлетворением сказал Вадим Олегович, внимательно за мной наблюдавший. — Заметь,

это все еще Артем Николаев, а не Роберт Стронг. Это перевоплощение случится несколько позже.

Сердце бешено забилося. Я во все глаза разглядывала снимок, чтобы убедиться в справедливости своих выводов. Да, без сомнения, это был Роберт. Здесь он не так шикарно выглядел, как сейчас, но все равно был очень хорош.

— Эта фотография — последняя в жизни того крепкого паренька, которого ты видишь рядом с твоим чудесным принцем.

— Почему? — спросила я онемевшими губами, уже зная ответ на свой вопрос.

— Потому, что через несколько секунд после того, как она была сделана, его жизнь жестоко прервали одним точным, мастерским ударом. Это сделал он, Артем Николаев. На потребу публике, жаждущей крови. И ради удовлетворения своей собственной ненасытной жажды убивать.

Мой бедный разум наотрез отказывался хоть что-нибудь понимать, и я в отчаянии смотрела на своего собеседника. Он усмехнулся и, не говоря не слова, налил новую порцию водки в чистую стопку. Затем он передал ее мне. Я машинально взяла стаканчик, осушила в один глоток. В горле запершило, и я закашлялась. Крепкая, дрянь...

Вадим Олегович дождался, пока я отдышусь, и продолжил:

— К тому времени этот шестнадцатилетний подросток убил пятнадцать человек. Нет, он ни на кого не нападал в подворотне, а честно дрался на ринге. Хотя в ту пору все восточные единоборства были запрещены, да и бои проводились подпольно. За это в советское время сажали. Сейчас в каждом ночном клубе висит афиша: «Бои без правил! Жестокие драки! Море крови обеспечено!» И все знают, что бои постановочные и противники не причинят друг другу особых повреждений. Тот боевой клуб, в котором состоял наш общий знакомый, проповедовал совсем другое отношение к делу. Там проводились реальные бои без правил. Можно было использовать любые приемы — из

карате, айкидо, кун-фу. Бои подростков были обычным делом. Как правило, этим занимались дети из неблагополучных семей, родителям которых было плевать, где пропадет их чадо. Поэтому, если все заканчивалось фатально, тело паренька находили на какой-нибудь свалке.

Я поежилась и обняла руками плечи. Мне хотелось одного: проснуться. Разговор производил на меня просто чудовищное впечатление, но я понимала, что должна выдержать эту пытку.

— Твой Ромео просто делал свою работу. По тем временам он получал хорошие деньги, но, сдается мне, что он бился не ради них. Просто не мог жить без чужой крови. Каждый бой заканчивался для его противников либо тяжелейшими травмами, либо смертью. Несмотря на то что парня прикрывали люди, которые зарабатывали на нем бешеные деньги, он несколько раз осчастливил своим присутствием колонию для несовершеннолетних преступников. Но, то ли его грамотно отмазывали, то ли его вину трудно было доказать, выпускали его быстро. И он снова возвращался к своим обычным занятиям. Да ты посмотри на фото, если мне не веришь!

Я взглянула на другие снимки и увидела анфас Роберта, а затем и его профиль, на фоне ростовой линейки. Так делают фотографии тех, кто находится под следствием, или людей, уже заключенных под стражу, чтобы прикрепить фото к личному делу или разослать во все отделения милиции в случае побега. Стронг на этих снимках мало походил на себя нынешнего, но тем не менее это был он.

— Наконец, лавочку прикрыли, — продолжал Вадим Олегович, — мальчика опять отправили в колонию. Он должен был находиться там еще год, пока не появится возможность перевести его во взрослую тюрьму и судить как совершеннолетнего. Вышка ему была обеспечена. В Советском Союзе расстреливали и за меньшие преступления.

Мой поклонник замолчал, закуривая новую сигарету, затем продолжил:

— В тот раз парень и недели в колонии не провел. Погиб в драке с сокамерником от ножевого ранения. Странно, да? Учитывая его способности. Вряд ли кто-то из шпаны мог причинить ему вред. Тем более откуда там взялся нож? Если бы его порезали лезвием, было бы понятнее. Оно тонкое, и его можно при желании пронести. Но как смогли достать нож?..

— Так Артем Николаев погиб? — ошарашенно спросила я.

— Для всех — да. Откуда-то появилась безутешная мать, которой предъявили тело для опознания. Она рыдала как ненормальная. Паренька, который зарезал Артема, перевели в другое место. Потом, кстати, он умер от пневмонии где-то под Хабаровском. Как нарочно. Дело быстро замяли. И вот, дорогая моя Мила, в чем парадокс. В 1986 году погибает Артем Николаев, советский паренек. А в 2006 году в мировом прокате выстреливает первый фильм, в котором играет чудесный во всех отношениях Роберт Стронг. Восемнадцатилетний юноша покоряет зрителей. До этого времени — никаких работ в кино или на телевидении. В официальной биографии говорится, что англичанин играл в полупрофессиональном театре и учился в известной школе для мальчиков в Лондоне, но если копнуть глубже...

Я обреченно молчала. То, что Роберт Стронг носил это имя всего четыре года, мне было известно. Он говорил, что до этого служил в Мogaдишо. Разумеется, его звали иначе.

— Сейчас, по официальным данным, Роберту двадцать два года, тогда как Артему Николаеву в 2010 исполнилось бы сорок. Не находишь это странным? — насмешливо спросил Вадим Олегович.

«Так вот, значит, что это за старая пятиэтажка в районе метро «Авиамоторная»! Там жил Артем Николаев, то есть Роберт Стронг, то есть...»

Я вскинула голову и дерзко воскликнула:

— Нисколько! Он мне многое рассказал о себе! Он показал мне дом, где жил в юности!

— А то, что людей убивал просто так, на потребу публике, тоже рассказывал?

На это мне нечего было ответить.

Мой собеседник понимал, что победил в споре. Вадим Олегович явно наслаждался своим преимуществом. Его лицо сияло от удовольствия. А я молчала, не в силах защитить любимого. Что, в сущности, я знала о Роберте? То, что слышала от него же? Или то, что он классно целуется?

Вадим Олегович вскочил со своего места и стал возбужденно ходить по комнате. Он словно почувствовал мое надломленное состояние и теперь говорил громко и оживленно:

— Пойми ты, наконец! Он не сможет долго держать себя в узде. Очень скоро его маниакальная страсть к тебе сыграет с вами дурную шутку. Он перебьет всех, кто тебя окружает, а потом и тебя придушит, как котенка! Тебе что, жить надоело?

— Нет, не надоело, — пробормотала я.

— Тогда я — твой единственный шанс выжить, — тихо сказал Вадим Олегович, вплотную подходя ко мне.

Я посмотрела на него и усмехнулась:

— Вы что, хотите защитить меня от Роберта?

— Да! Как бы странно это ни звучало.

— Чего вы от меня хотите?

— Его координаты. Ты должна узнать его точные координаты.

— Какие координаты?

— Его фактическое местоположение в пространстве.

— Зачем? — озадаченно спросила я.

— Это единственный способ его нейтрализовать, — спокойно ответил мой собеседник, — ты должна принять такое решение, иначе потом пожалеешь, что оставила Стронга в живых.

Я подскочила как ужаленная. В голове пронеслось ска-

занное Робертом: «Мою жизнь не так просто взять». Следом за этим, словно вспышка: телефраг. Термин из компьютерных игр, когда один игрок телепортируется в точку, в которой находится другой, таким образом убивая его. Так вот, значит, как можно нейтрализовать Ясного. Все, как в компьютерных стрелялках!

Я с ненавистью посмотрела на Вадима Олеговича и отчетливо произнесла:

— Нет. Я никогда не предаю его, каким бы он ни был.

— Вот дура! — в сердцах воскликнул мужчина.

Я согласно кивнула:

— Дура. Влюбленная дура. Я могу идти?

Вадим Олегович подошел ко мне и провел рукой по моим волосам. Я отстранилась.

— А ты знаешь, что Ясные приказали тебя уничтожить? — произнес он. — Я не хотел тебе этого говорить, но теперь...

— Что за бред?

— Тебя ведь пытались отравить, не так ли? — змеиным голосом прошелестел собеседник. — А твой расчудесный Роберт сказал, что человек, выдававший себя за следователя Черепанова и пытавшийся отравить тебя, был Ясным?

Я отрицательно покачала головой, потом воскликнула:

— Я не верю вам!

— Ты слишком много шуму наделала, повзрослев. Из-за тебя люди погибли и будут продолжать гибнуть. Конечно, Ясным наплевать на чужие жизни, но они не хотят лишних проблем.

— Но именно Роберт спас меня! Он привел врача...

— Они пошли против своих. Им этого не простят. Скорее всего, его поставят перед выбором — согласиться с твоей ликвидацией или погибнуть вместе с тобой, что будет абсолютно бессмысленно и глупо. Как ты думаешь, что он выберет?

Я молчала.

— Я предлагаю тебе быть со мной. Я не дам тебя в обиду. Никому. У меня найдется способ защитить тебя, только сделай то, о чем я тебя прошу. Мне нужны координаты.

Вадим Олегович нашел мою руку и крепко сжал. Его ладонь была слегка влажной. Это прикосновение показалось мне отвратительным, я резко высвободила кисть и упрямо повторила:

— Я его не предаю. Что бы за этим ни последовало.

Вадим Олегович немного помолчал, затем осторожно коснулся моей щеки тыльной стороной ладони. Я посмотрела ему в глаза и заметила, что там, за дорогими очками в золотой оправе, блеснуло что-то, больше всего походившее на нечаянную слезу.

Мужчина еле слышно произнес:

— Я не знал, что встречу тебя. Я бы все отдал, чтобы ты так защищала меня, а не его. Как я его ненавижу... — Он помедлил и добавил через паузу: — В небе холодном вскрикнет души твоей птица... Парус и лодка — все, что тебе пригодится. Любовь моя, мне придется причинить тебе боль. Я должен поквитаться с ним. Самураи не прощают позора.

Я сжалась, сообразив, что мне грозит опасность.

— Кусунгобу! Кусунгобу! — пронзительно закричал Вадим.

Дверь моментально отворилась, и в комнату стремительно вошел Майкл. Он был уже без очков. В руках у него был тот кинжал, который я прежде видела у Вадима Олеговича. «Но откуда он здесь, этот чертов клинок? Татуированный вспорол им живот, кинжал должен был остаться в поле...»

Я задрожала, предчувствуя скорую смерть. Никаких сомнений не оставалось — живой из этой комнаты мне не выйти. За стеной глухо звучала музыка, редела толпа, то и дело раздавался громкий смех. Людям было хорошо, а мне предстояло последнее путешествие. Я отступила:

— Я буду сопротивляться, пока жива! Вам придется повозиться, прежде чем...

— Я горжусь тобой, маленькая моя... Мне придется это сделать, — будто извиняясь, прошептал Вадим Олегович, — он услышит, что тебе очень больно, и появится здесь. Только так я смогу его достать. У меня будет всего несколько секунд. Обычно в эти несколько мгновений, когда Ясный материализуется на новом месте, у него имеется лишь базовый набор вооружения. Все его специальные навыки появляются чуть позже, так что главное — успеть, не растеряться.

Он кивнул Майклу, и тот подошел вплотную к нам, передав Вадиму Олеговичу свою страшную ношу. Затем он достал из-за пояса рукоятку, похожую на ту, что я видела у татуированного громилы, и вытянул вперед руку. Над рукояткой сразу вспыхнуло голубое пламя. Эта картина, уже однажды виденная, снова ужаснула меня. На этот раз горящий меч был пугающе близок.

— Не бойся огня, — вдруг сказал Майкл хриплым голосом, — не этот клинок поразит тебя. Бойся кинжала в руках моего полководца.

Я перевела взгляд на Вадима Олеговича и запоздало удивилась тому, как назвал его Майкл. Они оба подошли почти вплотную ко мне. Я громко закричала и, сжав кулак, изо всех сил ударила Вадима Олеговича по лицу, а потом — коленом в пах. Мне никогда раньше не приходилось драться, но страх придавал уверенности. Мужчина никак не отреагировал на мою атаку, но я и не хотела победить его. Мне просто нужно было сбежать, и я попыталась это сделать, оттолкнув Вадима и бросившись к двери с криком: «Помогите!»

Внезапно мне показалось, что в комнату ворвался легкий ветер. Я обернулась и закричала: «Роберт, берегись!», уже понимая, кто присоединился к нашей компании. Я думала только о том, что он сейчас абсолютно беззащитен, тогда как его противники готовы поразить его.

«Не бойся, у него есть защита», — в голове почему-то зазвучал голос Лизы.

Внезапно светящийся меч, бывший в руках у Майкла, обрушился на его собственную голову. Миг — и эта голова покатила мне под ноги. Я отскочила и уже без всякого удивления увидела, как эта красивая голова горит, превращаясь в горстку золы. То же самое через секунду произошло и с телом Майкла.

— Запри дверь! — крикнул мне Роберт. — Лишние жертвы!

Я послушно подскочила к двери и быстро щелкнула замком. Там, снаружи, куда я еще пару секунд назад пыталась вырваться, сразу забеспокоились. Раздался громкий стук, и послышались голоса охранников:

— Вадим Олегович, с вами все в порядке?

В кармане шефа раздалась трель мобильного, но его владелец был слишком занят, чтобы ответить.

Он схватился с Робертом. Прекрасный кинжал лежал на столе, а в руках Вадим Олегович сжимал огненный меч, только что поразивший Майкла. У Роберта был такой же. Противники сосредоточенно смотрели друг на друга, не двигаясь, и лишь мерцающее пламя мечей напоминало о том, что это живая реальность. Я во все глаза смотрела на Роберта, упиваясь его красотой. Наконец он сказал своим низким, волнующим душу голосом:

— Маса, давай без этих штук выясним, кто есть кто. Или тебе слабо?

Его противник зло усмехнулся:

— Боишься, что я лучше тебя владею мечом?

— Обещаю, что, когда ты проиграешь и будешь вынужден вспороть себе живот кусунгобу, я прерву твои страдания именно этим мечом. Смотри только не закричи, чтобы не опозорить свое имя в веках.

Вадим Олегович громко и пронзительно завопил, обрушивая свое оружие на Стронга, но Роберт двинулся ему навстречу, и светящийся меч отлетел далеко в сторону. Голубое пламя погасло, на мраморной плитке осталась одна рукоятка.

Вопреки моим ожиданиям, Роберт не воспользовался беспомощным положением врага, а, напротив, отбросил оружие в сторону, оставшись с пустыми руками. Он кинулся к Вадиму Олеговичу, и противники, сцепившись, упали. Они катались по полу, нанося друг другу точные удары тяжелыми кулаками. Ни один простой человек не в силах был бы пережить ни одного из их ударов, но эти двое... Их мастерство можно было сравнить, но мотивы оставались разными. Один сгорал от ненависти и жаждал отомстить. Другой... Я надеялась, что единственной его целью было защитить меня. Оба сражались яростно и ожесточенно, не помня себя, не ощущая боли. Мне хотелось помочь Роберту, и я приблизилась к месту, где двое старались уничтожить друг друга.

— Не подходи! — сдавленным голосом прохрипел Роберт.

В дверь уже ломались. Охранникам было просто необходимо проникнуть внутрь, и они отчаянно пытались взломать дверь. Мне очень не хотелось, чтобы в комнату ворвались пусть и обычные, но все-таки враждебно настроенные люди. Они могли дать передышку своему шефу и ослабить оборону Роберта. Не сомневаясь ни секунды, я подошла вплотную к двери и крикнула как можно более тожно:

— Ну, кто там еще?

Голос получился таким сексуальным, будто меня оторвали от самого большого источника наслаждения в моей жизни. Я даже удивилась — откуда взялись эти чувственные нотки?

Там, снаружи, тоже удивились. Удары в дверь прекратились, и я услышала грубый бас:

— Эй, открывай! Где шеф?

Я продолжала играть богиню секса:

— Он отдыхает после любви, не беспокойте его.

Обладатель голоса за дверью помедлил, видимо слегка смутившись, потом спросил уже более вежливо:

— Откуда крики?

— Ну, дорогой, — развязно протянула я, — ты что, никогда и никого не трахал? Или под тобой женщины молчат?

Меня корежило от отвращения к собственной вульгарности, но нужно было спасать и Роберта, и этих кретинов.

За дверью помолчали, потом спросили:

— А Майкл где?

— С нами, — отозвалась я и услышала тишину вместо шума борьбы.

Я обернулась. Противники на время забыли друг о друге и оба пожирали меня глазами. «На них сейчас воздействует мой дар», — машинально подумала я. Мужчины встали, потянувшись ко мне. Вадим Олегович еле слышно шептал что-то, до меня донеслось только «люблю», а потом — «девочка моя».

Роберт, который стоял ближе, наверное, и услышал больше: он всем корпусом развернулся к своему врагу и обрушился на него с новой силой. Раздался влажный, противный хруст ломающихся костей, и Вадим Олегович упал, как подрезанный колос. Он обрушился на колени и принялся шарить по полу. Затем вскрикнул, вздымая меч, уже пылающий синим пламенем, и начал водить им в воздухе, словно очерчивая какие-то таинственные иероглифы. Лицо мужчины было искажено болью, и стало ясно, что он уже не поднимется. Тем не менее мой похититель не давал противнику приблизиться.

Роберт уже стоял рядом, держа меч наготове. Он будто прислушивался к мыслям Самурая, чтобы найти брешь в его обороне. В таком бою нет места жалости и состраданию. Роберт просто не мог остановиться, потому что это расценят как слабость. А слабый должен пасть.

Я вглядывалась в напряженные лица соперников, одновременно прислушиваясь к тому, что происходило за дверью. Охранники стали снова стучаться к нам, — правда, уже не так решительно, как вначале. Я протяжно за-

стонала, замирая от отвращения к самой себе. Охранники перестали ломиться и громко захохотали. Я старалась не думать о том, что они себе представляют. Все было не важно, кроме жизни — моей и Роберта.

Поглощенная своими мыслями, я на пару секунд отвлеклась от этих двоих, а когда мой взгляд снова остановился на Вадиме Олеговиче, он уже падал, отделенный от своих ног. Видимо, за то время, пока я отвлекала его ребят, он успел подняться, и Роберт, воспользовавшись этим, отсек ему ноги до колен.

Мужчина побледнел как полотно, но не издал ни звука. Он трясся на полу от боли и ярости, истекая кровью, а Роберт стоял рядом, с мечом наготове, и не сводил глаз с поверженного противника.

Наконец Вадим Олегович сумел справиться с собой и тихо, сдавленно произнес:

— Кайсяку.

Затем он медленно, торжественно опустил голову.

Стронг тоже кивнул и подошел к столу — там, где стояла водка и лежал кинжал с красивой рукояткой. Роберт осторожно взял оружие и протянул его Вадиму Олеговичу, сказав:

— Я обещал подать тебе кусунгобу. Вот, держи. Умри достойно, не уронив чести своих предков, Маса. Тебе не впервые. На родине стоит твой памятник. Люди помнят и почитают тебя. Жаль, что в этот раз ты возродился не так славно.

Но Вадим Олегович, казалось, не слышал слов своего врага. Он смотрел на меня — и внезапно я поняла, что плачу. Поверженный воин сидел на своих изуродованных ногах — жалкий, беспомощный, но не сломленный, с сияющими сумасшествием глазами — и готовился к смерти. Роберт стоял сбоку от него, держа наготове светящийся меч.

Я поддалась порыву и крикнула:

— Стронг, не надо! Не убивай!

Роберт посмотрел на меня непроницаемым взглядом, на дне которого колыхалась ярость, и, стараясь говорить ровно, объяснил:

— Он не станет жить. После сражения при Минатогава с армией Асикага он, как и многие из его преданных воинов, совершили обряд сэпукку. Они попросту не перенесли позора поражения. Они — Самураи. Тебе никогда этого не понять.

Я, пожалуй впервые, не слушала Роберта. Мне было безмерно жаль того, второго.

— Маса, — обратилась я к нему, — не делай этого! Я ничего не знаю о тебе, откуда ты и зачем пришел, но я умоляю — не надо!

Сначала мужчина ничего не ответил — он просто смотрел на меня, будто видел впервые. Потом произнес:

— Любовь моя, я не забуду о тебе целую вечность. Именно такой могла бы стать моя жена, если бы мне было суждено... И знаешь, сейчас Самурай погибает от прекрасного цветка. Добрая и самоотверженная. Ты должна быть счастлива, но позволят ли тебе... Я уже не смогу вмешаться, прости...

С этими словами он резко рванул рубашку на груди. Блеснул кинжал; кажется, я даже услышала звук испаряемой плоти. Маса прорезал себе живот поперек, от левого бока к правому, а затем, не медля ни секунды, — вертикально от диафрагмы до пупка.

Я стала медленно оседать на пол, а Самурай, все еще живой, смотрел на меня и улыбался своими тонкими, красивыми губами. Боже мой, как же я раньше не замечала его красоты! Может, из-за очков, которые он сейчас сжимал в окровавленной руке? Они делали его похожим на преуспевшего ботаника. Я видела лицо, мужественное, освещенное чистым светом, и заскулила, словно побитая дворняга.

— Нет, нет, — растерянно повторяла я, — он не виноват. Он не хотел.

Я подняла глаза на Роберта и увидела в них боль, перемешанную с дикой, необузданной яростью. Он коротко махнул мечом, и голова Вадима Олеговича упала к его ногам.

— Я должен был это сделать, — сказал Роберт и отошел от трупа, держа меч острием вниз.

Через секунду синее пламя погасло, и у Стронга в руках осталась лишь рукоятка, которую он тут же отшвырнул в сторону.

— Меч мне больше не нужен. Те из Самураев, кто поклялся в верности своему полководцу, скоро узнают о его гибели и последуют его примеру. Как в 1336 году, когда они проиграли сражение.

Я смотрела на него, не в силах говорить. Роберт подошел ко мне и присел на пол.

— Когда ты застонала, для того чтобы обмануть охранников, я чуть не проиграл бой. У меня внутри будто костер развели.

— Не ты один ослаб в это мгновенье. Твой враг тоже на секунду сдал, и ты воспользовался этим, — глухо ответила я, старательно отводя взгляд, и тут же пришла в ужас от своих слов. «Эй! Что со мной? Я обвиняю Роберта в том, что он убил человека, который несколько раз похищал меня и чуть не прикончил? Роберта, который неоднократно спасал меня? Бред какой-то!»

Я быстро опомнилась и прижалась к Стронгу всем телом, затем приникла губами к его рту. Дыхание Роберта слилось с моим, и я почувствовала, как наши сердца забились в едином безумном ритме. Сначала Роберт был нежным, но затем, распаляясь все больше и больше, схватил меня за плечи, будто предотвращая мой возможный побег. Он целовал меня так, будто хотел поглотить всю, без остатка. Роберт упивался своей страстью, а я начала понимать, что надолго меня не хватит — уж слишком слаба плоть. Во рту появился соленый привкус, и я почувствовала, как треснула тонкая кожа на губах. Я попыталась оттолкнуть

Роберта, но он, словно безумный, прижимал меня к себе еще крепче.

В голове пронеслись слова Вадима. «Так вот что он имел в виду. Именно поэтому Роберт начал избегать меня. Он боялся, что причинит мне боль. И вот сейчас, когда я стала обвинять его в убийстве мужчины, который был влюблен в меня, Стронг перестал себя контролировать!»

Внезапно Роберт оторвался от моих губ и оттолкнул меня, словно я была ядовитой змеей. Хоть я и сидела, но не смогла удержаться и повалилась на спину, сильно ударившись затылком о мраморный пол. Я хотела подняться, но потолок заплясал надо мной, а затем и вовсе расплылся. Сознание потихоньку отключалось, и последним, что я подумала, было: «Бедный Роберт, он себе этого не простит!»

Глава 16

ТЁМНОЕ ПРОШЛОЕ

Я очнулась, почувствовав холод на лбу. Осторожно открыв глаза, я увидела Роберта — он стоял рядом и смотрел на меня с отчаянием. Попытавшись сесть, я застонала и опять легла.

— Прости! Прости! Прости! Мне нельзя даже дотрагиваться до тебя! — несчастнейшим голосом проговорил Стронг. — Прости. Я не хотел причинять тебе боль. Я контролировал себя, но ревность превратила меня в монстра.

— Не вини себя. Это целиком моя вина, — ответила я, тщательно подбирая слова. Мозг категорически не хотел работать после очередного сотрясения. «Черт подери! Сентябрь богат на сюрпризы. Уже второй раз за месяц теряю сознание. Если так пойдет и дальше, то вряд ли мне удастся сохранить рассудительность. Скоро, наверное, я совсем помешаюсь, воображу себя великим путешественником и отправлюсь навстречу приключению в Антарктиду, или куда там еще можно отправиться?» Я улыбнулась своим бредовым мыслям и спокойно продолжила: — Ты меня спас. И уже не в первый раз. А я, вместо того чтобы сказать «спасибо», стала обвинять тебя черт знает в чем. С моей стороны это было свинством. Кстати, где это мы?

— У меня дома, — мрачно ответил Роберт.

— У тебя дома?! Но... как мы здесь очутились? Как ты пронес меня сквозь толпу охраны Вадима Олеговича?

— Не задавай ненужных вопросов, — устало попросил он.

«У него дома! Как же я хотела здесь очутиться еще совсем недавно! Именно в доме Роберта мне хотелось впервые заняться любовью! Кто бы мог подумать, что я попаду сюда — вот так? И что Роберт запретит себе даже пальцем прикасаться ко мне! О-о-о! Это какой-то кошмар!»

Я внимательно огляделась. В огромное окно пробивались первые лучи солнца. «Рассвет, — подумала я. — Сколько времени прошло с тех пор, как я здесь очутилась?»

Комната была большой и очень светлой. Я лежала на кровати. Огромная, с мягкой спинкой из белой кожи, она больше походила на царское ложе, чем на постель обычного человека, — впрочем, Роберт не был ни обычным, ни человеком. Стены, оклеенные светло-бежевой тканью, слегка поблескивали, когда на них попадали слабые лучи восходящего солнца. Всю противоположную стену, от пола до потолка, занимал объемный шкаф-купе. На потолке красовалась огромная бронзовая люстра со вставками из матового стекла. Больше в этой комнате ничего не было.

— Спасибо тебе, — снова заговорила я, — и прости, что наехала на тебя. Просто, до того как ты появился, мне так промыли мозги, что я на время перестала понимать, кто со мной, а кто против меня. А потом стукнулась головой, и все сразу встало на свои места.

— Я знаю о вашем разговоре, — хрипло ответил Роберт, усаживаясь на пол возле кровати. Сейчас он больше всего напоминал огромного породистого пса у ног хозяйки, готового повиноваться любому ее приказу.

— Знаешь?

— Просто не сразу смог вмешаться. Самурай очень грамотно тебя обработал. Он мастерски перемешал правду с откровенной ложью. Это было очень убедительно. Он уговаривал тебя уточнить мои координаты, но ты отказалась. Тогда он решил поменять тактику и попытался сделать тебе больно, чтобы я точно почувствовал твои страдания и телепортировался на место происшествия. Обычно я не

использую этот способ передвижения, но по-другому мне было просто не успеть. Я был слишком далеко.

— Он надеялся, что в первые несколько секунд ты будешь уязвимым и он сможет убить тебя, а ты не дался.

— Да, потому что у меня есть защита на такой случай. Я же говорил — мою жизнь не так просто взять. В отличие от твоей. — Роберт посмотрел на меня долгим взглядом, полным нежности и тоски. — И откуда ты только взялась? С тех пор как ты появилась в моей жизни, я не могу ни о чем думать, кроме тебя. Ты забрала мою душу, оставив взамен пустоту, которую только сама же и можешь заполнить. А быть рядом с тобой — сумасшествие.

— Почему? — прошептала я.

— Хочешь ответа? — Он усмехнулся, поднялся с пола и вышел из комнаты, но быстро вернулся, держа в руках небольшое овальное зеркало.

— На! Полюбуйся и знай, что это целиком и полностью — моя работа.

Я поднесла зеркало к лицу и, убедившись в самых худших своих опасениях, бодро сказала:

— Губы очень быстро заживают. Там просто кожа очень тонкая, вот ты и не рассчитал.

По правде говоря, зрелище действительно вызывало ужас: опухшие губы занимали пол-лица и представляли собой огромную рану с запекшейся по краям кровью. «Как теперь показаться маме?» — пронеслось в голове, но я немедленно откинула эту мысль, чтобы не огорчать Роберта своей мрачной физиономией.

— На затылке у тебя большая ссадина, я ее обработал, — обреченно сказал Стронг, — это я тебя оттолкнул и не рассчитал, что ты такая хрупкая и не удержишься на месте.

— Ты же не хотел!

— А на плечах у тебя огромные синяки. Опять моя вина.

Я вспомнила, как он схватил меня за плечи, словно боялся, что я начну вырываться.

— Расскажи мне все, — решительно попросила я, с трудом усевшись на кровати и опершись о мягкую кожаную спинку.

— Вид у тебя поистине королевский, — неожиданно усмехнулся Роберт.

Я прыснула — хороша королева. Гордая осанка, храбрый взгляд, только слегка потрепана...

Через секунду Роберт опомнился и посерьезнел.

— У меня много вопросов, — напомнила я, — и если уж ты поклялся меня не трогать, даже пальцем, то можешь хотя бы объяснить все с самого начала?

— А если я не сдержу слово и все-таки трону тебя? — надломленным голосом спросил он, наклоняясь ко мне.

Я шутливо нахмурилась и сказала тоном капризной принцессы:

— Ну вот еще! У меня губы не казенные, пусть сперва заживут!

Конечно, больше всего мне хотелось страстных, бесконечных поцелуев, но это было невозможно. Роберт резко отстранился и произнес:

— Не пытайся сделать вид, что тебе не больно. Я представляю, что ты сейчас испытываешь. Час назад у тебя была температура тридцать восемь и восемь.

Я машинально потрогала свой лоб — горячий. «Надо же, а я и не заметила, что вся горю».

— У тебя глазищи сверкают, словно у голодной кошки, — сказал Стронг, — тебе надо поспать.

Я послушно кивнула и скользнула под одеяло. Просто не было сил сопротивляться усталости. Подушка оказалась мне просто раскаленной, и я сдвинула ее в сторону. Потом у меня начался страшный озноб, и я вернула ее на место. Затем закуталась в одеяло. Мне сразу стало невыносимо жарко, и я сбросила его на пол. Роберт молча наблюдал.

Наконец, когда я начала проваливаться в спасительный сумрак, послышался его голос:

— Да, температура повышается. Ее знобит, а потом ей делается жарко.

Я догадалась, что он разговаривает по телефону. «Видимо, скоро приедет доктор и осмотрит меня. Что ж, хорошо», — подумала я и отключилась.

Мне снился отец. Он стоял передо мной, подавленный и виноватый. «Вероятно, я что-то путаю. Это Роберт ведет себя, как провинившийся школьник. А отцу-то чего?» Тем не менее, он стоял, низко опустив голову, а я пыталась поймать его блуждающий взгляд.

— Эй! Привет! — окликнула я его. — Почему такой грустный?

Но он молчал, затем закурил и подошел ближе. Я увидела, что в правой руке у него сигарета, а в левой — небольшой пакетик с белым порошком. «Опять этот порошок! Недавно же было — кто-то мне предлагал... Кто?.. Не помню...»

Отец, докурив, не бросил бычок, а воткнул его себе в ладонь. Я почувствовала его боль как свою.

— Зачем? — заорала я. — Ты что, сукин сын, делаешь? С ума сошел? Больно же!

Он не отвечал, стараясь не встречаться со мной взглядом. Отец стоял, опустив голову, и словно обдумывал то, что сделает через минуту. Наконец он шевельнул губами и тихо, но упрямо произнес:

— Нет! Слышите? Нет.

Затем он помолчал и вдруг поднял голову, глядя вверх.

— Нет! — заорал он. — Слышите, нет!!!! Я не сделаю этого! Слышите?

Его голос звучал так ярко, так живо, так полно, так сочно, словно был единственным звуком на земле. Тогда я тоже крикнула:

— НЕ-Е-ЕТ!!!

Почему «нет», а не «да», я не знала и знать не хотела.

Мне просто стало хорошо и спокойно, оттого что мы с отцом вместе кричим одно и то же. Я еще раз крикнула:

— Нет!

А затем проснулась и резко села на кровати. В комнате царил полумрак. Посмотрев на окно, я поняла, что сейчас ночь, и облизала опухшие губы. Они были намазаны какой-то гадостью. Видимо, пока я спала, Роберт нанес специальный крем, чтобы раны лучше заживали. «Кстати, Роберт! Где он?» Взгляд, уже привыкший к темноте, разглядел силуэт на полу. Стронг сидел рядом с кроватью, скрестив ноги.

— Тебе надо лежать, — успокоил он, видя, что я зарезала на своем гигантском ложе. Роб несильно толкнул меня вниз, чтобы я приняла прежнее положение.

— Вот видишь, — тихо, еле слышно, просипела я, — ты можешь быть нежным со мной. Просто там, в этом дурацком ночном клубе, я неправильно себя вела. Пожалела того, кто постоянно пытался меня убить. Не знаю, что на меня нашло.

В полумраке было сложно разглядеть лицо Роберта, но в его голосе послышалась горечь:

— Наверное, он был очень убедителен.

Я кивнула, забыв, что парень меня не видит. В этой темноте мне было комфортно разговаривать, не заботясь о выражении лица.

— Роберт, — тихо начала я, — помнишь, ты привез меня к дому в районе «Авиамоторной»?

Стронг молчал.

— Ты ведь жил там? Рос в этом дворе? Мастерил самолеты, чтобы потом запускать их в небо?

Я слышала лишь его дыхание, тяжелое и неровное.

— Тебя звали Артем Николаев. Ты был обычным ребенком, пока не почувствовал, что внутри тебя живет кто-то жестокий и безжалостный. Тебе захотелось драться, причинять боль. Я права, Роберт?

Он немного помолчал, потом заговорил:

— Я не знал отца. Мать говорила, что он погиб, и я ей верил. Первые двенадцать лет все было нормально — и с ней, и со мной. Я прилично учился, был послушным ребенком... Но мать все равно была несчастна. Она, красивая и умная женщина, категорически отказывалась встречаться с мужчинами. Говорила, что никто из них не сравнится с моим отцом.

Я слушала его, боясь даже вздохнуть. Поведение матери Роберта напомнило мне образ жизни моей мамы. Хоть она и делала вид, что не любит отца, я понимала, что ей никогда не забыть этого мужчину.

— Однажды мать призналась мне, что мой отец был не совсем обычным человеком. Другого такого на земле не было в буквальном смысле. Еще она сказала, что он сначала бросил ее, а потом уже умер. Что она никогда не оправится от этого. Она и на самом деле все время была сама не своя, безразличная, что ли... Я ее почти не интересовал. Она все время думала о чем-то своем, переживала... Я не мог помочь — мог только не мешать.

Лет с двенадцати во мне стала просыпаться дикая, почти звериная агрессия. На любое обидное слово, сказанное кем-то из одноклассников в мой адрес, я отвечал кулаками. Никто не мог дать мне отпор, потому что я обладал особенной, несокрушимой силой. Однажды, прямо на уроке физкультуры, один мой приятель попытался пошутить, вполне, кстати, безобидно, про всех мам, вместе взятых. Обычная подростковая хохма парня, обласканного домашними. Не помня себя от злости, я подлетел к нему и сильно ударил кулаком в солнечное сплетение. Он сложился, как перочинный ножик, и упал. Наш физкультурник, высоченный качок, ринулся ко мне — и тут же отлетел метра на три, а головой ударился так, что его на «скорой» увезли. А мне все сошло с рук. Учителя замяли конфликт.

Роберт замолчал, и несколько минут было слышно лишь его прерывистое дыхание; наконец он снова заговорил:

— Меня буквально распирало от ярости, а в те немно-

гие мгновенья, когда я был спокоен, в голову приходила только одна мысль: «Кто мой отец?» Я понимал, что свой прекрасный характер унаследовал именно от него и с этим надо что-то делать, пока не стало слишком поздно.

— И что ты сделал? — тихо спросила я.

— Ребята во дворе рассказали, что есть одна секция, где учат восточным единоборствам — карате, кун-фу, тайскому боксу, кумите и много чему еще. Я решил, что спарринг поможет стравить агрессию. Надо понимать, что были восьмидесятые, совсем другие времена. Если сейчас вокруг сотни секций, клубов, кружков для всех желающих, то тогда все было гораздо сложнее. Наш клуб был подпольным. Если бы его накрыли, что, впрочем, и произошло позже, всем светило длительное заключение в известных, не столь отдаленных местах. Мы все об этом знали, это было нашей реальностью. Наш руководитель, Александр Кудимов, был человеком жестким, даже жестоким. Он проповедовал идею о том, что настоящий боец, воин, не должен сомневаться. Он обязан идти до конца, не испытывая ни боли, ни жалости. Официально нашей секции не существовало, поэтому никто из родных или близких не мог предъявить претензий, если их родственника били так, что он потом долго не мог ходить.

— Тебе стало легче, когда ты попал туда?

— На время. Знаешь, в основном у нас тренировались ребята из плохих семей. Их родители не хотели думать о том, где их чадо пропадает. Это были озлобленные, несчастные подростки, которые хотели одного — стать очень крутыми. Чтобы показать всем, кто их недооценивал: смотрите, я — лучший, самый сильный! Они были фанатиками своего дела, тренировались сутки напролет, не жалея ни сил, ни времени. Но даже в такой компании я чувствовал себя щенком ротвейлера среди безобидных болонок.

Каждый мой спарринг заканчивался одинаково: противника уносили. Я почувствовал — мне нет равных по силе. Нет, я не возгордился, не стал упиваться своей

исключительностью. Нет! Просто попросил Кудимова вывести меня на настоящих, взрослых соперников. Он тоже не сомневался, что мне это необходимо, поэтому помог.

— Ты стал принимать участие в настоящих боях, где зрители делали ставки на того или иного бойца, — проговорила я.

Роберт не ответил. Затем он встал и вышел из спальни, не зажигая света. В коридоре вспыхнул тусклый огонек и сразу погас. Я почуяла запах табака, потом услышала шаги Стронга. Роберт вернулся к кровати и сел на прежнее место, на пол.

— Прости, я вышел, чтобы взять сигарету, — хрипло объяснил он.

Маленький кружочек вспыхнул в темноте, затем Роберт шумно выдохнул. По комнате поплыл запах дыма.

— Я не знала, что ты куришь.

— Нет, не курю. Просто была нераспечатанная пачка сигарет — и вот пригодилась. Тебе неприятно?

— Да, нет. Даже нравится иногда нюхать. Что-то в этом есть... Родное. Знаешь, я помню, как в детстве мы выходили с моим папой на балкон, и он курил, а я жадно вдыхала запах сигарет. Мне было очень хорошо с ним, моим отцом. До тех пор, пока он не ушел от нас, мы были почти неразлучны. Я и маму-то не помню в то время, настолько незначительной она была для меня. Был только отец. Я не сводила с него глаз, подражала каждому его движению. Пока он не ушел...

Роберт снова затаился, потом сказал:

— Наверное, так было нужно. Для твоей души.

Я промолчала. Конечно, он знал, о чем говорит.

Мы неподвижно сидели в мягкой, уютной темноте и старались почувствовать настроение друг друга. Наконец Роберт сказал:

— Я знаю, о чем ты думаешь. Ты хочешь понять, был ли я счастлив, когда мне позволили убивать людей легаль-

но, то есть почти легально. Я ведь не мучил старушек, не истязал женщин, а всего лишь бил противников, которые были старше меня и ни к кому не испытывали жалости. Мне было очень плохо, но я не останавливался. Даже если бы очень захотел, то не смог бы. Мой тренер понял, что я — его золотая жила, и очень дорожил мной. Еще бы, ведь тот, кто ставил на меня, всегда выигрывал. Бои проводились в разных местах, но каждый раз, когда я перед началом схватки обводил взглядом публику, мне мерещилось одно и то же лицо. Оно удивительно напоминало мое собственное, и это очень нервировало. Я даже стал думать, что незнакомый мужчина, который каждый раз появляется предо мной, — галлюцинация. Это было возможно, ведь я не раз получал по голове и уже не особенно полагался на собственное здравомыслие.

— Ты действительно сидел в колонии для трудных подростков? — спросила я. Мне хотелось проверить, все ли, что рассказал мне покойный Маса, он же Вадим Олегович, было правдой.

— Случалось. Только там сумели договориться, за деньги конечно, что в моем деле обозначат совсем другие провинности, а не убийство людей.

— Твой тренер?

— Да, и не только он. За ним стояли те, кто был во мне заинтересован. Я приносил неплохие деньги. Себе не брал почти ничего. Так, для мамы, чтобы ей было легче.

— А как она отнеслась к твоему... увлечению?

— Она не знала или не хотела знать. По-моему, ей было все равно, и она не скрывала этого.

— А как ты объяснял ей свои доходы?

— Я приносил немного, только на самое необходимое — на еду и домашние расходы. Говорил, что разгружаю вагоны по ночам. Она не возражала.

— Ужас! — не сдержалась я. — Если бы мой сын, почти еще ребенок, сказал мне, что надрывает спину, таская мешки...

— Не осуждай ее, — хрипло попросил Роберт, — мертвых не судят.

— Прости. Когда она умерла?

— Это случилось сразу после того, как ее вызвали в морг, чтобы она опознала тело. Мне кажется, в тот день она, наконец, очнулась от своих переживаний и поняла, что потеряла еще одного близкого человека.

— Чей это был труп?

— Мой, — спокойно ответил Стронг.

У меня зазвенело в ушах. Я удивленно тарасилась в темноту, туда, где сидел Роберт. Можно было разглядеть лишь его силуэт, и мне безумно захотелось включить свет. Находиться в комнате с призраком было страшновато.

— Не пугайся, — тихо попросил Роберт, — за последнее время ты всего насмотрелась. Дальше — хуже, так что привыкай. Тебе же будет легче.

Я пожала плечами и подтянула колени к подбородку. В то же мгновение я почувствовала, как по обнаженному бедру скользит теплая ладонь.

— Разве у мертвецов бывают такие теплые руки? — хрипло произнес парень.

— Роб, — тихо выдохнула я, — не надо.

Рука немедленно исчезла, и Стронг сказал:

— Я просто хотел проверить твою температуру. Ты все еще горячая.

— Надо лоб трогать, а не ноги, — назидательно заметила я.

— Разрешаешь?

— Да.

Роберт поднялся и потянулся ко мне всем телом. Он коснулся моего лба, но не рукой, а губами, как это делает заботливая мамаша, проверяя температуру обожаемого отпрыска.

Меня словно подожгли изнутри, но это пламя не причиняло боли. Скорее, наоборот, будоражило и возбуждало. Казалось, оно исцеляло мое тело и душу.

— Поцелуй меня, — хрипло попросила я.

Роберт резко отпрянул и опять уселся вниз, на пол рядом с кроватью.

— Твои губы... Я поцеловал, и вот что получилось.

— Круто, — бодро согласилась я, — я и забыла. Кстати, а доктор сказал, когда все это заживет?

— Заживет. Когда — не знаю. Знаю одно: чтобы целоваться или заниматься сексом, я не должен любить. Тогда все получается нежно и гладко. А с тобой так не выходит, так что давай не будем провоцировать друг друга.

— Хорошо, — устало пробормотала я, — так, говоришь, это было твое тело?

— Да. После этого мальчик Артем Николаев исчез навсегда. И еще, физическая гибель тела просто необходима, когда из полукровки тебя превращают в настоящего Ясного.

— Зачем? — воскликнула я.

— Чтобы не было вопросов по поводу происхождения, нужно родиться от Ясного отца и такой же, Ясной, матери. Как Лиза. Она абсолютно чистая. Ее не надо переделывать. У нас был общий отец, а вот матери — разные. Я — случайность. Побочный эффект отцовского дара. Некоторые из Ясных мужчин созданы для продолжения рода. Их главное предназначение — делать других Ясных. Такие дети уже готовы выполнять свою миссию, их не надо искать в толпе, обучать чему-либо, объяснять их предназначение.

Вся ирония в том, что обычные, земные женщины странно реагируют на Ясных отцов. Они влюбляются так сильно, что остальные мужчины для них перестают существовать. Навсегда. А Ясные отцы не могут долго с кем-то жить, это невозможно. Ясный уходит, и жизнь его земной избранницы останавливается. Нет, конечно, она не умирает. Но из её души исчезает что-то главное, нужное для счастья. Так случилось с моей мамой, да и с твоей, думаю, тоже. От таких союзов получались вполне

обычные дети. Исключение, пожалуй, только мы с тобой.

— Я не умею драться, — шутливо возразила я, понимая, конечно, что Роберт имеет в виду.

— Ты унаследовала способность притягивать мужчин, сводить их с ума. До этого ни одна девочка, тем более рожденная от простой матери, не наследовала этот дар.

— Как? А Ясные женщины? Они что, не привлекают мужчин?

— Им это не нужно. Не обязательно любить и быть любимой, чтобы стать хорошей матерью. Ясные женщины живут как королевы, их не тревожат ни по какому поводу. Их очень мало, как и самих Ясных. Правда, с твоим появлением кое-что изменилось... К тебе невозможно относиться равнодушно, — улыбнулся Роберт.

Меня немного удивили его последние слова, но и они немедленно потонули в огромном потоке новой информации.

— Я вообще не могу понять, кто такие Ясные и что они делают на земле вместе с обычными людьми? Почему у вас все так сложно?

— А ты уверена, что этот мир населяют лишь те, кого принято называть «обычными людьми»? Ты уверена, что только Ясные — не люди? Зря ты так думаешь. Вокруг полно существ, назовем их так, совсем не человеческой природы.

— Например, Самураи, которые после смерти превращаются в золу?

— Да, верно. Твоего поклонника в этом воплощении звали Вадимом Олеговичем. Он возродился из небытия, как и обещал своим воинам перед тем, как все они совершили коллективный обряд сепуку. Тогда они проиграли бой, и, чтобы не познать позор плена, Киемаса Хоси и шестьдесят его приближенных добровольно расстались с жизнью, вспорвав себе животы. Так они доказали, что не боятся смерти и что их мысли чисты. Такие тогда были нравы.

Я вздрогнула от отвращения. Мне непонятно было, как человек может себя убить, но мало ли что еще мне непонятно. Наверное, в Древней Японии понятия о чести и достоинстве, о доблести и вере были несколько другими.

— Что они делают в нашем времени? — наконец спросила я.

— Они поклялись возродиться еще семь раз.

— Зачем?

— Отомстить. Только их обманули. Для них лучшей долей была бы война, но...

— Так сложилось, что им пришлось жить в мирное время.

— Да. Кому-то было выгодно, чтобы они появились именно сейчас. Как ты успела заметить, Маса все же преуспел в этом воплощении. Он занимался бизнесом, пользуясь своими способностями, коих у него, поверь, было немало. За ним стояли те, кому это было выгодно. Те, кому известен главный секрет: как вызывать из вечности неприкаянные души и давать им новую жизнь. А затем обращать все в свою пользу.

— И все-таки я не совсем поняла, какие цели Самураи преследовали в этой жизни. Стать богатыми и влиятельными? Бред какой-то. Мелко для их масштаба.

— Ты права. И все же они появились. Могу только сказать, что ни один человек не знает о своем предназначении. Звезды так встают, что на свет появляешься ты, именно ты, а не кто-то другой. Возможно, тебе суждено сделать что-то важное — совершить подвиг или прославиться, — а может, ты проживешь свою жизнь тихо и незаметно и так же тихо уйдешь, не оставив о себе никакого напоминания.

— Да уж, от этих парней только и остается, что горстка золы. Подвигов они тоже не совершали, насколько мне известно.

— Ты не права. Ты знала только четверых Самураев. Все они покинули этот мир при твоём непосредственном

участии. Остальные пятьдесят шесть — видные политики и общественные деятели.

— Постой, постой! — воскликнула я. — Давай посчитаем. Маса, Майкл, татуированный и...

— Твой преданный поклонник Алексей Львович Руднев.

Я ахнула:

— Значит, и здесь Вадим Олегович не соврал. Руднев — на самом деле — Самурай? Но... как?

— Я могу понять, что он чувствовал. Воин не должен любить. Слишком много задач. Ты — первая женщина, сумевшая разжечь костер в суровом сердце Самурая. Руднев просто не справлялся и решил покинуть этот мир, потому что страсть разъедала его изнутри, словно опухоль, прогрессируя день ото дня.

— Но это невероятно! Он был так нежен со мной! Никакой грубости, никакой неучтивости!

— И что тебя удивляет? Самураи тоже бывают разные. Он мог бы взять тебя силой, как это сейчас могу сделать я. Ты такая беззащитная, такая хрупкая. Не можешь сопротивляться. — Голос Роберта стал глуше, как будто его схватили за горло.

— Так чего не берешь? — тихо спросила я.

— Я не должен причинять тебе вред. Ты не сможешь выдержать мою силу, и потому я скорее покончу с собой, чем... — Он замолчал.

— А Руднев? Он тоже... предпочел умереть, чем причинить мне боль?

— Он любил тебя.

— Ты точно его не убивал? — Я решилась на откровенный вопрос.

— Он обошелся без моей помощи.

— Почему тогда Маса не был таким благородным?

— Он был другим. Привык получать все, что хотел. Иначе он не стал бы полководцем, не приобрел бы авторитета и власти в той, прошлой жизни. Таким он и воз-

родился. Он был готов к тому, что ты не выдержишь его чувств и погибнешь. Его страсть убила бы тебя мгновенно, но он презирал смерть — свою и чужую. Он не придавал особого значения такой мелочи, как человеческая жизнь. Он жил одним днем, не задумываясь о будущем. Захотев тебя, Маса начал искать; а то, что ты сопротивлялась, еще больше его распалило.

— Кто был тот, с татуировками?

— Самурай, как и Маса. Его правая рука Такаси Окамура. Они были неразлучны и возродились вместе.

— А с Рудневым они были близки?

— Видишь ли, новая жизнь многое изменила. Кое-кто из Самураев пересмотрел понятия о чести и, приняв другой облик, утратил былые цели. Конечно, твой поклонник активно использовал свои возможности для того, чтобы подняться на самую вершину власти. Это, конечно, было заметно. Толпа охраны, кортеж из черных джипов...

— Да, и у одного, и у другого, — добавила я.

— Методы у них были приблизительно одинаковые, только действовали они уже не сообща, бок о бок, а параллельно, издалека наблюдая за действиями друг друга. Они уже не были сплоченной командой. Пройдя через такой длинный временной коридор, они почувствовали себя другими.

— Только любовь к сэпукку осталась, — мрачно добавила я.

— Да. Убить себя для них — до сих пор самый верный способ решить проблему проблем. Это своеобразная перезагрузка, которая позволяет исправить все ошибки.

— Значит, Алексей Львович предпочел исчезнуть, но не причинить мне боль? — тихо спросила я.

— Да. И знаешь, ты этого достойна. Я тоже об этом подумываю, — серьезным голосом сказал Роберт и неожиданно фыркнул. Я почувствовала, что он улыбается в темноте.

— Ах, ты!.. — негодуяше воскликнула я. — Только

попробуй! Кто тогда меня защищать будет от всех этих бесконечных поклонников?

— Да ты и сама неплохо справляешься. Я помню, что ты вытворяла на поле!

— Да, а что потом было? Если бы не ты, меня бы тот, в татуировках, порубил в капусту. А после твоего появления он как-то удачно отвлекся от меня, а потом и вовсе в золу превратился. Кстати, а как это получается? Почему от них ничего не остается?

— Так и с обычными людьми бывает. Кто-то умирает в горящей машине или в доме при пожаре, тело могут кремировать, и тогда хоронят лишь пепел. Это вопрос выбора. Того, кто умер, или кого-то другого. Ты так не думаешь?

— Не знаю. А кто решает за них, за Самураев, что их тела должны рассыпаться пеплом? Может, они хотели, чтобы их похоронили по-людски, в земле?

— Скорее всего, те, кто смог призвать, возродить их души в нашу эпоху. Поверь, такое не каждому под силу. Возможно, таким образом подстраховались от лишних вопросов. Знаешь, чем меньше следов, тем лучше для них.

— Для кого? — нетерпеливо воскликнула я. — Кому было выгодно призвать этих Самураев в наше негероическое время? Неужели их просто цинично использовали?

Роберт кашлянул, — наверное, от дыма у него першило в горле. Наконец он сказал:

— Мила, ты хочешь знать несколько больше, чем тебе нужно. Поверь, лишняя информация может тебе навредить.

— Хорошо. Другой вопрос. Почему Самураи, получившие в этой жизни возможность существовать отдельно друг от друга, все-таки сбивались в... стаю, — я не удержалась и хмыкнула, — например, татуированный или Майкл, служившие Вадиму Олеговичу. Руднев-то был отдельно...

— Между прочим, ты хорошо охарактеризовала их отношения. Стая. Волчья стая. Один вожак.

— А кто не может стать вожаком, тот прислуживает? — догадалась я.

— Да. И чувствует себя на своем месте. Чувствует, что исполняет свою миссию.

— Не совсем верно. Вот Майкл, например, сказал мне, что почувствовал мои чары, что любовь — это больно. Как сэпукку, — почти кокетливо промурлыкала я и осеклась. Если Роберт снова начнет ревновать, мне мало не покажется.

Стронг молчал. Видимо, моя неосторожная фраза достигла цели. Я чувствовала, что он борется с собой. Сейчас было важно просто не мешать, и я тихонько затаилась на кровати. Наконец Роб сказал:

— Я говорил тебе, что твои чары не действуют на людей, у которых есть миссия. Например, охранять чью-то жизнь. У твоего знакомого Майкла такой миссии не было.

— Как? Он же привел меня к Вадиму Олеговичу. Исполнял его приказы, беспрекословно подчинялся...

— Как послушный сын исполняет волю своего почтенного отца, — спокойно сказал Роберт.

— Отца? — Я подпрыгнула на месте. — Майкл — сын Вадима Олеговича?

— Да. Он просто был при отце. Но это не мешало ему жить своей жизнью. Он совсем не был заиклен на своем долге. Просто делал то, о чем его просили.

— Вот так новости, — пробормотала я.

— Если хочешь знать, Самураи вообще нечувствительны к любви. А твое появление нарушило правила. За этот месяц погибло четверо из шестидесяти. Остальные требуют наказать... — Роберт замолчал, не договорив страшной фразы.

— Наказать меня? Рассчитаться со мной за эти смерти? — спокойно спросила я.

— Да, — словно нехотя сказал Роберт.

— Меня уже пытались убить. Помнишь, следователя Черепанова? — тихо напомнила я.

— Да. Его больше нет. Я опять вмешался, хоть и не должен был.

— Как тебе это позволили? Он ведь — один из вас?

— Ясные не занимаются черной работой. Для этого существуют другие. Здесь Маса тебе соврал.

— И кем же он был на самом деле, этот Черепанов? — изумленно воскликнула я.

— Настанет время, и ты во всем разберешься, — пообещал Роберт.

— Но... как же у тебя получилось убить прирожденного убийцу?

— Я знаю и умею больше, чем многие. Я — боец, — спокойно ответил Роберт и добавил: — Только тебя не просто хотели убить.

— А что еще? — с беспокойством спросила я.

— Они уже давно все решили. С тобой хотят сделать то же, что и со мной тогда, в восемьдесят шестом.

Глава 17

ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЕ

В комнате воцарилась звенящая тишина. Я с нетерпением ждала, когда Роберт продолжит рассказывать. Он снова закурил и глухо заговорил:

— Когда накрыли нашу секцию, я почти сразу очутился в колонии. Мне шили серьезное дело — сейчас уже не помню какое. Недели две я просидел там, не вылезая из карцера. Нет, я не нарывался, вел себя тихо, но меня почему-то упорно убирали от остальных. Я уже думал, что всю жизнь проведу в заключении и почти перестал надеяться, что когда-нибудь выйду на свободу. Наконец меня вызвали к следователю. Я покорно поплелся на эту встречу, абсолютно не подозревая, что меня ждет. Войдя в комнатушку, где поместились только стол и пара стульев, я обнаружил, что вместо следователя меня ждет тот самый человек, лицо которого было нетрудно узнать. Именно этого человека я видел всякий раз в толпе, когда выходил на ринг. И тогда мне стало понятно, что он — мой отец. Я не поздоровался, а сразу спросил о том, что волновало меня больше всего:

«Ты знаешь, что мать не может нормально жить после того, как ты ушел?»

Он спокойно кивнул:

«Таков дар. Я не могу ничего изменить. Земные женщины бросаются на меня, словно голодные кошки на кусок мяса».

Я буквально озверел, когда мою мать сравнили с жалким голодным зверьком, и кинулся к этому человеку, но он

остановил меня взглядом. Мне вдруг стало очень больно, так, что тело отказалось подчиниться.

«Не трать время попусту, — спокойно сказал отец, ничуть не разозлившись, — скоро тебя перестанут волновать мелочи. Ты узнаешь о таких вещах, рядом с которыми людские проблемы покажутся тебе ничтожными. За тобой наблюдали, как, впрочем, наблюдают за всеми детьми Ясных. Знаешь, обычно от земных женщин ничего путного не рождается. Дети как дети. Красивее остальных, лучше учатся в школе, да и только. Ты — совсем другое дело. Твою силу нужно направить в верное русло. Все это время ты неправильно ей распоряжался».

Мне нечего было возразить. Я просто спросил:

«Ты сказал — Ясные? Кто такие Ясные?»

«Наконец-то! Начал соображать, — с удовлетворением произнес отец, — поверь, быть Ясным — неплохо. Мы здесь, чтобы поддерживать необходимый баланс между людьми, которые просто родились, и теми, кто пришел в этот мир сознательно. Последние не должны вмешиваться в жизнь обычных людей. Желают люди повоевать — пусть воюют. Желают люди предавать друг друга, убивать своих и чужих? Желают обрести власть, деньги, всемирное признание? Пожалуйста. Мы просто наблюдаем. И не позволим никому вмешиваться в естественный ход событий. Мы между человеком и тем, кто его создал. Никто не появляется здесь случайно, в том числе и мы. Эта миссия по силам лишь нам».

Мы помолчали. Я пожал плечами и спросил:

«Зачем мне все это?»

«У тебя нет другого пути. Ты не сможешь послушаться, пойти против самого себя. Конечно, тебе будет нелегко, но зато ты многое получишь. Подумай, какие возможности у тебя появятся! У тебя будет все, чего захочешь. Высокое положение в любом обществе. Карьера, если пожелаешь. Женщины, самые красивые и знаменитые. Перед тобой никто не сможет устоять. А ты... Ты будешь спокоен, как

море в ясную погоду. Ничто не сможет потревожить твое сердце, никто не зажжет его пожаром. Не родилась еще та, кто сможет пленить Ясного».

«Но, — тихо возразил я, — разве меня можно назвать Ясным?»

«Пока нет, — серьезно ответил отец, — но мы изучили вопрос и нашли способ превратить тебя в нашего бойца. Предупреждаю сразу: ты — первый, на ком будут испытывать этот препарат. И еще: ты можешь лишь согласиться. Другого варианта нет».

Я не возражал, потому что понимал — у меня свой, особый путь. Со мной обязательно должно что-то произойти. Мне суждено стать другим.

Я согласился не раздумывая. Отец еще раз предупредил, что последствия такого превращения могут быть какими угодно, но я был готов к любому исходу.

День был назначен, и я стал нетерпеливо ждать. Меня не посвящали в подробности, так что я понятия не имел, чего, собственно, жду. За несколько дней до главного события меня перевели в общую камеру. Там уже было человек пятнадцать, все подростки. Как ты понимаешь, приходилось отбиваться изо всех сил, чтобы уцелеть. После того как мне пообещали новую жизнь, я должен был изо всех сил цепляться за старую, чтобы сохраниться для перевоплощения. Пару раз меня чуть не зарезали во сне, но каждый раз я просыпался вовремя.

Становилось сложнее. Парни, сидевшие со мной в одной камере, люто меня ненавидели. Конечно, я ничего не делал, чтобы завоевать их расположение. Я был дерзким, агрессивным, моментально кидался в драку. Естественно, они хотели меня прибить. Среди них был один, Слава, он ненавидел меня сильнее остальных. Невысокий, крепкий, жилистый, он уже успел потерять один глаз в какой-то драке. Все детство он провел в разных колониях и считал такую жизнь вполне нормальной. Другой-то он не знал! Слава не боялся ничего и никого. Однажды ему здорово от

меня досталось. Он сидел в своем углу, далеко от меня, и утирал кровь. Я краем уха слышал, как он бормочет:

«Ничего, сука. Недолго тебе осталось».

Мне совсем не понравились эти слова, ведь надо было продержаться. Сохранить жизнь.

Но у меня не получилось. Как-то раз нас вывели во двор на прогулку, и Слава начал донимать меня. Сначала я никак не реагировал на его слова, и тогда он начал говорить чудовищные пошлости про мою мать. Меня это взбесило. Когда я бросился к нему, в голове зазвучал голос отца. «Отключи эмоции», — приказал он, но я уже не мог остановиться. Я летел к этому одноглазому коротышке, видя его торжествующую физиономию. Краем глаза я заметил лезвие, блеснувшее в его руке, и тут же почувствовал острую боль. Я понял, что погибаю, так и не дождавшись своего превращения в Ясного.

Слава для верности дважды ударил меня ножом, так что у меня почти не было шансов. Я тихо корчился на мерзлой земле, проклиная себя за неосмотрительность, как вдруг увидел, что ко мне спешат какие-то незнакомые люди. Помоему, на них была военная форма, но точно не помню. Не говоря никому ни слова, они положили меня на носилки. Последнее, что я помню из жизни Артема Николаева, — это как меня грузят в какую-то машину.

Потом была пустота, в которую не проникал ни единый луч света, но где слышались звуки и чувствовалась боль. Я слышал, как властный мужской голос воскликнул:

«На стол его! Он уже почти умер. Не потеряйте время! У нас три минуты, потом — бесполезно».

Я чувствовал, как в вену скользнула тонкая игла и что-то тихо чавкнуло внутри. Мою кровь разбавляли особой жидкостью. Тело начало меняться — я чувствовал это. Рвались какие-то контакты внутри меня, а на их месте образовывались новые, более прочные. Менялась структура органов и тканей. Меня как будто перебирали, словно старый автомобиль, от которого оставляют лишь кузов, а

все детали меняют на новые, импортные. Я не мог пошевелиться, открыть глаза, сказать хоть слово. Больше всего хотелось согреться, потому что на меня навалился смертельный холод, который убил бы, выстудил все живое во мне, если бы я был жив. Но я был мертв.

Затем в мое сознание проник голос матери. Я не сразу его узнал, потому что никогда не слышал, как она рыдает.

«Артем! — стонала она. — За что тебя так?!»

Никто не отвечал. Я почувствовал, как теплая материнская ладонь коснулась моей щеки и на лоб упала горячая капелька. Мне сразу стало тепло, как под пуховым одеялом. Казалось, еще чуть-чуть, и я согреюсь, встану, чтобы утешить ее и сказать: «Мама, я с тобой!» Через мгновение я услышал шум борьбы, и теплую ладонь скинули с моей щеки. Мать начала истошно кричать:

«Пустите! Артем! Мальчик мой, я люблю тебя! Прости, что не говорила этого раньше! Прости меня!»

Ее голос удалялся, пока вовсе не затих, и я снова очутился один.

В голове зазвучал жесткий, властный голос отца: «Это последняя женщина в твоей жизни, которую ты любил. Поздравляю, сынок».

Когда я впервые после смерти открыл глаза, в комнате царил полумрак. Как у нас сейчас. Я напряженно вглядывался в сумрак и, наконец, нащупал взглядом дверь. Мне по-прежнему было холодно, и я чуть слышно попросил:

«Дайте одеяло!»

Меня услышали. Дверь немедленно распахнулась, вошла красивая женщина в белом халате. Она включила яркую лампу, прикрученную к изголовью кровати, и внимательно осмотрела мое лицо. Затем, не отводя взгляда, набросила на меня клетчатое покрывало и вышла.

Легче мне не стало. Я трясся от холода. Даже зубы стучали, да так сильно, что, казалось, вот-вот сломаются друг о друга. Я не понимал, где нахожусь и на каком я свете.

Меня продержали в больничной палате около недели.

Мне так показалось. Потом, когда я стал нормально себя чувствовать, ко мне пришел посетитель. Его властное, породистое лицо выглядело взволнованным, как будто он долго и сильно переживал.

«Очень хорошо, — сказал он, — мне сообщили, что ты в порядке. Мы уже и не надеялись. Состав-то непроверенный».

«Отец?» — неуверенно спросил я.

«Быстро соображаешь. Теперь ты видишь меня другим, чем раньше».

«Но... — я помедлил, — мы ведь были с тобой так похожи...»

«Мы и сейчас похожи. Ты тоже стал иначе выглядеть. Посмотри...» — Он вытащил из прикроватной тумбочки зеркало и протянул мне.

Я неуверенно поднес его к лицу и стал изучать свою новую внешность.

Что-то, безусловно, осталось от Артема, но очень мало. Этот новый парень был хорош.

«Таким ты останешься навсегда, — заверил отец, — нравится?»

Я кивнул. По сути, мне было абсолютно все равно, как я выгляжу. Да, из обычного паренька я превратился в красавца, но совсем не обрадовался этому. Меня никогда не волновали мелочи. Внешность была мелочью. Я усмехнулся:

«С моим характером такой идеальный нос не нужен. Все равно скоро сломают. Я не могу без драк. Это у меня в крови».

Отец серьезно посмотрел на меня и произнес:

«Ты теперь неуязвим. Постарайся это запомнить. И еще: состав твоей крови поменялся, от прежнего буйного паренька мало что осталось. Если ты теперь и будешь драться, то совсем по-другому. Да и оружие у тебя будет посильнее».

«Тогда зачем было менять меня внешне?»

«Твоя внешность будет работать на тебя. У меня есть на тебя кое-какие планы. Но потом, не сейчас».

«А что сейчас? — поинтересовался я.

«Сейчас придется много работать, учиться, доказывать, что наш эксперимент был не напрасным. Ты должен убедить всех, в том числе и меня, что ты нужен, что ты справляешься, что тебе не зря дали шанс выжить. Использовать свои данные».

«Такого ведь раньше не было?»

Отец покачал головой и произнес:

«Нет. Ты — первый. Я очень рассчитываю на тебя. Это не вопрос эмоций. Это вопрос чести. Твоя миссия predetermined. Ты — боец. Воин».

«А что, Ясные — не все воины?»

«Мы разные. Есть воины, есть отцы и матери».

«Это кто еще такие?»

«Это те люди, благодаря которым Ясные появляются на свет».

«А воин что, не способен к воспроизводству?»

«Способен. Только это не нужно. У воина совсем другая миссия, и ему не надо тратить время на женщин. Дел и так полно. Конечно, если организм требует, тебе отдастся любая земная женщина, но не Ясная мать. Их мало, и они должны вступать в контакт только с определенными мужчинами».

«Такими, как ты?»

«Да».

«Зачем тогда тебе потребовалась моя мать, обычная женщина? Да и все остальные тоже? От них ведь не рождаются Ясные».

«Видишь ли, в отличие от воинов Ясные отцы гиперсексуальны. Так сложилось. Мы нуждаемся в любви каждый день. Наши женщины подпускают нас к себе, только если нужен еще один Ясный и контакт запланирован. В остальных случаях приходится бывать с обычными женщинами, которые, к сожалению, очень сильно влюбляются в нас.

Когда мы уходим, они перестают что-либо чувствовать, кроме жалости к себе. Ну, да тебе это известно».

Я хотел было вспылить, но вдруг почувствовал, что моя кровь будто остыла и привычной агрессии больше нет. Я только спросил:

«Где она?»

«Не расстраивайся. Она умерла. Сердце не выдержало».

Я молча склонил голову, помяная мать, но почти ничего не почувствовал.

«В последнее время она жила как во сне. Никого вокруг не замечала. Кто в этом виноват? — Отец пожал плечами. — Каждый сам находит в себе силы, чтобы вернуться к нормальной жизни. Она не нашла. Так зачем, для чего ей жить?»

«А почему ты решаешь за кого-то? — спокойно спросил я. — Ты говорил, Ясные не вмешиваются в жизнь обычных людей».

«А мы и не вмешивались. Говорю тебе, она сама все решила».

Внутренне я был согласен с тем, что сказал мой отец, поэтому спорить не стал.

«Что я должен делать?» — только и спросил я.

«Начнешь со сложного. Тебе нужна хорошая разминка. В конце концов, надо развивать свои способности. Тебе известно, что ты теперь можешь проходить сквозь пространство, читать чужие мысли, внушать другим свою волю, остановить любого, даже самого опасного противника, который захочет причинить тебе вред?»

«Но как это может быть?»

«Все это было заложено в тебе изначально, но, будучи человеком, ты не мог развиваться. Тебя нужно было убить, чтобы ты стал одним из нас, и я, не раздумывая, сделал бы это еще и еще раз, если бы потребовалось».

В апреле 1986 года по приказу отца я был в Афганистане — громил базу Джавара. Всем сейчас известно, что

моджахеды были остановлены, но никто не знает как. Людям вообще нелегко понять истинные причины событий. Все дело в расстановке сил. Движущей силой на этой планете должен быть человек. И если такой порядок кто-то пытается нарушить, мы восстанавливаем равновесие. Тогда, в Афганской войне, переплелись интересы очень многих людей, и не только... Ясные должны были устранить всех чужаков, чтобы историю творили одни смертные. Сначала я не понимал, зачем это нужно, но вскоре разобрался. Видишь ли, когда ты отвечаешь за свои поступки, очень важно знать, что ничья воля не вмешалась в тот момент, когда ты выбирал, что делать. Человек за свою жизнь принимает много важных решений, и ты это знаешь, Мила. Любить или не любить. Предать или оставаться верным, несмотря ни на что. Нарушать людские законы, или жить по установленным правилам. Рожать детей, или наслаждаться свободой от ответственности. Верить или отрицать любое чудо. Нажать на курок или попытаться остаться человеком...

Через какое-то время будет определена судьба человечества, и Тот, Кто решает, должен быть уверен, что в действия людей никто не вмешивался. Ясные существуют на земле так же давно, как люди. И будут существовать до тех пор, пока последний из людей не покинет этот мир.

В апреле того же года я должен был предотвратить крупный теракт в самолете, следовавшем из Лондона в Тель-Авив. В багаже пассажирки израильского самолета обнаружили взрывное устройство. Мне было необходимо вмешаться, потому что взрыв готовили не люди.

Я жил под разными именами. За один месяц мог побывать в нескольких горячих точках, и везде занимался лишь одним — не давал иным существам вмешиваться в жизнь людей. Хотя мог бы сделать много больше. Но мне было запрещено. Отец говорил: «Осчастливить против желания невозможно». Невозможно спасти всех. Так устроен этот мир, что смерть обязательно кому-то выгодна.

Я не спорил, потому что никогда не сочувствовал никому из смертных. Мне просто было плевать на всех, пока я не встретил тебя.

В две тысячи пятом году, когда я был в Могадишо, отец связался со мной и сказал:

«Тебе необходимо в Москву. Там живет девочка, которой на днях исполняется двенадцать лет. Это тот самый возраст, когда начинают проявляться способности. Понаблюдай за ней».

Я очень удивился: я-то тут при чем? Вокруг — война, черт знает что происходит, а тут какая-то девчонка!

«Без тебя не разобраться, — спокойно объяснил отец, почувствовав мое недовольство, — только ты сможешь понять, что особенного в этом ребенке. Там, по некоторым данным, очень необычный дар просыпается. Если это окажется правдой, ее надо забирать. С такими мощными способностями она натворит бед. Надо направить ее талант в нужное русло».

Я согласился и вылетел в Москву. По сути, мне было все равно, какое задание выполнять. Подчиняясь, я наконец-то почувствовал себя на своем месте.

Увидев тебя, я сразу понял: ты именно та, за кого тебя принимают Ясные. Отец был прав — только я мог точно определить силу твоего таланта. У меня было некоторое преимущество перед нашими наблюдателями — когда-то я был таким же, как и ты, наполовину человек, наполовину Ясный. Я понимал, как может проявляться дар, как он раскрывается, вызывая у носителя гамму разнообразных чувств.

Я наблюдал за тобой, такой милой, забавной... Ты была, словно игривый, беспечный котенок, только начинающий осознавать себя хищником. Одноклассники были без ума от тебя. Не знаю, ощущала ли ты тогда свою власть над мужчинами?

Я не хотел говорить отцу правду о тебе. Я знал, что последует за этим. Твое детство закончится. Тебя грубо

вырвут из привычной среды, сделают тебе больно, иначе просто нельзя, теперь ты это знаешь. Ты, такая живая и веселая, превратишься в бездушного исполнителя, и это произойдет так рано! Нет, этого нельзя было допустить. Я захотел дать тебе шанс на нормальную жизнь. Понадеялся на то, что о тебе забудут еще до того, как дар проявится в полной мере. У тебя в запасе было как минимум несколько лет. Меня поразила моя собственная реакция на твои проблемы. Впервые, после того как я стал Ясным, мне было не все равно. Я солгал отцу о тебе.

Но ты не смогла остаться незамеченной. Это было невозможно. Даже я не мог предвидеть, что ты вызовешь такое смятение в мужских сердцах. Да еще в каких!

Самураи, которые возродились в этой эпохе, суровые, не знающие любви, поддались твоим чарам, как простые смертные! Один покончил с собой, другие начали охотиться на тебя. Мне пришлось уничтожить троих из них, и теперь правда вырвалась на свободу. Самураи требуют ответа от нас. Им непонятно, почему их предводитель покинул этот мир.

Я должен буду объясниться с отцом, почему солгал и не выдал тебя. Все запуталось. Не знаю, как описать мои чувства к тебе. Я не могу влюбиться, это невозможно. И все-таки это произошло.

Глава 18

ССОРА

Роберт Стронг замолчал. В комнате было так тихо, что я слышала, как учащенно бьются наши сердца — иногда вразнобой, а иногда в общем ритме.

— Как случилось, что ты стал актером? — спросила я.

— По благу, — отшутился он.

— А если серьезно? Ведь нужен талант. Откуда он у тебя?

— Скорее, внешность. Увы, в современном кинематографе талант — вопрос второстепенный. Ты можешь быть посредственным актером, но, если в тебе заинтересованы, целая команда профессионалов сделает все, чтобы в кадре ты выглядел убедительно.

— То есть именно тебя режиссеры хотели видеть в своих фильмах? — уточнила я.

— Да.

— Но, зачем это было нужно твоему отцу?

Роберт рассмеялся:

— В Голливуде много нечисти из других миров, и нам было не ясно, что же у них на уме. Пришлось подобраться поближе и понаблюдать.

Я понимала, что Стронг многое недоговаривает, но и того, что было сказано, мне хватило. Я буквально тонула в информации, и было очень сложно уместить ее в голове.

— Дай сигарету, — попросила я.

— Ты же не куришь, — тихо напомнил Роберт.

Его голос был отстраненным и безразличным. Стронг погрузился в воспоминания. Наверное, именно поэтому не

стал возражать и молча протянул мне пачку с сигаретами и зажигалку.

Я поднесла огонь к сигарете, затянулась. Едкий дым, впервые осевший в легких, заставил меня закашляться. Я постаралась справиться с этим приступом, не привлекая внимания, но Роберт немедленно вскочил и закричал:

— Ты что, курить не умеешь? Мы же кальян с тобой на двоих...

Не договорив, он выхватил из моих рук зажженную сигарету и погасил ее.

— Так то — кальян. А кто сам недавно кашлял? — напомнила я. — По-моему, у тебя это тоже первая сигарета.

— Я и не скрываю. И знаешь, мне как-то не очень понравилось. Я в детстве много тренировался, нужна была хорошая дыхалка. Поэтому не привык к табаку, хотя в классе все ребята курили. А сейчас понимаю — правильно, что не втянулся. Глупо это, бессмысленно.

— Мне тоже так кажется. Я просто разволновалась, пока тебя слушала. А сигареты, говорят, успокаивают. По-моему, это неправда. Я ничуть не успокоилась, а в горле теперь ком стоит — во-о-от такой огромный!

Я развела руки, Роберт тихо засмеялся в темноте.

— Ты еще совсем маленькая, — неожиданно нежно произнес он.

— Да уж! Малышка впервые закурила.

— Можно, я дотронусь до тебя? — хрипло спросил он. — Наверное, если я этого не сделаю, то сдохну здесь и сейчас.

— Не преувеличивай, — выдохнула я.

— Только обещай, что остановишь меня, если тебе станет больно. Пообещай мне это, прошу.

— Хорошо, — сказала я, с трудом контролируя свое дыхание.

Роберт наклонился ко мне и дотронулся пальцами до моей щеки. Она вспыхнула, словно опаленная огнем. Он взял мое лицо двумя руками и начал осыпать его нежными

поцелуями, похожими на прикосновения крыльев бабочки. Его губы, мягкие и волнующие, становились все более настойчивыми, и я стала задыхаться от охватившего меня желания. Я нежно притянула Роберта к себе, обхватив двумя руками его крепкую спину. Через несколько мгновений он оказался на кровати рядом со мной, прижимаясь ко мне всем телом и дрожа от страсти. Мы стояли на коленях на этом огромном ложе, сплетенные воедино, и обвивали друг друга руками. Наконец, он осторожно опрокинул меня на бок. Я увидела, как лихорадочно блестят в темноте его глаза, и поняла, что мне уже никуда не деться от этой безумной страсти, пожирающей нас обоих.

Он лег рядом, слева от меня, и стал целовать мою шею. Я застонала. «Черт! Никогда не думала, что это настолько приятно!» Роберт переместился ниже и стал обследовать языком ложбинку ключицы. Я извивалась, словно сумасшедшая, меня трясло, не то от возбуждения, не то от жара, который, казалось, все нарастал. Мне казалось, что тело мое плавится. Стронг был одет, а я — в нижнем белье. Я только сейчас это заметила и сразу же спросила у него срывающимся голосом:

— Это ты раздел меня?

Он не сразу оторвался от меня и ответил:

— Доктор должен был тебя осмотреть.

— Что ты почувствовал, когда раздевал меня?

— Я хотел овладеть тобой, несмотря на то что ты спала, — честно признался Стронг, — но вовремя сдержался.

Я чуть-чуть приподнялась и, нащупав в темноте верхнюю пуговицу на его рубашке, с трудом расстегнула ее. Затем я нашла вторую и сделала то же самое. Эта медленная попытка с раздеванием измучила меня, и я с силой дернула за края рубашки. Ткань затрещала, и пуговицы разлетелись в разные стороны, с шумом приземляясь на паркетный пол.

Я полностью освободила Роберта от рубашки, и он оказался надо мной, удерживаясь на прямых руках. Затем он согнул их в локтях, и мы сблизились, лихорадочно и упруго

двигаясь в одном ритме. Роберт стал целовать мое лицо, старательно обходя поврежденные губы, спускаясь ниже и ниже. Мои руки ласкали его волосы и шею, крепкую обнаженную грудь. Больше всего мне хотелось освободиться от остатков своей одежды, и я потянулась рукой к застежке спереди на лифчике. Роберт опередил меня. Он тоже не пожалел долго возиться с замком и просто разорвал тонкое кружево. Я снова застонала, почувствовав его нарастающее возбуждение. Он дотронулся до моей обнаженной груди, и мне захотелось, чтобы он делал это еще и еще, настолько сильным оказалось ощущение. Моя рука скользнула по его животу вниз и нащупала ремень. Я не удержалась и провела пальцем по упругой выпуклости чуть ниже. Стало понятно, что я созрела для более серьезных действий.

— Я люблю тебя, — хрипло прошептал он.

— И я люблю тебя, — так же тихо ответила я, — все будет хорошо. Не бойся. Я хочу тебя. Я сама, никто меня не заставляет.

Я дернула ремень на его брюках, Роберт застонал. Неожиданно он остановился, будто услышал выстрел.

— Оденся, — вдруг сказал он, резко отстраняясь, — я не должен.

Он выскочил из постели, словно его ужалила змея, и отошел в сторону, к самой двери.

— Нет! Нет! — застонала я. — Ты не можешь так просто оттолкнуть меня! Чего ты боишься?

Роберт молчал, и я слышала только его тяжелое дыхание.

— Ты был так нежен! Ничего мне не повредил! Мы бы могли любить друг друга сейчас, и это все, о чем я мечтаю, Роберт!

— Я не должен этого делать. По крайней мере, сейчас, когда ты в опасности.

— Опасность? О чем это ты? Все, кто хотел мне навредить, уничтожены. Ты сам это сделал. Кто еще?

— Только что я слышал голос отца. Он сказал, что тебя ищут. Он попросил доставить тебя к нему, а я ответил, что тогда он меня потеряет. Навсегда.

— Почему ты не хочешь, чтобы мы встретились?! — воскликнула я. — Что он мне сделает?

— Ты — второй ребенок Ясного и земной женщины, в котором проявились особенные способности. Я уже предупреждал тебя об их намерениях.

— И что в этом плохого? Я, как и ты в юности, понимаю, что сильно отличаюсь от других людей. Мы сможем быть вместе.

Роберт горько усмехнулся:

— Скорее, наоборот. Мы почти не будем видеться, ведь тебя будут использовать. Тобой будут пользоваться в прямом смысле этого слова. Твой дар станет еще сильнее, ты будешь чудовищным, страшным оружием в чужих руках. Будешь исполнять роль роковой оболъстительницы и вскоре поверишь, что родилась на свет с единственной целью — губить людей. Ты будешь общаться с мужчинами такого уровня, что тебе даже не снилось. Очень скоро поклонниками, готовыми бросить к твоим ногам целые континенты, станут президенты сверхдержав, короли, политические лидеры. Все эти большие мальчики будут лизать твои пятки, словно послушные псы, а ты будешь кормить их с руки и требовать от них выполнения всех твоих желаний. А желать ты будешь того, что укажет твое начальство. То есть мой отец. Он обещал, что я никогда не полюблю. Оказалось, это не так, и я больше не могу ему доверять.

— Ты не должен так говорить, — твердо сказала я, — он много сделал для тебя.

Я стала замерзать и надвинула одеяло до самого подбородка. Возбуждение понемногу проходило, и на душе становилось тоскливо. Роберт, наверное, чувствовал то же самое. Он тихонько прошелся по комнате, затем остановился и сказал:

— Я никак не могу понять, почему на меня так дейс-

твует твой дар. Ведь это невозможно. На меня не должны влиять никакие способности. Я сейчас опять чуть глупостей не наделал. Если бы не отец...

— Он что, наблюдал за нами все это время? — Я задохнулась от возмущения.

— Нет, я могу закрывать свою жизнь от посторонних глаз, и никто, даже он, не сможет ничего увидеть. Только когда мы почти... — он помолчал, — нам нельзя этого делать, пока твоя судьба неясна. Я решил посмотреть на ситуацию со всех сторон и услышал голос. Это было так, словно на автоответчике меня ждало новое сообщение. Его уже записали на пленку, и оставалось только прослушать.

— Ты так ничего и не понял, — горько сказала я, — мне все равно, что будет со мной завтра, даже через час. Но я хотела тебя и была готова к тому, чтобы ты стал моим мужчиной. Первым мужчиной. Даже если бы через минуту после этого меня расстреляли.

Роберт усмехнулся и прошептал:

— Девочка моя маленькая... Ты слишком любишь жизнь, а я слишком люблю тебя, чтобы позволить кому-то навредить тебе. Моя задача сейчас — не наслаждаться близостью с тобой, забыв обо всем на свете, а защищать, пока опасность не отступит.

— Это когда-нибудь произойдет?

— Не знаю.

Роберт подошел к двери, щелкнул выключателем. Загорелся свет. Я огляделась. Постель была разворочена, словно на ней боролись два диких зверя. Я молча расправила простыню и с укором взглянула на Роберта. Чтобы избежать моего взгляда, Стронг повернулся спиной и раздвинул дверцы шкафа-купе. В его недрах показался ровный ряд вешалок с одеждой. Мой «англичанин» выбрал кремовую рубашку из тонкого хлопка. Я успела еще раз полюбоваться совершенным телом Роберта, его красивой накачанной грудью, покрытой светлыми нежными волосками, прежде чем он оделся, наглухо застегнув рубашку.

— Ты такая трогательная, такая растрепанная, — неожиданно сказал он, поворачиваясь ко мне. Видимо, когда он закрыл свое тело от возможных посягательств с моей стороны, ему стало гораздо спокойнее.

— Представляю, — в тон ему ответила я, — только я тогда тоже хочу что-нибудь накинуть. А то, кроме одеяла, на мне лишь трусики и лифчик — не совсем целый.

— Я дам тебе свою рубашку, — сказал Роберт, и я почувствовала, как он старается сохранить спокойствие в голосе.

«Господи! Ну, почему бы ему не заняться со мной любовью? Хотя бы один разок? Это же недолго, насколько я понимаю! Нам обоим могло стать легче. А потом бы охранял меня ото всех сколько угодно! Ну, почему он такой непростой, этот Стронг? Хотя, может быть, именно этим он и привлек меня?»

Роберт медленно подошел ко мне, держа в руках белоснежную сорочку.

— О-о-о... — протянула я, — зачем так торжественно? Где моя одежда?

— Она вся пропахла другими мужчинами. Я ее выбросил, — спокойно, но очень твердо ответил Роб.

— А в чем я домой пойду?

— Тебе нельзя домой, ты не должна ни на шаг отходить от меня.

— Ты с ума сошел? — почти закричала я. — Меня ждет мама! Я уже давно не появлялась, наверное, она ищет меня!

— Нет, не ищет. Я позвонил ей и предупредил, что у моей сестры день рождения и ты останешься у нас ночевать.

— И она поверила!

— Да, не сомневайся. Я умею воздействовать на людей.

— Что-то я не чувствую твоего воздействия! — ехидно отозвалась я. — Если бы ты мог, ты бы внушил мне, что

близость между нами — дело совсем лишнее. Только, знаешь, я так совсем не считаю. Очень даже наоборот!

Я резко вскочила с кровати. Голова сразу закружилась, но меня это не остановило. Выдернув из рук Роберта белоснежную рубашку, я стала лихорадочно одеваться. Стронг не отрываясь смотрел на мою обнаженную грудь. «Ничего, пусть посмотрит и помучается». Медленно, наслаждаясь его муками, я застегивала пуговицы на рубашке, начиная с нижней, чтобы грудь дольше оставалась неприкрытой. Я вдруг осознала всю свою власть над мужчинами в целом и над Робертом в частности, и это доставило мне неожиданное, невероятное наслаждение.

— А знаешь, — сказала я ему, — пусть меня превратят в хищную, злобную, корыстную тварь. Мне кажется, я даже буду испытывать удовольствие, извиваясь под каким-нибудь арабским шейхом, выясняя у него в постели, где он прячет ядерную кнопку.

Роберт побелел, как моя рубашка.

— О чем ты говоришь? — прошептал он.

Я усмехнулась:

— Знаешь, как поется в известной песенке: «А девочка созрела». Мне хочется любви, безудержного секса, приключений, наконец. А как этого проще всего добиться? Поступить к вам на секретную службу... Не правда ли, чудесная идея?

В меня будто бес вселился. Я сама себя не узнавала!

— Если бы я только мог хоть что-то внушить тебе, — произнес Роберт с горечью, — если бы я мог. Но ты слишком сильная.

— Отвези меня к своему папаше! — выкрикнула я, поражаясь собственной безрассудности. — Пусть они меня тоже зарежут. Зато потом из меня выйдет невообразимая красавица, не то что сейчас. Знаешь, мне надоело, что все мужики мне говорят: «И что в тебе такого? Не пойму, отчего это я в тебя такой влюбленный?» Пусть мне больше не задают этот дурацкий вопрос!

— Я не позволю, чтобы тебе сделали больно! — твердо сказал Роберт.

— И сам же причиняешь мне боль! — воскликнула я. — Если ты не хочешь меня, то зачем мне быть обычным человеком? Дай мне развлечься на полную катушку! Пусть меня сделают такой, как ты.

Роберт смотрел на меня взглядом, полным боли. Я понимала, что каждое мое несправедливое слово ранит его, но остановиться не могла.

Внутри Милы Богдановой впервые проснулась обиженная женщина. В сердце любой маленькой девочки, которую бросил отец, живет затаенная горечь потери своего первого мужчины. Она скрывается в недрах души и иногда вырывается на свободу. Это не зависит от того, насколько хорошо сложилась жизнь девочки впоследствии. Даже если она удачно выходит замуж, предательство отца остается глубокой ссадиной на сердце и периодически напоминает о себе.

Я впервые почувствовала это — прежде меня не отвергал ни один мужчина. По странной иронии никто мне и не был нужен. Только Роберт...

— Я не могу слушать то, что ты говоришь, — сказал он после долгой паузы.

— Так отвези меня домой! — воскликнула я. — И больше никогда не появляйся в моей жизни! Никогда! Слышишь?

Я понимала, что после очень сильно пожалею о сказанном. Роберт стоял напротив меня и пытался увидеть во мне прежнюю Милу, нежную и влюбленную, но не смог. Я это знала. Он читал на моем лице лишь гнев и боль.

— Это все, что я сейчас чувствую, — холодно припечатала я, глядя ему в глаза.

— Я не понимаю тебя, Мила, — тихо сказал Стронг и попытался взять меня за руку, но я не дала ему это сделать. Сорвавшись с места, я обошла его, едва не задев плечом, открыла ящик шкафа и достала оттуда первые попавшиеся джинсы.

— Надеюсь, ты не возражаешь? — с вызовом спросила я и стала натягивать их, не дожидаясь ответа.

— Они будут велики, — машинально ответил Роберт. Он явно никак не мог оправиться от резкой смены моего настроения.

— Но ты ведь выбросил мою одежду! Вот и приходится выкручиваться! Я же не могу явиться домой голая!

Джинсы действительно оказались велики — очень длинные, да и в поясе широковаты. Я взяла с полки кожаный ремень с массивной бляшкой и затянулась потуже, а потом посмотрелась в зеркало и нервно хохотнула.

— Поехали! — скомандовала я. — Надеюсь, ты сапоги мои оставил? Или они тоже другими мужиками пропахли?

— Они в коридоре, — тихо ответил Роберт, — я не могу тебя отпустить. Тебя убьют.

— Если они этого не сделают, я сама застрелюсь. Не хочу, чтобы меня постоянно динамил любимый мужчина.

— Я не... — начал было Роберт, но я перебила его:

— Так ты отвезешь меня, или мне придется добираться пешком? Кстати, где находится этот дом? Далеко от моего?

— Соседний поселок, в минуте езды от твоего дома. Я снял его на то время, пока живу в России.

— Знаешь, — сказала я, — а мне понравился Лондон. Там было несколько районов, в которых я бы даже смогла жить. Например, Белгрэйв. Или Найтбридж, рядом с универмагом Harrods. Не понимаю, что тебя держит здесь, в России. Уж точно не фильм. Тебе ведь плевать на творчество, да? Как и на меня...

С этими словами я выскочила из комнаты, в которой так много всего произошло за последние сутки, и бросилась вниз по массивной дубовой лестнице. В спокойном состоянии я с удовольствием полюбовалась бы домом. Внутренняя отделка дома, мебель, цветовая гамма — все это должно было вызывать самые приятные эмоции, настраивая на спокойный, неторопливый лад. Но я, напротив, спешила,

словно безумная, прочь от своей любви. Прочь от единственной надежды на счастье и покой. Прочь от мужчины, которого считала совершенством во всех отношениях.

Роберт бежал за мной следом, и я вдруг почувствовала глубину его отчаяния. Мое дикое, непонятное поведение почти раздавило его. Я остановилась и обернулась. Стронг остановился тоже. Мы стояли друг против друга, не в силах прервать молчание.

Наконец я сказала:

— Роберт, живи своей жизнью и оставь в покое меня. Может, я хочу того, от чего ты так старательно меня оберегаешь. Ты ошибся тогда, пять лет назад. Детство оказалось ни к чему. Оно не было счастливым. Я, как и ты, видела перед собой только убитую горем мать и чувствовала, что мой отец предал меня. Я просто существовала все это время, не получая от жизни ни малейшего удовольствия. Я понимаю, ты хотел защитить живую, веселую девочку от взрослой жизни. Но никто не защитил ее от одиночества и боли. От страха, что она навсегда останется одна в этом мире. От неопределенности. От незнания, что делать в жизни. Ты этого хотел, Роберт?

Стронг молча покачал головой.

— Недавно мой дар начал проявляться, и я впервые ощутила, что живу по-настоящему. Вокруг меня появились люди, каждый новый день стал для меня открытием. Не делай ту же ошибку сейчас, Роберт. Не пытайся защитить меня от реальной жизни. Позволь мне быть собой, и тогда, возможно, я буду тебе благодарна.

— Значит, я — эгоист, раз пытаюсь сохранить тебя для себя? — наконец хрипло спросил он.

— Не обманывай себя. Никто не позволит нам быть вместе. Вспомни, чем закончилась наша попытка заняться любовью. Признай, что мы никогда не будем принадлежать себе. Это уже решено.

— Нет, не решено, Мила. Я отказываюсь в это верить! Можно бороться!

— С кем? С собственным отцом, который может вломиться в твои мысли, хоть ты и отказываешься это признать?

— Должен быть способ избавить тебя от этого проклятого дара, а значит, и от ужасного будущего! Я обязательно что-нибудь придумаю, просто дай мне время.

— А если я не хочу? Если я желаю жить той жизнью, что мне предначертана?

— Лиза смотрела твои руки. Линия на одной ладони описывает мрачное будущее — без семьи, без любимых. Только миссия. На другой — иная судьба. Значит, еще не все потеряно.

— Я не хочу бежать от своего предназначения, — устало сказала я, — к тому же ты, Роберт Стронг, разбудил во мне такую страсть, что я непременно должна испытывать это снова и снова, пусть даже с кем-то другим. И поверь мне, никто и никогда уже не сможет остановиться, как это только что сделал ты.

Мои последние слова добились Роберта. Он буквально остолбенел. Не отрываясь, этот красивый мужчина смотрел на меня и не мог ничего сказать. Я чувствовала, как ему плохо, и всей душой хотела только одного — кинуться ему на шею и уверить, что все мои слова — злая ложь, что я просто хотела его обидеть, что рассерженную женщину не стоит воспринимать всерьез. Но умом я понимала, что нам попросту не дадут быть вместе. Властный отец заставит сына отказаться от меня, а если Роберт воспротивится, то нас разлучат силой. Что ж, не лучше ли расстаться сейчас?

Я еще раз посмотрела на Роберта, зная, что никогда больше его не увижу. А если и увижу, то буду уже совсем другой. Потом выскочила из дома.

Глава 19

ПОКУШЕНИЕ

На этот раз Роберт за мной не побежал. Я понимала, что вела себя как неблагодарная, развратная дрянь, но не жалела об этом. Мне не хотелось стоять между ним и его отцом. Между ним и его долгом. Я слишком любила Роберта, чтобы остаться с ним.

Я хлопнула дверь, отсекая от себя единственный шанс быть счастливой, и стала озираться в поисках калитки. Моя «Мазда» стояла рядом с его «Рэйнджером». «Вот удивительно, вроде бы я оставила ее во дворе Маринино дома в Беляево...»

Соображать, как здесь очутилась моя машина, не было ни сил, ни времени. Я подбежала к ней, дернула дверцу — не заперта; ключ был вставлен в замок зажигания, я повернула его, заводя двигатель. Въездные ворота, по счастью, были открыты, и я быстро покинула двор.

Что я чувствовала, когда ехала по темной узкой дороге, прочь от своего любимого мужчины? Наверное, ничего. Только почему-то проклятые слезы градом катились из глаз, мешая видеть. Я вытирала их чересчур длинным рукавом рубашки, которая, к сожалению, не сохранила запаха своего хозяина, потому что была идеально чистой.

Через несколько минут я оказалась у себя. Припарковала машину под навесом и поднялась в дом. Мать сидела в гостиной, глядя куда-то мимо включенного телевизора. Услышав шаги, она вздрогнула и уставилась на мое лицо.

— Мам, только ничего не спрашивай, — жалобно попросила я, — все равно ничего не отвечу.

Мать кивнула и тихо сказала:

— Главное, что вернулась. Я уже на это не рассчитывала.

«А мама молодец. Не допрашивает меня, почему я так поздно и в таком виде, вообще не орет, как раньше...» Я прошла в свою комнату, а оттуда — в ванную. Мне было просто необходимо полежать в теплой воде.

Моя новая жизнь не сулила ничего хорошего. Нужно было научиться ценить те немногие радости, которые в ней остались: горячую ванну, крепкий кофе по утрам, хорошую погоду, интересные книги, общение с друзьями. Интересно, как быстро и эти маленькие радости исчезнут из моей жизни? Как быстро за мной придут и доставят к Ясным? Как скоро из меня сделают равнодушную машину, призванную сохранять шаткое равновесие между людьми и теми, другими?

Погрузившись в горячую воду и добавляя в нее ароматную пенку для ванн, я поняла, что мне уже все равно. Было только немного жутко представлять себе собственную смерть. «Хоть бы не больно, хоть бы не больно!»

Я подняла руку и внимательно осмотрела ее, изучая синяки, оставшиеся от прикосновений Роберта в ночном клубе. Он тогда не сдержался и сделал мне больно, не желая этого. Я же намеренно разорвала его сердце в клочки. Мои синяки и ссадины заживут, а вот его раны никогда не затянутся. Я всхлипнула.

Мне вспомнилось, как Стронг старался быть нежным, как он контролировал каждый свой шаг, зная, что гораздо сильнее меня. «Роберт! Роберт! — Я уже рыдала, не стесняясь своей слабости. — Ну почему все так глупо? Почему ты — не обычный парень, а я — не обычная девчонка? Мы ведь могли быть так счастливы!»

Следующие дни прошли как в тумане. Я ходила в университет, зная, что больше никогда не увижу Роберта. Слушала лекции, которые по-прежнему были ужасно скучными, участвовала в семинарах, общалась с Антоном

и девочками из группы. Надо сказать, что мы поладили после Маринино дня рождения.

Прошло несколько месяцев с того дня, когда я в последний раз видела Роберта.

Однажды я пришла на первую пару раньше всех и уселась за парту. Внезапно в аудиторию вбежал Антошка, потрясая в воздухе журналом о звездах кинематографа. Приятель подскочил ко мне и заорал:

— Новость года! Надеюсь, уже читала?

Я удивленно помотала головой.

— Наш английский красавец женится на своей партнерше по фильму!

Приятель положил передо мной журнал, на обложке которого красовалась большая фотография счастливой пары. Я взглянула на нее и почувствовала, как сердце разбивается вдребезги.

Мой Роберт, неправдоподобно красивый в сером костюме из английской шерсти, держал в объятьях субтильную коротко стриженную брюнетку с нервным, злым лицом — отчего-то знакомым.

— Кто это? — спросила я Антона помертвевшим голосом.

— Ты что, не знаешь ее? — округлил глаза он. — Это же Тина Миллер. Они вместе снялись в нескольких фильмах. В прессе постоянно говорили об их романе. Вроде они уже два года встречаются. Все время то сходятся, то расходятся и вот, наконец, решили пожениться этой зимой.

Мне стало мучительно, нестерпимо холодно. Я откинулась на стуле и заставила себя улыбнуться.

— А я думал, ты расстроишься, — честно признался Антошка, — по-моему, вы друг другу нравились. Это было заметно.

— Немного, — согласилась я, — но мы были очень мало знакомы. Что можно было успеть за это время?

Про себя я подумала, что можно было страстно, безумно полюбить, спасти жизнь любимой, рассказать о самом

сокровенном и разрушить самую тесную, самую прочную связь во имя душевного спокойствия самого лучшего человека во вселенной. Ну и да, можно было узнать, что вселенная принадлежит вовсе не людям.

— Правда, они подходят друг другу? — оживленно болтал Антон, разглядывая фотографии. Его успокоило мое показное равнодушие, и он больше не боялся меня задеть.

Я взяла журнал и стала молча рассматривать снимки. Под ними было подробное интервью с актерами. У меня не было сил читать его, поэтому я просто вглядывалась в лицо Роберта, обнимавшего свою тощенькую невесту. Я надеялась разглядеть хоть какие-то следы душевных мук на его лице, но у меня ничего не вышло. Ни единого намека на боль, никакой горечи или обиды. Только безмятежное довольство жизнью светилось в глазах цвета зимнего моря.

Одна из фотографий меня особенно обидела. Тина Миллер, вполоборота к фотокамере, страстно смотрела на Роберта своими прекрасными зелеными глазами. Он отвечал ей таким же взглядом, готовый прильнуть губами к ее приоткрытому рту. Я никак не могла поверить, что Роберт мог так смотреть на кого-то, кроме меня. Желать кого-то, как меня. Защищать кого-то, а не меня. Но на фото это выглядело вполне реально.

Оба актера были так прекрасны на картинках, что я искренне порадовалась бы за них, если бы могла.

После занятий я пришла домой, полубезумная от горя. «А чего, собственно, ты хотела, Мила? — мысленно спрашивала я себя. — Ты сделала все, чтобы оттолкнуть его. Он предлагал тебе остаться с ним. Обещал что-нибудь придумать, чтобы освободить тебя от рокового дара. Подарить тебе право жить спокойной жизнью, полной любви. Но ты обиделась и сказала, что хочешь видеть вокруг себя поверженных мужчин, хочешь, чтобы тебе поклонялись, и хочешь власти над незащитными людьми. Ты полагала, что, изъявляя желание стать Ясной, освободишь его от постоянного страха за твою жизнь. То, что он считал са-

мым большим злом, ты желала принять как благо. Он покинул Россию, что вполне объяснимо. Наверное, его миссия здесь завершена. Ему нужно было забыть о том, что произошло. Вскоре, если он очень постарается, его уязвленное мужское самолюбие успокоится и он вновь обретет счастье и мир в душе».

Я все понимала. Непонятно было одно: а мне-то что делать? Тоже найти себе пару? После того как Роберт пропал, я не могла смотреть на других мужчин и тихо радовалась, что в нашем вузе их так мало. На семинары с иностранцами я больше не ходила — договорилась с Семипалатовой, что сдам ей «хвосты» отдельно, а еще куплю для ее кабинета новый жидкокристаллический экран. Преподавательница довольно легко согласилась на мое предложение, посетовав лишь на то, что без практики из меня получится плохой педагог. Я только усмехнулась в ответ: знала бы она, каким отличным специалистом я стану через какое-то время. Мне было ясно, что рано или поздно за мной придут. Роберт мог поговорить с отцом, чтобы отложить мое неминуемое перевоплощение, но не мог просить за меня вечно! Когда-нибудь, может быть очень даже скоро, ему станет глубоко наплевать на то, кто такая Мила Богданова. И Ясные, наконец, примут окончательное решение. «Интересно, а мне об этом скажут или так, без предупреждения, пристрелят из-за угла, а потом, подобрав тело, введут свой хитрый препарат, уже опробованный на Роберте?» — думала иногда я.

В дверь моей комнаты тихо постучали.

— Ты есть будешь? — послышался снаружи голос матери.

«Черт подери! Она потихоньку становится просто идеальным родителем. Тактичная, ненавязчивая, без претензии на главенство в семье. Что это с моей бывшей сварливой матушкой?»

— Сейчас приду, — пообещала я: есть совсем не хотелось, но и обижать маму не следовало.

— Хорошо, дочка.

На улице похолодало, и в доме тоже было зябко, хотя мы и включили отопление. Я накинула на плечи теплый вязаный свитер и стала спускаться в столовую.

На столе меня уже ждала полная тарелка супа. Я с благодарностью посмотрела на мать и пробормотала:

— Спасибо. Лучшее средство от непогоды — горячий суп.

— Да, — радостно согласилась моя родительница, — говорят, завтра снег пойдет. Ты машину переобула?

— Ой, — растерялась я, — нет еще.

«Разиня! Как можно было забыть?»

— Ладно, в ближайшее время съезди, — настойчиво сказала мать.

Мы немного помолчали. Я нехотя ела суп, делая вид, что он мне очень нравится. Мать сидела рядом, обводя стены мечтательным взглядом. Наконец, она произнесла:

— Твой отец звонил.

«Вот почему она такая сегодня — поговорила с отцом и подобрела», — подумала я, а вслух спросила:

— Чего хотел?

— Вы же должны были встретиться. Он сказал, что около месяца назад.

— Да, — равнодушно кивнула я, — но потом что-то не срослось.

— Вот он и поинтересовался у меня, что именно. А я ответила, что сама не пойму, что с тобой происходит. Сидишь дома, никуда не едешь, кроме университета. А он удивился, почему тогда не находишь времени, чтобы с ним встретиться. Трубку не берешь. А я? Что я могла ответить? Предложила ему приехать к нам.

Я пожалала плечами. После отъезда Роберта меня уже даже отец не интересовал. Ну, расскажет он мне о том, что он — Ясный и я тоже — наполовину. И что?

— Позвони ему, он волнуется, — настойчиво напомнила мать.

Я схватила мобильник и с радостью выскочила из-за стола. Набрал знакомый номер и дождавшись ответа, я сказала:

— Привет, пап.

— А, привет дочка, — сказал отец, — что-то давно не встречались.

Я ничего на это не ответила: мы никогда не встречались часто.

Помню, как в детстве, когда мне было три или четыре года, я все время была при папе. Мы вместе ходили в парикмахерскую, и меня стригли так же, как его — под «ноль». Обычно мама лишь вздыхала, в очередной раз увидев, что ее дочка превратилась в тифозного таракана. Отец брал меня тусоваться с его друзьями, с которыми пил пиво в летних кафе. Он никогда не отказывался, если я просила у него разрешения отхлебнуть из его стакана, и я, попробовав, всегда морщилась и говорила: «Фу, гадость». Может быть, именно поэтому меня никогда не тянуло к спиртному. Я помню холостяцкие квартиры, где папа встречался с друзьями — там кормили неизменной яичницей с вареной колбасой. Все это безумно мне нравилось. Наверное, именно тогда я и переняла отцовскую манеру общаться — непринужденную и доброжелательную, вызывающую неизменную симпатию у людей. Конечно, в последний год, когда мой дар стал проявляться сильнее, приходится быть осторожной, чтобы не нравиться слишком сильно...

Я, практически, не помню маму в это время.

Все изменилось, когда родители решили расстаться. Я ходила как потерянная и повторяла одно и то же: «Ау меня папа и мама разводятся». Я говорила это всем, кто был готов слушать: воспитательнице в детском саду, детям в песочнице, соседке-собачнице, которую мать изредка просила посидеть со мной...

Я осталась одна с матерью. А она была наедине со своей болью — раздавленная и уничтоженная, но все еще гордая.

Жизнь стала тяжелой для нас обеих. Мать погрузилась в свое горе, а я должна была научиться жить по-новому. Бесконечные секции, кружки, курсы... Все, что могло отвлекать. Я старательно избегала собственного дома, где вечерами сидела моя несчастная, потерянная мать. Не в силах ей помочь, я загрузила себя по полной — занималась хореографией, постоянно выступала на сцене, играла на гитаре, училась петь... Все преподаватели хвалили меня, но дело было не в каких-то особенных талантах. Просто я не хотела быть дома одна.

С отцом мы виделись не чаще раза в год. Обычно он звонил и назначал встречу рядом с какой-нибудь станцией метро. Я долго и тщательно подбирала одежду, которой было очень немного, старательно наводила марафет, безумно волнуясь — понравлюсь ли я папе. Зачем мне это было нужно, я не вполне понимаю и сейчас.

Я появлялась на месте встречи минут на пятнадцать раньше, чем надо; а папа опаздывал минут на двадцать — но я никогда на него не сердилась. Я волновалась и трепетала в предчувствии встречи.

Потом он появлялся. Все происходило очень быстро: отец пихал мне в руки пакет с какими-нибудь бестолковыми безделушками — жвачками, пластиковыми бусами, заколками для волос — и, чмокнув в щеку, уносился прочь. А я стояла ошарашенная, чувствуя только, что у меня украли сказку, лучший сон, и начинала потихоньку различать вокруг озабоченные, хмурые лица прохожих, обшарпанные стены подземного перехода, лежащих на кусках картона бомжей. Мне становилось горько и обидно, и я плелась домой, чтобы забраться под одеяло и реветь, насколько хватит сил. Я знала, что после меня он сделал еще детей разным женщинам, но ни с кем из них не остался. Теперь я понимала почему.

— Так когда можно к тебе подъехать? — нетерпеливо спросил отец, прервав мои воспоминания.

Он все еще ждал ответа. Я поняла, что ему давно хочется объясниться со мной.

Из всех детей я оказалась ближе к нему, к его досадному дару, от которого мне так хотелось избавиться, чтобы быть с Робертом. «Впрочем, это уже невозможно». Сердце екнуло. «Интересно, а мой отец когда-нибудь хотел стать человеком и жить нормальной жизнью? Вряд ли, ведь он никогда не влюблялся. Это только меня угораздило. И Роберта. Хотя... на картинках он любит Тину не меньше, чем меня когда-то».

— Мы уже несколько раз договаривались встретиться, но все никак не получалось, — напомнила я, — может, больше не будем оговаривать точное время? Ты просто приедешь, и все. Ты узнаешь, где я. Если, конечно, захочешь.

Отец немного помолчал, разгадывая смысл моих слов, затем отозвался:

— Добро, дочка.

Я отсоединилась. Мне по-прежнему было безразлично, что со мной происходит. И даже отец меня больше не интересовал.

Я решила, что просто буду жить, не задумываясь о завтрашнем дне и никого не любя.

Шли дни, и с каждым часом мое сердце становилось все более и более твердым, непробиваемым. Словно его заменили, вставив вместо него, чуткого, трепетного, мертвый камень.

Я понимала, что за мной могут следить, и была готова к любым вариантам, к любому исходу. Вместо тупой покорности судьбе, которая воцарилась в душе после нашего с Робертом расставания, мною овладело совершенно новое чувство. Я стала мрачно и ожесточенно ждать того, кто появится, чтобы убить меня. Ведь именно это должно было случиться перед тем, как я стану другой. Если препарат правильно подействует на меня.

Я понимала, что не владею никакими боевыми навыками и потому абсолютно незащитна. Роберта рядом больше не было, меня никто не мог спасти. Тем не менее я

ждала посланника смерти, чтобы расхохотаться ему прямо в лицо и, может быть, даже влить уроду звонкую пощечину (я была почему-то абсолютно уверена, что за мной явится мужчина).

Однажды утром я приехала в университет, вышла из машины и сразу поняла: он здесь. Я снова почувствовала тот ледяной следящий взгляд... Переминаясь с ноги на ногу, я встряхнула головой, пригляделась — но вокруг никого не было, только нечеткий размытый силуэт маячил то за одним, то за другим деревом. Со мной будто играли в какие-то странные прятки, где тот, кто ищет, должен испугаться, иначе ловцу неинтересно. Я и правда слегка напряглась (не каждый же день тебя убивают!), еще раз осмотрелась и пошла к главному входу. Как назло, вокруг никого не было — в кои-то веки я решила приехать пораньше, чтобы еще раз почитать материал, который готовила для семинара.

Сзади зашелестело. Я резко обернулась и увидела Олю — девочку, которую так и не научила плавать.

— Привет! — радостно сказала она.

Светлые кудряшки обрамляли ее тонкое, болезненное лицо. Бесцветная кожа девушки была нежной и гладкой, как у ребенка — без единой морщинки, без малейшего прыщика или черной точки. «Неужели у нее не было подростковых прыщей? Никогда, никаких? И как я раньше этого не замечала...»

— Здравствуй, — машинально ответила я и развернулась, чтобы идти дальше.

Говорить не хотелось. Но кудрявая собиралась пообщаться, она снова окликнула меня:

— Куда торопишься? Занятия только через сорок минут начнутся.

— А я лучше посижу, подготовлюсь по-человечески.

— По-человечески? — усмехнулась Оля. — А может, не надо так обреченно?

«Ничего себе!» Я снова обернулась к ней.

— Мне жаль тебя, — вдруг сказала девушка, — ты такая живая, непосредственная. А приходится сдерживаться, чтобы никому не навредить. Это очень благородно с твоей стороны и очень глупо.

— Что ты хочешь этим сказать? — изумилась я. — Что ты вообще знаешь?

— Я знаю, что ты не очень-то мне нравишься. А мужчинам вокруг — наоборот.

— Спасибо за откровенность, — отрывисто поблагодарила я.

— Признаюсь, ты мне не нравишься настолько, — зло начала Оля, — что я была бы рада, если бы тем утром, на поле, Самураи открыли тебе голову. Но вмешался Ясный, сын главного, и ему все сошло с рук. Вообще-то это не по правилам. Ясные имеют право вмешиваться в действия других, только если не затронуты их личные интересы. Это запрещено. На мой взгляд, Роберта следовало бы наказать.

Оля уставилась на меня ненавидящим и в то же время внимательным взглядом, словно проверяя, какое впечатление произвели ее слова.

Девушка и в самом деле меня озадачила. Конечно, я не раз прокручивала в голове сцену, в которой за мной приходили, чтобы нанести смертельное ранение. Я могла представить множество вариантов, но только не этот! Я ожидала встретить грозного убийцу, а тут на меня шипит субтильная малышка, очень безобидная на вид. Она даже плавать толком не умеет! «Как она собирается меня убить?»

— Ты не в состоянии подчиняться приказам, — продолжала Оля, — такая неорганизованная личность не потерпит никого, кто попытается управлять ею.

Я насмешливо прищурилась и спросила:

— Ты это к чему?

Мне вспомнилось, как напряглись Лиза и Герберт, почувствовав что-то на лекции. Тогда они не захотели риско-

вать и просто вывели меня из университета. Сейчас я понимала, что они почуяли Олю; я даже вспомнила, как она проскользнула мимо меня. Потом Роберт сообщил Лизе, что уничтожил Черепанова, и все успокоились, решив, что мне больше ничего не угрожает. Скорее всего, Стронг поговорил с отцом, и тот заверил его, что за мной больше никто не охотится. А потом Лизу и Герберта услали куда-то, — видимо, по «делам партии».

Оля молча сверлила меня взглядом.

— Ты не боишься, — усмехнулась я, — что с тобой случится то же, что и со следователем Черепановым, или как там его звали на самом деле?

Бледное Олино лицо покрылось алыми пятнами.

— Твоему Роберту законы не писаны! Он уничтожил того, кто просто выполнял приказ! И что? Наказали его за это? Нет, — выпалила Оля.

— А ты тоже приказ выполняешь, следя за мной? — ехидно спросила я.

— Нет, ради собственного удовольствия стараюсь!

— Слушай, — прищурилась я, — ты чего такая злая? Ты же — Ясная, а это красиво звучит.

— Ну, до Ясных мне далеко, — неожиданно смутилась Оля, и ее голос смягчился.

— Так кто же ты?

— Наблюдатель.

— Так же, как и Вишне夫斯基, — удивленно пробормотала я. — И что тебе от меня нужно?

Оля не ответила.

— Ну, что вы еще умеете, кроме как подслушивать и подглядывать и еще стирать следы своего присутствия? Кстати, а тяжело, наверное, жить и знать, что о тебе никто не помнит?

— Мы, Спектры, не люди. Поэтому мы не тщеславны и не сентиментальны. Ты мешаешь. Из-за тебя ушли четверо Самураев — а они были нужны клану. По твоей вине погиб Спектр, который выполнял совместную волю.

— Совместную волю? — переспросила я.

— Спектры решили тебя уничтожить, чтобы сохранить Самураев. Ясные отказались давать «добро». Четверо из них готовы глотку за тебя перегрызть. Тогда все вместе договорились, что ты останешься жить, если превратишься в Ясную. Тебе введут специальный препарат...

— Знаю, знаю, — перебила я ее, — это знаю. Скажи мне лучше, что ты теперь будешь делать?

Последние слова не были моими. Сначала я не поняла, кто хозяйничает в моей голове, но быстро догадалась: Лиза! Это ее звонкий голос в моем подсознании отметал все мои самостоятельные мысли и хозяйничал там, заставляя спрашивать Олю:

— Ты что, хочешь нарушить волю Ясных и Самураев?

Девушка прищурилась:

— Нет, отчего же. Я все сделаю так, как меня просили. Мне было приказано убить тебя и отдать Ясным, чтобы они могли тебя изменить. Только, знаешь, убить можно разными способами. Пожалуй, я полностью тебя уничтожу. Им не удастся восстановить твоё тело. А я скажу, что не рассчитала силы.

— Зачем тебе это? — жестко спросила Лиза через меня.

— Ненавижу тебя, — просто ответила Оля, — тебя и таких, как ты, которым все просто и легко дается. А что ты сделала для того, чтобы у твоих ног валялись самые лучшие мужчины? Ты хоть раз мечтала о том, что станешь Ясной, как мечтали другие? Нет! А они уже защищают тебя от нас и от всего света. Они даже жалеют тебя. Сомневаются, а понравится ли Миле такая жизнь? Может, оставить все как есть?

«Так вот в чем дело!»

— Ты хочешь стать Ясной?

— Я жду этого целую вечность! — зло выкрикнула Оля. — Мне до сих пор никто ничего не обещал, но я непременно стану одной из них! Конечно, мне не повезло при

рождении, и я даже не полукровка, как некоторые, и все же... У меня такие способности и такой опыт, что Ясные должны будут согласиться на мои условия.

— Зачем тебе это? — спросила Лиза в моей голове, и я озвучила вопрос.

— Потому что Ясные стоят над всеми в этом мире. Только они решают, только они судят. Я всегда мечтала об этом.

«Все понятно, — фыркнула Лиза в моей голове, — банальное тщеславие, и больше ничего — ни таланта, ни души». Я не стала говорить это вслух: Оля пугала меня. Казалось, она вот-вот нападет. А скоро должны появиться студенты...

Но пока мы были одни. Скорее всего, Оля хорошо умела калечить и убивать людей, я же вообще ни разу в жизни ни с кем не дралась.

Неожиданно в моей голове послышался приказ, сказанный голосом Лизы: «Немедленно сделай шаг влево!» Я беспрекословно повиновалась и сразу почувствовала, как в миллиметре от правого уха пролетел небольшой нож. Он со свистом проследовал мимо и воткнулся в сосну, которая росла неподалеку. Я было хотела спокойно разобраться в происходящем (не каждый же раз рядом с тобой летают ножи), но времени на это у меня не оказалось.

«Пригнись», — резко пронеслось в голове, и я послушалась. Опять свистящий звук где-то сверху, и резкий грубый выдох:

— Черт!

«Сколько же у нее ножей? Неужели, нельзя просто пристрелить меня? Правда, тогда я не спасусь... Я же не Нео из «Матрицы», чтобы уклониться от пуль! Мне бы самой сейчас пистолет...»

— И зачем ты в меня швыряешь все эти ножики? — выкрикнула я, когда в нашем непринужденном общении образовалась небольшая пауза. — Подойди и воткни, чего стесняешься?

— На расстоянии сложнее рассчитать силу удара, — неожиданно спокойно объяснила девушка, — можно вогнать нож чуть глубже, и тогда никто тебя не спасет. А если я подойду, мне не поверят, что я случайно так сильно ударила.

— Тебе же приказали меня убить! — закричала я. — Какая разница, как глубоко войдет лезвие? Я буду мертва, как того и хотели!

Оля зло ухмыльнулась, но все же ответила:

— Если тело повредить совсем чуть-чуть, его легко будет восстановить. Тебя велели не калечить. Именно поэтому тот, кто был до меня, использовал яд...

На этот раз я и сама почувствовала, когда нужно пригнуться. Очередной нож врезался в кору многострадальной сосны. «А я делаю успехи! Может, у меня и правда есть способности, которые просто раньше не проявлялись? Нож летит хоть и медленнее пули, но все равно очень быстро. А я молодец, учусь сама справляться...»

Как только я это подумала, в голове сразу вспыхнула фраза: «Эй, не расслабляйся. Прижми сумку к груди».

А я и забыла про нее... Рванув сумку с плеча, я прижала ее к сердцу, и сразу почувствовала, как что-то воткнулось в нее. Это, конечно же, был очередной Олин ножичек. Наверное, испортил один из четырех учебников, которые я носила с собой.

«Вытряхни вещи из сумки», — четко пронеслось в голове, и все полетело на землю: ключи, книги, тетради, косметичка, и... какой-то странный предмет, напоминавший большую авторучку с выпуклой кнопкой сбоку. «Жми, быстрее», — зазвучал знакомый голос, и я нажала на кнопку.

В тот же миг я почувствовала, как в нескольких сантиметрах от меня замер в воздухе, буквально повис в пустоте, очередной нож. Я ошарашенно уставилась на него, не понимая, почему он остановился.

Оля словно испарилась, зато на ее месте стояла теперь

маленькая девочка лет пяти в светлом шерстяном пальтишке и вязаной шапочке. Так мамы и бабушки одевают своих любимцев, чтобы те хорошо выглядели.

— Давай, поиграем в классики, — неожиданно предложила мне девочка. Она уже начертила мелом на асфальте квадратики с цифрами и теперь приветливо смотрела на меня.

Ответить мне не дали. Сзади раздались гулкие шаги, и я увидела знакомое лицо. К нам с девочкой приближался тот самый Спектр, который назвался Вишневым.

Он на ходу выдернул нож из воздуха и положил в карман, затем подошел к девочке и сказал:

— Пойдем, Оля, тебя уже мама ищет.

Я зачарованно наблюдала за происходящим.

— А можно я сниму шапочку? — капризно протянула малышка. — Жарко.

— Можно, — спокойно ответил Спектр.

Девочка резко дернула вниз свой теплый головной убор, и по ее плечам рассыпались мелкие белые кудряшки. Нежная бледная кожа, худощавая, в аккуратных очках... Только взгляд другой. У той, взрослой, Оли он был ненавидящим, а эта малышка смотрела на меня наивно и доверчиво.

«Мы даем ей еще один шанс, — пронеслось в голове, — в ее интересах этим воспользоваться и вырасти нормальным человеком, а не мстительным тщеславным призраком, который уверен, что сможет всех обхитрить».

— Спасибо, — неожиданно сказал Вишневский, или как там его звали. — На этот раз девочку воспитают по-другому. Ее действительно будут любить. У нее будет мать. Надеюсь, Оле больше не придет в голову убивать себя.

Я кивнула, хотя почти ничего не поняла. Скорее всего, Вишневский говорил не со мной, а с Лизой.

Мужчина взял за руку девочку, которая что-то напевала, и пошел к стоянке для автомобилей. Я молча смотрела им

вслед, по-прежнему не решаясь пошевелиться. И только когда белое пальто девочки скрылось за деревьями, я наклонилась подобрать вещи. Удивительно, но черная замша сумки была целой, будто в нее и не вонзался нож. Я оглянулась и посмотрела на дерево. На нем тоже не было ни царапины. «Приснилось мне все это, что ли?»

Лиза из моей головы тоже исчезла. Сколько я ни пыталась услышать ее вновь, у меня ничего не выходило. Я собрала учебники и тетради, запихнула в сумку косметичку и пошарила по земле взглядом в поисках странного прибора с кнопкой. Конечно же, его нигде не было.

Я повесила сумку на плечо и двинулась к центральному входу в университет, куда уже стал подтягиваться народ. Студенты общались, громко здоровались, смеялись, и это торжество жизни показалось мне необычайно прекрасным. Я никогда так сильно не радовалась тому, что живу.

«Роберт, Лиза, Герберт, я очень люблю вас, где бы вы ни были!» От благодарности, которую я почувствовала к ним, у меня защипало в носу.

— А! Привет! — раздался сбоку знакомый голос.

— Привет, Антошка! — воскликнула я, раскрывая объятия.

Парень с удивлением уставился на меня.

— Дай обниму! — воскликнула я и кинулась на шею приятелю.

— Ты чего? — растерянно пробормотал он.

Я не могла объяснить.

— Долго к тебе привыкала, а теперь, когда ты уже свой, дико рада тебя видеть. Но если тебе это неприятно, могу больше не обнимать...

— Да нет, наоборот, — торопливо сказал приятель. — Обнимай сколько хочешь.

Мы еще немного постояли на улице и пошли на занятия. Первой парой была логика. Неутомимый профессор все еще пытался вбить в наши гуманитарные головы хоть какие-то основы математики, но его доводы всякий раз на-

тыкались на наше непонимание. Я внимательно слушала преподавателя и пыталась мыслить логически.

«Итак, меня совсем недавно хотели убить. Это поручили Спектру. Вишневский сказал, что Оля убила себя, — значит, они не люди. В их обязанности входит наблюдать за происходящим. Они же занимаются и другими щекотливыми делами.

Им велели аккуратно прикончить меня, чтобы потом превратить в Ясную. Думаю, что с Робертом работала та же команда. Значит, агрессивный паренек Слава, который ударил ножом Артема Николаева, и следователь Черепанов, предложивший мне посмотреть пропитанные ядом фотографии, тоже были Спектрами. Оля не хотела, чтобы я воскресла после того, как она убьет меня. Неужели ее люта я ненависть была вызвана лишь тем, что я нужна Ясным?

Она, Оля, очень хотела бы очутиться на моем месте, но, наверное, не подходила по некоторым параметрам. А точнее, Ясные не принимали участия в ее зачатии. Это я понимала хорошо, потому что уже научилась распознавать своих и чужих.

Псевдо-Вишневский через меня поблагодарил всех Ясных за то, что Оле дали второй шанс. Он сказал, что на этот раз ей подобрали любящую семью. У нее появилась мать. То есть Спектры решили, что Оля стала завистливой и злой, потому что росла в неприветливой среде. Скорее всего, ей не хватало матери...» Я даже немного устыдилась того, что у меня-то всегда была рядом мама — любящая и заботливая. Она часто была строгой, не обнимала и не хвалила меня, но она была и постоянно думала обо мне!

«Значит, Спектры, в отличие от Ясных, когда-то были обычными людьми, а потом умерли. Кто-то посвятил их в тайны, доступные лишь избранным. Видимо, они были нужны!» По какому принципу отбирались кандидаты, которые впоследствии помогали Ясным, кто этим занимался и почему Ясные пожалели Олю, дав ей новый шанс, я не знала.

«Лиза проникла ко мне в голову и буквально спасла меня от смерти. Она понимала, что на этот раз Роберта рядом не будет. Или Роберт знал, что Лиза вмешается, и поэтому не появился?» Я была абсолютно уверена, что Стронгу было известно все, что со мной происходит. Никакие расстояния не помешали бы ему спасти меня. Он говорил мне, что чувствует, когда мне грозит опасность. Доказательств тому у меня набралось предостаточно. Хотя те слова, что я наговорила Роберту во время нашей последней встречи, должны были сильно испортить его впечатление обо мне. «Может, поэтому в этот раз Лизе пришлось спасать меня? Только зачем? Неужели она успела полюбить меня так же, как я ее?»

Вот так неопределенно и растерянно я рассуждала, сидя на занятиях по логике.

Глава 20

ОТЕЦ

— Мила, отец приехал! — объявила мама, приоткрывая дверь моей комнаты. Ее глаза блестели, на щеках горел румянец.

«Понятно, она счастлива, что увидела папу, и не может скрыть своих чувств».

Я сидела в своей комнате за компьютером и пыталась найти в Интернете статьи для реферата по зарубежной литературе.

— Сейчас спущусь.

Оказавшись внизу, я нашла отца на диване в гостиной. Он напряженно вглядывался в экран телевизора, но я знала, что происходящее там волнует его не больше, чем меня — котировки на валютной бирже.

Мать оживленно возилась на кухне.

— Привет! — сказала я и уселась в кресло напротив.

— Привет! — негромко ответил папа с тоской в голосе.

«Удивительно, насколько острее я стала чувствовать людей за последние месяцы. Я научилась улавливать интонации, перепады настроения, скрытые акценты и множество других вещей, которые раньше ускользнули бы от моего внимания».

Мать выглянула из кухни и смущенно спросила:

— Игорь, ты поешь с нами?

Отец устало посмотрел на нее:

— Нет, спасибо. Я не голоден. Чайку, если можно.

Я поддержала его:

— Мам, мне тоже не хочется чего-то. Помочь тебе с чаем?

— Сиди уж, — обиженно сказала мать, — сама сделаю.

Ее оживление угасло, она наверняка почувствовала себя лишней. Она видела, что у нас с отцом есть какая-то общая тема, которую мы не станем обсуждать при ней, и погрузилась в привычное недовольство.

Мы с отцом молча глядели друг на друга.

— А ты совсем взрослая, — тихо сказал он.

— Давно уже. Тебе бы следовало заметить это раньше и попытаться поговорить со мной, как с большой девочкой. Может, я бы тогда не так сильно удивлялась происходящему?

Отец наклонил голову, будто соглашаясь:

— Прости, я все как-то не решался.

— Ага! Думал, само рассосется?

— Зачем ты так? — тихо отозвался отец. — Просто меня все это достало. Я больше не могу.

Я с тревогой посмотрела на отца. Все мои обиды исчезли, стоило мне увидеть его грусть и отчаяние. Вместо очередных обвинений я перегнулась через журнальный столик, который нас разделял, и прошептала:

— Совсем недавно меня пытались убить. По-настоящему.

Отец поднял глаза, и его лицо помрачнело еще больше. Он обхватил руками голову, словно боялся, что она разорвется на части. Я тихонько добавила:

— Ты не волнуйся, меня опять спасли.

— Я знаю, — пробормотал он после небольшой паузы.

— А о том, что меня и до этого пытались убить, ты знал?

Отец невесело усмехнулся:

— Тебя было кому спасти.

— Тем не менее, — зашипела я, — ты тоже мог попытаться.

Мне было ясно, что каждое мое слово больно ранит отца, но я не могла перестать мучить его:

— Почему ты раньше ничего мне не говорил?

Он открыл рот, чтобы ответить, но тут грохот посуды на кухне стих, и отец примолк, опасаясь, что нас могут слышать.

В гостиную вошла мать с массивным чайником и пробковой подставкой под него. Нам она не сказала ни слова, молча поставила чайник и ушла. В следующий заход она принесла поднос с чашками, печеньем и сладостями и снова удалилась.

— Мне здесь некомфортно, — признался отец, — нас могут слушать. Давай поднимемся к тебе.

Я кивнула и громко крикнула:

— Мам, мы пойдем ко мне. Хочу показать папе фотографии, а они в компьютере наверху.

Мне не ответили. Наверное, мать обиделась, что ее не пригласили. Отец взял горячий чайник с зеленым чаем и подставку, я прихватила чашки; сладости так и остались на журнальном столике.

Мы пошли вверх по лестнице в мою комнату, и я вдруг отчетливо осознала, насколько серьезным будет разговор. И это, пожалуй, впервые в жизни. Только я и отец — мы обладали тайной, которую не с кем было разделить.

Мы зашли ко мне в комнату, и отец поставил чайник на туалетный столик, а сам уселся на кресло рядом с кроватью, замерев в неудобной позе.

Я примостилась рядом на небольшом пуфике, который обычно стоял в углу и почти никогда не использовался. Вот, наконец, пригодился.

— Расскажи про себя, пап, — попросила я.

— погоди, что-то никак не могу настроиться, — хмуро отмахнулся отец.

— Тогда вот что. Ответь пока на другие вопросы, а то мне очень многое непонятно. Я тут столкнулась со Спект-

рами. Они еще называют себя Наблюдателями. Они служат Ясным или это самостоятельная организация?

— Откуда такой вопрос?

— Кое-что услышала от некой Оли, но выяснить все до конца не получилось: она буквально закидала меня ножами.

Отец побелел. Наконец он собрался с силами и уточнил:

— Что она сказала?

— Что Спектры решили меня уничтожить, после того как мой дар начал влиять на мужчин, особенно на необычных, вроде Самураев. Я стала очень заметной фигурой. Ясные, благодаря тем четырем, что были готовы защищать мою жизнь, приняли другое решение. Я догадалась, кто эти четверо. Тем не менее вам, похоже, не удалось договориться. То есть я должна жить, но уже как Ясная. Мне кажется, что, если бы в это дело не вмешались Спектры, отец Роберта позволил бы мне остаться прежней. Это так?

— Да, ты права. Это на самом деле очень странно, — согласился отец, — раньше про Спектров нельзя было сказать: «Они решили». Эти призраки знали свое место и не вмешивались в дела Ясных. Просто беспрекословно исполняли нашу волю.

— Думаю, они по-прежнему считают Ясных единственными, кто может что-либо решать. Знаешь, от кого я это слышала? От Спектра, который осмелился нарушить волю Ясных, обмануть их. Ведь Оля совсем не хотела, чтобы мое тело можно было восстановить после смерти. Странно, ты не находишь?

— Я уже все знаю, можешь мне не пересказывать, — угрюмо отозвался отец, — мы посмотрели в ее прошлое, чтобы понять, откуда взялась эта ненависть к тебе.

Я подпрыгнула от нетерпения и умоляюще посмотрела на отца. Он еще немного помолчал, будто прикидывая, с чего начать, и заговорил:

— Ты ведь знаешь, что все идет из детства — страхи, комплексы, обиды, пристрастия. Так вот. Олина жизнь не удалась с самого начала. Ее родила мать, которая была наркоманкой. Отец недалеко от нее ушел, только к этому пороку добавь еще один — страсть к преступлениям. Он многих убил — налеты, грабежи... Не брезговал и заказными убийствами. Нет, он не был маньяком или садистом. Скорее, ему было все равно, как зарабатывать, и он делал то, что получалось лучше всего. Когда родилась Оля, ему было лет двадцать или чуть-чуть больше. Он рос в такой же неблагополучной семье, так что закон нарушать стал очень рано.

С возрастом его характер не улучшался. Когда Ольге было пять лет, она увидела то, что полностью перевернуло ее душу. На ее глазах отец из-за какой-то мелочи зверски избил мать, да так сильно, что та умерла, не приходя в сознание.

Именно маленькая дочь обнаружила, что ее мама больше не дышит. Оля не понимала, что такое смерть, и поэтому целый день сидела рядом с матерью, пытаясь услышать ее дыхание, почувствовать ее тепло. Она разговаривала с трупом, целовала в холодный лоб и все никак не могла понять, почему мама не встает.

Неизвестно, чем бы все это закончилось, если бы в дверь не позвонила соседка, такая же наркоманка, как и мать Оли. Она-то сразу поняла, что случилось в этой квартире. Она сильно встряхнула плачущего ребенка, который цеплялся за мертвую мать, и твердо припечатала:

— Не реви! Родителей у тебя больше нет. Ни матери, ни отца. Я тебе теперь и мать, и отец!

Непонятно, почему эта опустившаяся женщина забрала Олю к себе. Отец, как и пообещала соседка, больше ни разу не появился, чтобы увидеться с дочерью. Его ничто не держало — квартира была съемная, вещей они с покойной супругой не нажили, потому что тратили на наркотики все заработанные деньги.

Какое-то время Оля жила у своей соседки, Натальи Николаевны. За девочкой не сразу пришли из органов опеки, чтобы забрать ее в детский дом. Страна у нас большая, никому и ни до кого нет дела... Поэтому пятилетний ребенок какое-то время нигде не значился, и им заинтересовались значительно позже. А пока Оля жила в соседней квартире, в двух шагах от того места, где ее отец убил ее мать и где она, Оля, ползала по мертвой женщине, пытаясь до нее докричаться.

Каждый раз, проходя мимо знакомой невзрачной двери, девочка думала, что бы могло случиться, если бы она могла вернуть маму к жизни. В таких фантазиях воскрешенная родительница представлялась ей необычайно красивой и сильной, способной наказать каждого, кто захочет ее обидеть. В общем, ничего общего с той жалкой безвольной наркоманкой, которой на самом деле была ее мать.

Девочке было просто необходимо покровительство кого-то очень сильного и влиятельного. Она мечтала об этом. Еще бы, ведь у соседки ей приходилось несладко. Ее часто поколачивали — скорее для профилактики, чем за какой-либо проступок, — но синяки и кровоподтеки на ее теле были вполне реальные, а не вымышленные. Неудивительно, что в душе ребенка росла чудовищная, неумолимая ненависть ко всем живым существам, даже к животным. Уважала Оля только тех, кто никак не мог ее обидеть, но с кем она могла спокойно общаться, — мертвых. Только умершей матери она рассказывала о своих мечтах и сокровенных мыслях. Только с ней Оля советовалась, когда ей необходимо было на что-то решиться. Наконец, годам к семи, девочка поняла, что ей необходимо найти своих покровителей. Конечно, она уповала на потусторонние силы, и стала задаваться вопросом, как вступить с ними в контакт.

— Ужас! — не удержалась я. — Малышка семи лет, которая не играет в куклы, а ищет защиты у сверхъестественного!

— Да, — кивнул отец, — это звучит дико. Но это так. Оля стала бродить около лотков с книгами, искать нужную литературу. Читать она научилась сама, лет в шесть. Однажды она увидела у метро старушку, торговавшую старыми потрепанными книгами, которые явно отыскивали на помойке и теперь пытались сбыть по дешевке. Девочка подошла поближе и стала внимательно изучать названия.

— Может, помочь, милая? — неожиданно ласково обратилась к Оле торговка.

Девочка дернула острыми плечиками. Она не совсем понимала, что ищет, зато ее собеседница, видимо, хорошо представляла, что нужно Оле. Она поманила ее к себе и шепотом спросила:

— А не боишься?

Оля, ни секунды не сомневаясь, ответила:

— Нет. Только поскорее бы.

Она и сама не знала, о чем просит и что — поскорее. Видимо, чувствовала, что наступает какая-то новая, очень важная для нее пора.

Насколько нам известно, сердобольная старушка снабдила девочку нужной литературой. Там были издания по оккультизму, мистике, энциклопедия переселения душ и еще что-то по теме. Оля моментально впитала информацию, воображая, как использует новые знания. Она несколько не сомневалась в действенности описанных методов, главное — все сделать правильно.

Опробовать свои силы девочка решила на соседке, которая взяла ее под опеку и поселила в своей квартире. Малышке совсем не было жаль противную тетку, которая постоянно ее избивала, а остальное время либо продавала наркоту, либо валялась под кайфом.

— Неужели Оля смогла что-то с ней сделать? — изумилась я. — Никогда не поверю, что в этих дешевых оккультных книжонках есть хоть слово правды!

— Не делай преждевременных выводов! — осадил меня отец. — Ты что, мало узнала за последнее время? Да у обыч-

ного человека крыша бы поехала! А ты... Все никак не поверишь... Соседка была убита, получив пять ножевых ранений такой силы, что никто не заподозрил маленькую девочку. Считали, что преступление совершил кто-то взрослый и очень сильный. У Натальи Николаевны было полно знакомых маргиналов, часто неадекватных, поэтому милиция не подозревала Олю. Но в одном ты права: обошлось без мистики. Девочка просто взяла кухонный нож и несколько раз очень сильно ударила им женщину, валявшуюся в отключке. Правда, сама Оля думала, что ей кто-то помогал, раз она смогла так четко и быстро выполнить задуманное.

Вскоре ее жизнь изменилась. После смерти Натальи Николаевны девочкой заинтересовались соответствующие органы и отправили ее в один из детских домов. Ей к тому времени было уже восемь. Она была умной не по годам и быстро поняла, что нормально жить там невозможно.

Общая атмосфера ненависти, царящая в детдоме, не оставила малышке ни единого шанса стать нормальным человеком, забыть свои детские обиды и перестать мечтать о мести. Нет, никто ее не бил. Предпочитали изводить морально, насмехаясь над манерами маленькой дикарки, над невзрачной внешностью, легким заиканием, и наслаждались ее искренними реакциями.

— Она заикалась? — удивилась я. — Наверное, с ней поработал хороший логопед, раз я ничего не заметила.

— Да уж, отличный логопед, — усмехнулся отец, — он сам нашел ее.

— Кто? — вырвалось у меня.

— Я знаю, тебя уже посвятили в тайну превращения...

— А, это ты о том, как Роберт стал одним из вас? Ведь, насколько я поняла, все остальные появились на свет уже готовыми Ясными.

Отец кивнул:

— У Ясных только так раньше и было. У Спектров же все и проще и сложнее одновременно. Не нужно, да и невозможно родиться от Спектра, чтобы стать одним из них.

Но они тщательно выбирают души, которые потом призывают на службу. Таким избранным дают возможность родиться на этой земле, пожить, понять, как тут все устроено, пострадать, чтобы получить необходимый опыт и умерить свои амбиции. Для этого им подбирают очень жестких «педагогов» и «логопедов», как ты выразилась. Да, не смотри на меня так. Именно Спектры подобрали Оле семью, где она так рано узнала настоящее одиночество и боль. Именно Спектры отыскивали для нее среду, где девочка жила как в аду. Именно по их указу Оле вручили нужные книги, чтобы расширить ее сознание еще в раннем возрасте, пока в голове еще нет точного понимания абстрактных вещей.

Все это было жестоко, с точки зрения обычного человека. Но мы с тобой уже понимаем, что на это были веские причины. Душа должна была быть в полной мере благодарна Спектрам за то, что они вызволили ее из ужасной действительности и направили на истинный путь. До сих пор Спектры ни разу не ошибались. Оля, пожалуй, их первый существенный промах.

И именно поэтому они сейчас так благодарны нам за то, что мы решили исправить их ошибку и дали Оле еще один шанс. Теперь она — нормальная девочка и живет в семье, где ее любят и заботятся о ней.

Отец неожиданно умолк и опустил глаза. Я почувствовала — его что-то мучает, но спросить не решалась.

Он понял, что я нетерпеливо жду продолжения рассказа, и снова заговорил:

— Олю быстро забрали, она даже не испытала подростковых проблем. Просто ей внушили однажды, что нужно выпить на ночь упаковку снотворного, и девочка беспрекословно подчинилась. Никто толком и не заметил ее исчезновения. Она примкнула к Спектрам, ее начали учить. В первую очередь, внушили основные принципы взаимодействия с остальными. Ей объяснили, что Спектры призваны помогать нам, Ясным. Потому что мы поддерживаем справедливость в этом мире и не даем чужакам, которых

здесь много, вмешиваться в жизнь людей. Ее воспитывали в духе преклонения перед Ясными, не ожидая, что очень скоро она захочет быть одной из нас. Обычно Спектры устраивали избранным душам во время их земной жизни такие испытания, которые могли искоренить в нихлюбое тщеславие и самые ничтожные проявления зависти. С Олей не получилось. Она отчаянно завидовала нам и хотела попросить, чтобы мы приняли ее к себе. Очень скоро об этом узнали, и с ней довольно жестко побеседовали, объяснив, что если она не угомонится, то и Спектром быть перестанет. Ясными же становятся только по рождению, и других возможностей нет. Девушка затихла. Она много тренировалась, была очень упорной и выносливой, и вскоре ей уже поручали важные дела. Оля была наблюдательной и исполнительной, а это — главные качества Спектров. Им нужно быть незаметными, уметь стирать любые воспоминания о себе, делать правильные выводы о происходящем. Иногда Спектрам поручали и другие дела. Например, утихомирить тех, кто не в меру разбушевался и стал нескромно себя вести в гостях. Конечно же, я говорю не о людях, а о тех, кто на Земле с миссией. Спектры могут пустить в ход свои способности. Они прекрасно умеют успокаивать, убеждать. И только в том случае, если их требованиям не подчиняются, появляются наши бойцы. Такие, как Роберт.

Чужаки ведут себя по-разному, да ты и сама уже поняла. Вспомни хотя бы Самураев. До сих пор не могу понять, как они тебя разглядели. Им вообще это не свойственно — любовь и все такое... Именно тогда должны были вмешаться Спектры, и дело бы кончилось мирно. Но Оля, которую туда отправили, почему-то не вмешалась. Тогда появился Роберт и разобрался по-своему. Он непобедим и беспощаден. И просто не умеет останавливаться.

«Еще как умеет!» — подумала я и вспомнила, каких усилий ему стоило каждый раз отрываться от меня. Теперь я понимала, что это было действительно трудно!

Отец досадливо поморщился:

— Погибли Самураи, и формально ты в этом виновата.

— Кто это сказал? — вспыхнула я. — Спектры? Оля мне сказала, что они решили меня убить.

— Да не они это решили, а наши! Ты знаешь лишь четверых из нас — меня, Роберта, Лизу и Герберта. Мы отстаивали твою свободу, как могли. Свободу жить так, как тебе захочется. Быть обычным человеком, а не жертвой собственного дара. Ведь если тебя превратят, — отец снова поморщился, словно каждое слово ранило его, — превратят в одну из нас, ты должна будешь использовать свой дар по прямому назначению. Но я знаю, что тебе не нужно столько поклонников и что ты не захочешь быть Матой Хари Ясных. Другой характер.

Я кивнула и спросила:

— Если бы Оля вступилась за меня — тогда, на поле, обошлось бы без жертв?

— Да. Спектра можно легко почувствовать. Все чужаки знают, что Спектры — наши посланники мира. Они действуют мягко и осторожно, сразу пытаются договориться мирным путем. Ясные появляются только в тех случаях, когда никто другой не может справиться. Почувствовать бойца невозможно. Только мы сами узнаем друг друга на расстоянии. Остальные только потом понимают, кто перед ними. Наши бойцы несокрушимы. Ты, наверное, и сама это видела. Именно благодаря своей силе Ясные поддерживают равновесие в этом мире. Именно они вершат правосудие, и это невозможно изменить.

На первый взгляд ситуация с Самураями была совершенно обычной. Иногда чужаки по каким-либо причинам пытаются напасть на смертных. Ясные не вмешиваются — слишком много чести. Спектры спокойно воздействуют на буянов, и все заканчивается мирно.

Самураи всегда жили тихо, никому не мешали, да и им никто не мешал. Все было чудесно, пока они не столкнулись с тобой. И буквально сошли с ума. После той бойни на поле, нас, Ясных, осудили за неоправданную жесто-

кость, ты понимаешь? Могло бы обойтись без кровопролития. Не обошлось. Хотя я хорошо понимаю Роберта. Спокойно смотреть, как мучают молодую беззащитную девушку... — Отец помолчал, потом добавил: — Только один из Самураев оказался вполне приличным человеком...

— Алексей Львович, — я грустно покачала головой, — он был очень хорошим. Роберт мне сказал, что он просто не мог позволить своим чувствам вырваться наружу. Ведь в таком случае мне могло быть очень плохо.

Отец понимающе кивнул и подтвердил:

— Да, никто из чужаков не умеет любить хрупких земных женщин. Поэтому, как правило, избегают их. Это касается и Самураев, и Ясных, за исключением, пожалуй...

— Таких мужчин, как ты? — перебила я. — Ты ведь создан для любви и можешь осчастливить любую женщину?

— Я пытаюсь понять, почему Оля, которая давно уже должна была наблюдать за тобой, не вмешалась тогда, на поле. Ведь можно было обойтись без жертв. Ладно бы погиб один Самурай, так нет — сколько ребят полегло. А ведь они всего лишь делали свою работу. И хорошо делали, — рассуждал отец. — Девчонка ведь прекрасно понимала, что чувствует Роберт. Он не мог не вмешаться. А Маса и его помощник попросту сначала не разобрали, кто перед ними. А потом уже было слишком поздно. В этом нет их вины.

— Я наблюдала за боем. Это было страшное зрелище. — Я помотала головой, чтобы отогнать жуткие воспоминания. — Мечи у них такие странные, как в «Звездных войнах». Не из металла, а огненные, и пламя синее. У всех Самураев такие есть?

— Да. И ничего в них нет странного. Раньше вот все на телегах передвигались, а кто побогаче — в экипажах. А сейчас уже поезда появились, автомобили, вертолеты и самолеты. Удивительно, не правда ли? Технический прогресс, мать его.

Отец, наконец, улыбнулся, но сразу поскучнел, как будто вспомнил что-то неприятное. К чайнику так никто и не притронулся — очень уж интересным был разговор.

Отца беспокоило, почему не вмешалась Оля. «Ну, не вмешалась и не вмешалась. Все же хорошо закончилось!» — думала я; но отец продолжал рассуждать:

— Может, она хотела сделать плохо Роберту? Ведь она его не очень-то жаловала. По ее мнению, он не имел права быть Ясным, ведь мать у него — обычная, земная. Оля сравнивала его и себя, и ей казалось, что она такая же сильная и талантливая. Она его считала человеком, а не Ясным. Почему тогда ей нельзя, а ему можно?

— Она, наверное, жалела, что тогда, в колонии, так аккуратно его зарезала, не искалечив. Его ведь легко восстановили после этого? — небрежно спросила я.

— Это она тебе сказала? — изумился отец. — Иначе откуда ты могла узнать, что одноглазый паренек Слава и Оля — один и тот же персонаж...

— Папуля, — спокойно ответила я, — ты произвел на свет очень неглупую дочь. И я тебе за это благодарна.

На самом деле я поняла это еще в университетском парке, когда Оля пыталась меня прикончить. Барышня явно сожалела, что дала Роберту шанс. Наверное, тогда она еще не верила в успех эксперимента. А теперь успела возненавидеть его за то, что он, полукровка, стал Ясным. И когда ей поручили аккуратно прикончить меня, Оля решила отомстить.

Вдруг я вспомнила то, что тревожило меня все время после встречи с Олей: вот она смотрит на мои руки, затем, видя, что я это заметила, отводит взгляд. Опять смотрит, потом мы снова разговариваем, потом она пытается меня убить, потом...

— Слушай, — воскликнула я, — а почему все так интересуются моими руками? Не знаешь?

Отец отрицательно покачал головой. Я поняла: его по-

прежнему что-то беспокоит и он никак не может с этим справиться.

— Пап, — взволнованно спросила я, — ну что с тобой, в конце концов? Ты такой хмурый, будто у тебя кто-то умер...

Отец неожиданно вскочил и заходил по комнате.

— Да как же ты не понимаешь, птица моя, заяц мой! — заорал он. — Я не хочу, чтобы это произошло! Я все бы отдал, лишь бы тебя оставили в покое! Так бы и случилось, если бы не твои странные способности! До тебя не одна женщина не могла того, что можешь ты! Они хотят заполнить твой талант, и как можно скорее!

— Ну и пусть, — равнодушно ответила я, — а что мне здесь-то делать?

Я, конечно же, лукавила. Если бы со мной был Роберт и нам не мешали мои назойливые кавалеры, я бы с огромным наслаждением прожила обычную земную жизнь. Но поскольку это уже не сбылось, мне оставалось только надеяться на другую судьбу.

— Что делать? Что делать?! — продолжал бушевать отец. — Ты еще спрашиваешь? Да ты можешь все! Любить, быть любимой, и, что самое важное, ты не должна уходить от того, кто тебе дорог!

— Это что-то из личного? — нахмурилась я. — А мне казалось, вы с матерью расстались, потому что ты ее просто разлюбил. Сам, добровольно.

— Такие, как я, хотя бы способны любить! Да, нам не хватает одной женщины, чтобы почувствовать себя счастливыми. Нам и миллиона не хватит; но мы дарим свои чувства! А те, другие, рождены, чтобы воевать, они просто бездушные боевые человекоподобные роботы. Это же немыслимо! Ты тоже хочешь так?

— Погоди, пап, — остановила я этот клокочущий водопад, — Роберт не бесчувственный, и Герберт тоже. Значит, еще не все потеряно и Ясные могут любить.

— Пойми, Мила, таких как вы с Робертом, Ясных напо-

ловину, только двое. Вы еще плохо изучены. Но те из нас, которые знают о его чувствах к тебе, говорят, что причина этой страсти — твои способности, не более того. Просто на других Ясных это не действует, а Роберт все-таки когда-то был человеком.

«Вот, значит, как! Они считают, что я его зачаровала!»

— Они все ошибаются, — самоуверенно сказала я, — он просто любил меня, потому что не мог не любить. Я это твердо знаю.

Сердце болезненно сжалось. Я вспомнила фотографии в журнале. «Да, Мила, ну ты и умница. Наверное, именно из-за того, что Роберт тебя так любил, ты решила от него избавиться! Наговорила кучу гадостей, которые были продиктованы детскими обидами. Страхами. Неуверенностью. Сиюминутными опасениями, которые можно легко отогнать, если рядом — любимый».

— Пойми, — горячо заговорил отец, прерывая мой сеанс самобичевания, — я не желаю тебе такой жизни, какой живу сам! Ты будешь несчастна там, я это точно знаю! У них очень жесткие методы! Ты будешь делать лишь одно — подчиняться приказам! А это ужасно, по себе знаю.

— Пап, о чем ты? — попыталась я уговорить отца. — Расскажи, пожалуйста. Ну, что плохого в том, что Ясные поддерживают мир во всем мире? Это же здорово!

Отец энергично потряс головой, снова забегал по комнате, резко остановился и сказал:

— Это наше прямое назначение. Поэтому мы здесь и существуем так давно. Мы работаем хорошо — отцы и матери исправно создают новых Ясных, если необходимо. Бойцы тоже молодцы — защищают людей от постороннего влияния. Все понятно. Только ты никогда не задумывалась, за чей счет все это существует, и даже процветает?

— Задумывалась, — честно призналась я, — и пришла к выводу, что в этом мире Ясные очень неплохо устроились. Один Роберт Стронг чего стоит! Знаменитый актер, кото-

рый получает за каждую роль в Голливуде не меньше десяти миллионов долларов! Или вот ты. Дела идут, на жизнь не жалуешься. Две машины, квартиры тоже две, дом за городом, шале в Швейцарии. Тебе что, сложно было все это заработать? Не думаю. Ведь ты — Ясный.

— Доченька, — произнес отец, глядя на меня с жалостью, как смотрят на дурачков, перепутавших рояль и унитаз. — Доходы Стронга ничтожно малы по сравнению с тем, сколько зарабатывает сама структура. У нее аппетиты знаешь какие? Не знаешь. Или ты думаешь, они удовлетворятся процентом с нашего заработка? Да им даже не интересно, сколько мы получаем в этом мире! У них — другой масштаб!

— И чем Ясные еще занимаются?

— Всем, что приносит доход. Оружием, наркотиками, нефтью. Да, многие из нас просто исполняют свои обязанности, как это делает Роберт. Он прирожденный воин. И если ему приходится выполнять приказ, он не переступает через себя. При его способностях и связях он, счастливый, делает лишь то, что ему нравится. А еще — он талантливый актер, что бы он сам об этом ни говорил. И ему позволили сниматься в кино, продюсировать фильмы. Не жизнь, а сказка! Только, поверь мне, что у тебя жизнь будет совсем иной. Тебя будут использовать. Ты станешь приманкой, а иногда и подстилкой для богатых и влиятельных господ. И отказаться выполнить приказ ты не сможешь. Никакой Роберт тебя уже не спасет, пойми! У него попросту не будет на это права.

Отец говорил то же, что и Роберт. «А я сказала ему, что страстно желаю оказаться под каким-нибудь арабским шейхом. Вот дура!» Только сейчас до меня дошел весь идиотизм моего поступка. Ну что ж, теперь Роберт женится на девушке своей мечты, мое сердце разбито, так мне и надо.

— Что же делать? — прошептала я одеревеневшими губами. — Я не хочу... так.

— Я не знаю, что тебе делать, — вдруг неожиданно тихо ответил отец, — только ни в коем случае не пей из чайника, в нем яд. Я его подсыпал, пока мы поднимались по лестнице.

Я отшатнулась от него, как от бешеной собаки.

— Мне приказали. Сегодня. Раз у Спектров ничего не вышло, значит, у меня получится, — говорил отец, явно повторяя чужие слова.

— Как же так, папа?

— Они сказали, что сегодня же надо все решить, больше ждать нельзя. Опасно.

— И почему ты не сказал о чае раньше? Я бы попила, просто увлеклась разговором.

Отец, словно не услышав моего вопроса, сказал:

— Они пообещали, что все будет так же, как с Робертом тогда, в восемьдесят шестом. Все пройдет хорошо. Сказали, если это сделаю не я, они попросят кого-нибудь другого, и тогда исход будет неясен. А я, мол, отец... Я постараюсь, сделаю, как надо...

— А Роберт обо всем этом знает? — прохрипела я, пытаясь сглотнуть комок, который возник у меня в горле.

— Нет, наверно. Он давно пропал. По-моему, снимается в Америке, в очередном крутом боевике. Я думаю, отец позаботился о том, чтобы любимый сын ничего не узнал, пока не пришло время.

— А может, ему просто все равно, — рассеяно сказала я, — знаешь, пап, мы ведь с ним расстались.

Отец молча подошел к трюмо и взял злополучный чайник. Осторожно, чтобы не расплескать, он понес его в ванную, и я услышала, как он выливает содержимое посуды в унитаз.

— Жалко, на меня этот яд не подействует, — сказал он, возвращаясь, — знаешь, Мила, ты всегда была моим самым любимым ребенком. Помни об этом. Наверно, я слишком глуп, чтобы помочь тебе. Я не понимаю, что тебе нужно делать. Зато я хорошо чувствую, что делать мне. Та-

кая жизнь порядком меня достала, и поэтому я хочу уйти. Конечно, это будет не так просто, но я знаю один способ.

С этими словами он стремительно выскочил из моей комнаты и стал торопливо спускаться вниз по лестнице.

Я медлила секунды две, не больше. Схватив ключи от машины, короткую дубленку и запрыгнув в сапоги, я выскочила из дома.

На истошные вопли матери я не отреагировала. «Не до тебя сейчас, мамуля! Надо спасти отца, пока он не сделал глупостей. Я только-только начала понимать его, и все? Теперь потеряю, даже не узнав, сколько ему на самом деле лет? Как он появился на свет? Чем занимается у Ясных, кроме того, что производит на свет Ясных детей и сводит с ума обычных земных женщин? Нет, папуля, я не позволю тебе уйти! А кстати, что ты намерен делать?»

Моя машина завелась с пол-оборота, я вдавила педаль газа и вылетела на дорогу.

Глава 21

ПОГОНЯ

Черная БМВ «Х6» мчалась по запорошенному снегом шоссе. Скорость — 180 километров в час, не меньше. Я упорно преследовала ее, не задумываясь о последствиях. А последствия могли быть. Во-первых, я еще не успела поменять летнюю резину на зимнюю, и на каждом вираже меня заносило. Во-вторых, так быстро ездить я пока не научилась — слишком маленький стаж вождения и слишком сильный инстинкт самосохранения. Но упрямая вещь — обстоятельства. Черной машиной управлял мой отец, который не хотел жить так, как его обязывают, и который был намерен сотворить что-то непоправимое со своей драгоценной жизнью. Это ли не повод мчаться за ним следом, не думая о собственной безопасности, и до упора нажимать педаль газа, чтобы не упустить отца из виду?

Его автомобиль маячил где-то далеко впереди — двигатель у него был посильнее, чем у моей малолитражки.

Неожиданно я увидела, что мой отец на полном ходу резко поворачивает вправо. «Гонщик, тоже мне», — с удовольствием подумала я и нажала на тормоз. «Мазду» стало болтать в разные стороны, а потом и вовсе закрутило. «Только бы никто из попутных машин меня не задел! Может, не одна я катаюсь на лысой резине!» Моя «Мазда» сделала еще два оборота и остановилась. «Фу! Кажется, пронесло». Проверив двигатель, я поняла, что могу ехать дальше, и последовала за отцом.

Его машины видно уже не было, остался лишь свежий след покрышек на нечищенной проселочной дороге. Снег

пошел так неожиданно, что никто не успел вызвать снегоуборочные машины. Я мчалась по извилистой узкой дорожке так быстро, как только могла, понимая: дорога каждая минута. Справа от меня белело запорошенное поле, слева — серый бетонный забор режимного пансионата.

Неожиданно где-то впереди раздался оглушительный хлопок, потом взрыв. «Папа! Папа!» Я судорожно вцепилась в руль и почувствовала, как пальцы немеют от напряжения. Меня трясло. Дорога петляла, как в какой-нибудь компьютерной игре. «Когда же это закончится?!» По-моему, я даже стала подвывать, то ли от страха, то ли от нетерпения. «Может, это не он? Не мой отец? А мой папа едет сейчас себе по этой узкой тропинке и пытается найти в себе мужество жить дальше?»

Увидев впереди горящий джип, я поняла, что опоздала. Это была папина машина. Видимо, она на полном ходу влетела в бетонный забор, после чего загорелась, как факел. Скорее всего, повредило бензобак. Как — непонятно.

Я подъехала почти вплотную, распахнула дверь и выпала на мерзлую землю. Уже не сдерживаясь, я громко и протяжно завывала: «Папа! Папа!» В мгновение ока я оказалась рядом с БМВ и заглянула внутрь. То, что я увидела внутри, заставило меня похолодеть от ужаса. Мой отец сидел на водительском месте и смотрел на меня глазами, полными отчаяния. Языки пламени лизали обшивку салона, приборную панель, его одежду. Папа будто не замечал, что горит, и не пытался спастись — просто сидел в огне и что-то тихо шептал.

Я судорожно зашарила по двери, пытаюсь открыть ее. Жгучая боль почти парализовала меня, но я не останавливалась. Отца уже не было видно за гигантской огненной пеленой, и я, скорее надеясь, чем веря, продолжала звать: «Папа!»

Правая рука увязла в огне, и я уже перестала чувствовать боль, лишь сердце надрывалось от отчаяния. «Я только тебя обрела, папа! Ты не можешь так легко исчезнуть!

Я прощаю тебе все, что ты сам не можешь себе простить, только живи!»

Неожиданно я почувствовала, что меня хватают за плечи и отрывают от машины. Я попыталась вырваться, решив, что это — пожарные. Я заорала, словно бешеная кошка, и постаралась извернуться так, чтобы освободиться из этих стальных объятий, но вдруг почувствовала резкую боль и обмякла.

Сознание покидало меня, и языки огня, танцевавшие на крыше отцовской машины, медленно расплывались.

Открыв глаза, я увидела Роберта. Я лежала на заднем сиденье его джипа, а он сидел на водительском месте и, развернувшись всем корпусом, холодно рассматривал меня.

— Где отец?

— У него не получилось, — спокойно, даже сухо, ответил Стронг.

— Что? — засипела я, затем откашлялась и заговорила уже нормальным человеческим голосом: — Что не получилось?

— Презагрузиться. Начать все сначала.

— Он жив?

«Что за глупость... На что я надеюсь? Кому удавалось уцелеть в огне? Супергероям в комиксах?»

Роберт усмехнулся:

— Нам трудно умереть.

— Ты хочешь сказать... — выдохнула я, — он...

Договорить я не успела: мой отец торопливо шел по белому полю прямо к нам. Он открыл пассажирскую дверцу и сел в машину Стронга. На меня он даже не взглянул.

— Давай отсюда, пока менты не приехали, — негромко попросил он Роберта, — ни к чему.

«Рэйнджер» плавно двинулся вперед по извилистой дороге. «Стоп! Я оставила свою машину там, на поле. Опять на поле. Сколько можно? Нет, на этот раз нужно ее забрать. Я ведь не миллионерша, чтобы разбрасываться автомобилями».

— Роберт, останови!

Стронг и мой отец одновременно обернулись и посмотрели на меня удивленно, как на говорящую собачку.

— Спасибо, господа, за поддержку, — чеканя каждое слово, сказала я, — но мне надо пойти туда, где я оставила свой автомобиль, и забрать его. Он в полном порядке вообще-то.

Джип Роберта встал как вкопанный. Теперь, когда моему «англичанину» не надо было следить за дорогой, он развернулся ко мне всем телом и воскликнул:

— Ты с ума сошла? Управлять автомобилем в таком состоянии?!

Я вскинула брови:

— Это в каком таком состоянии? А-а-а, ты думаешь, я в шоке оттого, что мой отец только что пытался покончить с собой, врезался на всей скорости в бетонный забор и сгорел на моих глазах? Или я в шоке оттого, что этот самый отец сидит сейчас, живой и невредимый, рядом со мной и даже слова благодарности не произнес? Я ведь каждый день гоняюсь за кем-нибудь по шоссе на огромной скорости, чтобы потом спасти из огненной ловушки! Зачем говорить спасибо? Или, дорогой Роберт, я должна до сих пор быть в шоке от неожиданной радостной новости, что ты женишься на какой-то голливудской худышке?

Я резко замолчала и отдышалась, глядя то на папу, то на Стронга. Отец и Роберт тоже молча смотрели на меня. Я никак не могла понять странного выражения их лиц. Наконец, отец сказал:

— Дочка, прости. Спасибо тебе за то, что пыталась спасти меня. Я не достоин этого.

Он помолчал, будто подыскивая слова, затем добавил:

— Знаешь, я не ожидал, что ты будешь так сильно бороться за мою никчемную жизнь. Что кинешься в огонь ради меня.

— Ты о чем? — недоуменно поинтересовалась я. —

Я не бросалась в огонь, а лишь пыталась открыть дверь, чтобы выпустить тебя на свободу.

— Дверь полыхала. Ты не заметила? — насмешливо, но с уважением в голосе спросил Роберт.

«Его голос, его прекрасный голос... — Покраснев до ушей, я отвернулась. — Только бы не сорваться, только бы не зареветь!»

Я собралась и проговорила с достоинством:

— И все же, господа, я пойду, если не возражаете. Если у кого из вас снова возникнет непреодолимое желание самоубиться, обращайтесь. Всегда к вашим услугам, Мила Богданова.

Боже, как мне в тот момент хотелось выскочить из машины Роберта и разрыдаться в голос! Никогда еще не испытывала я одновременно столько разнообразных эмоций. В моей душе боролись между собой страх, облегчение, негодование, обида, ярость, любовь... И еще что-то непонятное...

Я поспешно дернула ручку, чтобы выскочить на мороз. Дверь не поддавалась. «Понятно, Роберт заблокировал центральный замок. Что ж, ему придется выпустить меня, придется!»

— Открой! — приказала я.

— Ты не сможешь вести машину, — спокойно сказал Роберт, — у тебя правой руки почти нет.

— Что за бред? — немеющими губами спросила я, переводя взгляд вниз, начиная, впрочем, понимать, что это было за непонятное чувство. Боль. Жгучая, почти невыносимая физическая боль. «Как же я сразу не заметила? Как могла так долго этого не замечать?»

Мою руку тщательно перебинтовали почти до локтя. Кое-где через белоснежную марлю проступали темные пятна. В памяти немедленно всплыла картинка, как я просовываю руку в огонь, пытаюсь открыть водительскую дверь папиной машины, и она тонет в языках пламени, но я почему-то ничего не чувствую.

— Сильно там... все?

— Лучше тебе не смотреть. Пока, по крайней мере, — тихо посоветовал Роберт.

— Давайте не будем стоять здесь и выяснять отношения, — вдруг подал голос мой отец. — Мила, езжай с Робертом. Я сяду за руль твоей машины.

— Ключи в зажигании, — легко согласилась я.

— Кто бы сомневался! Не в твоём характере возиться с такими мелочами.

Отец окинул меня взглядом, полным нежности, и вышел. Я посмотрела ему вслед и заметила, что вся его одежда висит лохмотьями. Она обгорела, а он — нет.

Мы с Робертом молча смотрели, как папа идет к машине. Наконец, он оказался внутри, захлопнул дверь, и «Мазда» резко рванула с места.

Роберт дождался, когда отец подъедет к нам, и тоже нажал на газ. Мы двинулись колонной и через какое-то время выехали на шоссе. Я вздохнула с облегчением. «Что ж, все живы, здоровы. Машина с нами, а значит, если появится какой-нибудь умник и представится следователем Черепановым, я сразу пойму, что меня хотят убить. Нельзя же надеяться, что меня оставят в покое. Не справился отец, справится кто-то другой. Интересно, а если папа Роберта, он же глава Ясных, попросит сына убить меня, что ответит Роб? Подчинится ли он? Наверное, да. Он ведь женится на этой голливудской красотке. Какое ему теперь дело до девчонки со скверным характером и непонятными перспективами?»

Я украдкой вздохнула и посмотрела на любимого. Он напряженно следил за дорогой, предоставив моему восхищенному взору свою прекрасную макушку. «Знал бы Роберт, что я чувствую! Наверняка он меня не понимает. Ведь я только и делаю, что грублю ему. Говорю всякие гадости, а он меня спасает. И вот опять! Я так увлеклась, что даже не заметила, как горит моя рука!»

— Куда мы едем? — спросила я Роберта.

— Ко мне, — не поворачивая головы ответил он, — нам нужно многое обсудить.

— А как же мама?

— Твой отец пригонит машину и объяснит, что ты у него в гостях. Ничего, что-нибудь придумает. А ты ей потом позвонишь, так что все будет нормально.

Он опять замолчал, следя за дорогой. Меня поразило то, как он изменился. «Ах, да... Он же теперь без пяти минут женатый человек... Наверное, мечтает сейчас о своей прекрасной невесте, а возится со мной». Вопрос сам сорвался с моих губ:

— Зачем ты опять меня спас? Тебя что, кто-нибудь просил?

— Считай, что так, — холодно ответил он.

Мне захотелось стереть с его лица невозмутимую маску, и я насмешливо поинтересовалась:

— А твоя будущая жена где? Неужели тоже прилетела в Россию?

— Нет, Тина в Америке, где ей и положено быть.

«Тина! — Я вспыхнула, услышав это имя. — Надо же, не думала, что может быть еще больше! А я так надеялась, что это — пиар-ход, а не настоящая свадьба!» Теперь, услышав ее имя из уст Роберта, я перестала надеяться. Боль придала мне смелости, и я дерзко поинтересовалась:

— А твоя... Тина знает, что ты сейчас катаешь в своей машине симпатичную девушку?

Роберт усмехнулся, на мгновенье обернулся, затем снова поглядел на дорогу и сказал:

— Не переоценивай себя, посмотри в зеркало. Хотя обычно ты очень красивая.

Я вздрогнула и стала неуклюже перелезать с заднего сиденья вперед. Туда, где еще совсем недавно сидел отец. Просить Роба остановиться, чтобы проделать все это более цивилизованным путем, не было сил.

— Ловко! — одобрил Стронг, когда я устроилась справа от него.

Я оставила этот комментарий без внимания и потянула на себя зеркало, встроенное в потолок над пассажирским

креслом. Роберт был прав: больше всего я сейчас походила на черта или на чумазую, ощипанную ворону. Волосы торчали в разные стороны, на лбу красовалась свежая ссадина, и еще эта сажа... «Красавица, нечего сказать!»

— Насчет внешности беру свои слова обратно, — кинула я, — и все-таки, ни одна влюбленная женщина не поймет, если ее жених будет спасать разных барышень, а потом тащить их к себе домой.

— Не переживай, — невозмутимо сказал Роберт, — Тина не ревнива.

— Да? — с насмешливым сомнением спросила я. — А может, она тебя просто не любит? Любви без ревности не бывает, ты, наверное, и сам об этом знаешь...

Роберт вздрогнул, словно от укола, но через секунду вновь стал невозмутимым. «Конечно, он может справиться со своими эмоциями, но меня не проведешь. Даже если он разлюбил меня так же быстро, как и полюбил, с памятью-то у него все в порядке. Он ревновал меня как сумасшедший. Он злился, что ничего не может поделать со своей одержимостью. Он старался держаться от меня подальше, чтобы, не дай бог, не сделать мне больно. Его душила страсть, безумная страсть. Конечно, он не мог так быстро забыть. Просто не мог», — успокоила я себя.

Мы молчали. Свернув с шоссе на дорогу, которая вела к моему дому, Роберт остановился. Я повернула голову и посмотрела в боковое зеркало. Подъезжала моя «Мазда». Вскоре машина поравнялась с нами, и Стронг опустил стекло.

— Мы поедem ко мне, — отрывисто бросил он отцу, — будем думать, что делать дальше.

— Да, я к вам скоро присоединюсь, — сказал отец, — только мать Милы успокою, а то, наверное, она волнуется.

Роберт кивнул, и «Рэйнджер» рванул с места. Отец остался далеко позади. Я все еще наблюдала за ним, глядя в боковое зеркало, пока мы окончательно не оторвались и моя «Мазда» не затерялась за поворотом.

Поселок, где был расположен дом Роберта, был чуть дальше от шоссе. Сначала надо было проехать мимо КПП моего поселка, потом — по все более сужающейся тропинке мимо небольшого магазинчика, где закупались все мои соседи, и, наконец, въехать в лес. Километр по очень красивой и живописной местности, и вот он — дом Роберта.

Тот единственный раз, когда мне пришлось побывать здесь, я помню очень смутно. Стронг доставил меня без сознания, и я очнулась только в спальне.

Я покидала этот дом, ослепленная своими эмоциями и нестерпимой болью. Конечно, тогда я не успела полюбоваться ни местностью, ни зданием и теперь хотела наверстать упущенное — и пусть Роберт думает что хочет. Мы ехали по прекрасной аллее, с двух сторон обсаженной туями и соснами, и над нами чернело бескрайнее небо. Картина завораживала и пугала одновременно. Скоро впереди показались огни, и я увидела огромные ворота. Странно, но я совсем не помнила, как выезжала из них, когда удирала из поселка.

Ворота распахнулись, и мы очутились на широкой дороге, освещаемой высокими фонарями. Этот путь я тоже никак не могла вспомнить. «Мчалась, словно угорелая. — Я горько усмехнулась. — Какая же я была дура! От кого или от чего я бежала? От своей любви? Так спешила, чтобы Роберт достался другой девушке? Бред!» Разозлившись на всех вместе — на себя, на Роберта, на отца и даже на неведомую мне Тину, — я снова начала грубить:

— Слушай, а зачем ты опять меня сюда привез? Оказать первую медицинскую помощь? Так ты уже, спасибо! Хорошо перебинтовал, мне нравится. Бинт — чистый. Отвези меня к маме, дальше она обо мне позаботится. Ее в Америке невеста не ждет.

Роберт уверенно вел машину, не обращая внимания на мои слова. Наконец, мы поравнялись с его домом, и он открыл ворота с пульта. Мы заехали внутрь. Роберт ос-

тановил машину, заглушил мотор и отстегнул ремень безопасности. Затем обратил ко мне свое прекрасное лицо, надменное, как в первый день знакомства, и приказал:

— Вылезай!

Я набралась наглости и произнесла очередную гадость:

— Надеюсь, тебе хорошо в постели с твоей Тиной. Наверняка ты доводишь дело до конца. Скажи честно, ей ты ни разу не хотел что-нибудь сломать, как мне?

Мои слова словно взорвали вулкан. Я не ожидала, что Роберт так отреагирует. Его ясные серые глаза почернели от злости. Он схватил меня за плечи и сильно встряхнул. На секунду мне показалось, что Стронг выбьет из меня душу — или дурь. В глазах потемнело, захотелось провалиться в пустоту, но я вовремя опомнилась и взяла себя в руки. Что-то слишком часто я стала терять сознание в объятиях Роберта. Видимо, понравилось. Надо с этим заканчивать, пока не вошло в привычку. Я нашла в себе силы посмотреть ему в глаза и чуть заметно усмехнулась. Он выпустил меня из своих стальных объятий и воскликнул:

— Не смей! Слышишь? Не смей меня провоцировать! Еще раз такое услышу — и ты не уцелеешь. Все ясно?

Я съезжилась и насупилась, словно ребенок, на которого впервые накричала терпеливая и всегда спокойная мама. «Конечно же, Роберт безумно, страстно любит свою невесту, раз его так оскорбили мои насмешки. Я его все время подкалывала, вот он и взбесился. Удивительно, что он меня не убил! Видимо, не хочет делать того, о чем его не просили. Ждет, пока ему папочка прикажет...»

Закончить мысль мне не дали. Пока я раздумывала, Стронг уже выбрался из машины и дернул ручку моей двери.

— Давай руку! — жестко, почти грубо сказал он и, видя, что я протягиваю ему перебинтованную, раздраженно потребовал: — Да не эту, левую!

Я обиженно поменяла руку, и оперлась на Стронга. Он поймал меня и подтолкнул к лестнице, ведущей в дом.

Строение, как я уже заметила в прошлый раз, было спроектировано с отменным вкусом. Красивый особняк в классическом стиле, с большими белыми колоннами, величественный и гордый, словно притягивал к себе. Зажженные окна создавали впечатление, что внутри нас кто-то ждет. Мысль о проклятой невесте Роберта снова вспыхнула в моем измученном сознании. Что ж, теперь это — ужасная реальность, с которой придется мириться. Впрочем, когда меня превратят в одну из Ясных, станет легче. Я буду бездушной машиной, реагирующей только на приказы.

«А все-таки каков мерзавец! Забыть обо мне так быстро! Только увидел свою американскую подружку, и бац... Готово. А говорил, что будет любить меня вечно. Ничего не чувствует к другим женщинам... Вот, пожалуйста».

Я преодолела лестницу и вошла в дом. Роберт шел сзади и изредка подталкивал меня, — видимо, опасался, что я снова убегу.

Раздевшись в просторной прихожей, я прошла в ярко освещенную гостиную — огромную, прямоугольную, с хрустальной люстрой и лепниной на потолке. В прошлый раз я не видела этой комнаты и сейчас восхищенно вздохнула:

— Ух ты... Прямо бальный зал. Настоящая дворянская усадьба позапрошлого века!

Стронг усмехнулся и холодно сказал:

— Знаю-знаю. Твоя любимая игра. Кто здесь раньше жил, что это были за люди, какие события происходили в этих стенах... Угомонись. Этот особняк построили пару лет назад по образцу какого-то здания позапрошлого века. Его сразу же стали сдавать богатым людям. Я — второй, кто здесь живет. После меня будет кто-то еще.

Я вздрогнула, словно от пощечины. Роберт говорил сдержанно и бесстрастно, почти пренебрегая мной и моим хобби. Но больше всего меня поразила фраза: «После меня». Я не поверила, что Роберт уедет, а жизнь продолжится. Конечно, останется дом. Останутся люди, которые

сюда заедут; останутся деревья и небо. Но это место осиротеет, как и моя душа. «Черт! Откуда эти слезы?» Я закинула голову назад, чтобы не дать проклятым каплям пробежать по щекам на виду у того, кто так легко разлюбил меня.

Роберт стоял рядом и смотрел испытывающим, бесстрастным взглядом. Словно объясняя свою внезапную грубость, он произнес:

— Ты сделала мне очень больно, Мила. Я никогда не думал, что бывает такая боль.

Я виновато кивнула.

— Привет, дорогая! — неожиданно послышался знакомый голос.

Я обернулась и увидела Лизу. Не помня себя от радости, я кинулась ей навстречу и чуть не сбила с ног.

— Лиза, Лиза! — выкрикивала я, прижимаясь к хрупкой девушке. — Как же я счастлива, что ты здесь!

Предательские слезы моментально высохли. Лиза смотрела на меня своими бездонными голубыми глазами, не в силах скрыть улыбки. Тем не менее минут через пять, наслушавшись моих счастливых возгласов и торопливых, сбивчивых реплик, она сказала:

— Ну, вот что, Мила. Тебе нужно принять душ и переодеться. А то, глядя на тебя, хочется плакать. Я еще не видела более жалкого зрелища.

Я смущенно улыбнулась. «Да, не помешало бы. Только во что я буду переодеваться? Опять в рубашку и джинсы Роберта? Вряд ли теперь это его обрадует».

Ясный стоял несколько в стороне от меня и Лизы, внимательно прислушиваясь к нашей беседе. После того как я задалась вопросом по поводу одежды, он произнес:

— У меня в шкафу завелась пара женских платьев как раз твоего размера. Выберешь то, которое тебе больше понравится.

«Значит, эта американка и сюда добралась! Или он ждет ее, раз купил одежду, чтобы тощая леди не тащила в

Россию чемоданы. Все для удобства любимой! Браво, Роберт!»

Я хмуро кивнула и стала подниматься по лестнице.

— Не трогай повязку на руке! — сказала Лиза мне вслед. — Просто вымойся и оденься. Остальное мы сделаем сами!

Я опять кивнула, не оборачиваясь, и поднялась на второй этаж. «Он меня даже не провожает! А вдруг я спальню не найду, а вдруг я в ванной заблужусь?» Я встряхнула головой, отгоняя ненужные мысли, и подошла к огромному шкафу с одеждой. Все тот же безупречный порядок, вешалки ровными рядами. Рубашки с рубашками, пиджаки с пиджаками. Аккуратные стопочки джинсов, чистых хлопчатобумажных футболок. Раздвигая стеклянные двери, я изучала содержимое шкафа, пока не наткнулась на несколько вечерних платьев. «Ну, коне-е-ечно, голливудская штучка любит все самое дорогое, из последних коллекций мировых дизайнеров». Я осторожно отогнула ворот у одного из платьев и посмотрела на лейбл. «Диор, разумеется! Интересно, Роберт действительно думает, что у меня с его невестой один размер? Мужчины! До чего они смешные! Там, в Голливуде, все худые, как щепки, иначе ролей им не видать, как своих ушей. Я же просто стройная. У меня вполне реальный сорок четвертый размер. При росте метр семьдесят я вешу шестьдесят килограмм, тогда как Ти-и-ина не потянет и пятидесяти».

Тем не менее я достала одно из платьев — больше переодеться было не во что. «Даже если меня больше не любят, это не повод ходить пугалом, — трезво рассудила я. — А еще эта рука...» Забытая травма вновь напомнила о себе — боль, временно отступившая, теперь казалась нестерпимой. «Как я буду мыться? Можно ли мочить поврежденную руку, ведь вода непременно попадет под повязку?»

Глава 22

НЕОЖИДАННЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Мне казалось, что больнее быть уже не может — но вода, попавшая на руку, дала почувствовать иное. Я закусила губу, чтобы не завопить. Лиза предупреждала меня, что повязку не надо трогать, но я уже намочила ее, поэтому очень хотела снять бинт, насквозь пропитанный кровью.

Я вылезла из-под душа и, смешно шлепая мокрыми ногами по кафельному полу, подошла к настенному шкафчику. Там у Роберта хранились разные гигиенические принадлежности — ватные диски, палочки для ушей, зеленка (зачем она ему, ведь у него на теле не остается никаких ран?). На мое счастье, там же нашлись упаковка со стерильным бинтом и маленькие маникюрные ножницы. «Отлично. Значит, я смогу самостоятельно заменить повязку. И что Роберт имел в виду, сказав, что у меня почти нет правой руки?»

Немного подумав, я решила сначала вымыться, а потом уже перебинтоваться. Теперь я была умнее и отставила руку подальше, помыв под теплой водой все остальные части тела. На стеклянной полочке рядом с ванной выстроилась целая батарея средств по уходу за волосами. «Конечно, Роберту же надо следить за своей такой прекрасно окупающейся внешностью!» — думала я, шипя от боли.

С трудом вымыв волосы левой рукой, я занялась телом. Кое-где нашлись небольшие ожоги, но я не стала обращать на них внимания, думая лишь о том, как бы побыстрее вымыться и одеться. С детства ненавижу, когда меня кто-нибудь долго ждет!

Наконец, с водными процедурами было покончено. Обернувшись в мягкое белое полотенце, я посмотрела на свое отражение в зеркале. Стало лучше. Копоть и сажа с моего лица исчезли. Волосы — чистые, влажно сияющие под электрическим светом — уже не стояли дыбом.

Я зашла в спальню и уставилась на прекрасные платья, которые подбирали с огромной любовью, увы, не для меня. Одно из них, цвета морской волны, с нашитыми поверх корсета крупными стразами, манило и заигрывало со мной, приглашая примерить. Я осторожно сняла эту красоту с вешалки и принялась неловко надевать. Идея затягивать корсет одной рукой меня не вдохновила. Я приложила лиф к груди, чтобы посмотреть — идет ли мне этот дизайнерский шедевр. Оказалось, что даже размер мой. «Может, позвать Лизу? Вместе мы как-нибудь да справимся... Нет. Примерка тогда растянется на целую вечность, и Роберт может разозлиться». С огромным сожалением я отложила шикарное платье и внимательно осмотрела остальные. Они все были абсолютно разными. Я сразу отмела варианты со сложными деталями. Еще одно платье забраковала из-за цвета — мокрый асфальт. На улице и так было безрадостно...

«Ага, вот то, что нужно. Платье цвета зари. С абстрактным рисунком. Изысканно простой фасон — на тонких бретельках, длинное, прямое, с небольшим шлейфом сзади. Никаких крючков и завязок. Надела — и пошла».

Я довольно легко справилась с ним и удивленно уставилась на свое отражение в зеркале. «Что ж, чудесно! Сидит как влитое. Наверное, американская невеста Роберта очень сильно разозлится, когда поймет, что это чудесное платье ей велико. Хотя, может, после того, как Стронг отдаст его в химчистку, оно подсядет...» Я сильно закусила губу. Мысль о том, что после меня вещь придется почистить, чтобы невеста Роберта не почувствовала запах другой девушки, привела меня в бешенство, которое быстро сменилось полной апатией. Я уселась на краешек кровати

и прикрыла глаза. «Все. Больше не могу. Надоело. Переживать, ревновать, гонять в голове мысли, от которых самой же больно. Смотреть, как рушится моя жизнь, и не знать, что делать». Мне захотелось спрятаться от всего этого, зарыться с головой в теплое одеяло и переждать. Очнуться году этак в четырехтысячном, не раньше. Хотя и там меня будут ждать все те же проблемы: Роберт, скорее всего, бессмертен.

«Кстати, вечная жизнь — не такая уж замечательная вещь. Подумать только — ссора с таким же бессмертным будет длиться целую вечность! Конечно, можно будет попытаться все уладить, решить мирным путем; а что, если не выйдет?» Я вспомнила холодный взгляд Стронга, его презрительную усмешку и подумала, что он-то никогда меня не простит. Похоже, я действительно сильно его уязвила.

Снизу раздавались приглушенные голоса. Я тряхнула головой и машинально потрогала волосы: «Почти высохли». Пряди, которые я забыла расчесать, легли крупными полукольцами на грудь и плечи. «Надо еще руку перебинтовать». Я дотронулась до правой руки, и она заныла, словно предостерегая меня от необдуманных действий. «Что ж, возьму с собой перевязочный материал и последую совету Лизы — сама трогать не буду, а доверюсь ей и Роберту».

Выходя из комнаты, я задумалась: что же надеть на ноги? С таким платьем обычно носят высокие каблуки. Внизу, на самой нижней полке шкафа, стояло несколько пар классических «лодочек» разных цветов. «Все-таки я неплохо знаю Роберта. Такой основательный... Если он столько прекрасных вечерних платьев купил, то и о туфлях не забыл. Не удивлюсь, если в этом шкафу найдется и пара-тройка клатчей». Я выбрала шелковые розовые туфли, которые необычайно подходили к моему (на этот вечер) платью, и еще раз подивилась тому, насколько повезло с размером — мой, 39-й.

Я стала спускаться вниз по лестнице, и с каждым шагом сердце тяжело ухало в груди. В моей дрожащей руке был

зажат чистый бинт, и я старалась смотреть только на него, а не на Роберта.

— Вот, — сказала я, — принесла материал. Не могли бы вы мне помочь... и все такое.

Я сжала кулаки и подняла голову — Роберт внимательно смотрел мне в глаза. На секунду мне показалось, что он восхищается мной, но — все-таки показалось.

— Мила, может, тебе успокоительного? — неожиданно предложила Лиза.

— Это еще зачем? — удивилась я. — Ты — мое успокоительное.

Я говорила абсолютно искренне. Видя Лизу, я переставала чувствовать и боль и страх — только тихую радость. Лиза понимающе улыбнулась, но сказала строго:

— Тебе ведь сейчас будет очень больно. И страшно. И вообще, такая перемена...

Я насторожилась:

— Какая перемена? Что-то я не совсем тебя понимаю, Лиза.

— Мила, ты очень хорошо выглядишь сейчас, — как-то невопад отреагировала сестра Роберта, — я даже рада, что твой дар покинул тебя. С такой потрясающей внешностью ты и без него будешь сводить мужиков с ума.

— Ты о чем? Я не понимаю!

Девушка не обратила на мои вопли никакого внимания и тихо попросила:

— Присядь в кресло, а то тебя трясет.

— Меня не... — Я хотела возразить, что абсолютно спокойна, но вдруг поняла, что едва держусь на ногах, и послушно опустилась в кресло.

— Черт возьми, Лиза! Как у тебя получается залезать ко мне в голову? — вырвалось у меня. — Конечно, меня это спасло от Олиных ножей, но все же...

Лиза усмехнулась, устраиваясь на диване напротив. Роберт сесть не захотел и медленно прохаживался по огромной гостиной.

— Я спасла тебя потому, что не могла поступить иначе, — наконец сказала девушка, широко распахнув свои небесно-голубые глаза, — к тому же кое-кто никогда бы не простил мне невмешательства.

Она с любовью посмотрела на Роберта и снова перевела на меня свой волшебный, завораживающий взгляд. Лицо Стронга оставалось абсолютно непроницаемым.

— Итак, Мила, — серьезно сказала Лиза, — твоя рука обгорела настолько, что исчезли все линии на ладони. Ты понимаешь, что это значит?

— Нет. Я теперь — калека?

— Твой дар исчез. Ты больше не будешь притягивать мужчин.

Я, напуганная и ошарашенная, смотрела на нее.

— Помнишь, однажды я попросила тебя показать мне руку?

Я кивнула.

— У тебя был дар — об этом говорили линии на твоих ладонях. Ты уже привлекла внимание, и я понимала, что скоро тебя поставят перед выбором: или стать Ясной, или умереть.

— Благодаря тебе и Роберту, ни у кого ничего не вышло. Но я понимаю, что вы не всегда будете рядом и что у вас есть и другие дела... — Опустив голову, я уткнулась взглядом в пол, не смея посмотреть на моих собеседников.

— Мы хотели спасти тебя, — продолжала Лиза. — Искали способ уничтожить твой несчастливый дар так, чтобы ты выжила.

— Неужели ты что-то выяснила?

— Да. В одной из книг Ясных, где описана наша жизнь от самого начала, я нашла одну историю. В тринадцатом веке жила девушка, которая, так же как и ты, притягивала мужчин. Ей, можно сказать, повезло: к ней тянулись только смертные; видимо, чужаки, вроде Самураев, о ней просто не знали. Против красавицы ополчилась вся деревня, ее

назвали ведьмой, судили и хотели сжечь за колдовство. Но одна древняя бабушка, знахарка, заявила, что достаточно отсечь развратной девке правую руку. Знахарку в деревне уважали — она помогала женщинам разродиться, а больной скотине — выздороветь. Ей поверили, не уточняя, почему именно такое наказание может избавить деревню от развратницы.

Девушка осталась без правой руки, и мужчины перестали ею интересоваться. Какое-то время люди от нее шаркались, но потом поняли, что она абсолютно безопасна, и снова приняли к себе. Зла она ни на кого не держала, была тихой и богобоязненной. Сколько ни спрашивали потом бабулю-знахарку, как связаны правая рука и способность притягивать к себе мужчин, она ничего не рассказывала, а только сердилась: «Мало вам, что я ваши души спасла!» А вскоре она умерла и унесла тайну с собой в могилу.

Лиза помолчала, а я, неожиданно развеселившись, развязно спросила:

— Так вы что, хотели меня без руки оставить?

Лиза усмехнулась, потом сказала:

— Нет, Мила. Сейчас у нас больше информации. Хиромантия, астрология и остальная эзотерика возникли очень давно. Но раньше были доступны лишь избранным. В наши дни любой может приобщиться к тайному знанию. Сейчас любому школьнику известно, что такое гадание по руке. На левой руке линии говорят о том, что человеку суждено. На правой — как он живет на самом деле. Можно менять судьбу, управлять ею, понимаешь? Некоторые люди прорезают себе новые линии жизни или удлиняют те, что есть. Понимаешь? Они верят, что это работает.

Лиза медленно перевела взгляд на брата и снова уставилась на меня.

— Я хотела поговорить с тобой, выяснить, что тебе на самом деле нужно. Если бы ты сказала мне, что хочешь стать одной из нас, я бы оставила тебя в покое. Но если бы ты хотела остаться человеком, обычной девушкой, ко-

торая мечтает о настоящей любви, без колдовства, я бы просто избавила тебя от ненужных черточек на ладони. Но жизнь решила за нас.

Я дернула плечами и на всякий случай спросила:

— Неужели там действительно ничего не осталось?

— А ты будешь об этом сожалеть? — неожиданно раздался резкий голос Роберта.

— Нет. Просто боюсь, что меня однурукую никто не полюбит. — Я подняла правую руку и покачала ею в воздухе.

— Не волнуйся, еще как полюбят, — горько успокоил меня Роберт и отвернулся.

Внезапно я поняла, отчего Стронг так груб со мной: «Я перестала его притягивать! Его, наполовину Ясного, наполовину человека, привлекали лишь мои способности. На других Ясных они не действовали, на Спектров — тоже, а вот на Самураев и людей — очень даже. А так как Роберт был когда-то человеком... Нет дара — нет любви. А я-то, дура, надеялась, что ему нужна именно я...»

Подавленная, униженная, уничтоженная, я сидела в прекрасном вечернем платье и в новых туфлях, понимая, что потеряла самое ценное в жизни. Как же было трудно не разрыдаться на глазах у Ясных! Я хрипло спросила у Лизы:

— А что стало с той девушкой, которую лишили дара и оставили жить?

— Кажется, она вышла замуж за кузнеца и родила десять детей. Умерла глубокой старухой в окружении любящих внуков и правнуков.

Я печально хмыкнула. «Что ж, дай-то Бог... Может, и меня кто-нибудь полюбит, несмотря на мою глупость и полное отсутствие каких-либо способностей. Токарь или слесарь. Не важно. Уж точно не роскошный парень вроде Стронга. Его счастье — с голливудскими красотками».

Я посмотрела на Роберта. Его взгляд был таким отсутствующим, будто мысли бродили далеко-далеко...

— Давай посмотрим, что там у тебя, — предложила Лиза, переводя мое внимание с Роберта на себя.

Я встала с кресла и грациозно (в этих лодочках только так и получалось) подошла к Лизе. Опустившись на диван, я положила руку ей на колени.

— Роберт, принеси, пожалуйста, ножницы, — попросила Лиза брата.

Он подал ей маленькие ножницы и уставился на мою повязку.

— Как у тебя получилось так хорошо меня перевязать, ты ведь не врач? — удивленно поинтересовалась я.

— Обижаешь, — самодовольно хмыкнул Роберт, — я же был человеком. Помнишь, сколько я дрался? Пришлось научиться обрабатывать раны, иногда — зашивать глубокие порезы, ну и бинтовать тоже.

Я благодарно улыбнулась. «Что ж, уже диалог! Если уж любить нельзя, можно просто дружить. Хотя — а выдержи ли я?..»

Лиза надрезала бинт и дернула его за края. Тонкий материал легко разошелся, я увидела свою руку, сглотнула и отвернулась. «Да там даже кости оплавилась! Сегодня явно не мой день...»

Лиза ловко сняла повязку и легко дотрагивалась до обожженной руки своими тонкими прохладными пальцами.

— Почему мне совсем не больно? — по-прежнему отвернувшись, спросила я.

— Радуйся, что я так умею, — отмахнулась Лиза, досаду на мое любопытство, — дай мне сосредоточиться.

Я замолчала и уставилась на громадное полотно, висевшее на стене. Эта картина была посвящена какому-то военному событию, и на ней «смешались в кучу, кони, люди». Я начала считать всадников, которые замерли на ходу, ожесточенно взирая на невидимого врага. Их оказалось двадцать. Когда все были посчитаны, я услышала нежный голосок Лизы:

— Все. Можешь смотреть.

Я перевела взгляд с картины на лицо девушки, а потом на свою руку: она была абсолютно целой и не обгоревшей!

— Вот так чудеса! Как это у тебя получилось? Слушай, Лиза, да тебе цены нет!

— Ты только сейчас это поняла? — широко улыбнулась сестра Роберта.

— Нет, но такого я вообще никогда не видела!

«Как ей удалось заново собрать мою руку? Это же противоречит всем известным законам!» И тут же подумала, что зазвучать в моей голове и тем самым спасти мне жизнь тоже было непросто.

Лиза поднялась с дивана и проговорила, будто прощаясь:

— Береги руку. И себя тоже береги.

— Куда ты?

— Мы увидимся завтра, — успокоила меня девушка. — Ясные все еще хотят сделать тебя такой же, как мы. Они ждут тебя к двум часам дня. Очень тебя прошу, Мила, подумай как следует и реши, чего ты хочешь.

Я печально улыбнулась:

— Кому я теперь нужна, без дара? Просто обычный ребенок человека и Ясного. Таких много по свету бродит. Живут они себе и живут, их не трогают.

— Тем не менее наш отец считает, что ты можешь отлично послужить Ясным. Если в тебе был один талант, почему бы на этом месте не появиться другому? Ты видишь вещие сны. Ты не замечала?

— Так твой отец уже все знает?

— Конечно. Он всегда и обо всем узнает первым. Ты должна понять, что тебе нужно в этой жизни. Если хочешь жить спокойно, останься человеком. Мы поговорим с отцом, и, я думаю, он не заставит тебя превращаться в одну из нас. Ты больше не будешь привлекать мужчин, а значит, больше не опасна.

— Конечно, ты можешь согласиться, — вмешался Роберт. Его голос прозвучал сухо и резко, словно удар хлыста. — Ты станешь бессмертной и будешь вечно служить Ясным. Вот здесь тебе уже не придется надеяться на спокойную жизнь в окружении любящей семьи. Тебе просто не позволят этого.

— А как же твоя свадьба? — выпалила я. — Ты ведь тоже Ясный! И как тебе позволили жениться на любимой женщине?

— Я же просил тебя, — поморщился Роб, — никогда не верь тому, что обо мне говорят. Даже если это кажется правдой. А ты все равно веришь! В то, что я убил твоего поклонника Руднева, в то, что я так быстро разлюбил тебя и сделал предложение другой...

— А что я должна была подумать? Мне показали журнал с вашими фотографиями, и все стало ясно.

— Я же говорил тебе про пиар! — заорал Роберт. — Когда выходит новый фильм, надо привлечь к нему внимание потенциальных зрителей! Это прописано в наших с Тиной контрактах! Это что, непонятно?!

— Пожалуй, я поеду, — тихо сказала Лиза, — а то вы скоро молнии друг в друга начнете метать. Помни, Мила, я тебя жду завтра и надеюсь, что ты примешь верное решение.

Помолчав немного, она добавила:

— Я надеюсь, что ты останешься человеком и сохранишь свое трогательное, трепетное сердечко. По крайней мере, пока.

С этими словами она вышла, не дожидаясь моего ответа. Я хотела что-то сказать, но ее уже и след простыл. Я посмотрела на Роберта и заметила, что его глаза блестят, словно два алмаза.

— Тогда чьи это платья? У тебя в шкафу — целый гардероб! — Я снова перешла в наступление.

— Твои.

— Мои? С чего это вдруг?

— А ты не заметила, что они тебе идеально подходят?

— Так ты для меня их покупал? — растерянно поинтересовалась я.

— Как видишь. В прошлый раз мне показалось, что мои рубашки и джинсы тебе не идут, и купил пару вещей.

— А попроще ничего не мог выбрать? — прищурившись, хамила я, млея от удовольствия, вместо того чтобы просто поблагодарить.

— А тебе что, не нравится? — тихо спросил Роберт и стал медленно приближаться.

Как же он был хорош! Казалось, он стал еще красивее, или я просто давно не видела его? Сердце забилося, как мышь в западне. Я начала задыхаться. За те считанные мгновения, пока он шел ко мне, я успела буквально раствориться в его взгляде. Роберт опустил передо мной на колени и взял мои руки своими горячими пальцами.

«Стоп. Разве он не разлюбил меня, когда я потеряла дар?» Я внимательно посмотрела на Стронга — его глаза пылали такой страстью, что я даже отпрянула от неожиданности, а затем осторожно поинтересовалась:

— Роберт, что ты ко мне чувствуешь?

— А ты не видишь? — хрипло спросил он, сжимая мои ладони так сильно, что я вскрикнула от боли.

— Эй, мне только что руку починили, — шутливо напомнила я, — а ты опять хочешь ее сломать.

Железная хватка ослабла, но Роберт не отпустил моих рук. Он недоверчиво смотрел на меня и не двигался с места.

— Роберт, я не уйду, — тихо сказала я, словно успокаивая маленького ребенка, — по крайней мере, если ты не захочешь этого.

— А я и не отпущу тебя больше, — спокойно ответил он, — знаешь, мне раньше казалось, что для тебя опаснее всего я и чужаки, обладающие сверхспособностями. Ну, вроде твоих поклонников, Самураев. Но, узнав тебя поближе, я понял, что твой самый страшный враг — ты

сама. Подчас ты творишь такое, что потом сама не можешь понять, зачем это сделала. Можешь ты объяснить, почему убежала от меня в прошлый раз?

Я пожала плечами.

— Вот, — хмыкнул он, — и я не знаю. Наверное, чтобы прекратить мои страдания. Ты же видела, как тяжело мне сдерживаться в твоём присутствии, как трудно быть просто нежным, когда хочется буквально задушить тебя в объятьях.

Я опять пожала плечами. Возможно, он был прав, но мне было интересно другое: что изменилось после того, как исчез мой дар.

— Лучше я бы тебе тогда руку сломал, — полушутливо, полусерьёзно сказал он, — ты бы тогда не убежала. Но ты исчезла и несколько раз чуть не погибла. Нет уж, теперь я тебя никуда не отпускаю.

— Роберт, — повторила я вопрос, который уже звучал ранее, — что ты теперь ко мне чувствуешь?

Стронг медленно притянул меня к себе и поцеловал — долго и страстно.

Потом его губы коснулись моей шеи — и я застонала. Он сводил меня с ума, спускаясь все ниже и ниже. Вот с плеча соскользнула тонкая бретелька платья, и на меня обрушился новый шквал поцелуев. Я таяла, как расплавленная свеча, ни на секунду не сомневаясь, что позволю ему все.

— Не хочешь подняться в спальню? — хрипло прошептала я.

— Боюсь, не смогу этого выдержать, — почти прорычал он, опрокидывая меня на мягкий диван.

— А что это у вас тут все двери нараспашку? — услышала я знакомый голос.

«Папа! Ну что ж ты так не вовремя!»

Мы с Робертом едва смогли оторваться друг от друга. Стронг вскочил на ноги, и в ту же секунду в гостиную вошёл мой папочка собственной персоной.

— Привет! — сказал он бодрым голосом и внимательно посмотрел на нас. Выглядел он великолепно, будто и не горел в машине.

Я торопливо поправила бретельку платья. Папа улыбнулся, отводя глаза. Я постаралась справиться с дыханием и вскоре победила.

— Как там мама? — поинтересовалась я почти спокойно.

— Переживает, — меланхолично ответил отец.

— В смысле?

— Говорит, ты выскочила, как кошка сумасшедшая, вслед за мной. Она даже не поняла куда.

— И что ты ей сказал?

— Что мы поссорились с тобой слегка, и я психанул. А ты почувствовала свою вину и захотела извиниться.

Я засмеялась:

— Эх, папа, папа! А ты врун, оказывается!

Он пожал плечами:

— Надо беречь людей, а особенно женщин, тем более тех, от которых у тебя дети.

— Мудро, — похвалила я, — и?..

— Что «и»? — передразнил он. — Собирайся. Отвезу тебя домой. К маме. Пусть полюбуется на свое чадо, а то, после того как ты поступила в университет, она тебя редко видит. А когда видит, то ты вся израненная или вообще без сознания.

— Может, я здесь переночую? — робко спросила я, взглянув на Роберта. — Мы завтра собирались...

— Знаю, знаю, куда вы собирались, — перебил меня отец, — и что вы сейчас собирались делать, тоже догадался. Не маленький.

— Папа! — возмущенно воскликнула я. — Откуда такое самодурство? То семнадцать лет тебя не было... Почти... А то вдруг объявляешься и командуешь...

— Ты когда за мной по шоссе мчалась, я подумал: какая же у меня дочь! Добрая, отзывчивая, умная, самоот-

верженная! Только совсем не рассудительная. Вот я и решил — выживу и начну воспитывать.

— Выжил... — растерянно пробормотала я.

— А ты думала! — самодовольно воскликнул папочка. — Нам не так просто умереть. Чтобы нас убить, нужно все очень правильно рассчитать. Ну, ты уже знаешь. Нашлись люди, рассказали... А чтобы самому себя прикончить, надо превратиться в столб пламени. Загореться, вспыхнуть, да как следует, поярче. А я вдруг передумал. Просто понял, что ты меня любишь и готова спасти даже ценой собственного здоровья. Разве ради этого не стоит жить? Можешь считать, что я врезался в забор больше для порядка, чем для дела. По-забавился немного, машину спалил... Развлекся, в общем.

Роберт, молчавший во время разговора, захохотал. Я смерила отца гневным взглядом и зашипела:

— Ах, это ты так развлекался?! Да я из-за тебя чуть сама в огненный столб не превратилась! Шутник, тоже мне! Ты знаешь, что мне Лиза потом руку заново собирала?

— Да знаю я все, — посерьезнев, ответил отец, — а еще я знаю, что тебе предстоит все обдумать и решить, как ты хочешь жить дальше. Поэтому собирайся. Я у тебя как раз машину одолжил. Мигом до дома домчу. Там и подумаешь как следует. Прикинешь, так сказать.

Я перевела глаза на Роберта, будто спрашиваясь; он кивнул:

— Мила, твой папа прав. Тебе нужно остаться одной. Конечно, дома тебе будет проще понять себя, так что поезжай.

В его глазах промелькнула грусть. Я видела, как сильно он не хотел меня отпускать. Тем не менее, вместо того чтобы окончательно вскружить мне голову и напрочь лишиться способности трезво рассуждать, он предпочел дать мне свободу. Я благодарно посмотрела на него и сказала отцу:

— Поехали.

Мы втроем вышли во двор, запорошенный снегом. Мне захотелось позитива, и я воскликнула:

— А снегу-то нападало! Прямо Новый год! Роберт, ты непременно должен нарядить к празднику вон ту огромную елку. Гирлянды, шары, игрушки и все такое...

— Так до Нового года еще далеко, — удивился отец, но махнул рукой и пошел к машине.

Я подошла к Стронгу — в его глазах плескалась безграничная нежность. Он взял мою руку и прижал к губам.

— Не хочу навязывать свою волю, но очень прошу, прими правильное решение, — тихо прошептал он мне на ухо.

— Правильное — это какое? — уточнила я.

Стронг покачал головой и сказал:

— Ты сама знаешь. До завтра. Я за тобой заеду.

Он привлек меня к себе и порывисто обнял. Целоваться мы не стали, потому что мой папаша пристально наблюдал за нами. Сколько лет я мечтала, чтобы папа принял меня, вошел в мою жизнь, и вот — получите, распишитесь. Следит за каждым моим шагом, пальцем пошевелить не дает! Я шутливо нахмурилась и двинулась к своей машине.

Глава 23

СУДЬБОНОСНОЕ РЕШЕНИЕ

Отец плавно вел автомобиль и задумчиво курил в открытое окно. Я спросила:

— Что мне делать, папа?

Он ответил вопросом:

— А что ты хочешь делать?

— Не знаю, — я пожала плечами, — меня ничего не интересует, кроме него...

Отец понимающе кивнул и сказал:

— Видишь ли, дочка. Для любви, о которой ты сейчас грезишь, нужна свобода. Любые ограничения унижают ее, делают похожей на кошмар. Я это точно знаю. И хотя на сто процентов убежден, что ты смогла бы многое сделать, став Ясной, все же призываю тебя остаться простой девчонкой и пожить нормальной, человеческой жизнью. Выйти замуж, родить детей. А там, глядишь, и призвание твое отыщется.

— Но без Роберта мне это не нужно, — решительно сказала я, — а он — Ясный. Ему нельзя жить нормальной жизнью. Он должен приказы выполнять. Насколько мне известно, ему даже любить не разрешается.

— И тем не менее он полюбил, — хмыкнул мой папаша, глядя на дорогу, — человека в нем не убить. Никогда. Каким бы крутым он ни был. И дело тут совсем не в даре, которого у тебя уже нет. Кстати, я понял, зачем эта Оля к твоей руке подбиралась. Она тоже хотела тебе линию стереть, чтобы ты перестала интересоваться Ясных. А потом уже убить. Для пущей уверенности.

— А чем она хотела заинтересовать Ясных, чтобы ее приняли?

— Жестокостью, верностью, непоколебимым стремлением стать одной из нас.

— А это что, у вас ценится превыше всего?

— У нас превыше всего ценится талант и стремление к справедливости. А этого у девочки не было...

— Значит, я не заинтересую ваше начальство? — робко спросила я. — Таланта у меня больше нет.

— Еще как заинтересуешь, — спокойно ответил отец, — в тебе таится столько возможностей, что только держись. Другое дело — нужно ли тебе, чтобы тобой заинтересовались. Пойми, Мила, если ты станешь одной из нас, тебе придется распрощаться с Робертом. Я думаю, он уже намекал тебе на это. У нас запрещены служебные романы. Это опасно.

— Лиза и Герберт! — воскликнула я, хлопнув себя по лбу. — Вот почему они скрывают свои чувства от других и от себя самих!

Отец кивнул.

— Тебя будут всячески оберегать от каких-либо лишних эмоций, окружают вакуумом. Будет не до любви.

— Роберт мне не сказал...

— Наверное, хотел, чтобы ты сама решила, что тебе нужно — бесконечная власть, бессмертие или... любовь. Такая хрупкая, такая воздушная, не дающая человеку ничего, кроме блаженства. Нет гарантии, что она не закончится завтра или через месяц и ей на смену не придут разочарование, боль, слезы. А может, все будет как в сказке — они жили долго и счастливо...

— А так бывает? — недоверчиво спросила я.

— Бывает, — кивнул отец.

— А если я выберу любовь, дадут ли нам с Робертом быть вместе? Не заберут ли его у меня? Ведь он должен выполнять свою миссию?

— А может, его миссия — любовь? — загадочно улыб-

нулся отец. — Может, ты — награда за все сложности, которые были в его жизни?

— А если нет?

— Сначала надо выбрать, чего ты сама хочешь. А получишь ты это или нет — время покажет. В жизни нельзя быть ни в чем уверенным на сто процентов, — неопределенно ответил отец.

Мы подъехали к моему дому, и он загнал машину под навес. Мать выглянула из окна и торопливо выскочила на улицу. Я кинулась к ней и с укором воскликнула:

— Мам, ну, накинула бы что-нибудь на себя, не май месяц на дворе!

Отец попросил моего разрешения взять «Мазду» и укадил к себе. На прощанье он многозначительно посмотрел на меня, и я коротко кивнула в ответ. Мать молча наблюдала за нашим безмолвным диалогом, а когда мы вошли в дом, спросила:

— А что с его машиной-то стало?

— Разбил, — равнодушно ответила я, — ничего, он себе завтра новую купит.

— Как у вас все легко! Разбил машину — купил другую... И откуда столько денег?

Заворчав, она пошла на кухню готовить чай. Я крикнула ей вслед:

— Мам, я пошла спать!

Она не стала меня останавливать, — видимо, привыкла к моей самостоятельности. Как жаль, что я не могу ей все рассказать! Представляю, как бы она отреагировала на такой текст: «Мам, я вот думаю, становиться мне Ясной или нет? Если выберу первый вариант, меня сначала аккуратно убьют, а потом, когда пульса уже не будет, в течение первых трех минут введут специальную малоизученную вакцину. Точнее, ее уже испытывали однажды на моем парне Роберте, — по крайней мере, я надеюсь, что он мой парень. Помнишь его? Мы сегодня с ним чуть не занялись любовью, но внезапно появился отец, который тоже Яс-

ный, если ты не в курсе, и помешал нам. Но ты не пугайся! Роберт хороший. Он несколько раз спасал меня от смерти, так что ему можно доверять! А если я не захочу стать Ясной, меня ждет неопределенное будущее. Ведь не факт, что отец Роберта позволит нам быть вместе. А без Роберта я жить не хочу. Если нас разлучат, то я наверняка сделаю, как папочка: разгоню машину и врежусь в бетонный забор. И, в отличие от него, своей цели я добьюсь. А он не погиб, потому что недостаточно хорошо горел...»

Представив реакцию мамы, я рассмеялась и подумала, что все должно быть хорошо. Зачем заранее расстраиваться?

Я приняла душ и легла в постель. В голове крутилось одно: «Утро вечера мудренее. Может, не стоит сейчас надумывать лишнее, а лучше уснуть, чтобы с утра выглядеть свежей и бодрой?» На том и остановилась, немедленно провалившись в глубокий сон.

Утро следующего дня было пасмурным и серым. Низкое небо затянули тучи, и я, глядя в окно, во всем искала знаки. «Может, Ясные именно так сегодня меня примут? Как на меня отреагирует отец Роберта? Что он решит? А вдруг заставит меня поступать так, как мне не захочется? Смогу ли я выжить? Или, может, проклятый препарат подействует как-то иначе?»

Теперь, когда до важной встречи оставались считанные часы, я запаниковала.

С трудом оторвавшись от окна, я подошла к зеркалу и внимательно себя осмотрела. «Что ж, неплохо». Волосы, тщательно вымытые еще вчера, в доме Роберта, по-прежнему лежали на плечах изящными локонами. Лицо было свежим, отдохнувшим, только немного бледным. Я взяла немного румян цвета загара и провела большой кистью по щекам и скулам. Немного туши для ресниц, и я закончила свой утренний туалет.

Встав у шкафа, я задумалась: «В чем же пойти? С одной стороны, я познакомлюсь с отцом моего любимого — зна-

чит, надо одеться просто и мило. Например, надеть шелковое платье в цветочек. Но такие вещи не принято носить зимой. Да и непрактично: я не в гости иду, а в главный офис или как это там у них называется. По идее, надо бы надеть что-нибудь простое и строгое, вроде делового костюма». Я представила себе, как шагаю по длинному коридору, виляя бедрами, обтянутыми узкой юбкой чуть выше колен. А Роберт идет за мной следом и не отрывает от меня восхищенного взгляда. «А что? Неплохо. Жаль, у меня нет таких костюмов».

Я оглядела содержимое шкафа. Немного поразмыслив, натянула узкие черные джинсы, объемное длинное платье-свитер с умильной кошкой на груди. Образ решила дополнить коротенькими сапожками от Майка Якобса и черным пуховичком с капюшоном, отороченным мехом.

Зазвонил мобильник, и Роберт, волнуясь, сказал, что будет минут через пять. Он попросил меня не задерживаться, и я поскакала вниз. Хотелось увидеть маму — мало ли что будет потом, — но ее дома не оказалось.

Услышав, как подъезжает машина, я помчалась к двери, на ходу застегивая пуховик.

Знакомый «Рэйнджер» стоял у ворот, и я поспешно открыла дверцу. Роберт сидел за рулем и смотрел прямо перед собой.

— Привет! — чересчур весело сказала я. — Хорошая сегодня погода, не правда ли?

Роберт перевел взгляд на серое небо и мрачно ответил:

— Мне бы твой оптимизм.

— Посмотри на меня! — приказала я ему. Он легко повиновался, как будто был послушным ребенком, а не взрослым, сильным мужчиной.

— Что? — растерянно спросил он.

— Все будет хорошо.

Мы тронулись с места и заскользили к шоссе по извилистой дороге, белой от снега. Роберт молчал. Я пре-

красно понимала, почему он невесел. В его голове сейчас теснились страшные видения, одно другого ужаснее. Он не понимал, чего ждать от своего отца. Машину он вел нервно, постоянно подрезая других, и я даже несколько раз вскрикивала от страха.

Мы проехали несколько километров по МКАД и вырулили на проспект Вернадского. Я отлично знала это место и всегда старалась его избегать: движение машин в том районе буквально заблокировано дурацким разворотом. Им часто пользуются водители автобусов, троллейбусов и маршруток, заполняя собой все пространство и мешая всем остальным.

Тем не менее Роберт ехал именно по этому проспекту. Мы проехали поворот на улицу Крупской, и он немного нарушил правила дорожного движения, чтобы развернуться. После этого он съехал на параллельную дорожку и повернул направо. Мы еще немного проехали, удаляясь от гудящего шумного проспекта, и вскоре оказались у въезда в подземный паркинг. Он не примыкал ни к одному дому, и мне показалось, что это просто парковка, а до нужного места придется добираться пешком.

Мы заехали внутрь и стали спускаться все ниже и ниже. В кромешной темноте, освещаемой лишь светом фар, то и дело вспыхивали красными таблички, обозначающие номер уровня, который мы проезжали. Вот мы миновали девятый уровень, затем десятый, а Роберт все не останавливался. Я никогда не спускалась так глубоко под землю, и мне стало слегка не по себе. Я глубоко вздохнула, пытаюсь подавить панику. Роберт услышал и крепко сжал мою руку.

— Это с непривычки. Пройдет, — успокоил он.

Я молча кивнула, но волнение нарастало, и с ним невозможно было справиться.

Мы миновали двадцатый уровень, и Стронг наконец-то заехал в огромный зал, вымощенный белыми мрамор-

ными плитами. Справа и слева были обозначены цифрами места для парковки. Кое-где стояли крутые машины вроде «Астон Мартин» и «Бентли». «Да, ничего себе гараж!»

Роберт бросил «Рэйнджер» прямо посередине огромного зала и, не вынимая ключа из зажигания, вышел наружу. Обойдя джип, он подошел к моей дверце и помог мне выбраться. Я вся дрожала. Роберт взял меня за руку, и мы вместе зашагали в глубь помещения. В небольшом холле нашлось четыре лифта, по два с каждой стороны. Там же высилась громадная кадка с каким-то невиданным экзотическим растением. Его листья, треугольные и неправдоподобно длинные, вырастали из ствола прямо так, без черешков. Ветвистый ствол упирался в потолок.

Роберт заметил мой интерес к этому чуду природы и объяснил как бы нехотя:

— Это лепидодендрон. Давно вымерший вид. Он рос в каменноугольный период.

Я охнула.

— Мой отец увлекается. На земле этот вид вымер, а у нас, как видишь, жив и здоров. Правда, скоро придется его пересаживать в другой горшок, побольше. Ведь это, можно сказать, почти черенок. Взрослые лепидодендроны вырастают до тридцати пяти метров. Я и не думал, что такие штуки еще могут кого-нибудь удивлять, — потеплевшим голосом сказал Роб.

— А ты чаще води сюда простых студентов, — посоветовала я, — ботаников например. Они здесь вообще с ума сойдут.

Роберт не ответил. Через секунду створки лифта бесшумно распахнулись, и я решительно шагнула в кабину. Любимый последовал за мной. Мы встали друг против друга, и я почувствовала, как сознание заполняет прекрасная мелодия, негромко струящаяся из невидимых динамиков. Я оглянулась: все стены, от пола до потолка, были в зеркалах с золотой подсветкой. Я восхищенно приоткрыла рот.

Он все еще не нажимал на кнопку, словно забыл, на какой этаж нам было нужно.

— Скажи, — тихо попросил он меня, — я нажму ту кнопку, которую скажешь.

Я хотела было удивиться, но потом подумала, что это глупо, и твердо сказала:

— Двадцать два. Твой возраст. — Затем кашлянула и добавила: — Твой официальный возраст.

Роберт усмехнулся и прошептал:

— Я знал, что у тебя много талантов. Просто лишний раз убедился в этом.

Затем он нажал на кнопку, и лифт плавно двинулся, но почему-то вниз. «Двадцатый уровень парковки... Двадцать этажей вниз, значит... Плюс двадцать два... То есть мы скоро прибудем на минус сорок второй этаж! Эй, а я смогу там дышать?!»

— У тебя клаустрофобия? — догадался Роберт, глядя на меня.

— С чего ты взял? — поспешно возразила я.

— Это скоро пройдет, — пообещал он.

Лифт плавно остановился, створки распахнулись. Я глубоко вдохнула и шагнула вперед, в пугающую неизвестность. В глаза хлынул яркий солнечный свет. Сначала я приняла его за сияние тысячи мощных лампочек, но вскоре заметила, что он льется из громадных окон. «Откуда солнце — в подземелье?!»

Мои мысли испарились, как только я почувствовала чью-то ладонь на своем плече. Я обернулась и с облегчением сказала:

— Лиза! Как я рада тебя видеть! Со мной Роберт и ты, значит, все будет хорошо...

Девушка, одетая в длинное платье из мерцающей ткани, тихо ответила:

— Сделаю все, что в моих силах, чтобы защитить вашу любовь. Пойдемте, вас ждут.

С этими словами она двинулась вперед, легко пересту-

пая по светлому полу изящными ногами, обутыми в легкие босоножки без каблука. Мы с Робертом последовали за ней, отстав на пару шагов. Я спросила шепотом:

— Признавайся, кто она на самом деле?

— Она появилась здесь, на земле, одна из первых.

— Ясная мать? — догадалась я. — Понятно. Это сколько же ей лет?

Лиза обернулась и с улыбкой посмотрела на меня. Я смущенно остановилась.

— Что меня ждет, Лиза? — почти крикнула я.

— Посмотрим, что скажет Отец. Но одно я знаю точно. В вашем с Робертом доме тебя ждет елка, украшенная шарами и цветными фонариками, как ты и просила вчера. Он наряжал ее всю ночь, чтобы тебя порадовать.

Я с облегчением вздохнула и сказала:

— Пожалуй, больше меня ничего не интересует. Это все, что нужно для счастья.

Лиза кивнула и снова зашагала вперед, увлекая нас за собой по длинному коридору в загадочное и непостижимое будущее. Роберт крепко держал мою руку, а я улыбалась.